Владлен СИРОТКИН

СТАЛИН

КАК ЗАСТАВИТЬ ЛЮДЕЙ РАБОТАТЬ?

ВЛАДИЛЕН СИРОТКИН

СТАЛИН. КАК ЗАСТАВИТЬ ЛЮДЕЙ РАБОТАТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для подавляющего большинства современных отечественных историков и политологов (в отличие от зарубежных[1]) аксиомой является то, что Н. С. Хрущев, М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин пытались реформировать «сверху» именно *сталинскую модель советского режима.*

То, что для западных исследователей («троцкизм», «бухаринизм», «сталинизм» и т. д.) является всего лишь *оттенками* одного *ленинизма* (хотя есть и исключения — цикл работ американца Роберта Такера[2]), для российских историков носит принципиальный характер. Правда, чаще всего в центре внимания исследований оказывалась негативная сторона *сталинизма* — репрессии против «спецов» в 1928—1933 гг. и собственных коммунистов и военных в 1934—1938 гг., варварские коллективизация и индустриализация, идеологическое обрамление своего режима («Краткий курс», 1938 г.) и т. п.[3]

Но при этом все те объективные последствия сталинских реформ «сверху» — создание партийно-советской номенклатурной системы, всесильных наркоматов, не федеративного, а унитарного СССР («русификация» национальных окраин — совместное постановление ЦК и СНК СССР 13 марта 1938 г. «Об обязательном преподавании русского языка в школах национальных республик и областей»), новый тип армии (воссоздание офицерского корпуса) и т. д., которые кардинально изменили первоначальную доктринальную установку большевиков в 1917 г. (мировая пролетарская революция, создание «мирового» СССР, отмирание государства — армии, полиции, денег и т. д.),— все это, как правило, оставалось за рамками серьезных отечественных исследований (об апологетических панегириках типа книги «Генералиссимус», 2002 г., в двух томах, изданных в Калининграде, бывшего советского «литературного генерала» *Вл. Карпова, речь* здесь не идет; вместе с тем даже среди нынешних апологетов генералиссимуса встречаются попытки серьезно разобраться в феномене *сталинизма*[4]).

Спору нет — по целому ряду конкретных «партийных тайн» (например, о закрытых пленумах ЦК в 1937—1938 гг. и др.) в 90-х гг. были сделаны сенсационные открытия.

Когда в 1992—1994 гг. небольшая группа особо доверенных историков (ген. Дм. А. Волкогонов, В. Т. Логинов, А. Г. Латышев, В. П. Наумов, Ю. Н. Жуков и др.) на короткое время были допущены в сверхсекретный «архив Политбюро» (ныне — вновь закрытый Архив Президента РФ) к «особым папкам» Политбюро и ЦК партии (а некоторым историкам, например, Ю. Н. Жукову и А. Г. Латышеву, разрешили даже снять копии), обнаружилась страшная партийная «тайна»: оказывается, с 1946 г. Сталин перенес три

---

[1] См., напр.: *Kennan G.* The Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1960; *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964—1994 гг. М., 1996; *Безансон Ален.* Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998; *Кьеза Дж.* Прощай, Россия! М., 1997, и др.

[2] *Tucker Robert.* Stalinizm. New York, 1977. См. также: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти, 1879—1929 (история и личность). М.: Прогресс, 1990.

[3] См., в частности: *Медведев Рой.* О Сталине и сталинизме. М., 1990; Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991; Литературный фронт. История политической цензуры. 1932—1946 гг. Сб. док. М., 1994; Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ, 1917—1960 гг. / Под ред. акад. А. Н. Яковлева (Международный фонд «Демократия»). М., 1997; *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Вокруг Сталина (историко-биографический справочник). СПб., 2000 и др.

[4] Речь, в частности, идет о дилогии молодого историка *Ю. В. Емельянова* «Сталин: путь к власти» и особенно «Сталин: на вершине власти» (М.: Вече, 2002). См. также: *Семенов Сергей, Кардашов Владислав.* Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М., 1997.

тяжелейших инфаркта (в 1946, 1947 и 1950 гг.), а четвертый удар (инсульт) — в начале марта 1953 г. — доконал его окончательно.

В одной из таких «особых папок» историки обнаружили потрясающий документ: решение Политбюро от 16 февраля 1951 г. (в отсутствие Сталина) о том, что, начиная с 17 февраля, председательство на президиуме Совета Министров СССР (председателем Совмина, как известно, был Сталин) «возложить поочередно на заместителей председателя Совета Министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова», но при этом «постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью тов. Сталина И. В.» (из интервью *Ю. Н. Жукова* обозревателю «Российской газеты» Александру Сабову, июль 2002 г. — рукопись[1]: *архив автора*).

История повторялась: сначала Ленин с мая 1922 г. лежал в Горках «живым трупом», теперь Сталин с февраля 1951 г. как бы занял его место, разве что обретался не в Горках, а на «ближней» кунцевской даче в Волынском.

В свете этих новых фактов о здоровье и психическом состоянии «вождя всех времен и народов» (с февраля 1951 г. впал в «почти маразм». — *Ю. Н. Жуков*) велик соблазн списать все последующие акции Сталина — войну в Корее, «дело врачей», выступление на Пленуме ЦК КПСС в октябре 1952 г. со смертельными угрозами по адресу «старой гвардии», планы вторжения на Аляску и т. д. — на его «сумасшествие» (Н. С. Хрущев).

Думается, однако, что это слишком упрощенный подход, воскрешающий методу Сталина в отношении «сумасшедшего» Ленина в Горках, который якобы лишь будучи в полном маразме мог требовать «переместить» еще недавно «чудесного грузина» с поста генерального секретаря партии.

Тем более что, как мы увидим ниже, основным протагонистом версии о «сталинском сумасшествии» (особенно в своих мемуарах) выступал главный разоблачитель культа личности — *Н. С. Хрущев.* И, как теперь оказалось, далеко не случайно: будучи первым секретарем Московского обкома и горкома партии, будущий «разоблачитель» в 1937 г. активно выпрашивал у Политбюро «лимиты на расстрел» рядовых «врагов народа»: «к расстрелу — кулаков 2 тыс., уголовников — 6,5 тыс.; к высылке кулаков — 5869, уголовников — 26936 чел.» (подписи: *Хрущев, Редденс,* начальник НКВД по Московской области — *шифрограмма из «особой папки» Политбюро*).

И таких «рядовых мясников» — исполнителей на уровне обкомов было немало[2], но особенно прославились своей кровожадностью в 1937 г. трое — Н. С. Хрущев, первый секретарь Куйбышевского обкома, кандидат в члены Политбюро П. П. Постышев и первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, кандидат в члены Политбюро латыш Р. И. Эйхе (двух последних даже завышенные «лимиты на расстрел» от сталинских репрессий не спасли — в 1939—1940 гг. они были репрессированы).

Судя по рассекреченной «особой папке» Политбюро со стенограммой январского (1938 г.) закрытого Пленума ЦК ВКП(б), все трое «мясников» фигурировали в докладе Г. М. Маленкова 14 января 1938 г. на Пленуме как «перегибщики» (при этом Постышев огрызался: у него в области, оказывается, все сплошь «враги» да «шпионы» — за такое «нарушение» партдисциплины на том же пленуме он был исключен из кандидатов в члены Политбюро и вскоре арестован[3]), причем персонально по Хрущеву Маленков

---

[1] Даже в 2002 г. главный редактор «Российской газеты» побоялся опубликовать это обстоятельное, рассчитанное на несколько газетных номеров интервью своего обозревателя. В сильно сокращенном виде оно увидело свет почти год спустя в «Литгазете» — см.: «ЛГ», № 9, 5 — 11.03.2003 г. («Культовая механика»).

[2] Еще на октябрьском (1937 г.) Пленуме ВКП(б), посвященном выборам в советы по новой «сталинской» конституции 1936 г., первый секретарь Курского обкома Пескарев признал: «Судили незаконно». Бригада работников Верховного суда и Прокуратуры СССР, приехавшая в Курск из Москвы летом 1937 г., отменила «56% приговоров как незаконно вынесенных; больше того, 45% приговоров оказались без всякого состава преступления». Цит. по: *Жуков Ю. Н.* Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. 1938—1954. М., Терра — Книжный клуб, 2000, с. 43.

[3] *Хлевнюк О. В.* Политбюро: механизм политической власти в 30-е годы. М., 1996, с. 238.

отметил: «Проведенная в Москве проверка исключений из партии и арестов обнаружила, что большинство осужденных вообще ни в чем не виноваты».

Усердие обкомовских «мясников», судя по докладу Маленкова, напугало даже самого «вождя краснокожих» — Сталина: ведь «красное колесо» (А. И. Солженицын) покатилось по стране самостоятельно и бесконтрольно («первые секретари подмахивают даже не списки осужденных «тройками», а всего лишь две строчки» с указанием численности «врагов народа».— Из доклада Маленкова на Пленуме).

Отражением этого страха перед «красным колесом» стало издание стенограммы январского Пленума 1938 г. под грифом «строго секретно» и рассылка этой страшной брошюрки по обкомам и горкомам ВКП(б). Приводимые в брошюрке цифры (из доклада Маленкова) просто ужасали: только за 1937 г. из партии было исключено около 100 тыс. коммунистов, но 65 тыс. из них подали в КПК при ЦК ВКП(б) жалобы на необоснованность исключения, и апелляции тех из них, что дошли до Москвы, на 75% были удовлетворены — КПК восстановило этих «лишенцев» в партии.

Впрочем, не все члены сталинского Политбюро видели в этом трагедию. *Лазарь Каганович,* например, на том же Пленуме оценил это «красное колесо» 37-го года как год «большевистского воспитания» и «закалки, которую мы в обычное время не получили бы и за десять лет» (см. *Ю. Н. Жуков.* Указ. соч., с. 48—51).

Косвенно Каганович признал, что эта «большевистская закалка» — результат гигантской волны доносов в НКВД, которые писали рядовые «сталинские винтики» друг на друга. Ю. Н. Жуков абсолютно прав: «Наш народ всегда обожал писать доносы на ближнего своего, особенно — всякий раз, когда наступало «смутное время» (в подтверждение автор ссылается на пьесу Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» времен Николая I, запрещенную к постановке даже в царской России из-за сцены фабрикации доноса в полицейском околотке, когда Тарелкин активно «сотрудничает» с полицейским следователем (из интервью Ю. Н. Жукова «Российской газете», июль 2002 г.).

Хрущев, в отличие от Постышева, на этом январском пленуме 1938 г. благоразумно промолчал — формально, потому, что именно этот Пленум освободил его от обязанностей первого секретаря Московского обкома и горкома партии и назначил первым секретарем ЦК компартии Украины.

Но, судя по рассекреченным шифрограммам в Политбюро, выводов из критики Хрущев (как и Постышев) не сделал: первое, что он свершил, приехав в Киев — запросил у Политбюро «повышенные» лимиты на расстрел на 30 тыс. «врагов народа».

Но когда пришла его очередь карабкаться на вершину партийно-государственного Олимпа, используя в качестве рычага осуждение «сталинских репрессий», Хрущев очень осмотрительно пользовался этим рычагом: первым делом как член «тройки» по бумагам Сталина он изъял из архива Политбюро и ЦК компрометирующие его как «мясника» документы (хотя, как теперь стало известным, далеко не все).

Но, увы, и эти новые (хотя и частные) сенсационные открытия в «особых папках» Политбюро и ЦК не изменили общего принципиального *методологического* подхода даже этих «новых историков» в оценке глубинных внутренних и внешних причин победы «сталинизма» над «троцкизмом».

В итоге допущенные к «особым папкам» историки либо остались на уровне газетных сенсаций о «рассекреченном Ленине»[1], либо стали обслуживать нового «хозяина» — Б. Н. Ельцина, обмазывая одной черной краской всех теоретиков и практиков большевизма как предтеч «коммуно-фашизма» (серия работ генерала Д. А. Волкогонова о Ленине, Троцком и Сталине).

Словом — в который раз! — сбылось пророчество Н. А. Бердяева из сборника статей о русской интеллигенции («Вехи», 1909 г.): «Деление философии на «пролетарскую» и

---

[1] *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996.

«буржуазную», на «левую» и «правую», утверждение двух историй: полезной и вредной — все это признаки умственного, нравственного общекультурного декаданса».

Этот явный уклон либо к дешевой сенсационности «на злобу дня», либо к очевидной ангажированности (идеологическому обслуживанию уже не «троцкизма» или «сталинизма», а «демократического ельцинизма» с его псевдонациональной идеей) подвигнул двух докторов наук, двух Юриев Николаевичей — *Афанасьева,* бывшего ректора РГГУ и зав. кафедрой истории науки в том же университете, и *Жукова,* ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН — к попытке преодолеть «бердяевское проклятье» и встать выше партийного деления истории на «полезную» и «вредную».

Большой коллектив авторов РГГУ под руководством проф. Ю. Н. Афанасьева попытался переосмыслить историю советского общества, выдав «на-гора» любопытный двухтомник, написанный, однако, в диссидентском духе (по типу первой книги такого рода — «Утопия у власти» *А. М. Некрича* и *М. Я. Геллера;* кстати, оба — авторы и «афанасьевского» труда)[1].

Прямо противоположный диссидентской оказалась *книга Ю. Н Жукова.* Несмотря на «сенсационный» заголовок (модное требование современных коммерческих издательство — «Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков, 1938—1954 гг.»), автор очень продуктивно использовал оказавшиеся доступными ему «особые папки» Политбюро, а также стенограммы рассекреченных пленумов ЦК КПСС, хранящиеся в РЦХИДНИ — Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (быв. ЦПА — Центральный партийный архив при ЦК КПСС).

Но главное в фундированной работе автора даже не то, что он вводит в публичный научный оборот массу ранее неизвестных архивных или уже давно забытых фактов (например, публикацию в «Правде» 14 февраля 1938 г. «Письма т. Иванова и ответа т. Сталина»: этот вполне «троцкистский» ответ вождя — «победа социализма в нашей стране не является окончательной», к 1938 г. в СССР победил не социализм, но всего лишь «социалистическое строительство», а окончательная «победа» возможна «только в международном масштабе» и т. д.[2]), а его очень продуктивная попытка увязать внутреннюю и внешнюю политику «сталинизма» с полным крахом прежней большевистской («троцкистской») *доктрины мировой пролетарской революции,* под неизбежное торжество которой были созданы и Коминтерн, и СССР, и вся структура советского общества 1919—1936 гг. (авторы «Советского общества» обходят эту проблему стороной).

С совершенно иной стороны вышел на проблему *сталинизма* 30-х гг. прошлого века очень оригинальный российский историк *Вильям Похлебкин* (к сожалению, безвременно погибший). Специалист по Скандинавии и внешней политике дореволюционной России, В. В. Похлебкин прославился не этими академическими трудами, а своим научно-популярными работами на «бытовую тему» — о водке, чае и других продуктах массового народного потребления. Но эти исследования талантливого автора— менее всего «поваренные книги»: он постоянно увязывал потребление водки или чая с *политикой властей,* что для советской науки было совершенно необычным и даже

---

[1] Советское общество (возникновение, развитие, исторический финал). Т. 1—2 / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., РГГУ, 1997.

[2] Именно из-за этого «троцкизма», справедливо пишет Ю. Н. Жуков, эта «статья Сталина сразу же оказалась как бы забытой; ее обошли гробовым молчанием и СМИ, и пропагандисты и партийные лидеры...» *(Жуков Ю. Н.* Указ. соч., с. 54). А ведь этот «сталинский ответ», помимо «Правды», был издан большим тиражом отдельной брошюрой в том феврале 1938 г.; этот очень важный, но совершенно забытый факт свидетельствует: у «вождя» явно были большие колебания относительно «окончательной победы социализма» в одной стране. — *Прим. авт.*

опасным (достаточно сказать, что ключевую главу из своей «Истории водки» — «Водка и идеология» — он смог опубликовать лишь в 2000 г.[1]).

Оказывается, большевики-коминтерновцы продлили «сухой закон» Николая II в 1914 г. до 1925 г., когда в условиях нэпа вынуждены были его отменить, но строго контролировали монополию на продажу спиртного и через общественность (партию, комсомол, профсоюзы) карали пьяниц, что отметила в 1925 г. даже делегация британских тред-юнионов, посетившая в ноябре — декабре 1924 г. российское Нечерноземье и Северный Кавказ[2].

Сталин же, вводя в 1936 г. свою конституцию, одновременно снял «троцкистские» запреты на пьянство и даже, по Похлебкину, в 1936—1940 гг. поощрял его, дабы выбить «пуританский дух и пуританскую идеологию старой ленинской гвардии» *(Похлебкин В. В.* Указ. соч., с. 337). Одновременно НКВД использовало эту пьянь, особенно в среде интеллигенции, для сбора информации о критиках режима сталинизма (исходя из старой притчи: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке).

Наоборот, Ю. Н. Жуков увязывает реформаторскую деятельность Сталина («новый курс», закрепленный в конституции 1936 г.) главным образом с угрозой вооруженного нападения «капиталистического окружения» на СССР и, в случае его поражения, реставрацией капитализма в бывшем «отечестве мирового пролетариата».

Отсюда, по Ю. Н. Жукову, и неожиданное для многих рядовых членов ВКП(б) вступление СССР в 1934 г. в Лигу Наций, которую партийные публицисты еще в том же году иначе как «Лигой убийц» не называли (см., например, статьи «разоружившегося троцкиста» члена редколлегии жур. «Большевик» бывшего председателя *ИККИ Г. Е. Зиновьева* в этом журнале в 1932 *г.).*

Отсюда и борьба СССР в 1934—1938 гг. за европейскую коллективную безопасность как средство защиты от неминуемой агрессии гитлеровской Германии, к вооруженному отражению которой, по мнению автора, в 30-х гг. Сталин еще не был готов.

Вся эта аргументация в значительной мере справедлива, но она навеяна традиционной концепцией авторов «Внешней политики СССР» под редакцией А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева о постоянной борьбе советской дипломатии за мир и мирное сосуществование.

На деле же Сталин был готов заключить пакт о ненападении не только с Францией и Чехословакией, но и с Гитлером (что он и сделает в августе 1939 г.). А в 1929—1932 и в 1933—1934 гг. он пошлет «разоружившегося троцкиста» Карла Радека с секретными миссиями в Берлин для установления контактов с нацистскими бонзами — как до, так и после их прихода к власти.

И уж если Сталин столь панически боялся фашистской агрессии (а нацистский «дранг нах Остен» был известен большевистским лидерам по гитлеровской «Майн Кампф» с 20-х гг., ибо уже тогда ее «для служебного пользования» перевели для верхушки ВКП(б)), то зачем же ему надо было, по свидетельству беглого советского дипломата *Григория Беседовского,* еще в 1929–1932 гг. через все того же К. Радека снабжать нацистов деньгами?

Наступление XXI века и приход к власти в России вместо Ельцина нового президента, *Путина,* не изменило прежнюю расстановку ученых в оценках сталинизма и личности Сталина, по Бердяеву, на «левую» и «правую». Правда, «правых» (бывших «демократов») существенно подкосили думские выборы в декабре 2003 г. — ни «Союз правых сил», ни «Яблоко» впервые с 1993 г. в парламент не прошли. Но и традиционные «левые» — КПРФ и ее союзники потеряли в 2003 г. половину своих избирателей и,

---

[1] *В. В. Похлебкин.* История водки. М. Центрполиграф, 2000, с. 332—353.

[2] Россия. Официальный отчет делегации британских тред-юнионов. Пер. с англ. М., ВЦСПС, 1925, с. 148, 156—157.

соответственно, мест в Думе, что объективно свидетельствовало о *глубоких изменениях в политических симпатиях электората.* Еще более тревожным для наследников Ельцина стало «голосование ногами» и «против всех» — до 50% не явившихся на выборы или проголосовавших против всех кандидатов в «думцы».

Эта поляризация российского общества на «бедных» и «сверхбогатых» уже при Путине косвенно отразилась и на научном мире. С одной стороны, усилилась тоска по «сильной руке» (Сталину?), что, например, отчетливо проявилось на трехдневной конференции в МГУ в марте 2002 г. экономистов, философов, историков и других гуманитариев[1].

С другой стороны, активная группа молодых ученых-неомарксистов из того же МГУ из оформившейся еще в середине 90-х гг. прошлого века международной ассоциации «Ученые за демократию и социализм» (ныне «Общероссийское общественное движение «Альтернативы» — по названию одноименного журнала на русском и английском языках), в годы горбачевской перестройки — теоретики «Марксистской платформы в КПСС» (профессора МГУ А. В. Бузгалин, А. И. Калганов и др.) и уже заявивших о себе в 1990—2001 гг. рядом своих серьезных работ[2], категорически выступали против идеи «сильной руки» в форме «мутантного социализма» Сталина[3].

Соглашаясь со всеми упомянутыми выше авторами в их отдельных критических оценках «феномена сталинизма», нельзя не отметить один общий для всех них изъян: изъятие *«возвышения» Сталина из контекста европейской и мировой истории.*

Истоки этого «возвышения» следует искать не во вступлении СССР в Лигу Наций, не в Восточном пакте и даже не в переориентации VII Всемирного конгресса Коминтерна в 1935 г. от борьбы с социал-демократами на союз с ними в рамках «народных фронтов» (все эти события — суть следствия), а в *кардинальном изменении мировой экономики, финансов и политики, вызванном мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., драматически подведшим жирную черту под мировым хозяйством XVIII, XIX и почти трех десятилетий XX века.* Именно после этого кризиса мировая экономика вступила в качественно новый этап развития.

А все рассуждения об идущем от Троцкого «мутантном социализме», «отступлении» от марксизма и ленинизма и т. п. применительно к Сталину сродни стенаниям о «ревизионизме» (отступлении от Бога) Ивана Грозного, Петра Великого или предательстве Наполеоном Бонапартом «революционных заветов» его бывших друзей — якобинцев.

* * *

Исполнившийся в марте 2003 г. 50-летнюю годовщину со дня смерти Сталина послужил еще одним поводом к изучению «Феномена Сталина»: так называется толстый сборник статей, в основу которых легли выступления ученых России на трехдневном научном семинаре Центра общественных наук при экономфаке МГК в марте 2003 г. (См.: Феномен Сталин. М. — Краснодар, 2003, 560 с.).

На, казалось бы, давно данный еще *Роем Медведевым* в его книге «О Сталине и сталинизме» (М., 1990) ответ — «изверг рода человеческого», а его режим — это ГУЛАГ, на дебатах в МГУ прозвучали далеко не однозначные оценки.

---

[1] К 50-летию со дня смерти Сталина, в марте 2003 г., материалы этой конференции вышли толстенным томом (560 с.!). См.: Феномен Сталин / Под ред. проф. Ю. М. Осипова и др. М. — Краснодар, 2003.

[2] См., в частности, *Калганов А. И.* Путь к социализму: трагедия и подвиг. М., 1990; *Бузгалин А. В.* Будущее коммунизма. М., 1995; *Бузгалин А. В., Калганов А. И.* (отв. ред.). Критический марксизм (продолжение дискуссий). М, 2001. См. также: *Воейков М. И.* Споры о социализме: о чем пишет русская интеллигенция? М., 1999.

[3] *Бузгалин А. В., Калганов А. И.* Сталин и распад СССР. М., 2003.

Скажем, а что это такое — *сталинизм?* Это — обыкновенный *фашизм* или нечто другое? Тогда почему сегодня такая тоска по Сталину (но не по Муссолини и Гитлеру), причем не только у пожилых, особенно у ветеранов войны, но и у молодежи?

Понятна горечь и неприязнь к Сталину тех, у кого от сталинских репрессий погибли близкие. А если не погибли?

Ответственный редактор сборника «Феномен Сталин» и научный руководитель Центра общественных наук при экономфаке МГУ проф. *Ю. М. Осипов* так определил в своем предисловии к сборнику поставленную перед участниками трехдневной дискуссии задачу: «И вот перед нашим всепонимающим взором феномен, который мы позволим себе определить, как феномен Сталин. Речь идет, конечно, не столько о личности Иосифа Сталина (Джугашвили), сколько о том, что происходило в реальности в связи с личностью Сталина и что получило такие именования, как «сталинизм», «сталинская эпоха», сама тогдашняя реальность, к тому же действительно феноменальная — в смысле неординарности» («Феномен Сталин», с. 5).

И далее автор предисловия уточняет: «О Сталине и сталинизме надо думать и говорить... Не феномена Ленина и ленинизма, как и не Маркса с марксизмом, хотя все это тоже знаменательно, а именно Сталина и сталинизма, что есть не одно лишь якобы восстановление Российской империи, как многим кажется, и уж тем более не одно лишь строительство социализма, как кажется еще большему кругу наблюдателей, а есть строительство новой цивилизации, если не нового — альтернативного и западному и восточному — мира» (там же, с. 6).

Следует отметить, что такой подход к феномену «Сталин» — сталинизм есть попытка строительства «новой цивилизации» — в последние годы набирает силу. Об этом пишут как люди, лично пострадавшие от репрессий наследников Сталина (например, известный философ-диссидент *А. А. Зиновьев)* и те, которые при Сталине были еще детьми (скажем, *Сергей Кара-Мурза),* или вообще родились после его смерти (например, *Юрий Емельянов).*

Попробуем и мы вмешаться в эту дискуссию.

Глава 1

ЯСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Мы уже писали о виртуальном тандеме-соперничестве президента США *Вудро Вильсона* и главы Совнаркома РСФСР *Владимира Ленина* в 1919—1920 гг.[1].

Оба эти доктринера представляли типичный продукт гуманитарного образования конца XIX в., впитавшего в себя натурофилософию века Просвещения, XVIII, с его «Человек есть царь природы». Оба считали, что человечество уже совершило к началу XX в. гигантский научно-технический рывок к прогрессу — поставило себе на службу пар, нефтепродукты, электроэнергию, химию. Несовершенной остается только политическая надстройка — именно она привела к кровавой бойне Первой мировой войны. Значит, надо лишь *исправить* надстройку, и больше не будет ни войн, ни революций, а наступит «библейский рай» (у Вильсона) или «коммунизм» (у Ленина). При этом каждый из двух утопистов вначале верил, что он один держит в *руках универсальный ключ* послевоенного облагодетельствования человечества: Вильсон — через Лигу Наций, Ленин — через Коминтерн.

---

[1] *Сироткин В.* Освобождение от химеры (красное знамя в кривом зеркале мировой революции) // Демократия по-русски. М., «МИК», 1999, с. 185— 98.

На поверку оба политика оказались неисправимыми идеалистами, хотя, например, Ленин, как марксист, казалось бы, по определению должен был быть твердокаменным материалистом. На самом же деле и Вильсон, и Ленин больше уповали на *силу идей,* нежели на *силу вещей* (экономики).

Отсюда в концепции послевоенного переустройства в Европе и мире у Вильсона в его уставе Лиги Наций почти не нашли отражения экономические проблемы, хотя по разрешению социальных вопросов и была создана слабосильная специальная «дочерняя» международная структура — МОТ (Международная организация труда — существует и поныне, входя в число специализированных организаций — ЮНЕСКО, ФАО, ЮНИДО и др. — в ООН). Впрочем, никакого международного экономического отдела не было и в Коминтерне.

Вудро Вильсон (1856–1924 гг.), как и очень многие западные политики его поколения, полагал, что в экономическом базисе западного мира ничего принципиально менять не следует— концепции Адама Смита и Дэвида Рикардо исправно работают, и следует лишь функции «государства — ночного сторожа» поднять через Лигу Наций до международного уровня: обеспечить капиталистам нормальные условия хозяйственной деятельности, пресекая попытки нарушить послевоенную международную стабильность Версальской мирной системы санкциями Лиги (которыми, впрочем, она не обладала — орган типа Совета Безопасности ООН в ней отсутствовал).

Геополитически Вильсон, разваливая многонациональные империи — Австро-Венгерскую, Османскую и, частично, Российскую (Финляндия, Балтия, Польша), хотел повторить «латиноамериканский вариант», но уже в Восточной и Балканской Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке.

Ведь ко времени создания Версальской системы 1919—1939 гг. в Латинской Америке уже почти сто лет под эгидой США более или менее успешно функционировала целая система из конгломерата государств (а в Центральной Америке — очень маленьких «банановых республик» — Панама, Куба, Сальвадор, Гондурас и т. п.), которыми финансово-экономическими мерами а также с помощью американской морской пехоты, США довольно успешно дирижировали.

Нечто подобное под лозунгом — «каждой нации — свое государство» — предложил Вильсон и народам Восточной Европы, полагая, что США через Лигу Наций легко справятся с новой «Латинской Америкой», экономически базирующейся на той же «банановой» основе.

Но этим вильсоновским глобальным планам мирового господства США уже в начале XX в., используя старый лозунг Американской и Французской революций конца XVIII в. о приоритете *наций,* не суждено было сбыться.

И смертельный удар по этим планам нанес не Ленин и Коминтерн, а собственные американские сенаторы: подсчитав расходы на содержание новой «восточноевропейской Латинской Америки», они ужаснулись и провалили в 1920 г. ратификацию Версальского мирного договора и устава Лиги Наций. Тем самым США дипломатически уходили из Старого Света, оставляя в Лиге Наций и ее «дочерних» организациях, а также на всякого рода международных «саммитах» лишь своих наблюдателей (без права решающего голоса).

Для Вильсона это был такой удар, что его не подсластила «пилюля» лауреата Нобелевской премии мира: в 1924 г. он умер. Кстати, в один год с Лениным, который тоже не выдержал своего удара — краха надежд на скорое начало мировой пролетарской революции, ради которой он повел большевиков на штурм Зимнего дворца, создал Коминтерн и СССР.

Фактически Ленину и его соратникам-большевикам после сокрушительного поражения в августе 1920 г. под Варшавой и разгромом РККА им. Коминтерна (бросок

через Польшу в Германию, где уже в июле 1920 г. в пригородах Берлина появились красные конники комкора Г. Д. Гая) пришлось решать проблемы выживания в национальных рамках, без надежды на то, что «нас возьмет на большой исторический буксир международная революция» (Л. Д. Троцкий). Отсюда — нэп, отсюда — сталинский «социализм в одной стране».

Но те же проблемы, только «капитализма в одной стране», возникли и перед правящими кругами новообразованных «вильсоновских» карликовых (по сравнению с прежними империями) государств Восточной Европы. Разом, после голосования в американском Сенате (своеобразным вариантом «чуда на Висле») лишившись надежд на свою «мировую революцию» (финансово-экономическую помощь и военную защиту США), они оказались один на один перед теми же проблемами, что и большевики в Советской России: послевоенной разрухой, голодом, безработицей, стагнацией хозяйства и т. д.

Именно этим объясняются ожесточенные классовые бои и даже временный приход коммунистов к власти в Венгрии, Баварии, Финляндии, захват в 1920—1922 гг. заводов и фабрик рабочими в Италии и т. д.

С позиции исторической ретроспективы это означало, что идеальная «национальная схема» Вильсона, как и столь же умозрительная «интернациональная» (классовая) схема Ленина при столкновении с реалиями послевоенной Европы давали сбой.

Причина этого *сбоя* лежала в глубинных проблемах экономики, все еще основанной на постулатах XIX в., при всем их различии в Западной и Восточной Европе.

ДЖОН КЕЙНС НА ЗАПАДЕ И «СМЕНОВЕХОВЦЫ» НА ВОСТОКЕ

Следует отметить — не все мыслящие умы Европы и Америки слепо следовали за двумя *ауру* — Вильсоном и Лениным. Эти умы понимали: дело не в одном идеологическом противостоянии *национализма* и *интернационализма,* а гораздо глубже — в *цивилизационных изменениях* в мире вообще, в *экономике* и *социальных отношениях* — в частности. После такой гигантской катастрофы, как Первая мировая война, миром уже нельзя управлять как прежде, в XIX в. И политические этикетки — «капитализм», «коммунизм» — здесь не играют никакой роли, ибо они не более чем лозунги.

Одним из первых это понял профессор-экономист британского Кембриджского университета *Джон Кейнс* (1883—1946), который, однако, оказался не только университетским преподавателем-теоретиком, но и практиком национальной (один из руководителей Британского казначейства в 1915—1919 гг.) и мировой (представитель британского министерства финансов в Высшем экономическом совете Антанты после войны) экономик.

Его известная «этатистская» или «дирижистская» концепция *кейнсианства,* наиболее обобщенно изложенная им в трактате «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.), ныне хорошо известна, т. к. после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. стала путеводной звездой для политиков Запада не только до Второй мировой войны («новый курс» Ф. Д. Рузвельта в США), но и после этой войны, и продолжает оставаться таковой и поныне.

Разумеется, в советские «марксистско-ленинские» времена *кейнсианство* клеймилось как «буржуазная теория государственно-монополистического капитализма регулирования капиталистической экономики»[1].

---

[1] Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 565.

Но именно эта «буржуазная теория» позволила Западу экономически и социально окончательно обогнать СССР и весь «социалистический лагерь» и, после их краха, выступить «спонсорами» нынешних «туркменбаши» СНГ.

Самое поразительное в другом: в те же 20-е годы в «нэповском» СССР мыслящие экономисты *(Николай Кондратьев, Александр Чаянов* и др.) размышляли о том же — как модернизировать экономику России и вписать ее в экономику мировую.

Особенно интересны малоизвестные размышления «младших братьев» этих двух выдающихся экономистов XX в. — т. н. сменовеховцев.

Возникшее с 1921 г. после введения большевиками нэпа эмигрантское движение «смены вех» (по одноименному сборнику статей, вышедшему в Праге, и журналу «Смена вех», издававшемуся в Париже) обычно рассматривается как движение политическое, более того — как движение «возвращенческое»: приезд из эмиграции в Россию для того, чтобы строить «новую жизнь»[1].

Как и Дж. Кейнс на Западе (но независимо от него), эти русские «сменовеховцы»-экономисты отстаивали общий тезис: Первая мировая война изменила не только военно-политический баланс сил в мире, переделила границы и колонии — она изменила саму *суть* довоенной цивилизации, похоронила «золотой XIX век» с его благими призывами к добру, к «сейте разумное — доброе — вечное: сейте — спасибо вам скажет... НАРОД» (поэт Н А. Некрасов).

«Народ», писали эти «сменовеховцы»-экономисты, больше своим правителям «спасибо» не скажет — он возьмет вилы, топоры или винтовку и пойдет свергать «богатых», если «богатые» не поймут, что *делиться надо.*

А *делиться* надо через социальную политику государства, и это первыми поняли большевики. Как писал в серии своих статей уже в первых номерах журнала «Смена вех» постоянный автор этого еженедельника экономист *Михаил Григорьев* (статьи «Русская экономическая проблема», «Денационализация» и др. — 1921 г. № 2, 3 и сл.), нэп — это признание полного провала милитаризированной экономики, «военного коммунизма», пригодного лишь на сравнительно короткий период войны — мировой или гражданской.

Военный «коммунизм» в период Первой мировой войны осуществляли все воюющие державы, включая и царскую Россию. Большевики пороха не выдумали — они лишь продлили эти этатистско-дирижистские методы на период Гражданской войны.

Но это — мобилизационная экономика, на ней нельзя строить будущее огромной страны — России.

По сути, и Дж. Кейнс, и М. Григорьев выступают первыми глашатаями той самой *конвергенции,* за которую много десятилетий спустя начнет выступать академик А. Д. Сахаров. Только конвергенция у этих первых ее протагонистов, в отличие от Сахарова, не политическая, а экономическая. Образно говоря, Кейнс и Григорьев предлагали уже в 20-х гг. отказаться от методов и «классического капитализма» (Кейнс), и «классического коммунизма» (Григорьев). Арбитром в обоих случаях у них выступает *государство* (etat — по-французски, отсюда и «этатизм»). При этом государство берет на себя не только экономические, но и социальные функции: регулирование безработицы и зарплаты, организацию общественных работ (строительство дорог, мостов, благоустройство городов и т. д.), регулирование цен, контроль над банками, контроль за экспортом-импортом, регулирование притока иностранных инвестиций и др.

---

[1] См., в частности, *Агурский Михаил.* Идеология национал-большевизма. Paris, YMCA-PRESS, 1980 (переиздана в 2003 г. издательством «Алгоритм-книга»); *Кондратьева Тамара* (Франция). Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М., 1993; *Краус Томаш* (Венгрия). Н. В. Устрялов и национал-большевизм // Россия. XXI, 1995. № 11—12.; 1996, № 1—2.

Григорьев называет такую политику «государственным коллективизмом», и именно этот «коллективизм», по его мнению, составляет *суть нэпа.* При этом Григорьев считает, что своеобразный нэп (если под ним понимать не идеологию — всякие там ленинские «прочные мостки к социализму», а именно *новую экономическую политику* XX в., в отличие от *старой* — XIX в.) осуществляет по-своему и Запад, где правительства все более и более поворачиваются к регулированию *социальных проблем,* ранее целиком отдаваемых на откуп предпринимателям. Эта тенденция проявлялась еще до Первой мировой войны в законодательном регулировании условий труда, особенно, в Германии и России (сокращение рабочего дня для несовершеннолетних и женщин, медицинское страхование рабочих и т. д.), но усилились после войны, причем Советская России, по Григорьеву, в этом социальном направлении явно вырвалась вперед по сравнению с Западом.

Автор совершенно правильно отмечает, что именно социальная защита, поддерживаемая большевистским государством, обеспечивает ему массовую поддержку населения. Не лозунг «Даешь мировую революцию!», не Пролеткульт и не массовое изучение эсперанто, а бесплатная раздача бывших помещичьих земель, ликбез, бесплатное здравоохранение и образование, оплачиваемые отпуска и возможность поехать отдохнуть в бывшие «царские дворцы» (в Ливадию в Крыму и др.) — вот что реально ценят в режиме большевиков крестьяне и рабочие.

Такой «социальный режим», писали в «Смене вех» Григорьев и его единомышленники, население не свергнет, как бы ни взывали к этому лидеры белой эмиграции.

И если что и может помешать большевикам еще дольше удержатся у власти, так это только отсутствие иностранных кредитов и технологии для дальнейшей модернизации, которую в конце XIX — начале XX в. именно благодаря этим кредитам успешно осуществляла царская Россия.

В момент публикации своих статей (1921 г.) М. Григорьев еще не знал, что большевики именно в самом начале нэпа устремились на Запад в поисках кредитов и новых технологий (Гаагская экономическая конференция летом 1922 г., сверхсекретные финансовые переговоры 1924–1927 гг. в Париже об огромном кредите Антанты для СССР сроком на 60 лет и др.[1]).

Самое же парадоксальное состояло в том, что В. И. Ленин принял программу экономического сменовеховства («Устрялов в «Смене вех» лучше, чем «сладенькое комвранье»[2]) и публично изложил ее и в своих выступлениях, и в партийной печати:

— июнь — июль 1921 г. Выступление на III конгрессе Коминтерна:

«Мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это — государственный капитализм» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. *Т. 45.* С. *48),*

— ноябрь 1921 г., статья Ленина в «Правде» «О значении золота теперь и после полной победы социализма»: нэп предполагает принципиально новый (по сравнению с «военным коммунизмом». — *Авт.*), *подход, «совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления»* (*Там же.* Т. 44. С. 222).

---

[1] Подробнее см.: *Сироткин В. Г.* Золото и недвижимость России за рубежом. М., 2000. С. 262—276.

[2] *Ленин В. И.* Планы политического отчета ЦК РКП(б) [XI съезду партии в марте 1922 г.]. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 409.

Более того, одного из ведущих «сменовеховцев» профессора Ю. Ключникова Ленин не только публикует в «Правде», но и включает в качестве эксперта в советскую делегацию на Генуэзскую конференцию весной 1922 г. (*Там же.* Т. 54. С. 157).

Характерно, что Ленин очень внимательно изучал опыт государственного регулирования в Германии, особенно, практику министра экономики Веймарской республики *Вальтера Ратенау* и даже через Л. Б. Красина пригласил его в 1922 г. в Москву (не получилось — министра убил немецкий террорист-монархист).

Неудачу «поучиться у немца» Ленин компенсировал книгой «буржуазного» русского профессора В. Н. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности» (1918 г.), где проводились идеи планирования и «электрической тяги» (из этих идей вырос Госплан и ГОЭРЛО, а сама книга по указанию Ленина была срочно переиздана и роздана всем «спецам» в ВСНХ, Госплане, отраслевых наркоматах как «азбука нэпа»[1]).

ОБВАЛ: МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929—1933 гг.

Оба варианта государственного регулирования экономических и социальных проблем — кейнсианство на Западе и нэп в СССР — не стали, однако, в 20-х гг. главными методами решения послевоенных проблем и новой ступенью к дальнейшей модернизации. На Западе мешал традиционный консерватизм предпринимателей и банкиров, в СССР — доктринеры мировой революции, продолжавшие «подрывать» империализм через Коминтерн (неудачные попытки поднять мировые революции в Германии в 1923 г. и в Китае в 1927 г.).

Историки КПСС, сладострастно смаковавшие схоластический спор «троцкистов» и «бухаринцев» о путях мировой революции» (так назывался один из расширенных пленумов ИККИ в ноябре — декабре 1926 г. в Москве[2]), совершенно игнорировали реальную борьбу в верхушке хозяйственного руководства СССР в 20-х гг. о «внешнеполитическом нэпе» (иностранных кредитах и закупках технологического оборудования за границей).

Между тем, конфликт наркомвнешторга Леонида Красина с наркомфином Григорием Сокольниковым (Бриллиантом) — при том, что оба были технократами, а Сокольников — еще и доктором экономических наук Сорбонны — имел гораздо более реальное значение, чем спор «партийных литераторов» Троцкого и Бухарина о количестве «чертей», умещающихся на острие одной «иглы» («путей мировой революции»).

Ведь речь шла о принципиальнейшем вопросе — сохранить ли в условиях нэпа монополию внешней торговли СССР (Красин), или ее отменить (Сокольников — «рынок все расставит по своим местам»)?

Ни в каких внутрипартийных оппозициях (Сокольников до 1925 г., когда он на XIV съезде партии, несмотря на настоятельную просьбу Сталина, не осудил «новую оппозицию» Зиновьева — Каменева — Крупской) они оба в 1921—1924 гг. не участвовали. Но их принципиальный конфликт о монополии внешней торговли имел для экономики нэпа гораздо большее хозяйственное значение, чем цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, которыми сыпали на пленуме ИККИ в 1926 г. Троцкий, Бухарин и их сторонники.

Ведь в феврале 1923 г. Сокольников при поддержке Сталина натравил на красинский Внешторг особую комиссию ЦК РКП(б) во главе с В. В. Куйбышевым, и та «припаяла» Красину «неправильное использование буржуазных спецов» и «подрыв пролетарской

---

[1] Большая советская энциклопедия. — Т. 19. — М., 1930. — С. 393.
[2] Пути мировой революции, т. 1—2 (Стенографический отчет). М. — Л., 1927.

солидарности». Видите ли, заключая контракт со сталелитейной шведской фирмой «Нидквист и Гольма», Красин не предусмотрел «повышение зарплаты» шведским литейщикам за счет прибыли от заказов в Швеции от «Первого Отечества мирового пролетариата». А на XII съезде партии в апреле 1923 г. за этот «буржуазный уклон» Красину еще и досталось от доктринеров — Зиновьева, Лурье и других. Впрочем, «большевик-миллионер» (так называла в 20-х гг. западная пресса этого предшественника нашего современника «коммуниста-капиталиста» *Владимира Семаго*) всегда плевал на мнение «партийных литераторов»: ведь в эмиграции они жили в том числе и на деньги, которые до 1914 г. Красин выпрашивал «на революцию» у русских фабрикантов — Саввы Морозова, Монисова и др.

Однако по большому счету пугал большевиков-доктринеров не Красин, а «молчаливое большинство» — крестьянство (70% населения СССР), которое по-прежнему жило «по обычаям предков» — с престольными праздниками (до 1930 г., несмотря на официальное безбожие, в календарях значилось 12 православных праздников — нерабочих дней), кулачными боями и частушками, мало или совсем не интересуясь «городским баловством» новых начальников-большевиков с их мировой революцией и пролетарским интернационализмом[1].

В то же время крестьянский міръ русской деревни и при большевиках оставался той основой, на которой продолжалась промышленная модернизация: по-прежнему деревня получала от власти мало, а отдавала много.

Мировой экономический кризис мало затронул СССР в силу его изоляции от мировой экономики и финансов, но он дал Сталину уникальную возможность создать идеологическую истерию угрозы нового нападения на «осажденную крепость» — СССР, к тому же имеющего внутри этой «крепости» многочисленных «врагов» — кулаков, нэпманов, буржуазных «спецов» и тучи «вредителей». Поэтому по своим социальным последствиям — коллективизации, раскулачиванию, депортации, арестам и т. п. — мировой кризис ударил по СССР гораздо сильнее, чем по странам Запада.

Кроме того, кризис облегчил Сталину окончательное закрепление своей личной диктатуры в партии и государстве («послать нэп к черту», 1929 г.), Гитлеру — прийти к власти в Германии (1933 г.), а выбранному в том же году президентом США Ф.-Д. Рузвельту начать свой «new deal» — *новый курс.*

Такое сочетание имен трех мировых политических лидеров межвоенного и военного периодов новейшей истории XX века — Сталина, Гитлера и Рузвельта — наверняка вызовет отторжение читателей, со школьной скамьи воспитанных в жесткой идеологической схеме «плохих» и «хороших» правителей.

Между тем подлинная история и философия экономики не терпит схоластически-богословских средневековых оценок о «хороших» ангелах и «плохих» бесах. Политико-экономическая деятельность всех трех лидеров внесла огромные изменения в мировую экономическую практику, и ее последствия ощущаются до сих пор, хотя самих творцов такого *этатизма* давным-давно нет уже в живых.

Именно тогда наступил звездный час *кейнсианства* — для правителей США, Германии и СССР (даже если Сталин обрамлял идеи Дж. Кейнса другими, более понятными лозунгами) он стал «волшебной отмычкой».

— «*Новый курс Рузвельта.* Для США этот курс был тем же самым, что для РКП(б) образца «военного коммунизма» ленинский крутой поворот к нэпу. Разница состояла лишь в том, что для свободных американских предпринимателей и банкиров, переживших Великую депрессию (но многие до 1933 г. не дожили — выпрыгнули из

---

[1] Эти «ножницы в идеологии» хорошо показал архангелогородский доцент Поморского университета *Коротаев В. И.* (Судьба «русской идеи» в советском менталитете, 20–30-е гг. Архангельск, 1993.).

окон верхних этажей нью-йоркских небоскребов), этатизм «нового курса» Рузвельта был равносилен ЧК и «Соловкам» Ленина, но с той разницей, что несогласных с ним капиталистов Рузвельт даже не высылал из США на «философском пароходе» — он их просто «опускал» путем налогов, госконтроля, замораживания банковских счетов и т. п.

И никаких «кронштадтских» или «антоновских» мятежей на рузвельтовском корабле «нового курса» в 30-х гг. не наблюдалось. Наоборот, средний американец оценил политику социальной защищенности и четыре раза (при конституционной норме — два срока) избирал Рузвельта в президенты США.

— *Внешне совершенно иными, политически-репрессивными, методами действовал Гитлер* и его штурмовики, начиная с того же 1933 года (года начала первого срока президентства Рузвельта).

Газовые камеры и концлагеря нацистов после разгрома III рейха затмили после 1945 г. экономическую и социальную политику Гитлера, которая по своей сути была все тем же *кейнсианством,* что и у Рузвельта. У нацистов, как и у Сталина, были свои пятилетки, они отмечали 1 Мая как международный день труда, как и Рузвельт, Гитлер «приструнил» своих капиталистов, а ряд заводов и фабрик (как и большевики вначале) передал в управление рабочим (т. н. «народные предприятия») После войны в СССР серьезно никто не исследовал экономическую и социальную политику Гитлера в 1933—1945 гг., в лучшем случае акцентируя внимание на «рабском труде» насильно угнанных в Германию иностранных рабочих (хотя очень многие из молодежи на Западе и даже на Востоке — с Украины, например, поехали на заработки в III рейх добровольно).

— *Этатизм* Сталина носил в 1929—1939 гг. наиболее радикальный характер. Ни Рузвельт, ни даже Гитлер *основы* прежней экономики — рыночных отношений, денежную систему, само право частной собственности, частную торговлю и т. д. — не изменили. Они лишь в большей или меньшей степени поставили их под этатистский (бюрократический) контроль.

Иное дело Сталин. Ему уже досталась этатистская экономика нэпа — «государственного социализма» (В. И. Ленин) с готовым инструментами регулирования: ВСНХ, Госпланом, Наркоматом труда и т. д.

Но Сталин кардинально изменил саму *базу* регулируемой «нэповской» экономики СССР — через варварскую коллективизацию он окончательно уничтожил *крестьянский* міръ, который и был спасительной основой и царизма, и раннего большевизма вплоть до 1929 г.

Это действительно была «вторая октябрьская революция», как писали в 1929—1933 гг. сталинские клевреты из числа аграрников-марксистов.

С 1929 г. Сталин начал создавать то самое общество, которое позднее диссиденты — критики сталинизма — презрительно назовут «Совком». Аналогии ему следует искать не у Маркса или Ленина, а в корпоративных государствах Муссолини, Франко или Салазара.

Сталин, упразднив самообеспечивающийся и живший в гармонии с ПРИРОДОЙ крестьянский міръ, восстановил некоторые его формы в городах, навесив на существовавшие еще до революции у «прогрессивных фабрикантов» специфические русские институты социальной защиты идеологическую этикетку — «социалистические».

Таковыми стали заводские детские сады-ясли («колыбельные»), пионерлагеря (бойскаутские сборы), поликлиники (фельдшерские пункты) и т. д. Крупные предприятия стали строить свои пансионаты и даже санатории на берегу Черного моря, при Брежневе — по профсоюзным путевкам отправлять в заграничные туристические круизы и т. д.

Таким образом, этатизм после Первой мировой войны, прошедший два этапа — с 1919 по 1929, и с 1929 по 1939 гг. — несмотря на внешне разные политико-идеологические формы, по существу представлял одно общемировое явление: переход от философии «экономического либерализма» XIX в. к философии жесткого этатизма XX в., ставшего нормой уже после Второй мировой войны.

Этот переход был очень болезненным (сталинизм, фашизм), но эта плата стала для человечества неизбежной для того, чтобы избежать повторения еще одного мирового и социального кризиса, гораздо более катастрофического, чем кризис 1929—1933 гг. В этом, на наш взгляд, состояли «уроки этатизма» Ленина, Сталина, Гитлера и Рузвельта.

СТАЛИНСКИЙ ЭТАТИЗМ

Мировой экономический кризис ускорил сталинский переход от «нэповской» экономики (рынок, деньги) к *этатизму* (распределение, жесткое планирование), выразившийся прежде всего в изменении способов *управления* советским хозяйством: от прежнего единого ВСНХ Сталин перешел к наркоматам (с десяти в 1921 г. их число к 1935 г. увеличилось до 18), от прежних «контрольных цифр» ЦСУ (Центральное статистическое управление при Совнаркоме СССР) до жестких плановых заданий. Отсюда неимоверно возросла контролирующая роль Госплана, ранее, с 1923 г., прибежища «спецов-попутчиков» из числа либеральных дореволюционных земских статистиков да лояльных советской власти бывших эсеров и меньшевиков из «гимназистов».

Поскольку основой нэпа была деревня с ее куплей-продажей, «раскулачивание» в ходе варварской коллективизации разрушило эту ленинскую смычку города и деревни. Отныне, с декабря 1929 г., сельской экономикой занимался *Наркомзвм* (Наркомат земледелия — в 1932 г. его поделили на два: собственно Наркомзем и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов). Соответственно прежнюю «куплю-продажу» (какая торговля — вся страна с осени 1928 г. перешла на карточки, талоны и спецраспределители «по категориям» — партфункционеры, совработники, командный состав РККА, ИТР — инженерно-технические работники) и т. д. заменило *снабжение.*

Именно так и назвали прежний Наркомат внешней и внутренней торговли, в ноябре 1930 г. разделенный на два — прежний Внешторг и внутренний — нет, не торговли, а *снабжения.*

В июле 1934 г. Сталин пошел еще дальше: Наркомснаб поделили еще раз — внутренний (7 декабря 1934 г. отменили карточки на хлеб, муку и крупы) и пищевой промышленности.

Еще в январе 1930 г. раздробили некогда единый НКПС (существовавшее со времен Александра I Министерство путей сообщения) — рядом с собственно НКПС (железные дороги) появилось еще и НКВТ — Наркомат водного транспорта.

Через два года, в январе 1932-го, дошла очередь и до ВСНХ — из него сделали целых три наркомата: тяжелой, легкой и лесной промышленности.

Зато Сталин упразднил три прежних «ленинских» наркомата — труда (его функции передали единому ВЦСПС), РКИ (поделили функции между Прокуратурой СССР — создана в июне 1933 г., и новой Комиссией советского контроля при Совнаркоме СССР) и ЦСУ, ставшее технической «конторой» при Госплане СССР.

Укрепление *этатизма* шло не только по вертикали («наркоматизация»), но и по горизонтали — реорганизация местных органов власти (советов). Еще в феврале 1928 г. были восстановлены советы в городах и рабочих поселках. Затем серией постановлений ЦИК СССР в январе 1929 — марте 1934 г. советы местного уровня, от областных до районных, были наделены административными (подчинена местная

милиция, коммунальное хозяйство, местная промышленность, загсы и т. п.), финансовыми (сбор местных налогов, в т. ч. и с союзных предприятий — свой местный бюджет) и культурно-просветительскими и здравоохранительными функциями (школы, больницы и т. д.).

По сути, речь шла о своеобразной *муниципальной реформе* западного типа и определенной *децентрализации* управления страной (эта структура просуществует более полувека, вплоть до развала СССР в 1991 г.).

Конечно, до полного народовластия в местных советах все равно было еще очень далеко: райкомы и обкомы по-прежнему тщательно отбирали (а нередко — просто утверждали на своих бюро) кандидатов в «выборные» рай-, гор- и облисполкомы. Но все же старый большевистский лозунг «оживления работы советов» реально подкреплялся местным бюджетом, чего в 20-х гг. просто не было.

Всю эту новую структуру «советской власти» призвана была закрепить новая конституция СССР, которая должна была заменить старую — первую конституцию СССР 1924 г.

С этой целью была создана Конституционная комиссия во главе с И. В. Сталиным, а 11 июля 1936 г. он уже сделал на президиуме ЦИК СССР доклад об основных принципах новой конституции.

Разумеется, ЦИК одобрил предложенный текст, постановил опубликовать проект конституции для всенародного одобрения и принял решение собрать 25 ноября 1936 г. очередной VIII (и последний!) Всесоюзный съезд Советов для окончательного утверждения новой конституции (съезд, однако, собрали только 5 декабря 1936 г., но эта отсрочка не помешала единогласному утверждению «сталинской» конституции).

Авторское отступление

КОНСТИТУЦИИ — ЧТО ДЫШЛО...

Впоследствии, начиная с секретного доклада Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС в 1956 г. «О культе личности Сталина» и через «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына в 70-х гг., тема «сталинской конституции» была вытеснена жуткими разоблачениями «сталинских репрессий» и, как и в случае с немецким нацизмом после его разгрома, начисто лишила *сталинизм* его позитивного содержания.

Поэтому при разработке и принятии ни «брежневской» конституции 1977 г., ни «царевой ельцинской» — 1993 г. к конституции 1936 г. уже не возвращались, как бы подразумевая: это не конституция СССР, а «конституция» ГУЛАГа[1].

На самом же деле все было совсем по-другому: именно конституция 1936 г. законодательно закрепила в СССР окончательную победу *сталинизма,* покончила с химерами мировой пролетарской революции (борьба за нее была законодательно закреплена в конституциях РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г.), фактически отменила «диктатуру пролетариата», а вместе с ней — и деление граждан СССР по «социальным категориям»: рабочих, крестьян, служащих, «лишенцев» (т. е. лишенных избирательных прав) и т. д.

Не стоит, конечно, преувеличивать, как Ю. Н. Жуков, «демократизм» сталинской конституции: она-де и «одежда на вырост» (*Ю. Н. Жуков.* Указ. соч., с. 31), и уж тем более утверждать, что своей новой конституцией Сталин чуть ли не хотел создать в СССР «двухпартийную систему» — коммунистическую и советскую (там же, с. 41.)

[1] Типичный пример такого подхода являет собой раздел об СССР в «Советском обществе» коллектива авторов РГГУ (т. 1, с. 173—204, автор — диссидент М. Я. Геллер), где о содержании конституции 1936 г. не сказано почти ни слова.

— такую «систему» с 1989 г. попытается создать только М. С. Горбачев, но в результате развалит и партию, и советы).

Но Ю. Н. Жуков прав в другом: Сталин, подобно Наполеону Бонапарту во Франции рубежа XVIII—XIX вв., явно хотел своим «сталинизмом» дать понять не только Западу, но и своим соратникам по партии — «Революция закончилась, забудьте!».

И вся его кардинальная ломка социальной (раскулачивание, репрессии против «спецов»), экономической («наркоматизация»), политической (конституция 1936 г.) структуры в СССР на рубеже 20–30-х гг. была направлена против доктрины мировой пролетарской революции, на основе которой и формировался СССР в 20-х гг.

И конституция 1936 г. — в этом Ю. Н. Жуков совершенно прав — не была лишь чистой демагогией, как утверждают многие историки и сегодня.

Под эту конституцию Сталин еще 29 декабря 1935 г. отменил пресловутый «классовый набор» в техникумы и вузы (и отныне дети «бывших» — царских инженеров, офицеров, купцов, священнослужителей и т. д. могли стать студентами), а 20 апреля 1936 г. снял «классовые ограничения» для казаков в отношении их призыва в РККА (раньше их в армию не брали как потомков «белоказаков»).

Сталин явно противопоставлял прежнему «классовому» подходу (социальное происхождение, членство в комсомоле или партии — вспомним сатиру Ильфа и Петрова из 20-х гг.: «пиво только членам профсоюза») старую дореволюционную «царскую» сословную. Но уже не по «голубизне крови» и «столбовитости», а по профессионально-образовательному цензу[1].

Так, 22 сентября 1935 г. в РККА официально были восстановлены «немецкие» офицерские звания (лейтенант, капитан, майор, маршал), что положило начало созданию кадрового офицерского корпуса (в 1943 г. вождь пошел еще дальше — восстановил в Красной Армии «золотопогонников» — ввел «царскую» униформу с погонами, а с 1946 г. обрядил милиционеров как дореволюционных городовых, разве что без «селедки» — сабли на боку).

Аналогичные «морковки» (чины) Сталин начал раздавать и деятелям искусства:

6 сентября 1936 г. было учреждены почетные звания «заслуженный» и «народный артист», воскрешавшие дореволюционное «заслуженный артист императорских театров». В обойму «народных» сразу попали режиссеры театра Станиславский и Немирович-Данченко, актеры Качалов и Москвин и др., причем некоторые, например, оперные певцы Собинов и Нежданова стали «заслуженным» и «народными» дважды — и при Николае II, и при «Иосифе I».

Вернулся Сталин к дореволюционной практике поощрения ученых и преподавателей вузов: постановлениями ЦК и Совнаркома в 1933–1937 гг. при наличии ученых степеней им разрешили иметь дополнительную жилплощадь (10 кв. м. кандидату, 20 кв. м. — доктору), а постановлением в ноябре 1937 г. «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах» всем «остепененным» начали еще и платить надбавку к жалованью за степень (в 2003 г. В. В. Путин восстановил эту надбавку, сошедшую было на-нет при «царе Борисе»).

В направлении унификации прежних социальных различий и возобновления преемственности (а не разрыва, как делали доктринеры мировой революции) шла серия партийно-государственных постановлений по возобновлению преподавания в школах и

---

[1] Очень интересные соображения об этой «сталинской сословности» в СССР до 1991 г. см. в книге *С. Г. Кара-Мурзы* «Столыпин — отец Русской революции» (М., Алгоритм-книга, 2003, с. 261—271).

вузах не «классовой», а общегражданской истории, против «классовых» вывертов в балете и музыке (опера дореволюционного композитора Бородина «Князь Игорь», в 1932 г. переделанная по либретто Демьяна Бедного в политический фарс «Богатыри», в котором «Византия перекликается с фашистским Западом» — из рецензии в жур. «Рабочий и театр», 1932, №1, с. 6–7), живописи, архитектуре, педагогике и т. д.[1].

Подобно Наполеону I, Сталин явно хотел создать в СССР некую *амальгаму* из «хорошего» в дореволюционном и в советском обществах, приказным путем сотворить будущую брежневскую новую «историческую общность — советский народ».

Но сотворить на унитарных, державных принципах, урезая прежние широкие права союзных и автономных республик, русифицируя их алфавит (с начала 30-х гг. начался процесс перевода их письменности с «латиницы» на «кириллицу»), вводя в практику принцип: второй секретарь ЦК союзной республики — непременно русский (как в Российской империи конца XIX века царский наместник в национальных окраинах — непременно один из великих князей Дома Романовых).

Той же цели унификации СССР и окончательного превращения его в унитарное тоталитарное государство служила постоянная перекройка административных границ, причем число «субъектов» Союза постоянно росло: с 1930-го по канун Великой Отечественной войны их количество выросло с 83 до 103, включая Москву и Ленинград, получивших уже при Сталине статут союзных республик (этот принцип «столичных автономий» сохранился и в «демократической» ельцинской конституции 1993 г.).

ТЕРМИДОР СВЕРШИЛСЯ?

Конечно, с точки зрения «старых большевиков» вся эта грандиозная сталинская «революция сверху» была не чем иным, как «термидором» и «предательством Революции» (Троцкий в 1936 г. так и откликнулся на сталинскую конституцию яростным трактатом «Преданная революция»), тем более, что «старые большевики» (они же — «троцкисты») хорошо помнили, как Сталин вместе с ними и в ЦК, и на съездах советов голосовал и за конституцию РСФСР 1918 г., и за первую конституцию СССР 1924 г. (обе декларировали невозможность построения социализма в одной, отдельно взятой, стране, и объявляли СССР «плацдармом» мировой пролетарской революции).

Вера первых большевиков в скорое неизбежное пришествие мировой революции была столь фанатичной, что в Уголовный кодекс РСФСР 1918 г. они внесли даже специальную статью — «заключить в тюрьму вплоть до победы Мировой пролетарской революции» (т. е. максимум на «хрущевские» 15 суток за хулиганство — все равно на 16-е число эта революция победит «в мировом масштабе», и тюрьмы закроются сами собой, вместе с самим государством, торговлей, деньгами и прочими «буржуазными» атрибутами).

И как сказка про Иванушку-дурачка читаются сегодня такие прогнозы «шкрабов» (школьных работников) из их программ для завтрашних «коммунистических трудовых школ»: «наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории»[2].

Но по мере отдаления сроков прихода этого чуда (мировой революции) и перехода к повседневным будням (особенно с переходом к нэпу) в рядах бывших лихих «конников-буденновцев» ширилось разочарование и моральный кризис (это хорошо отразил «красный граф» Алексей Толстой в рассказе «Гадюка», по которому также был поставлен в 20-х гг. одноименный немой фильм).

---

[1] Подробней об этих постановлениях и газетных статьях см. сборник «Против фальсификации народного прошлого». М. — Л., 1936.

[2] Цит. по: *Шафаревич И.* Русский народ в битве цивилизаций. М., Эксмо — Алгоритм, 2003, с. 177—178.

Начальный этап этого кризиса в партии, рядовые члены которой (в большинстве — уцелевшие участники гражданской войны), хорошо отразил наркомфин Т. Я. Сокольников в письме советскому полпреду в Берлине Н. Н. Крестинскому в начале апреля 1922 г., сразу после окончания XI съезда РКП(б) в Москве: «Рутина оказалась несравненно сильнее воли партии (к мировой революции? — *Авт.),* да и есть ли [теперь] эта воля — тоже возникает сомнение у каждого из нас. Кажется, все превратилось в единую бестолковую канцелярию, в которой все происходит не для дела, а только для угождения отдельным лицам, от которых зависят дальнейшие пайки, суточные, добавочные и тому подобное. Душа партии умерла: как ни искали мы ее на съезде, а найти не могли. Сидят какие-то тупые, апатичные люди, которые механически говорят, механически слушают и безразлично принимают любую резолюцию, если она только предложена кем-либо, занимающим более или менее влиятельное место в правительстве»[1] (напомним, что примерно в том же пессимистическом духе было выдержано и выступление В. И. Ленина на этом съезде — «машина едет не туда»).

Напомним также, что к началу 30-х гг. кардинально изменился в результате массовых «ленинских» (1924, 1925 и 1930 гг.) и «октябрьского» (1927 г. — к 10-летию «Великого Октября») рядовой состав партии: коллективный прием целыми цехами или сельхозкоммунами, когда даже в Ленинграде в 1925 г. чохом приняли в партию (при шестимесячном кандидатском стаже) 25% «азбучно неграмотных» рабочих «от станка», заполнил ВКП(б) шолоховскими «макарами нагульновыми» или платоновскими «пашинцевыми» мастаками размахивать маузерами перед носом «кулаков» да хранить «колтован» — заповедник коммунизма в какой-нибудь РАПМ (Российской ассоциации пролетарских музыкантов), запрещавшей песни на стихи «упадочнического» крестьянского поэта Сергея Есенина.

В интересах борьбы за личную власть в партии и государстве Сталин ловко использовал этих «партпризывников» как пехоту и машину для голосования на съездах (подобно Гитлеру в 1929—1934 гг., использовавшему «махновцев»-штурмовиков Рема), но он, конечно, хорошо понимал: «нагульновы» ни танк Т-34 не изобретут, ни Днепрогэс не сконструируют, ни Северный морской путь не освоят[2].

Но не устраивали его и «чужие руки» — ленинские «нэповские спецы», доктора экономики и профессора финансов Кондратьев, Чаянов, Юровский и другие, которых ненавидели недоучки из Коммунистической академии, Института красной профессуры и т. п., а также всевозможные «пролетарские образованцы» из РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей), АХРРа (Ассоциации художников революционной России), ВОПРА (Всесоюзного объединения пролетарских архитекторов) и других подобных «кормушек», давно, еще со времен «военного коммунизма», выбивших у партии под свой «пролетарский» титул те самые «пайки, суточные, добавочные», о которых в 1922 г. писал Сокольников.

Конечно, и сам Сталин по своему базовому образованию (неоконченная православная духовная семинария) недалеко ушел от этих «пролетарских конников»: ведь до 1928 г., когда на VI конгрессе Коминтерна впервые был введен синхронный радиоперевод на русский язык, он, Молотов, Каганович, Ворошилов, Буденный и другие подручные вождя сидели на конгрессах и пленумах ИККИ пни пнями, не понимая два основных рабочих языка мировой революции — немецкий и французский, на которых выступали их коллеги по ЦК РКП(б) — Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Луначарский и другие. То-то Сталин предпочитал ходить в Балканскую секцию Коминтерна (болгары, сербы, македонцы и др.) — там рабочим языком был русский.

---

[1] Дипломатический ежегодник, 1989. М., 1990, с. 471.

[2] Это хорошо видно из публикации «Писем И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925—1936 гг.». М., 1995.

Раньше всех и в СССР до 1929 г., и в эмиграции в 1930—1940 гг. анализ сталинизма с ортодоксальных марксистских позиций попытался сделать *Лев Троцкий.* Все основные документы борьбы «троцкистов» со «сталинистами» в СССР по заграничному архиву «демона революции» (Троцкий вывез большинство своих архивных материалов за рубеж с санкции «сидевшего на хозяйстве» в тот момент Н. И. Бухарина на пароходе с символическим названием «Ильич» через Одессу в начале 1929 г.) давно опубликованы[1], как и переизданы в современной России его основные антисталинские эмигрантские труды — «Перманентная революция», 1930; «Моя жизнь» в двух томах, 1930; «Сталинская школа фальсификации», 1932; «История русской революции» в двух томах 1931—1933; «Преданная революция», 1936; «Сталин» в двух томах, «Преступления Сталина», «Дневники и письма», «Бумаги Троцкого» и т. д. Многое из написанного Троцким в эмиграции носит характер так типичной для российских социал-демократов XIX — начала XX в. публицистки на злобу дня (Сталин — «выдающаяся посредственность», «свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции» и т. п.), но есть и серьезные аналитические работы. К ним относится «Преданная революция»[2].

Но сразу встает вопрос — какую *революцию* предали Сталин и его клевреты? Ту, что Ленин задумывал в эмиграции — *«перманентную* (мировую) *пролетарскую»?*

Или ту, которая у большевиков получилась к 1929 г. в *реальности,* т. е. *национал-большевистскую?*

Троцкий уходит от ответа на этот *самый главный вопрос* (как и сам Сталин в 1950—1952 гг. в макете учебника по политэкономии социализма — а какой в *реальности* социализм он построил в СССР?), предпочтя, подобно Ленину, все свалить, нет, не на «желтых лидеров» II Интернационала и на «ренегата Кауцкого», а на сталинский «свинцовый зад». Хлестко, но аналитически неубедительно.

В 1936 г., когда издавалась «Преданная революция», и в СССР, и особенно за рубежом были живы еще многие коммунисты, помнившие: даже в советских календарях не было до начала 30-х гг. праздника «Великая Октябрьская социалистическая революция», а напротив 7–8 ноября значилось — «Дни начала Всемирной пролетарской революции». Да и советский дипломат-невозвращенец *Григорий Беседовский* напомнил Троцкому из Парижа в своем «Stalin'е» (Paris, 1932), как тот говорил ему осенью 1923 г., накануне «броска» 200 тыс. «красных конников» через «Виленский коридор» на Варшаву, Берлин и даже, возможно, на Париж: «Германия, основная база европейской экономики, может быть захвачена нами одним ударом. Из провинциальной Москвы, из полуазиатской России мы выйдем на широкую дорогу европейской революции. Она приведет нас к революции мировой. Вспомните о миллионах немецкой мелкой буржуазии, жаждущих момента реванша. В них мы получим резервную армию и перебросим нашу кавалерию с этой армией на Рейн, чтобы двигаться дальше в порядке революционной пролетарской волны. Мы повторим Французскую революцию, но в обратном географическом направлении: не с Запада на Восток, а с Востока на Запад будут двигаться революционные армии. Наступил решительный момент. Почти физически можно услышать шаги истории. Она шагает быстро вперед, к революции, к нашей окончательной победе»[3].

---

[1] Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923—1927. Сб. док. Vermont, 1988; *Ю. Фельштинский,* отв. ред. Архив Троцкого, т. 1—4. М., 1990.

[2] В первоначальном варианте книга называлась по-другому — «Что такое СССР и куда он идет?». Автор располагает в своей домашней библиотеке уникальным изданием этого первого варианта (ротапринт) с собственноручной правкой Л. Д. Троцкого. Книгу эту ему еще в 1969 г. подарил в Париже известный французский историк троцкизма и профсоюзный функционер *Жан-Жак Мари.* Книгу использовал также Дм. Волкогонов, одним из первых в ельцинском окружении получивший доступ к секретным кремлевским архивам. Книгу эту Волкогонов обнаружил в личной библиотеке Сталина в Кремле. См. *Волкогонов Дм.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Т. 2. М., 1990, с. 662.

[3] Цит. по: *Г. Беседовский.* На путях к Термидору. М., 1997, с. 356.

А если вспомнить, что еще в 1919 г. Троцкий представил в ЦК записку о «броске» через Среднюю Азию и Афганистан в Индию, а в 1920 г. поддерживал своего порученца времен Гражданской войны «Якуб-заде» (Блюмкина) в «Красной Персии», то план «практической реализации» его «перманентной» революции становится вполне ясным.

Впрочем, Троцкий никогда и не скрывал, в отличие от Сталина, своих взглядов. На «судилище» в президиуме ЦКК в июне 1927 г. он убежденно говорил, формулируя *кредо* троцкизма: «Мы можем победить только как составная часть мировой революции. Нам необходимо дотянуть до международной революции, даже если бы она отодвинулась на ряд лет. Направление нашей политики имеет в этом отношении решающее значение. Правильным революционным курсом мы укрепим себя на ряд лет, укрепим Коминтерн, продвинемся по социалистическому пути вперед и достигнем того, что нас возьмет на большой исторический буксир международная революция»[1].

Пожалуй, лучше всего на примере Троцкого образ этакого большевистского «протопопа Аввакума» обрисовал *Борис Баженов,* бывший личный секретарь Сталина, технический протоколист на заседаниях Политбюро, в середине 20-х гг., наблюдавший и «догматиков», и «прагматиков» в течение нескольких лет с близкого расстояния: «Я бы сказал, — писал он в своих эмигрантских «Воспоминаниях» в 1930 г., — что Троцкий — тип верующего фанатика. Троцкий уверовал в марксизм, уверовал затем в его ленинскую интерпретацию. Уверовал прочно и на всю жизнь. Никаких сомнений в догме и колебаний у него никогда не было видно. В вере своей он шел твердо. Он мог только капитулировать перед всей партией, которую он считал совершенным орудием мировой революции, но он никогда не отказывался от своих идей и до конца дней своих в них твердо верил, верил с фанатизмом. Из людей этого типа выходят Франциски Ассизские и Петры Отшельники, и Саванаролы, но и Троцкие и Гитлеры. Не теоретики, не мыслители, а такие фанатики оказывают гораздо большее влияние на судьбу человечества, чем столпы разума и мудрости»[2].

Сталин в 20-х гг. в такие эмпореи, как Троцкий, никогда не забирался. Но у него была своя «мировая» (аппаратная) революция, и в июле 1921 г. он даже набросал ее план, претенциозно назвав: «О политической стратегии и тактике» [большевиков], но опубликовал лишь через 26 лет, в 1947 г.[3], когда за такие «семинаристские» откровения ему уже никто ничего кроме «гениально, генералиссимус!», сказать не мог. Этот документ фактически представлял собой развернутый план-проспект брошюры о знаменитом *«ордене меченосцев»,* в который Сталин уже тогда намеревался превратить партию большевиков. Брошюру он так и не написал, но о структуре средневекового ордена «Братьев Христова воинства», как о предтече сталинской партии в 20-х — начале 30-х гг., не раз высказывался. Но, что гораздо важнее, именно по этой строго иерархированной схеме он, сначала после политической победы над «гимназистами» в 1927—1933 гг., а затем и их физической ликвидации в 1936—1938 гг., и построил свою ВКП(б) — КПСС. И если у Ленина 240 тыс. большевиков меняют у руля государства 130 тыс. помещиков, то у Сталина другой отсчет: его «орден меченосцев» меняет 120 тыс. монахов (членов партии) и послушников (кандидатов в члены партии), которые насчитывали к 1914 г. в России монастыри, лавры, пустыни и скиты. При этом число таких «монахов» из «послушников» можно в четыре — пять раз увеличить через «крестные ходы», сиречь «ленинские призывы» — мы, вожди «ордена меченосцев», не жадные, не то что эти «гимназисты и жиденята». И никаких «чужих рук» для строительства коммунизма Сталину не требуется: «Старик» здесь явно рехнулся.

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. М., 1990, с. 163.
[2] *Бажанов Борис.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж — Нью-Йорк, 1983, с. 163.
[3] *Сталин И. В.* Соч. Т. 5, с. 71—72.

В свое время известный исследователь феномена сталинизма *Рой Медведев* очень точно заметил: «Сравнение коммунистической партии с церковно-рыцарским орденом могло прийти на ум бывшему семинаристу, но не Ленину или Марксу, которые называли все эти ордена «крестовой сволочью» (*Медведев Р.* Указ. соч., с. 56).

Пока Ленин был жив, он не давал Сталину раздувать численность партии (письмо Ильича Молотову в марте 1922 г. — не более 350——400 тыс.!).

Но как только Ленин умер, Сталин с помощью «тройки» (он сам плюс Зиновьев с Каменевым — а те были согласны на все, лишь бы не допустить «демона революции» на место Ильича) приступил к практической реализации плана своей «мировой» революции: под флагом увеличения «пролетарской прослойки» и, разумеется, исполнения «задач Коминтерна» он с помощью трех «ленинских» (1924, 1925 и 1930 гг.) и одного «октябрьского» (1927 г.) раздувает партию с 472 тыс. (при живом Ленине) до 1 млн. 675 тыс. (Ленине уже умершем), т. е. увеличивает количество «меченосцев» *более чем в три с половиной раза!*[1]

При этом вводится «семинаристская» практика *коллективного приема* целыми цехами (!), взятая из устава «Союза русского народа» до Первой мировой войны (там принимали церковными приходами). Ясное дело — о коммунистической политической сознательности и даже об элементарной «азбучной» грамотности речь не шла: «рабочий от станка?» «Вали в партию», сиречь подписывай (т. е. ставь *крест)* под коллективным заявлением всего цеха, и ты уже в «членах», даже если не знаешь, как Чапаев, разницу между «большевиками» и «коммунистами». На XIV съезде партии в 1925 г. один из делегатов рабочий Захаров с тревогой говорил: даже в Ленинграде, культурном центре СССР, в результате такой «массовки по цехам» и выполняя указания обкома о «заполнении квот» умудрились за два «ленинских» призыва принять 28 тыс. «азбучно неграмотных» (?!).

От сомнительной чести быть в таком «ордене меченосцев» уклонился даже первый председатель Иваново-Вознесенского совета в 1905 г. рабочий А. Е. Ноздрин, заявив вербовщикам из райкома, что при таких «ленинских» призывах «к вам пойдут людишки от биллиарда, а не от станка».

Даже Сталин на XIII съезде РКП (б) вынужден был признать, что уже после первого «ленинского» призыва «плохо обстоит дело с политграмотностью членов партии (60% политнеграмотных)». Но Сталину-то как раз это и было нужно — такая «пехота» для него — готовая «машина для голосования» — что скажет ЦК и ее вождь — генсек, то они и сделают.

Но и это еще не все. Сталинский «орден меченосцев» с 1924 г. держался не только на «политнеграмотных»: Сталин еще и распалял их «классовую» ненависть к «спецам»-интеллигентам, неважно — партийные они или «попутчики».

Тот бытовой аскетизм, который был присущ большевикам-маргиналам при царизме (подполье, тюрьмы, ссылки), во много раз усиленный материальными невзгодами периода «военного коммунизма», и в годы нэпа был возведен в ранг «партийной этики», когда исключали из партии при регулярных чистках женщин за крашеные губы или за золотые обручальные кольца на пальцах, а мужчин — за вставные золотые зубы.

Подчеркнутый аскетизм (или, по православному монашескому — «постническое житие») стал в годы нэпа нормой партийной жизни именно у «меченосцев»: за «буржуазное разложение» (а нередко за его признаки политнеграмотные «партпризывники» принимали галстук или вычищенные штиблеты, поскольку сами платоновские пашинцевы или шолоховские макары нагульновы всегда, как и Сталин, ходили в сапогах, а вместо бабочек надевали косоворотки) пачками исключали из партии.

---

[1] *А. Бубнов,* отв. ред. Статистические сведения о ВКП(б). Справочник (издание БСЭ). — М., 1930, с. 533–534.

Особенно доставалось от сталинских «меченосцев» первым советским дипломатам. Уполномоченный Совнаркома РСФСР по русским военнопленным в Германии *Виктор Копп,* из обрусевших немцев, был буквально затерроризирован слесарем из Луганска *Лутовиновым,* после разгрома «рабочей оппозиции» (Коллонтай, Шляпников, Лутовинов и др.) сосланным «политкомиссаром» в советскую консульскую миссию в Берлине: слесарь постоянно писал на В. Коппа доносы в ЦК как на «разложенца» и даже «немецкого шпиона», в качестве доказательств ссылаясь на всегда выглаженный костюм, чищеные ботинки и галстук полпреда. В конце концов слесаря из Берлина отозвали, но он все равно кончил плохо — в 1924 г. застрелился. В предсмертной записке написал — уходит из жизни, т. к. считает нэп предательством дела мировой пролетарской революции, а нэпманов — новыми буржуями.

На XV съезде партии в декабре 1927 г. у главного докладчика от троцкистской оппозиции посла во Франции *Христиана Раковского* сталинский подручный сын латышского батрака *Ян Рудзутак* (четыре класса церковно-приходской школы, но с 1926 г. — член Политбюро и одновременно зампред Совнаркома) на полном серьезе обосновывал «троцкизм» дипломированного доктора медицины (окончил медицинский факультет университета г. Монпелье на юге Франции) «Рако» (партийный псевдоним Раковского за границей) все теми же «чищеными штиблетами», галстуком-бабочкой, да еще... сигарами, которые Рако любил курить во время дипломатических приемов в Париже[1]. Впрочем, верная служба Сталину сына батрака не спасет — в 1938 г. «усатое голенище» его расстреляет.

И поэтому уже к 1927 г. не ленинские «советизированные рабочие» утонули в «море этой великорусской швали» как «мухи в молоке» (В. И. Ленин), а практически все образованные большевики-марксисты с дореволюционным партийным стажем, которых к 1930 г. в партии окажется, если судить по статистическому отчету А. Бубнова, *менее одного процента.*

Но у Сталина для его «меченосцев» был припасен и короткий материальный «поводок» — *партмаксимум.* Введенный по инициативе Ленина еще в начале «военного коммунизма» (с 1918 г.) для спасения партийных кадров от голодной смерти, он не был отменен для членов РКП(б) и аппаратчиков исполкома Коминтерна и в сравнительно сытые годы нэпа. Наоборот, Сталин даже ужесточил его режим — за «левый» приработок нещадно карали, вплоть до исключения из партии (Борис Бажанов даже как-то услышал от Хозяина потрясшую его фразу — «голодные псы верней служат»).

И с 1921 г. в СССР складывается парадоксальная ситуация: все простые граждане живут «по нэпу» (Ленину), а партаппаратчики РКП(б) и Коминтерна — по «военному коммунизму» (Сталину и Зиновьеву), чем-то напоминая советских туристов на Западе времен брежневского застоя, но в своей стране: прилавки ломятся от изобилия всего, а валюты (тогда — «золотых червонцев») в кармане кот наплакал. Тут хочешь не хочешь, а начнешь ненавидеть «мирового буржуя» и за границей, и у себя дома! Такая вот поднималась среди «меченосцев» волна «классовой» ненависти (кстати, в некоторых советских кинофильмах, отражающих быт 20-х гг., это показано — см., например, «Жестокость»).

И выходило благодаря дьявольской задумке Сталина, что вся страна жила в условиях нэповского «рыночного социализма», а «орден меченосцев» по-прежнему — в «монастыре», по чину «постнического жития», сиречь «военного коммунизма».

Сталинский «короткий поводок» для «голодных псов» выглядел так. Ссылаясь на то, что партмаксимум — от 125 до 200 руб. жалованья в месяц — не позволяет работникам партаппарата покупать продукты и промтовары на рынке (квалифицированный рабочий,

---

[1] См.: *Конт Франсис* (Франция). Революция и дипломатия (документальная повесть о Х. Раковском). М., 1991, с. 205—218.

к примеру электромонтер, зарабатывал до 300 руб. в месяц), Сталин добился сохранения для партноменклатуры режима «военного коммунизма»: ее обеспечение шло через Управление делами ЦК ВКП(б) в виде пайков, госдач, путевок в санатории и т. д. Характерно, что вскоре после введения нэпа секретариат ЦК РКП(б) ввел для партноменклатуры (75 тыс. человек вместе с членами семей) свой «нэп» — продуктовый месячный паек: 1,2 *кг* мяса, по 1,2 *кг* масла и сахара, 162 папиросы и три коробки спичек (все это — бесплатно). Наркомфин *Григорий Сокольников* в 1922 г. не без подсказки Ленина (а он даже больной, лежа в Горках, чаще всего принимал в 1922—1923 гг. именно Сокольникова, хотя Сталина — куратора ЦК за его лечением — за тот же период допустил к себе всего три раза) неоднократно предлагал отменить партмаксимум и пайки, повысить аппарату жалованье, поставив его в зависимость от эффективности руководства экономикой, но Сталин ограничился повышением партмаксимума для коммунистов, занятых в экономике, до 360 руб.

Еще бы! Не будь этого «короткого поводка» и «ленинских» призывов, Сталин после смерти Ленина *никогда бы не победил* ни «троцкистов», ни «правых уклонистов», ни вообще всех тех, кто ходил в чищеных ботинках, глаженой рубашке и при галстуке!

Один из «троцкистов» советский дипломат *Адольф Иоффе,* личный друг Троцкого, именно после «октябрьского» призыва покончивший с собой, за несколько часов до самоубийства написал другу письмо-исповедь по поводу совсем другой партии по сравнению с той, в какую до революции они оба вступали по идейным убеждениям (Троцкий в эмиграции полностью опубликует это письмо, написанное в ноябре 1927 г., в одной из своих эмигрантских книг): «Вы не отдаете себе полного отчета в том вырождении, которое претерпела партия. Подавляющее большинство ее, во всяком случае, решающее большинство — чиновники; они гораздо больше заинтересованы в назначениях, повышениях, льготах, привилегиях, чем в вопросах социалистической теории или в событиях международной революции. В нашей политике они видят донкихотство. Под политическим реализмом (они в парадных речах отождествляют его с ленинизмом) они понимают заботу о собственных интересах».

Разумеется, Троцкому, занятому глобальными проблемами мировой революции, было не до какой-то там «мелочевки» с «партпризывниками», хотя в брошюре «Новый курс» (январь 1923 г.) он и поставил проблему «бюрократизм и революция».

Но лишь после своей высылки из СССР в 1929 г. Троцкий спохватился и теоретически в эмиграции всерьез занялся анализом сталинского «свинцового зада бюрократии».

В своем «Сталине» (т. 2, гл. «Термидор») ссыльный «демон революции» дал волю своим марксистским эмоциям: «Несмотря на неизмеримо более глубокий характер Октябрьской революции, армия советского термидора объединила по существу все, что оставалось от прежних господствующих партий и их идеологических представителей. Бывшие помещики, капиталисты, адвокаты, их сыновья, поскольку они не бежали за границу, включились в государственный аппарат, а кое-кто и в партию. Неизмеримо в большем числе включились и в государственный, и в партийный аппарат члены бывших буржуазных партий: меньшевики и социал-революционеры. К ним надо прибавить огромное число людей обывательского типа, которые оставались в бурную эпоху революции и гражданской войны в стороне, а теперь, убедившись в крепости советского государства, стремились приобщиться к нему на ответственные должности, если не в центре, то на местах.

Вся эта огромная и разношерстная армия была естественной опорой термидора».

Оспаривать вывод Троцкого о чудовищном росте советского бюрократизма не приходится — еще до него в 1919 г. временный «попутчик» большевиков *Юлий Мартов* в брошюре «Что делать?» обратил на это внимание, одновременно изумившись — рабочие-таки получили в 1917 г. в свое владение заводы и фабрики, а они встали, т. к.

пролетарии управлять ими не умеют. Отсюда — набор «управляющих» из мещан на заводы, фабрики, в банки и прочие «советские конторы». Известный академик-экономист *С. Г. Струмилин* в начале 20-х гг. писал: при «проклятом царизме» на 15 рабочих приходился один «конторщик», а при «диктатуре пролетариата» — один на семь «пролетариев». Вот откуда росли корни советского бюрократизма.

Но общий вывод «демона революции» реальностей жизни не учитывает: «Реакция термидора имела замаскированный характер, ибо пролетарская революция была запущена изнутри».

Но что предлагал Троцкий? Как это ни покажется парадоксальным — все тот же партийный *«орден меченосцев»* (у Троцкого, правда, еще в 1919 г. он назывался *«новый орден самураев»),* но только с фанатичной ленинской верой его членов в мировую пролетарскую революцию, а не в сталинский социализм в одной стране. А пока эта революция «запаздывает», надо сохранить «душу, волю и веру к борьбе» (Ленин) и вести образ жизни *аскета,* ну, скажем, как *монах* в православном монастыре. Почитайте речи главного хранителя «партийной этики» *Арона Сольца,* который в 20-х гг. не был ни «троцкистом», ни «сталинистом»: «Мы — *добровольное войско»,* «если одежда говорит, что человек не мыслит по-рабочему, это нехорошо», «если коммунист внешностью старается походить на прежних господ жизни», это тоже нехорошо, как и «золотые зубы, браслеты, кольца и т. п.». (Цит. по: Партийная этика. 1989, с. 265, 268—269).

Сталин в его сапогах и френче (ни разу не надевал «гимназический» галстук в советские времена) как нельзя больше подходил под эти принципы партийной этики.

Многие оценки личности Сталина не были придуманы Троцким — за десять лет (1917—1927 гг.) в одном Политбюро, ЦК, ИККИ и Совнаркоме оба хорошо изучили друг друга. Отнюдь не «троцкист» (о Троцком в своих мемуарах 1930 г. он тоже отзывается весьма скептически, о чем уже говорилось выше), *Борис Баженов* подтверждает оценки Троцкого из его книги «Сталин».

По уровню «культурности» Сталин, конечно, ни в какое сравнение с Лениным и Троцким не шел. Вот как характеризовал Бажанов своего Хозяина: «Сталин малокультурен, никогда ничего не читает, ничем не интересуется. И наука, и научные методы ему недоступны и неинтересны. Оратор он плохой, говорит с сильным грузинским акцентом. Речи его малосодержательны. Говорит он с трудом, ищет нужное слово на потолке. Никаких трудов он, в сущности, не пишет: то, что является его сочинениями, — это его речи и выступления, сделанные по какому-либо поводу, а из стенограммы потом секретари делают нечто литературное (он даже и не смотрит на результат; придать окончательную статейную или книжную форму — это дело секретарское» *(Бажанов Борис.* Указ. соч., с. 147).

Добавим от себя: конечно, на фоне большевиков 20-х гг. — членов ЦК, окончивших хотя бы дореволюционную гимназию или реальное училище (Троцкий, Каменев), да еще вдобавок один-два курса отечественных (Бухарин) и даже заграничных (Зиновьев в Швейцарии) университетов, не говоря уже об «остепененных» (доктор экономики Григорий Сокольников-Бриллиант, Сорбонна) Сталин выглядел как «валенок из инородцев». Но по сравнению с Кагановичем, Калининым, Ворошиловым или Буденным он вполне мог сойти за «Маркса — Энгельса — Ленина» вместе взятых — эти вообще были «азбучно» необразованными и являлись «шестерками» в большой политике. Вот когда в России в полном смысле проявился крестьянский *здравый смысл* в противовес «барскому» интеллигентскому *уму,* привитому в гимназиях.

А что, кстати, российские «купчины толстопузые», ворочавшие на Волге и Каме миллионными состояниями, владевшие десятками пароходов и складов, были разве «шибко грамотными»?

Да в XIX в. иногда они и расписаться не умели, не то что книжки читать: для грамоты у них приказчики-«спецы» имелись, как позднее интеллигенция у «сталинской пехоты» в 30—40-х гг.

Но и нынешняя реанимация «православной этики» в бизнесе при Ельцине и Путине большой перспективы не имеет. Этот дрейф к союзу «самодержавия и православия» начал еще «царь Борис». Но провинциальному секретарю обкома, к тому же в 70-х гг. запятнавшего себя приказом разрушить Ипатьевский дом — предсмертное прибежище расстрелянной семьи последнего императора (сейчас на этом месте построили Храм на крови), было очень трудно изображать воцерковление: и крестился не той рукой, и Рождество с Пасхой путал.

Путин эту технику освоил в момент. Более того, поддержал стремление православного клира активно вмешиваться в социальные («Основы социальной концепции РПЦ», 2001) и, особенно, экономические отношения режима *путинизма* (хартия о принципах православной бизнес-этики, принятой VIII Всеправославным собором 4 февраля 2004 г.).

Характерно, что на этот раз Собор почтили своим присутствием не только «православные бизнесмены» *(С. Пугачев* из Петербурга, *Александр Лебедев,* офицер действующего резерва СВР и председатель правления Национального резервного банка), но и «либеральный безбожник» *Г. Явлинский,* после провала «Яблока» на думских выборах в декабре 2003 г. пытающийся любыми методами удержаться на «политическом плаву» (неудивительно, если «Гриша» для этого вступит даже в секту «Адвентистов 7-го дня», если те бросят ему спасательный финансовый круг). Думается, однако, ничего серьезного из этих акций не получится: традиционное русское православие с 1929—1933 гг. (раскулачивание) потеряло историческую основу — православный крестьянский *міръ,* и восстановить его не смогут ни декларации иерархов РПЦ, ни финансовые подачки «на церкву и богадельню» псевдорелигиозных офицеров действующего резерва или «сенаторов от автономий» типа *Сергея Пугачева.* «Атлантида» православия опустилась на дно, и вряд ли в ближайшие десятилетия всплывет на поверхность.

Да и сам прогресс цивилизации мешает два раза войти в одну и ту же реку. Ведь знаменитое «купецкое слово крепкое» шло не от православной морали, а от «азбучной неграмотности» XVII—XIX вв. русских «тит титычей». Отсюда приглашали попа, целовали крест и создавали «кумпанство» — без бумаг, нотариуса и регистрации (разве что сам царь утверждал титул такого «товарищества», начиная от капитала в 5 тыс. зол. рублей).

Но какой иностранный инвестор даст под такое «целовальное кумпанство» деньги без бумаг? Вот ведь в чем главная причина слабого притока иностранных инвестиций в Россию, начиная с Петра I, а вовсе не в отсутствии «православной бизнес-этики».

И то сказать — «не боги горшки обжигают, сударь...». Поэтому и вывод Б. Бажанова об умственных способностях Сталина вполне позитивный: «Умен ли он? Он не глуп и не лишен природного здравого смысла, с которым он очень хорошо управляется».

Не лишены интереса общепсихологические оценки бывшего сталинского технического секретаря. Он, на наш взгляд, верно определяет общую «родовую» черту Ленина и Сталина — «у обоих была маниакальная жажда власти; всю деятельность Ленина пронизывает красной нитью лейтмотив: «во что бы то ни стало прийти к власти, во что бы то ни стало у власти удержаться». Можно предположить, что Сталин просто стремился к власти, чтобы ею пользоваться по-чингизхански, и не очень отягощал себя другими соображениями. В то время как Ленин жаждал власти, чтобы иметь в руках

мощный и незаменимый инструмент для построения коммунизма» (*Бажанов Борис*. Указ. соч., с. 115).

В этой диспозиции между Лениным и Сталиным вполне можно поместить и Троцкого, хотя его доктринерство было гораздо тверже ленинского. Мировая революция к моменту его гибели и так превратилась в некое подобие христианского «загробного царства». Ко времени завершения книги «Сталин» уже началась Вторая мировая война, а сам герой этого труда Троцкого состоял в военном и экономическом сговоре с Гитлером. Потерпела поражение «испанская революция», в Китае Япония с 1937 г. громила и коммунистов, и националистов — гоминьдановцев, а «демон революции» все ожидал «большого исторического буксира» от мировой революции в Европе, обвиняя Сталина в том, что брошенный ему конец этого «буксира» он в СССР не ловит.

Троцкий до самой своей гибели так и не признал ленинского из 1923 года — «конечно, мы провалились». А ведь он очень хорошо знал — все-таки был образованный марксист — что «сталинский термидор» не только следствие субъективной политики Сталина, а *результат провала расчетов большевиков на мировую пролетарскую революцию, которая разом решит все проблемы* — государство и деньги в Советской России «отомрут», рабочие и крестьяне сразу будут самоуправляться без всяких посредников — бюрократов, словом, потекут молочные реки в кисельных берегах[1].

Разумеется, на начало изменения парадигмы большевизма — появлением (пока рядом с доктриной мировой пролетарской революции Коминтерна) какого-то пока непонятного национал-большевизма (а именно с ним ассоциировали нэп) обратили внимание во «второй России» — в эмиграции (евразийцы, «сменовеховцы», будущие монархисты-«возвращенцы» и др.), вначале (1920 г.) читавшие брошюры Устрялова как «научную фантастику».

И, пожалуй, вторым после Устрялова уже в 1922 г. это сделал *В. В. Шульгин* в третьей части своих мемуаров «1920»: «Красным только *кажется,* что они сражаются во славу Интернационала. На самом же деле, хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить «Богомхранимую Державу Российскую». Они своими красными армиями (сделанными «по-белому») движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов. Это и будут естественные границы Будущей России. Интернационал «смоется», а границы останутся».

Сам того не подозревая, Шульгин наносил смертельный удар в самое сердце ленинской доктрины: «Октябрьская революция — начало мировой пролетарской революции». «Ленин предполагает, а объективные условия, условия, созданные Богом, — как территория и душевный уклад народа, «располагают», — писал Шульгин. — И теперь очевидно стало, что, кто сидит в Москве, безразлично, кто это, будет ли это Ульянов или Романов (простите это гнусное сопоставление), принужден делать дело Иоанна Калиты».

И, наконец, убийственный приговор «пролетарским доктринерам»: «Если это так, то это значит, что Белая Мысль, прокатившись через фронт, покорила их подсознание. Мы заставили их красными руками делать Белое дело.

Мы победили.

Белая мысль победила»[2].

---

[1] За Троцкого это сказал один из первых теоретиков национал-большевизма «харбинский отшельник» приват-доцент *Н. В. Устрялов* еще в 1920 и 1925 гг. — См. *Устрялов Н.* Национал-большевизм. М., Алгоритм-книга, 2003. Справедливости ради следует отметить, что на одну доску с национал-большевизмом (как, кстати, в 20-х гг. и Н. Бердяев и Дм. Мережковский) Устрялов ставил и национал-фашизм (книга «Итальянский фашизм», 1928) и немецкий нацизм («Германский национал-социализм», 1933).

[2] *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920. М., 1990, с. 796, 807.

* * *

И все же достаточно четкую логику — революционную или, наоборот, контрреволюционную, термидорианскую (как утверждал Троцкий и его последователи на Западе) — уследить в акциях Сталина достаточно сложно.

В самом деле — почему Сталин в 1932 и 1937 г. спасает от верной смерти одного, несомненно, талантливого ученого (Е. В. Тарле), но в 1936 г. шельмует другого не менее талантливого (а фактически гения) интеллигента композитора Д. Д. Шостаковича за «формализм» (оперу «Катерина Измайлова»)? Да вдобавок «лягает» талантливейшего писателя М. А. Булгакова (за пьесу «Мольер»), хотя продолжает ходить во МХАТ на другую пьесу того же автора «Дни Турбиных»?

Почему один и тот же человек — Сталин — в декабре 1931 г. санкционирует взрыв храма Христа Спасителя в Москве, а 15 мая 1932 г. декретирует «антирелигиозную пятилетку» (упразднение из сознания советских людей «самого понятия бога к 1 мая 1937 г.»), но вместо «изгнания бога» в 1938 г. на экраны СССР выпускается «царистский» кинофильм «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна (в нем уже и не пахло романтикой революционного «Октября» 1927 г.), хотя живы еще были люди, помнившие: еще до революции этот новгородский князь, слуга Великой Орды, был приравнен Св. Синодом к лику православных святых?

А за «Невским» последовали «Минин и Пожарский» (1939 г.) и «Суворов» (1941 г.) Всеволода Пудовкина, ранее — «Петр I» (1937 г.) по сценарию «красного графа» А. Н. Толстого, в конце войны (1944 г.) первая серия «Ивана Грозного» (Сталину не понравилась) и многие другие исторические фильмы того же толка.

Может быть, в этом явном интересе Сталина не просто к прошлому, а к прошлому царей-реформаторов и «спасителей России» (Минин и Пожарский), но не «разрушители» империи Емельке Пугачеву или Стеньке Разину — о них кинофильмов Сталин не заказывал, но зато лично заказал «расконвоированному» академику Тарле ставшую впоследствии знаменитой трилогию — «Наполеон», «Талейран», «Нашествие Наполеона на Россию» — и лежит *ключ к* пониманию политики «вождя» в конце 20-х — середине 30-х гг.: *отрубить головы «плохим боярам», защитить от них «народ», укрепить державу и свою личную власть?*

Конечно, при таком державном подходе никакой — ни «марксистской», ни «буржуазной» — демократией (классовый подход, «буржуазное» разделение властей, «права человека» и т. п.) и не пахло. И напрасно серьезный историк *Ю. Н. Жуков,* анализируя «сталинскую» конституцию 1936 г., вдруг тщится доказать, что она якобы «заложила прочный фундамент подлинной демократии» (!? — Ю. Н. Жуков. Указ. соч., с. 32).

Прав Юрий Жуков в другом: под сурдинку пропагандистской газетной трескотни о «годе великого перелома» (1929 г.), ночных взрывов под Храмом Христа-Спасителя (декабрь 1931 — январь 1932 гг.), отвлекающей статье-маневре «Головокружение от успехов» в «Правде» 2 марта 1930 г. Сталин *полностью изменил кадровый состав ВКП(б).*

Сначала, под предлогом обмена партийных билетов, он фактически приостановил прием в партию на целых пять лет, с 1932 по 1937 г.

Затем в 1935 г. распустил «гнезда революции» — «Общество старых большевиков», «Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев» вместе с их журналом «Каторга и ссылка», ликвидировал «Политический Красный Крест» и т. д.

Еще раньше, в апреле 1932 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» Сталин разгонит все эти «пролетарские» ВАППы, РАППы и т. д. и в августе 1934 г. под эгидой А. М. Горького создаст в Москве единый Союз советских писателей. По той же схеме начнут затем создавать союзные и республиканские объединения композиторов, художников, архитекторов и т. д., наделяя их дачами, пайками, издательствами, журналами и т. п. (в 1992—1995 гг. их новые «демократические» начальники всю эту недвижимость бесплатно «прихватизируют»).

Амнистией в августе 1933 г. Сталин вернул из ссылки бывших «буржуазных спецов-вредителей», осужденных на процессах 1928—1932 гг. (а заодно и отпустил на волю всех уцелевших строителей Беломоро-Балтийского канала), но зато после убийства С. *М.* Кирова отправил на кровавую голгофу («кировский поток») очень многих «партпризывников» 1924—1930 гг., доктринеров мировой пролетарской революции, пришив им либо «троцкизм», либо «правый уклонизм».

И также заодно он подверг избиению в 1937–1939 гг. весь командный состав прежней РККА и «чичеринского» НКИДа (не успел только в 1939 г. организовать четвертый московский показательный процесс, на котором «примами-балеринами» должны были стать М. М. Литвинов и А. М. Коллонтай — резко изменилась международная обстановка, а 1 сентября 1939 г. вспыхнула Вторая мировая война, и было уже не до процессов).

С 1937 г. в партию повалил *обыватель,* который с гордостью писал в партийных анкетах — в «оппозициях не участвовал», в «белой армии не служил» (впрочем, он никогда не служил и в красной, ибо в Гражданскую войну отсиделся в кустах), «под судом и следствием не находился», «родственников за границей не имею» и т. п.

Так были заложены основы уже совсем другой — *не политической,* а *номенклатурной* «партии», больше похожей на дореволюционный царский чиновничий корпус, тем более, что Сталин сам еще в 1930 г. признал: «...партийное и советское (госаппарат. — *Авт.)* переплетены, неотделимы друг от друга» (из письма Молотову, 28. IX. 1930 г.).

И далеко не случайно, что уже в 1937 г. в партийном лексиконе сталинских «вождей» (например, в докладах Г. М. Маленкова) появляется совершенно новый термин — *коммунист-карьерист* (вместо прежних «троцкистов», «бухаринцев» и прочих «врагов народа»).

В этом полном *сращивании* партийного аппарата с государственным (наркоматы и советы) и состоял главный итог сталинской бюрократической революции «сверху» в 30-х гг., что, впрочем, успел еще в эмиграции отметить Л. Д. Троцкий. В 1952 г. на XIX съезде Сталин в новом партийном уставе окончательно закрепит это *сращивание:* отныне это будет не международная («коминтерновская») коммунистическая политическая партия, а всего лишь КПСС — компартия одного Советского Союза.

Параллельно с чисткой партийных кадров от «троцкистов» и «бухаринцев» Сталин унифицирует всю структуру советского общества. 27 августа 1929 г. в связи с первой пятилеткой вместо «религиозной» недели (Бог создал мир за семь дней) вводится «р-р-революционная» пятидневка и трехсменный (ночная смена) график работы на предприятиях. 27 декабря 1932 г. начинается паспортизация горожан и их прописка (крестьяне до Хрущева останутся почти на 30 лет без паспортов).

Усиливаются репрессивные меры против «расхитителей социалистической и кооперативно-колхозной собственности» (декрет 7 августа 1932 г. — до 10 лет лагерей). 27 июня 1936 г. Сталин запрещает аборты.

Но одновременно в печати и по радио начинает звучать бодряческий сталинский лозунг — «жить стало лучше, жить стало веселей». Неимоверно раздувается пропагандистская шумиха вокруг спасения экипажа и пассажиров парохода «Челюскин»

у берегов Чукотки (февраль 1934 г.), хотя неледокольный корабль без сопровождения нельзя было зимой посылать в такое рискованное плавание. В 1937 г. с такой же помпой будут встречать в Москве «папанинцев» и экипаж самолета Валерия Чкалова, перелетевшего из СССР в Америку через Северный полюс (в те же дни в столице идет закрытый процесс над «красными маршалами» во главе с М. Н. Тухачевским). На киноэкранах вовсю крутят первые советские звуковые комедии — «Волга-Волга», «Цирк» и другие и даже получают за них международные кинопремии (например, за «Веселых ребят» с Леонидом Утесовым на Венецианском фестивале в Италии при Муссолини).

За всем этим «сталинским энтузиазмом» масс чувствуется умелая рука опытного дирижера — народ надо отвратить от политики. Как? Ну, например, путем физкультуры и футбола.

В июле 1935 г. на Красной площади в Москве проводится первый грандиозный «сталинский» физкультурный парад — его снимают на кинопленку и крутят по всей стране.

С весны 1936 г. новое «хобби» вождя — футбол. Нет, мужское население СССР вовсе не призывают, как в Бразилии, *играть* в футбол — его приучают *болеть* за свои команды, а заодно и выпивать за них, что не только не возбраняется властями, а наоборот, поощряется.

Футбольные команды из профсоюзных, «классово-пролетарских» при крупных заводах («Торпедо» при ЗИСе, «Локомотив» при НКПС) превращаются в «клубные», сиречь профессиональные («Динамо», «Спартак» и др.).

Матчи начинают транслировать по радио, о них взахлеб пишет пресса, в том числе и официозная («Правда», «Известия», «Труд»).

А КОРОЛЬ-ТО ГОЛЫЙ...

Между тем реальная ситуация в стране к началу Великой Отечественной войны была далека от той сталинской «потемкинской деревни», которую изображали радио, кино, печать, советские писатели и как ее представляло сталинское руководство на XVIII партсъезде в марте 1939 г.

Несмотря на все крики об индустриализации и заявления об «в основном построенном социализме» и даже о «начале перехода к коммунизму», СССР все еще продолжал оставаться аграрно-промышленной страной.

Реальные статистические «замеры» (переписи) показывали — в 1926 г. основная масса населения (82%) все еще жила в деревне. Результаты второй переписи 1937 г. повергли «вождей» в ужас: оказалось, что, несмотря на «антирелигиозную пятилетку», более 60% населения продолжают верить в Бога — православного или мусульманского (руководителей переписи из ЦСУ немедленно расстреляли как «вредителей», а публикацию итогов переписи запретили). В третью перепись 1939 г. новое руководство ЦСУ о вере в бога уже благоразумно не спрашивало, но обнаружилась другая напасть: по-прежнему более половины населения СССР жило в деревнях, хотя многие из них и были переименованы в «поселки городского типа». Среди «пролетариата» на заводах почти 2 млн. составляли чернорабочие и уборщицы, а среди советских партийных «вождей» *только 6% имели диплом о законченном высшем образовании.*

В итоге и эту перепись Сталин приказал засекретить (21 фолиант), и только в 1994 г. один сводный том был наконец опубликован.

Впрочем, «сталинской партии» правда о стране, которой они управляли, была и не нужна: при их «базовых» двух или четырех классах образования (как у Хрущева) им не

логарифмическая линейка была нужна, а «вертушка» (в Москве) или кулаком по столу (в райкоме) — «даешь сенокос, или партбилет на стол!».

А то и «вредителем» объявим...

Именно на таких парт- и госруководителей «сталинских призывов» 1937—1938 гг. и была рассчитана «История ВКП(б). Краткий курс», в октябре 1938 г. из номера в номер публиковавшаяся в «Правде», а с ноября поступившая в продажу многомиллионным тиражом (в первый день продажи очередь «блока коммунистов и беспартийных» стояла в Москве от Охотного ряда до магазина на площади Пушкина). Таким неподдельно-подобострастным был интерес обывателя к этой чудовищной сталинской фальсификации. «Революция сверху» завершилась — ее новым адептом был выдан новый партийный «закон божий». Сбылось пророчество великого русского историка В. О. Ключевского о главной заповеди иерархов «византийского чина» православия: веруй, а не умствуй!

Осталось применить его на практике. Но тут неожиданно — война! А с ней и особенно после *нее — прозрение:* «а король-то голый, товарищи...»

Глава 2

СУМЕРКИ СТАЛИНИЗМА

Для поколения тех из россиян, которым сегодня перевалило за шестьдесят, отечественная история XX века четко разделилась на «до» и «после» войны — Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Война окончательно похоронила все химеры доктрины мировой пролетарской революции, хотя в сознании и памяти многих рядовых советских людей, семьи которых не затронули сталинские репрессии 1928—1938 гг., довоенное время осталось как самое счастливое. И дело, конечно, было не только в официальной сталинской пропаганде — «жить стало лучше, жить стало веселее» и не в «американизированных» фильмах типа «Волга-Волга», «Цирк», «Чапаев» и других, в раздутой эпопее спасения «челюскинцев» и полетах Чкалова — Байдукова — Белякова через Северный полюс в Америку.

Примерно с сер[illegible]бенно в городах, заметно поднялся, по сравнению с прежним, «дереве[illegible] уровень, укреплялась сеть яслей — детских садов — пионерлагерей, «красных спецов» — инженеров и техников — регулярно до войны по бесплатным путевкам отправляли в дома отдыха и санатории к Черному морю (сужу по своему отцу), расширялась система бесплатного здравоохранения и образования.

Однако очевидный отказ от доктрины мировой революции (наиболее наглядный юридический документ — «сталинская» конституция СССР 1936 г.) вовсе не означал «реставрации», т. е. возврата к положению до октября 1917 г., на что так в 20-х гг. надеялись внутренние и внешние «сменовеховцы». Возникало некое новое состояние общества — не дореволюционное и не доктринерско-марксистское (т. е. «троцкистское»), а нечто *среднее,* центральной низовой фигурой которого, по более позднему определению известного советского философа-диссидента Александра Зиновьева, стал homo soveticus[1].

Этот homo вышел не из дворянской, но и не из крестьянской культуры — он питался соками промежуточной *посадской* (мещанской) *субкультуры*, не слишком надрываясь на

---

[1] С. Г. Кара-Мурза идет еще дальше и пишет об особой «советской цивилизации», отмечая при этом принципиальные различия коммунизма и фашизма. См.: *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. М., 2002.

работе, но и не нарушая существующие законы и тем более не играя «в политику» (что при Сталине означало рассказывание политических анекдотов в курилке). Это было общество своеобразной «монастырской братии» (вспомним у Николая Гоголя фразу о России Николая I — «вся страна — один сплошной монастырь»), где каждый, не владея ничем, обязан был соблюдать сталинский монастырский «устав». При этом действия «иерархов» — сталинской партхозноменклатуры и ее «папы» (самого Сталина) – «братия» никакой критике подвергать не смела.

Вместе с тем и при Сталине, и при его преемниках — Хрущеве и Брежневе — советский режим держался не на одних голых репрессиях: «братьев меньших», как умели, защищали от *холода* и *голода*. И это при том, что война, потребовавшая неимоверных жертв, гигантского напряжения народных сил и героического патриотизма, отбросила население СССР в смысле уровня жизни на четверть века назад, в эпоху Гражданской войны.

Во время войны и еще долго после ее окончания вновь возродилось «мешочничество» (поездки в деревню и обмен ширпотреба, вещей на продукты), т. н. «приусадебные огороды» (в осажденном Ленинграде в 1942—1944 гг. сажали картошку на газонах, клумбах, бульварах и т. д.), промышленные предприятия открывали свои «зеленые цеха» — получали от городских и областных властей брошенную колхозную землю и сооружали животноводческие фермы, сеяли хлеб, сажали овощи и т. д. (даже тридцать лет спустя после войны, в конце 70-х гг., разъезжая по стране как лектор Всесоюзного общества «Знание», я еще встречал такие «зеленые цеха» в виде своеобразных «совхозов», подсобных хозяйств крупных заводов в Татарии, Башкирии, Оренбургской области и т. д.; моя семья — отец и мать — в г. Рыбинске Ярославской области всю войну и до середины 50-х гг. также имела свой огород — сажала картофель и овощи, мать держала козу, кур, гусей, многие соседи выращивали поросят и т. д.).

Никаких запретов, несмотря на более поздние утверждения советских диссидентов, при Сталине за эту «мелкобуржуазную» деятельность не следовало: никого из наших соседей не посадили как «кулака» или «правого уклониста». Борьбу с этим «огородничеством» начал с 1961 г. только Н. С. Хрущев, но не по идейно-теоретическим соображениям, а по собственной дурости, «посадской» малограмотности и дешевой демагогии (помните: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» или «скоро я покажу вам последнего попа»).

* * *

Но Сталин сумел продлить существование своего репрессивно-патерналистского режима (аналогию которого следует искать не в Третьем рейхе Гитлера, а в т. н. «национальной контрреволюции» *Франсиско Франко* в Испании 1939—1975 гг.), почти на полвека, до 1989 г., сохранившего свою основу, но не из-за успехов сталинской *внутренней*, а исключительно *внешней* политики («империя», сверхдержава).

Победа СССР в составе антигитлеровской коалиции над державами «оси» Берлин — Рим — Токио и их сателлитами вывела Советский Союз в число супердержав мира, чего не случалось последние 130 лет, со времен падения империи Наполеона I в Европе, когда русский царь Александр I въехал 31 марта 1814 г. на белом коне в Париж.

Мировой геополитический порядок после Второй мировой войны — знаменитая Ялтинско-Потсдамская система 1945 г. (подтвержденная тридцать лет спустя в «Заключительном акте по безопасности и сотрудничеству» в Хельсинки в 1975 г.) — был установлен с активным участием *И. В. Сталина.*

Ни Ленину, ни Троцкому с их программой коминтерновской «красной интервенции» и не снилась такая геополитическая экспансия коммунизма, которой добился Сталин после победы над фашизмом во Второй мировой войне. Шутка ли — «вождь всех времен

и народов» не только сохранил государственные границы, «округленные» в результате сделки с Гитлером в августе — октябре 1939 г. (прибалтийские республики, Бессарабия, Северная Буковина) и советско-финской войны 1939—1940 гг. (Южная Финляндия и Карелия), но подобно Александру I (включение с 1815 г. в состав Российской империи «русской» Польши вместе с Варшавой) получил с санкции Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля часть Германии (Калининградскую область — бывшую Восточную Пруссию), а на Дальнем Востоке — Южный Сахалин и всю гряду Курильских островов.

Как и при царях — Александре I и Николае I, — Сталин выторговал у своих временных геополитических партнеров «буферную зону» — страны Восточной и Балканской Европы. Но если в XIX в. основным обоснованием у Петербурга по разделу сфер влияния в Европе были либо династические интересы (например, в германских княжествах, откуда цари и великие князья из дома Романовых традиционно брали своих жен), либо идеи православного (славянского) покровительства (Болгария, Сербия, Черногория), то у Сталина вначале инструментом захвата стал антифашизм (благо с 1944—1945 гг. в Германии, Австрии и ее бывших союзниках Финляндии, Венгрии, Румынии, Болгарии были учреждены союзные контрольные комиссии по денацификации), а в Польше и Чехословакии — режим «новой демократии», промежуточный между капитализмом и социализмом (до 1947—1948 гг.), что на практике было повторением большевистского опыта 1917—1918 гг. по союзу с «левыми» эсерами (их роль играли польские и чешские социал-демократы). Исключение составили лишь две балканские страны, освободившиеся от фашистской оккупации самостоятельно, — Югославия Иосипа Броз Тито и Албания Энвера Ходжи.

Однако, как и после победы антинаполеоновских коалиций в 1813—1814 гг. (Великобритания и папа римский еще в 1815 г. отказались войти в антиреволюционный «Союз монархов и народов» России, Австрии и Пруссии, а с 1821 г. из-за противоречий в Греции Великобритания открыто выступила против этого «Союза»), антифашистская коалиция оказалась недолговечной. Отстранив с конца 1922 г. от руля управления больного Ленина и изгнав в 1929 г. Троцкого, Сталин после 1945 г. довел до конца их коминтерновскую программу «советизации» Восточной и Балканской Европы. Правда, «советизировать» Германию полностью не удалось — СССР с 1949 г. досталась лишь ее часть — ГДР и Восточный Берлин. Однако с началом холодной войны в т. н. странах народной (новой) демократии начался тот же процесс внедрения советской модели (одна правящая коммунистическая партия, колхозы-совхозы, подавление любого инакомыслия, судебные процессы над «врагами народа» и т. д.), что и в Прибалтике в 1940—1941 гг.

Сталин отверг экономическую программу восстановления разрушенной войной послевоенной экономики Европы («план Маршалла»), предпочел понятную ему экономическую автаркию («социализм в одной стране», распространенный, однако, на целый ряд стран Восточной Европы и Азии, входивших в «социалистический лагерь») и, главное, вступил в открытую военно-геополитическую конфронтацию с гонкой атомных вооружений с США и возглавляемым ими блоком НАТО.

Авторское отступление

БРЕТТОН-ВУДСКИЙ КОМПРОМИСС И ОПЕРАЦИЯ «КРЕСТ»

История послевоенного раскола планеты на «два мира — две системы» все еще малоизучена. Если после Первой мировой войны в конфронтации Коминтерна и Лиги Наций преобладал *идеологический фактор* («нация» или «класс»?), то после Второй — *геополитические интересы* двух будущих супердержав — США и СССР, причем

одним из главных инструментов, помимо оружия, в этой новой конфронтации стали деньги (золото и доллар США).

Сегодня только какой-нибудь африканский абориген из племени мумба-юмба еще не знает, что такое *МВФ* или Всемирный банк — *ВБ.* Но и не каждый продвинутый россиянин догадывается, а чем, собственно, было вызвано создание в 1944 г. этих двух ныне хорошо известных международных финансовых монстров?

А возникли они, как и спустя три года их третий собрат — ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле, ныне *ВТО* — Всемирная торговая организация, куда так рвутся сегодня страны СНГ), в рамках созданной год спустя, в 1945 г., т. н. Ялтинско-Потсдамской системы послевоенных военно-политических финансово-экономических международных отношений, призванной, в связи с сокрушительным поражением фашистско-милитаристской «оси» Берлин — Рим — Токио и ее сателлитов заменить обанкротившуюся Версальско-Вашингтонскую систему 1919—1922 гг.

Как и в 1917—1919 гг., инициаторами создания в мире нового баланса военно-политических сил выступили американцы: после Первой мировой войны — *Вудро Вильсон,* после Второй — его преемник в кресле президента США *Франклин Делано Рузвельт* (в прессе США чаще всего фигурировавший под сокращением *ФДР).*

Именно *ФДР,* активно поддержанных своим младшим партнером — британским премьер-министром *Уинстоном Черчиллем,* созвали в июле 1944 г. международную финансовую конференцию 44 стран антифашистской коалиции в маленьком городке Бреттон-Вудс (штат Нью-Гемпшир).

Задача конференции была предельно ясна: извлечь уроки из краха мировой финансовой системы межвоенного периода (тогда Высший экономический совет Антанты попытался просто механически восстановить довоенный золотой стандарт, вновь приравнять к нему национальные валюты, особенно, стран — участниц Антанты, но потерпел фиаско), и внедрить в «мире капитализма» единую международную платежную *единицу.*

Понятное дело, такой *единицей* мог стать только *USD* — американский доллар, что и было санкционированно бреттон-вудской конференцией.

Одной из важнейших задач творцов этой «финансовой ООН» в Бреттон-Вудсе было обеспечение золотом бумажных банкнот USD, т. к. было решено — доллар должен быть приравнен к золотому стандарту.

Как и после Первой мировой войны, в канун завершения Второй победители озаботились поисками как «бесхозного», так и «нацистского» золота, особенно, в нейтральных странах — Швейцарии, Швеции, Португалии, Испании, ряде стран Латинской Америки.

Первоначально Рузвельт поручил поиск «бесхоза» в 1944 г. Управлению стратегической разведки (с 1947 г. — ЦРУ), и оно довольно быстро установило «бесхозные» остатки золота, особенно «нацистские». Далее поисками золотого «бесхоза» занялась т. н. *Трехсторонняя комиссия* (США, Англия и СССР), от участия в работе которой, однако, Сталин почему-то отказался (хотя еще долго флажок СССР стоял во время официальных заседаний Комиссии перед пустым стулом, зарезервированным для советского представителя).

Первыми сдались «швейцарские гномы»: уже в 1948 г. они заключили с МВФ и ВБ т. н. Вашингтонский компромисс — «гномы» раскрыли часть тайных нацистских счетов в швейцарских банках (как оказалось, менее 10% от реальных), добровольно перечислили эти «грязные деньги» (в основном — еврейские) на счета МВФ и ВБ и тем на целых полвека купили себе право больше никому не раскрывать «тайну вкладов» своих банков.

Но инициаторы «плана Маршалла» получили тем самым начальный капитал, дополненный перемещением в Вашингтон в хранилища МВФ и ВБ другого «бесхозного золота» — царского.

Отношение Сталина к Бреттон-Вудской конференции 1944 г. в СССР долгое время замалчивалось[1], и лишь сравнительно недавно историческая правда о том, что СССР не только участвовал в этой конференции, но и подписал все ее основные документы (в частности, уставы МВФ и ВБ), стала выходить *наружу*[2]. Более того, стало известным, что в 1944–1945 гг. в советских экономических журналах возможный бреттон-вудский финансовый компромисс США и СССР очень активно и в позитивном смысле обсуждался[3].

Инициативу привлечь СССР к послевоенному финансово-экономическому урегулированию в Европе и мире (бреттон-вудский компромисс) еще в 1943 г. в Тегеране проявил *ФДР*. Именно там Рузвельт предложил Сталину (в обмен на участие СССР в войне с Японией сразу поле разгрома фашистской Германии) геополитически «поделить мир», подкрепив свое предложение обещанием выделить СССР на восстановление народного хозяйства 6 млрд. долл. (в дополнение еще к 10 млрд., которые Москва должна была получить в качестве репараций с Германии и ее сателлитов).

16 млрд. долл. были, конечно, очень лакомым куском для Сталина — война ведь разрушила около трети народного хозяйства СССР довоенной поры. Но и это не все: «геополитический компромисс» в Тегеране позволил Сталину позднее — в Ялте и Потсдаме — «округлить» территорию СССР.

В обмен на территориальные уступки и посулы финансовой помощи Сталин и согласился послать в 1944 г. в Бреттон-Вудс свою официальную делегацию во главе с замнаркомвнешторга СССР *М. Степановым.*

И кто знает — останься *ФДР* жив до конца войны (Рузвельт неожиданно умер в апреле 1945 г.), его геополитический и финансовый компромисс со Сталиным в Тегеране, Бреттон-Вудсе и в Ялте имел бы для дальнейшего послевоенного мира совсем другие последствия[4].

Но судьбе и истории суждено было распорядиться по-иному!

На ключевой итоговой международной конференции победителей в 1945 г. в Потсдаме перед Сталиным предстали совсем другие партнеры: вместо Рузвельта — и. о. президента США Гарри Трумэн, который сразу же начал шантажировать генералиссимуса американской атомной бомбой, а вместо «бульдога» Черчилля — невзрачный лейборист Клемент Эттли, чья партия только что победила на парламентских выборах в Великобритании.

Словом, Сталин в Берлине неожиданно очутился как бы в своем привычном Кремле в окружении американских ворошиловых и английских буденных. Вдобавок, вместо тегеранского обещания *ФДР* создать в Бреттон-Вудсе международную валютную резервную систему (некий финансовый аналог Совета Безопасности ООН) в Потсдаме Сталин услышал от Трумэна о... «плане Маршалла», осуществлять

---

[1] См., напр.: Дипломатический словарь / Под ред. А. А. Громыко и др. Т. 1. М., 1984, с. 156 (ни слова об участии СССР в этой конференции).

[2] См., в частности: *Будс Р. Б.* Бреттон-Вудская конференция Объединенных Наций в 1944 г. // Новая и новейшая история, 1992, № 2; *Шенин С. Ю.* Еще раз об истоках холодной войны: бреттон-вудский аспект // США: экономика, политика, идеология, 1998, № 4–5.

[3] См.: *Трахтенберг И.* Проекты международных валютных соглашений // Мировое хозяйство и мировая политика, 1944, № 1.

[4] Варианты этих последствий я рассмотрел в статье «Россия — родина МВФ («исторический компромисс» США и СССР мог сделать послевоенную картину мира совершенно иной)» // Лит. газета, № 36, 3—9.IX.2003.

который, однако, будет не этот «финансовый СБ», а чисто американская Администрация плана Маршалла[1].

В ответ Сталин в декабре 1945 г. отказался ратифицировать все подписанные СССР бреттон-вудские соглашения 1944 г., а на Парижском совещании союзных министерств иностранных дел 27 июня — 2 июля 1947 г. официально уклонился от участия в «плане Маршалла» и запретил это делать своим восточноевропейским сателлитам (испугалась даже Финляндия, но приняла помощь Югославия И. — Б. Тито)[2].

Раскол в стане недавних союзников по антигитлеровской коалиции сопровождался пропагандистскими выпадами. 5 марта 1946 г. экс-премьер *У. Черчилль* вступил в г. Фултон на берегах р. Миссури (США) с резкой антисоветской речью. Сталин ответил ему 14 марта 1946 г. в форме интервью в «Правде» («установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР»)[3].

Но Сталин хорошо понимал: одно дело получать репарации с поверженной фашистской Германии, так сказать, «бартером» — бесплатным трудом военнопленных, станками, инструментами и т. п., и совсем другое — добровольно входить в «долларовую зону» (что из этого получилось после 2 января 1992 г. с гайдаровским «отпуском цен» — мы теперь хорошо знаем по опыту «ельцинской» России и других стран СНГ).

Поэтому вождь не только не пошел на сближение со своими союзниками по антигитлеровской коалиции в этом очень важном для них *финансовом вопросе,* а, наоборот, вступил с ними на «тропу холодной войны».

Он не соблазнился посулами творцов «плана Маршалла» и отказался от участия в нем, но и искусственно «отделился» от будущего «мавродика» — USD, установив в 1947 г. смехотворный курс рубля к доллару: *40 коп.* (?! — *Авт.*) *за один USD* (правда, редким советским гражданам, командируемым на «загнивающий Запад», «вождь» все же милостиво разрешил менять по более реальному курсу — *шесть рублей за доллар:* в 1997—1998 гг. именно эти шесть «сталинских» рублей реанимируют горе-реформаторы «царя Бориса», получив в конце концов дефолт).

Впрочем, доллар тогда внутри СССР не котировался — «вражеская валюта», за спекуляцию им («фарцовку») давали большой лагерный срок (а при Хрущеве и расстреливали), да и не нужна была тогда нам иностранная валюта — вполне обходились рублем.

Но эта поначалу «финансовая конфронтация» с союзниками уже в самом конце войны (напомним, что Бреттон-Вудская конференция проходила в момент открытия «второго фронта» в Европе и боев союзников на территории Франции) совсем не означала, что Сталин отказался от решения послевоенных финансовых проблем и проблемы поиска «бесхозного золота» в мире.

Здесь он ушел далеко в сторону от призывов Ильича — в случае победы социализма (а Сталин объявил о такой победе еще в 1936 г.) построить из золота в СССР «отхожие места» (из статьи «О значении золота...», 1922 г.).

Он ведь и сам, как Ленин в 1918 г. при заключении Брест-Литовского мира, при своем «Бресте» (пакте Риббентропа — Молотова в 1939 г.) отправил Гитлеру в Берлин около 23 т «золотого задатка»[4]. Конечно, это не почти 94 т «ленинского»

---

[1] Подробней о дальнейших перипетиях «бреттон-вудского компромисса» после смерти Рузвельта см.: *Сироткин В. Г., Алексеев Д. С.* Рузвельт и Сталин: к истории создания МВФ и ВБ // Философия хозяйства. МГУ, 2003. № 2, с. 237—253.

[2] См.: СССР и холодная война. Сб. статей. М., 1995.

[3] Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995.

[4] Commission independante d'experts. Suisse-Seconde guerre mondiale. — Bern, 1998, p. 193. См. также: *Сироткин В. Г.*. Золото и дипломаты // Международная жизнь, 1999, № 1.

золота кайзеру, к тому же доставшегося французам, но и 23 т было бы не худо вернуть, раз уж Гитлер так вероломно «кинул» Сталина. Тем более что и это «сталинское» золото нашла Трехсторонняя комиссия в банках... «швейцарских гномов», о чем (дабы все-таки заманить СССР в Трехстороннюю комиссию) еще в 1945 г. она сообщила Сталину.

И все же вождь решил пойти «своим путем» — так возник план совершенно секретной спецоперации КГБ «Крест».

* * *

По методам поиска (силами спецслужб) и целям («бесхозное» золото и авуары на т. н. «молчащих счетах» в банках) операция «Крест» ничем не отличалась от методов и целей Трехсторонней комиссии (только у нее было задействовано не КГБ, а ЦРУ). Но вот по *содержанию* сталинские поиски существенно отличались от «трехсторонних»: последних больше всего интересовало «нацистское (а в нем еврейское) золото», тогда как Сталина интересовало преимущественно «царское».

Дело в том, что на Бреттон-Вудской конференции 1944 г. среди тех «бесхозных» валютных средств, которые американцы намеревались «оприходовать» в пользу МВФ и ВБ, фигурировало и «царское золото» — как личное семьи Николая II, так и «казенное» (государственное).

Разумеется, советская разведка в Бреттон-Вудсе имела свои «уши»[1]. Через эти «уши» Сталин узнал, что МВФ и ВБ «положили глаз» не только на царское «военное» золото, вывезенное в Первую мировую войну как залог под закупки оружия (и на 80% оставшееся в США, Англии и Франции), но и на т. н. николаевское золото — тайно отправленное Николаем II еще до Первой мировой войны в США «казенное» русское золото для создания Федеральной резервной системы, которая тогда, в самом начале XX в., задумывалась как мировая (а сама эта резервная система — как первый аналог МВФ). В этот пул вошли несколько тогдашних крупных частных акционерных банков — семейства Ротшильдов (всех трех ветвей — французской, английской и американской), Морганов, Рокфеллеров, немецких Мендельсонов и др.

Николай II вошел в этот пул юридически как частное лицо («хозяин земли Русской»), но, разумеется, отправлял в США не личное, а «казенное» золото.

Вся эта тайная операция всплыла в прессе США и Западной Европе в 1909 г., когда очередной корабль с грузом русского золота «Флорида», столкнувшись в тумане с другим пароходом, затонул вблизи Атлантического побережья США[2].

Резервная система США была действительно создана в 1913 г., но уже не как «мировая», а как сугубо «национальная». Но «николаевские» золотые червонцы в подвалах форта Нокс (основного хранилища золотовалютных резервов США) остались. Вот на них-то в основном и нацелился Сталин через свою спецоперацию «Крест», благо союзники в 1944 г. еще очень обхаживали генералиссимуса: война пока не кончилась, да и предстояло тяжелое послевоенное урегулирование, а танки

---

[1] Судя по воспоминаниям Павла Судоплатова, этими «ушами» мог стать агент НКВД из «кембриджской пятерки» Дональд Маклин (агентурная кличка Стюарт), который в годы войны работал первым секретарем посольства Великобритании в Вашингтоне (*Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950 гг. М., 2001, с. 378—379).

[2] С тех пор в США не было недостатка в желающих поднять «Флориду» с морского дна и присвоить русское золото себе. В 1986 г. одна из таких фирм затеяла даже переписку с М. С. Горбачевым через посольство СССР в Вашингтоне (*полный комплект этой переписки в копиях имеется в домашнем архиве автора*). В 2001 г. через электронную почту на меня вышел адвокат этой фирмы Тимоти Берроу с просьбой выяснить: в случае подъема корабля не будет ли Россия Путина, подобно Сталину, претендовать на это «золото "Флориды"»? (*архив автора. — Электронная переписка с адвокатом Т. Берроу*). Подробней всю эту эпопею с «царевым золотом» в США до Первой мировой войны см.: *Сироткин Владлен*. Зарубежные клондайки России. М., Эксмо — Алгоритм, 2003, с. 47–70.

маршала Жукова рвались к Берлину и кто его знает — не пойдут они дальше, например, к Парижу?

Разумеется, разведка союзников уже в 1944 г. засекла этот интерес «дяди Джо» к «цареву золоту», но ссориться с КГБ не стала, а предприняла отвлекающую пиар-акцию: в 1945 г. в печати и судах Европы (в Дании) вдруг неожиданно вновь заявила о себе «лже-Анастасия» польская еврейка Анна Андерсон, уже однажды, в 20-х — начале 30-х гг. проигравшая первый судебный процесс в попытках присвоить золото Дома Романовых. На этот раз ее явно опекало ЦРУ, давая как бы понять: «Зря, дядя Джо, стараешься — есть законная наследница, и ничего с твоей операцией «Крест» не выйдет».

По-видимому, Сталин всерьез воспринял этот сигнал. Иначе он вряд ли бы стал срочно сооружать ложную «могилу» царской семьи под Свердловском в 1946 г., где окончательно «похоронил» кости «Анастасии»[1].

В конечном итоге операция «Крест», хотя она активно развивалась свыше восьми лет, с 1944 по март 1953 гг., так и не была завершена. А после смерти Сталина все материалы по ней были почему-то строго засекречены и до сих пор недоступны.

* * *

Конечно, и Запад не проявил в геополитике, включая и тайную конфронтацию по «цареву золоту», чудес мудрости: традиционная со времен Петра I концепция «русской угрозы» возобладала, и все сорок послевоенных лет человечество не раз оказывалось на грани новой — теперь уже термоядерной — войны между США и СССР (война при Сталине в Корее в 1950—1953 гг., кубинский кризис 1962 г. при Хрущеве, участие советских военных ракетчиков в войне США во Вьетнаме в 70-х гг., вторжение в 1979 г. в Афганистан при Брежневе и т. д.).

Однако эта глобальная конфронтация двух сверхдержав, усиленная при Хрущеве и Брежневе военно-политической борьбой за страны «третьего мира», придавала лидерам СССР некую высшую геополитическую легитимность — как же, не за собственные властные кресла боремся, за народ страдаем, и не только в СССР, а во всем бывшем колониальном мире. И хотя даже при Хрущеве никто публично не ссылался на «Программу мировой революции» (1928 г.) *Николая Бухарина* (а самого его Хрущев так и не осмелился реабилитировать; сделал это только Горбачев в 1988 г.), фактически именно она была скрытым идеологическим обоснованием внешней политики СССР в «третьем мире» в 1955—1985 годах.

За эти тридцать лет во внутренней политике страны произошли серьезные изменения в направлении отказа от крайностей сталинизма, но главный его внешнеполитический постулат: «два мира, две системы» (военно-политическая, экономическая и идеологическая конфронтация с Западом) — оставался неизменным. А вот чего стоила населению СССР и его союзникам по «соцлагерю» такая большая геополитическая игра советских вождей с США и НАТО, об этом стало известно лишь в самые последние годы[2].

Поэтому на «цене вопроса» — сталинско-хрущевско-брежневской глобальной игры в конфронтацию — стоит остановиться подробнее.

---

[1] Именно из этой ложной «сталинской могилы» и были извлечены «царские» останки (кости неведомых зеков), торжественно захороненные в 1998 г. в Петропавловском соборе Петербурга вопреки сомнениям Патриарха Алексия II и возражениям пяти из 18 членов правительственной комиссии Б. Е. Немцова по захоронению. Подробней см.: Правда о екатеринбургской трагедии. Сб. статей / Под ред. Ю. А. Буранова. М., 1998.

[2] См., в частности: *Верт Николай*. История Советского государства. 1900—1991. М., 1992; *Корниенко Г. М.*. Холодная война: свидетельство ее участника. М., 1995.

СУМЕРКИ СТАЛИНИЗМА

(Продолжение)

«Победителей не судят» — этот лозунг Екатерины II, похоже, стал путеводной звездой для Сталина в последние семь лет его земной жизни.

В истории России за последние 150 лет это был, пожалуй, единственный случай, когда ее властелин не только не извлек каких-либо реформаторских уроков из тяжелейших кровавых событий тотальной войны с фашизмом и сотрудничества с «западными демократиями» в 1941–1947 гг. а, наоборот, провозгласил свой режим единственным идеальным в мире. «Война показала, — вещал Сталин на собрании избирателей по случаю своего выдвижения кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР 9 февраля 1946 г., — что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй»[1].

В аналогичных обстоятельствах за 130 лет до Сталина Александр Благословенный (царь Александр I) после заграничного похода русской армии и ополчения в Европу в 1813—1814 гг. все же сделал некоторые выводы из многолетней конфронтации с «исчадием ада — Буонапартием», посулив своим подданным и конституцию (которую он ввел в «русской» Польше и княжестве Финляндском), и даже отмену крепостного права (что он осуществил в 1817—1819 гг. в Латвии и Эстонии).

Сталин ничего не посулил, а, наоборот, снова начал закручивать гайки, слегка ослабленные в военной среде в годы войны. Уже в 1946 г. генералиссимус вновь вернулся к довоенной концепции «осажденной крепости», полагая, что только «новый мощный подъем народного хозяйства» — втрое по сравнению с довоенным уровнем в промышленности, на что уйдет три новые пятилетки, — позволит быть уверенным, что «наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей…»[2]. Как показали современные исследования отечественных авторов, под тройным увеличением послевоенной промышленности Сталин имел в виду тяжелую военную индустрию[3].

Да, в 1946—1947 гг. некоторые военно-промышленные наркоматы были упразднены или реорганизованы. Например, Наркомат боеприпасов стал Министерством сельскохозяйственного машиностроения, Наркомат танковой промышленности — Министерством транспортного машиностроения и т. д. Перепрофилирование военных наркоматов, или их «гражданская нагрузка» (которая, впрочем, всегда считалась местными «генералами ВПК» некоей «блажью» Москвы, отвлекающей от «основного дела» — танков, пушек, самолетов или ракет), позволило в первые послевоенные годы несколько увеличить гражданское производство (скажем, мотоциклов с 3 тыс. в 1946 г. до 116 тыс. 600 штук в 1949 г., фотоаппаратов с 90 тыс. — до 154 тыс. и т. д.), но в целом никакой серьезной конверсии в отличие от послевоенных США или Великобритании в СССР не произошло. Наоборот, под прикрытием одного гражданского мотоцикла (который, впрочем, может перевозить и мотопехотинца) продолжали делать два танка.

В 1995 г. впервые были опубликованы ранее совершенно засекреченные данные по сталинскому послевоенному «разоружению». И оказалось, например, что Минавиапром, которому также был с 1946 г. спущен план по гражданской продукции (насосы, экскаваторы, оптико-механические приборы, компрессоры и др.), поначалу выполнил его аж на 43,7% (зато чисто военный — по самолетам — на 56,2%), но уже в 1947 г.

---

[1] *Сталин И. В.* Речь на предвыборном собрании избирателей 9 февраля 1946 г. М., 1946, с. 10.

[2] *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы. — М., 1954, с. 23.

[3] См., в частности: *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1930—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. — М., 1996.

«авиационные генералы» одумались и вернулись «на круги своя»: по «гражданке» вытянули всего на 42,1% (за нее в обкомах не грозили «партбилет на стол!»), а вот по «военке» перевыполнили: дали «на-гора» бомбардировщиков и истребителей чуть ли не на целых 60% (см.: «СССР и холодная война», с. 166).

И так установилось на все последующие сорок лет вплоть до абсурда, о котором в 1992 г. публично сказал первый президент России *Б. Н. Ельцин*: побывав на танковом заводе в Нижнем Тагиле на Урале, он лично увидел такую варварскую картину — готовый, «с иголочки», новейший танк перетаскивают через улицу на соседний завод, снимают с него вооружение и оптику и… тотчас же режут автогеном на металлолом; при этом оба завода выполняют план, получают зарплату и премии, а на каждом из них на проходных висят почетные доски передовиков.

При этом следует иметь в виду, что в России со времен Петра I «казенный» военной сектор промышленности в отличие от США (там на автомобильном конвейере у Форда хочешь пассажирский легковой кабриолет выпускай, хочешь — броневик), всегда был нацелен на «изделие № 1» — танк, самолет, пушку, автомат Калашникова, а кастрюли на том же оборудовании не сварганишь — отдельный завод для их производства строить надо.

Для любой воюющей страны понятно напряжение сил на фронте и в тылу, энтузиазм и жертвенность простых людей, готовых идти на лишения во имя защиты Родины: сам видел в Лондоне городской военный музей британской столицы, где отражен героизм простых англичан по отражению бомбовых атак германских ВВС в 1940—1941 гг. — тушению зажигательных бомб, разбору завалов, спасению раненых и т. д. Но когда 9 мая 1945 г. в СССР война не кончается, когда продолжают наращиваться вооружения, когда в армии задерживаются и еще служат по пять-шесть лет солдаты призыва 1944—1945 гг. — это уже нонсенс.

А ведь надо еще было восстанавливать разрушенное народное хозяйство на значительной части европейской территории СССР, заново строить Днепрогэс, Волховскую ГЭС и др., восстанавливать сотни разрушенных заводов, тысячи километров железных дорог с мостами, заново строить жилье.

Конечно, отрицать послевоенный энтузиазм и всеобщее настроение — «Мы победили!» — не приходится. Иначе никакой Сталин не заставил бы людей сравнительно быстро, примерно за пять-шесть лет в основном восстановить разрушенное[1]. Впрочем, аналогичные настроения преобладали и в Западной Германии в те же годы, многие города которой в результате союзных англо-американских бомбардировок были в 1944—1945 гг. разрушены еще больше, чем от немецкой оккупации в СССР.

И снова встает вопрос: какой ценой это было достигнуто?

КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЯ

Поскольку войну, по Сталину, СССР выиграл благодаря «лучшей форме организации общества», а в деревне такой «формой» с начала 30-х гг. были колхозы, советская деревня и после войны оставалась колхозной. Что она представляла на практике, а не в сусальном сталинском кинофильме «Кубанские казаки», кинозритель краешком глаза увидел в другой киноленте, но уже хрущевских времен — «Председатель». Действительность же была во много раз хуже. И даже при «демократии» Ельцина российские издатели побоялись напечатать беспощадную книгу отечественного

[1] Об этом послевоенном восстановительном энтузиазме хорошо написано у Е. Ю. Зубкова: «Общество и реформы. 1945—1964». М., 1993.

историка-аграрника *В. П. Попова* о положении советских крестьян в «сумерках сталинизма» — он опубликовал ее только в Париже в 1992 г.[1].

Война обезлюдила деревню: «царица полей», пехота, на 90% состояла из крестьян-колхозников. И именно в пехоте были наибольшие потери. Еще в 1967 г. саратовский исследователь *В. Б. Островский* привел такие цифры: на фронт и вспомогательные работы в ближайшем тылу в 1941 г. было мобилизовано из деревни 18 млн. 189 тыс. 200 чел. мужиков, а в 1945 г. их осталось (включая и вернувшихся с войны) всего 11 млн. 430 тыс. 900 чел, т. е. уменьшилось почти на 7 млн. человек. И это при том, что по переписи 1939 г. (которую Сталин запретил публиковать, и она, как отмечалось выше, в сильно сокращенном виде вышла в Москве только в 1994 г.) на 1 января 1939 г. все население СССР составляло 167 млн. 600 тыс. чел., большая часть которого жила тогда в сельской местности[2].

Нехватка рабочих рук и засуха в деревне вновь вызвала, как в 1920—1921 гг. в Поволжье и на Южном Урале и в 1932—1933 гг. на Украине *голод*, охвативший в 1946—1947 гг. все ту же Украину, Кировскую (Вятка), Ростовскую, Воронежскую, Нижегородскую, Костромскую, Свердловскую, Читинскую (в Забайкалье) и другие области, а также автономии на Северном Кавказе и в Бурятии. *В. П. Попов* обнаружил в архиве Госплана СССР докладную записку одного из его руководителей о голоде 1946 г. по всей стране: в результате засухи и нехватки рабочих рук погибли или остались неубранными — зерновые на 2 млн. 024 тыс. га, подсолнечник — на 321 тыс. га, картофель — на 47 тыс. га[3]. При этом колхозницам категорически запрещалось собирать колоски или выкапывать даже мороженую картошку для своих детей с заброшенных колхозных полей — на этот счет еще 27 июля 1946 г. было принято специальное устрашающее постановление ЦК ВКП(б) и Совмина СССР «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения, порчи».

Словом, Сталин по-прежнему не финансировал даже свои любимые колхозы, не давал им технику и удобрения, а привычно искал «саботажников» и «вредителей». Козлами отпущения он на этот раз сделал… «унтер-офицеров партии» — председателей разваливающихся колхозов, которые и без того выбивались из сил: ведь кроме сельхозработ власти спускали еще план по лесозаготовкам (начальство в районах обогревалось в своих кабинетах дровами).

Следствием такой «военно-феодальной эксплуатации» (Бухарин) стали массовые аресты «саботажников» — в 1945 г. было посажено 5 тыс. 757 председателей колхозов, в 1946 г. — уже 9 тыс. 511 чел. (*В. П. Попов.* Крестьянство и государство, 1945—1953, с. 41). И это при том, что колхозники почти ничего не получали на свои трудодни, спасаясь от голода со своих «огородов» и домашней живности (до четверти гектара, которые, впрочем, Сталин, в отличие от Хрущева, до 1952 г. сильно не урезал), а также из леса (ягоды, грибы), с рыбалки и охоты.

Даже без засухи или дождей послевоенная деревня повсеместно голодала. Ведь на один трудодень — «палочку», как говорили колхозники, — давали не более 100—150 граммов зерна. В итоге на одного едока едва-едва выходило до пяти пудов хлеба в год, тогда как в конце XIX в. самый бедный крестьянин имел до 25 пудов на человека, и царские власти следили, чтобы этот минимум не уменьшался. В самой бедной крестьянской общине до революции был общественный амбар с зерном — неприкосновенный запас хлеба на случай неурожая. Большевики сломали эту традицию

---

[1] *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953). Париж, 1992. См. также: *Он же* (состав.) Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Сб. Документов. М., 1993; *Он же*. Голод и государственная политика (1946—1947) // Отечественные архивы, 1992, № 6.

[2] *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967, с. 27; Всесоюзная перепись населения 1939 года. М., Наука, 1994, с. 15.

[3] Цит. по: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998, с. 18.

с 1929 г. вместе с разгоном крестьянского міра. В кинофильме «Председатель» показано, как солдаты НКВД на грузовиках вывозят из колхоза даже семенной хлеб, заведомо обрекая колхозников на голодную смерть — по весне им нечем было засевать поля.

В целом работа в колхозе давала не более 20% дохода для одной крестьянской семьи в год. Остальное она добирала на своих приусадебных участках (огород — 38%) и от личной скотины (до 48%). Но и здесь государство не дремало — за приусадебный участок взимался поземельный налог (в 1940 г. — 112 руб., в 1952 г. — уже почти в пять раз больше — 528 руб. в год). Кроме того, существовала государственная натуроплата с приусадебного двора, которую принудительно выплачивали все — колхозники, единоличники, рабочие и служащие совхозов и мелких промышленных предприятий: в год по 40 кг мяса, до 100 штук яиц, до 300 л молока и т. д. Заработка в колхозе на уплату поземельного налога не хватало — и крестьяне несли оставшиеся от натуроплаты продукты на базар в близлежащие города и поселки.

И поразительными были выживаемость и трудолюбие русского крестьянина — на этих пресловутых «шести сотках» (хотя на практике их бывало до 25), которые и сегодня кормят многих горожан, в 1950 г. в отдельных областях производили до 75% мяса, 80% молока и 85% яиц, большая часть которых по низким ценам продавалась на колхозном рынке[1].

Однако такие «успехи» достигались за счет нечеловеческой работы в колхозе и на своих «шести сотках» от зари до зари. И неудивительно, что сельское население правдами и неправдами стремилось сбежать из деревни в город, благо работа там была — сначала восстанавливали разрушенное войной, затем начались «стройки коммунизма». Для молодых парней легальным способом уйти из деревни был призыв в армию — при Сталине в сухопутных войсках служили три года, на военно-морском флоте — пять лет. Надо сказать, что после войны служба в Советской Армии даже рядовым была очень престижным делом: на уклонявшихся от призыва в деревне смотрели косо, а на забракованных по здоровью (в очках тогда еще не брали) — как едва ли сегодня на ВИЧ-инфицированных. Впрочем, студентам дневных отделений вузов призыв не грозил — почти каждый институт, даже мясомолочной промышленности, имел (в отличие от нынешних «демократических» времен) военную кафедру, и уже на четвертом курсе всем парням присваивали звание младшего офицера запаса (я, например, в МГИМО получил младшего лейтенанта административной службы — военного переводчика с французским языком).

Для деревенских ребят послевоенной поры армия, особенно ее технические рода войск — танковые, артиллерия, химзащита, связь и т. д., — была своеобразным ПТУ (профессионально-техническим училищем). И хотя у большинства призывников образование было не ахти какое — все та же начальная школа (четыре класса) и, редко, семилетка, — все же, выучившись в «учебке» (учебной военной школе, а при Сталине там учили целый год из трех лет срочной службы) на водителя танка или военного грузовика, радиста наземной связи с самолетами, оружейного мастера и т. д. после демобилизации ты получал и гражданское «рукомесло». И снова — «спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую юность!» и еще одна социальная опора сталинизму — демобилизованные.

Тем более что практически никто из них обратно в деревню не возвращался: при демобилизации военная солдатская книжка обменивалась на гражданский паспорт (которого ни у одного колхозника тогда не было, и он был привязан к своей деревне как крепостной: при Сталине даже по железной дороге без паспорта и «проходного свидетельства» — командировки — никто проехать не мог — на крупных станциях вплоть до 1955 г. документы у пассажиров проверяли специальные военные

---

[1] *Безнин М. А.* Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950—1965 гг. // Отечественная история, 1992, № 3, с. 16–17.

железнодорожные патрули), и айда на свободу — «широка страна моя родная…» — на очередную «стройку коммунизма» куда-нибудь в Сибирь.

Но для тех, кто не подлежал призыву в армию, деревня оставалась крепостнической. И вновь Сталин прибегнул здесь к проверенному приему: к натравливанию одних колхозников на других. Конечно, никаких «кулаков» в деревне давным-давно не было. Но будущий разоблачитель культа личности Сталина тогдашний первый секретарь компартии Украины *Н. С. Хрущев* придумал новый тип «внутреннего врага» — *тунеядцев.* По его инициативе 2 июня 1948 г. Верховный Совет СССР с одобрения Сталина выпустил секретный указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни»[1]. Иезуитский характер указа состоял в том, что решение о «паразитах» принималось самими колхозниками на общем собрании. Понятное дело, началось сведение личных счетов между соседями. Охотник? Рыбак? Бьешь зверя, ловишь рыбу, чтобы кормить детей, а я не умею или не хочу. Значит — «паразит», даже если у тебя куча «палочек». Вдобавок, как обычно, на «тунеядцев» был спущен план, подключалось МВД и КГБ СССР. И пошла писать губерния: с 1948 по начало 1953 г. в Сибирь и Казахстан на спецпоселения было насильственно выслано с семьями 47 тыс. «паразитов» — чтобы оставшимся неповадно было, чтобы не роптали. То-то в Совет по делам колхозов при Совмине СССР уже в сентябре 1948 г. поступила «рапортичка»: после высылки «в колхозах значительно повысилась трудовая дисциплина, увеличился выход на работу колхозников, не участвовавших ранее в общественном производстве» (*Попов В. П.* Указ. статья, с. 245).

В эпоху своего правления Хрущев продолжит эту практику борьбы с «тунеядцами» и «паразитами», распространив ее и на горожан. Именно тогда будущий Нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский будет выслан из Ленинграда в деревню как «тунеядец».

Справедливости ради следует все же сказать, что именно Хрущев в период своего правления выдал колхозникам паспорта.

Кости «старых большевиков» давно истлели в безымянных могилах, но их идея «смычки» города и деревни была жива. И не кто иной, как Хрущев, в своей статье в «Правде» 4 марта 1951 г., реанимировал идею превратить колхозников в «сельских пролетариев» путем расселения их на крупные фермы — в «агрогорода».

КНУТ И ПРЯНИК

В послевоенной внутренней политике Сталина проявилась прежняя тактика «кнута» и «пряника». Победителям с конца 1944 г. Сталин позволил пограбить побежденных. Следуя практике Гитлера в 1940—1942 гг. в оккупированных странах Европы, он разрешил сначала отсылать офицерам и даже солдатам «посылки» домой, а в 1945 г. — вагонами отправлять «трофеи» (двум подполковникам — один четырехосный «американский» вагон, полковнику — целый такой вагон, генералам и маршалам — по целым составам или эскадрильям грузовых самолетов — как мы увидим ниже, позднее Сталин припомнит им этот «грабеж», который санкционировал ранее сам).

В 1948 г., совершая самостоятельную поездку по родне, я сам видел эти «трофеи» у родного дяди Саши, полковника, во Владимире (ему был «положен» вагон): все больше барахло — ковры, отрезы материи, фарфор, хрусталь и т. д. С 1945 г. победители навезли в города большое количество «трофейных» немецких мотоциклов и автомашин: очень скоро, без запчастей, они вышли из строя и долго еще гнили, без стекол, дверей и шин, по дворам, служа лишь объектами мальчишеских игр в «шоферов». «Трофейными»

---

[1] *Попов В. П.* Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы, 1993, № 2.

были даже кинофильмы. Великое множество этих черно-белых картин крутилось тогда во всех кинотеатрах по всему СССР. И обязательной припиской в титрах значилось: «фильм взят в качестве военного трофея». Зачем — мне до сих пор это остается непонятным: ведь никакого международного авторского права ни Сталин, ни его преемники не признавали, а о ныне модный теме «перемещенных художественных ценностей» тогда и слыхом не слыхивали.

Но, кстати, то же самое делали и наши союзники по антигитлеровской коалиции. Ныне хорошо известна четырехсторонняя «Инструкция по реституции» 1945 г. (закамуфлированная под этот эвфемизм союзная «бумага» о легализации грабежа Германии и ее военных союзников).

Поэтому изредка появляющиеся в российских электронных СМИ «слезницы» о «грабеже» только советскими солдатами и офицерами в 1945 г. Германии — неправда: грабили все победители, ибо Верховный оккупационный совет союзников санкционировал это официальным «оккупационным правом», далеко не совпадавшим с правом международным и тем более с декларацией 1948 г. ООН о правах человека.

Только в 90-х гг. XX в. началась международная инвентаризация и разовый обмен между европейскими музеями и библиотеками «перемещенными ценностями»[1], и начал выходить на разных языках международный бюллетень, в котором публикуется информация о «военных трофеях» (потерях музеев, библиотек, картинных галерей и т. п.).

Кроме того, в этом бюллетене печатаются обзоры по «трофеям» в разных странах Европы и в США, сведения о которых попали в печать этих стран[2].

Авторское отступление

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ-СТУДЕНТА В СУМЕРКАХ СТАЛИНИЗМА

В войну и мы, и все наши соседи жили бедно и голодно: летом всю войну мы, мальчишки, бегали босиком, родители берегли обувку для школы. Все было нормированным, по карточкам. Потерянные или украденные карточки на данный месяц не возобновлялись и означали для несчастной семьи верную голодную смерть. Карточки отменили через два года после окончания войны, 14 декабря 1947 г. одновременно с денежной реформой. Сегодня, через полвека после той денежной сталинской реформы, когда мы пережили не один грабеж населения — хрущевскую реформу 1961 г. и гайдаровский «отпуск цен» 2 января 1991 г., — нельзя не признать, что «добрый помещик» Сталин действовал осмотрительно, хотя и в своем духе. Денежная реформа, как и ее все последующие аналоги, носила конфискационный характер — десять «старых» рублей менялись на один «новый». Но те, кто имел облигации принудительного государственного займа (а Сталин хотел, чтобы население продолжало «подписываться» на него), меняли не 1 к 10, а 1 к 3. Чтобы население и впредь хранило деньги в сберкассах, и там дали «морковку»: личные вклады до 3 тыс. руб. обменяли 1 к 1 (Гайдар в 1992 г. сберкассовские «гробовые» у стариков просто «съел»).

Конечно, от такой реформы выиграло в основном городское население — крестьян же в очередной раз ограбили. Впрочем, сберкнижек у них, как и паспортов и денежных сбережений, все равно не было — к чему им, «братьям нашим меньшим», такие городские «цацки»?

---

[1] «Трофейные книги из библиотеки Шарошпатского реформаторского колледжа (Венгрия) в фондах нижегородской государственной университетской научной библиотеки». М.: Рудомино, 1997.

[2] См., напр.: Военные трофеи // Международный бюллетень, № 7, август, 2000. М., 2001.

Цены при Сталине регулировались строго, и сегодня, с высоты прожитых с тех пор лет, кажутся просто смешными. Причем эти «сталинские» цены держались 40 лет, до самой горбачевской перестройки. Газета «Трибуна» (№ 39, 7.XII.2000 г.) опубликовала любопытный бытовой документ:

Счет за ужин в ресторане «Арагви»
(пл. Юрия Долгорукова, наискось от Мэрии Москвы),
выписанный:

	1982 г.	2000 г.
Водка «Столичная»	4 руб. 45 коп.	42,0 у. е.
Бок белужий	0 руб. 57 коп.	38,0 у. е.
Шашлык из баранины	1 руб. 13 коп.	68,0 у. е.
Салат из огурцов и помидоров	0 руб. 15 коп.	13,5 у. е.
Сулугуни, лоби, куриные потрошка	0 руб. 32 коп.	24,0 у. е.
Кофе-глясе	0 руб. 27 коп.	20,0 у. е.
Лаваш	0 руб. 07 коп.	15,0 у. е.
ИТОГО (без чаевых):	6 руб. 96 коп.	221,0 у. е.

Любопытно также сравнить ресторанные цены «застоя» 1982 г. с магазинными «царскими» в 1913 г.:

ПРОДУКТЫ И НАПИТКИ

хлеб ржаной	15 коп. (за 1 кг.)
говядина высший сорт	54 коп. (за кг.)
свинина	51 коп. (за кг.)
баранина	14 коп. (за кг.)
масло сливочное	1 руб. 22 коп. (за кг.)
масло растительное	32 коп. (за 1 литр)
сахар-песок	29 коп. (за фунт)
водка низшего качества	30 коп. (за бутылку)
коньяк	1 руб. 50 коп. (за бут.)

ПРОМТОВАРЫ

ситец	18 коп. (за метр)
сукно чистошерстяное	2 руб. 82 коп. (за мнтр)
пара кожаных женских ботинок	5 руб.
яловые сапоги мужские	7 руб.

Для сравнения цен и жалованья в 1913 г.:

— квалифицированный рабочий-станочник на заводе получал: до 90 руб. в месяц, школьный учитель — 40 руб., городовой — 43 руб., прачка — до 15 руб., домашняя прислуга — до 12 руб.

Общим для 1913 и 1982 гг., независимо от режимов, было сохранение относительно низких цен на продукты питания и водку при завышенных ценах на промтовары.

Комментарии, как говорится, излишни, особенно если знать, что «у. е.» — это USD, он же «бакс» — по 31 «ельцинки» с лишним за один «зеленый» (на 1.VI.2002 г.), хотя с 1973 г., когда американцы официально отказались от золотого обеспечения доллара, красная цена этому «мавродику» — двадцать центов в базарный день[1].

Студентом в МГИМО в 1951—1953 гг. я жил на «сталинский» рубль в день — с оплатой дороги на троллейбусе (8 коп.), обедом (40 коп.) и покупкой съестного на ужин на остальное. Сегодня тот рубль по отношению к нынешнему — 0,001 коп.

Кстати, кругом, по Солженицыну, был тогда сплошной ГУЛаг, но мои однокашники-десятиклассники и я, выпускники средней школы № 1 провинциального гор. Рыбинска 1951 г., поступили и окончили вузы Москвы и Ленинграда. Причем все — из самых простых семей, поступили без всякого блата, по конкурсу, но без сотен «зеленых» репетиторам, звонков «полезным» людям и т. д. Спустя — Е: полвека мои студенты в МГИМО этому отказываются верить, и, отловив после лекции, смущенно спрашивают — а не был ли мой отец в 1951 г. начальником сталинского концлагеря?

Так что «сталинизм» был далеко не однозначным явлением для т. н. простых людей, и газетный штамп времен ельцинской «демократии» — «Сталин на ветровом стекле» (машины) — вовсе не свидетельство тупости «красно-коричневых коммуняк», ветеранов Великой Отечественной войны, а тоска по порядку. Особенно на фоне нынешнего воровского беспредела тех же «коммуняк», которые ныне стали вдруг «демократами».

СУМЕРКИ СТАЛИНИЗМА

(Продолжение)

Такая война, как это нередко бывало в истории России, существенно повлияла на настроения в советском послевоенном обществе. Как в 1813—1814 гг. после заграничного похода русской армии и ополчения в Европу среди дворян распространились надежды на реформы (дискуссии в декабристских обществах о скором введении конституции), а у крестьян — на отмену крепостного права, так и в 1945—1947 гг. среди демобилизованных офицеров возродилась надежда на либерализацию советского строя, а среди бывших солдат — на роспуск колхозов.

Такие настроения проникали даже в советский послевоенный генералитет, о чем свидетельствует «дело» трех генералов — Героя Советского Союза генерал-полковника В. Н. Гордова, бывшего до января 1947 г. командующим Приволжским военным округом начальника штаба того же округа генерал-майора Ф. Т. Рыбальченко и зама Гордова по ПриВО генерал-майора Г. И. Кулика (бывшего маршала СССР,

---

[1] Я неоднократно пытался рассказать об этой долларовой «пирамиде» в российских СМИ, в частности в феврале 2001 г. в программе «Подробности» у Сергея Пашкова на РТР (рассказ записали, но в эфир не пустили) и 4 января 2002 г. на «Эхо Москвы» в программе «Евромания» (в эфир не пустили) — безрезультатно. Неофициально каждый раз мне передавали: «Не надо пугать народ...» В конце концов в 2002 г. удалось пробиться в два «толстых» московских журнала. Подробней см.: *Сироткин Владлен*. Из России — Евро-Россию? // Наш современник, 2002, № 5, с. 243—245; *Он же*. Европе нужны Хельсинки-2. Иначе «долларовая игла» ее погубит // Вестник аналитики, 2002, № 2 (8).

разжалованного Сталиным в генералы в 1942 г. за сдачу немцам гор. Керчь в Крыму). Всех троих арестовали в январе 1947 г., долго и с пристрастием допрашивали, а в августе 1950 г. судили судом Военной коллегии Верховного суда СССР и расстреляли. Основным документом обвинения стали записи телефонной «прослушки» МГБ СССР квартир Гордова и Кулика, рассекреченные только в 1992 г. (отрывки их переговоров опубликовала московская журналистка Элла Максимова в «Известиях», 16.VII.1992). Вот эти отрывки. Гордов: «Если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все; дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!» (декабрь 1946 г.). Рыбальченко: «Надо прямо сказать, что колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца... думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся». И все три генерала осуждали подхалимство и взяточничество (!? — *Авт.*) в армии и на «гражданке».

Этим иллюзиям еще долго не суждено было сбыться. Не в последнюю очередь потому, что Сталин среди негативных последствий войны увидел для своего режима реальную угрозу как раз в… воровстве и коррупции. Причем не столько мелких «несунов» колосков с колхозных полей, сколько крупных воротил в советской торговле, военных интендантов в оккупированных странах Восточной Европы (Восточной Германии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Польше и Чехословакии), во все растущей коррупции в партгосаппарате в центре и на местах.

Незадолго до денежной реформы, в том же 1947 г., вышел сталинский закон «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», который предусматривал за «кражу, присвоение, растрату или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества» суровое наказание — от пяти до восьми лет лагерей с конфискацией личного имущества (*Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 23).

Долгое время в «перестроечной» и «демократической» литературе 1988—1998 гг. писалось, что этот закон был направлен против несчастных колхозников, собиравших колоски на неубранном поле. Да, закон 1947 г. был направлен против всех граждан СССР, в том числе — и колхозников. Но в 1999 г. в российских СМИ были опубликованы рассекреченные, наконец, обобщающие сводки МВД СССР за 1946—1948 гг. лично Сталину, и картина сталинских послевоенных уголовных репрессий за экономические преступления приобрела иной ракурс.

Так, только в 1948 г. по упоминавшемуся выше секретному «хрущевскому» указу о «раскулачивании» (высылке из колхозов «тунеядцев») было отправлено на спецпоселения в Сибирь 27 335 колхозников. И одновременно в том же году, судя по сводке МВД, было привлечено к уголовной ответственности за хищения по закону 1947 г. и посажено 28 810 работников Минторга и потребкооперации — на 10 255 чел. больше, чем в 1947 г. Причем стоимость похищенного у государства добра не шла ни в какое сравнение с «колхозными колосками»: только с января по сентябрь 1948 г. «госторгаши» украли товаров и совершили растрат на 169 млн. «новых сталинских» рублей — на 28 млн. больше, чем в 1947 г., а их «братья меньшие» — потребкооператоры — на 326 млн., или на 20,5 млн. больше, чем в предыдущем году[1].

Конечно, в расшатывание норм «социалистической морали» свою лепту внесла война. С 1944 г., выйдя за пределы СССР, солдаты и офицеры, мягко говоря, не слишком строго соблюдали условия Женевских международных конвенций о ведении войны, о которых к тому же они слыхом не слыхивали. Узаконенный самим Сталиным грабеж побежденных: продуктовые посылки солдат, вагоны с барахлом у офицеров и т. д. — тоже не способствовал расцвету «социалистической законности». И не случайно, что самые наглые и особо крупные хищения в 1946—1948 гг. пришлись на особое

[1] *Жирнов Е.* Как воровали при Сталине? //Трибуна, 25.V.1999 (по рассекреченным архивам МВД СССР).

подразделение Минторга СССР — т. н. «Главособунивермагторг», занимавшийся доставкой и коммерческой продажей трофейных и дефицитных немецких промышленных товаров, конфискованных в Германии и ее бывших странах-союзниках. «Контора» эта имела свои филиалы по всему СССР в виде «коммерческих» универмагов или секций.

В январе 1947 г. МВД совместно с Министерством госконтроля (бывшим Рабкрином, который некогда, в начале 20-х гг., возглавлял сам Сталин) провели внезапную выборочную проверку самого Главособунивермагторга в Москве и его филиалов в Берлине (закупочная контора) и Хабаровске (реализация товаров), и только в «трофейной секции» хабаровского универмага обнаружили «недостачу» на 13 027 669 «старых» рублей. Проверка вскрыла и механизм хищений: в Берлине закупочная контора Главособунивермагторга отправляла «трофейные» товары «навалом», по «местам» в вагонах — без указания характера груза (автомашина «опель-капитан» или швейная ручная машинка «Зингер») и хотя бы примерной стоимости.

Не имевшие доступа к такой «трофейной халяве» торгаши обычных магазинов госторговли и особенно промкооперации в деревне действовали традиционным в России методом по пословице — «не обманешь — не продашь»: обмеривали, обвешивали, устанавливали незаконные наценки на товары, устраивали пересортицу и фальсификацию товаров (все это, впрочем, мы видим и сегодня в чудовищных размерах на наших «частных» рынках-базарах и в т. н. «бутиках»). В апреле — мае 1948 г. ОБХСС МВД СССР совместно с местными партийными и советскими органами сразу по всей стране провели «контрольные замеры» 81 тыс. 700 магазинов, столовых, палаток, ларьков системы Минторга СССР, а также сельпо промкооперации в деревне, системы магазинов Военторга и многочисленных ОРСов (отделов рабочего снабжения) крупных министерств и ведомств. И обнаружилось — в 16 087 торговых «точках» обслуживают покупателя именно по принципу «не обманешь — не продашь»… В итоге 4929 чел. загремели в тюрьму с конфискацией имущества по закону 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

По-видимому, для самого Сталина во всех этих проверках ОБХСС МВД СССР за 1946—1948 гг. самым тревожным стал тот «вещизм», интерес к которому среди населения возрос именно после войны и «освобождения Европы». Не один солдат увидел в немецком коровнике, что даже в «логове фашизма» Германии скотина жила много лучше, чем люди в «первом Отечестве мирового пролетариата». И не одни колхозники «ненавидят Сталина и ждут его конца» (ген. Рыбальченко, декабрь 1946 г.) — после такой страшной войны и чудовищных потерь все население СССР желало жить лучше. Безусловно, подавляющее большинство не воровало и могло с чистой совестью вслед за ген. Гродовым повторить: «Я никогда ничего не воровал».

Но Сталин знал: не вся его номенклатура, особенно в провинции, столь бескорыстна. В отчет-ревизии треста «Мясомолсбыта» по Молотовской (Пермской) области, представленном ему руководством МВД в октябре 1947 г., отмечалось, что руководители этой областной «хлебной» конторы за короткое время хапнули продуктов на огромную сумму в миллион «старых» рублей. В этом отчете Сталин своим любимым красным карандашом отчеркнул на полях три места:

— первое — о практике хорошо известного советским людям уже в брежневские и горбачевские времена бартера: уворованная колбаса, сыр, ветчина и т. п. напрямую менялись у начальников других областных «контор» на обувь, отрезы «трофейного сукна», ящики коньяка и т. п.;

— второе — среди постоянных клиентов пермской конторы «Мясомолсбыта», без карточек и бесплатно отоваривавшихся в этой «конторе», оказались областной прокурор, секретарь обкома Мальцев и горкома ВКП(б) Клепиков (оба — по торговле) и даже начальник одного из отделов областного МГБ СССР;

— третье — почти все руководители пермского областного «Мясомолсбыта» и его филиала № 3 (облначальник С. З. Данишевский, директор базы № 3 С. Л. Брусиловский, его зам — главбух Н. Я. Эпштейн и др.) оказались евреями по национальности (Сталин, отчеркнув, на полях это место, написал — «жиды!»: в вызревавшей в его голове будущей антисемитской послевоенной кампании эта частная проверка одной областной «продуктовой конторы» сыграла зловещую роль).

Разумеется, «торгашей» осудили «на всю катушку» — дали «восьмерку с конфискацией». Но Сталин так и не узнал, что «партийных вождей» области и города «свои» спасли от исключения из партии и тюрьмы: Клепикова и Мальцева с партийных должностей сняли, но в партии оставили — подумаешь, колбасой бесплатно «отоваривались», кто из областного начальства в войну и после нее этого не делал? Поэтому Клепикову, несмотря на уже вышедший после его снятия закон «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», закатали всего-навсего выговор, даже без занесения в учетную карточку (а он только с июля по октябрь 1946 г. бесплатно «отоварился» на базе № 3 376 кг мяса и рыбы, 102,5 кг сахара, 71 кг муки, 30 кг конфет и 615 штуками яиц — из отчета-ревизии ОБХСС МВД СССР, доложенного Сталину), а бывшего секретаря обкома жулика Мальцева вообще не тронули — более того, пустили как козла в огород — тут же назначили… уполномоченным Министерства госконтроля СССР по Молотовской (Пермской) области!!!

И такое после войны творилось при СТАЛИНЕ!

Авторское отступление (документ)

БЫВШЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ФИНАНСОВ РОССИИ УВЕЗЛИ ИЗ ГЕНПРОКУРАТУРЫ НА «СКОРОЙ ПОМОЩИ»

«Бывший заместитель министра финансов Андрей Вавилов был вызван в понедельник в Генпрокуратуру», — сообщает presscenter.ru.

После того, как его ознакомили с материалами, на основании которых против него может быть заведено уголовное дело, Андрею Вавилову стало плохо и он покинул Генпрокуратуру на машине «скорой помощи».

По данным источников presscenter.ru, предъявленные материалы могут оказаться «опасными и неприятными для очень широкого круга лиц, потому что касаются и того периода, когда Вавилов работал в правительстве Гайдара и его программе приватизации». Вызов Вавилова был осуществлен с негласной санкции Генерального прокурора Устинова, который не так давно встречался с президентом Путиным, а в данный момент в Москве отсутствует.

Сразу же после того, как Вавилов покинул Генпрокуратуру, последовали звонки из кремлевской администрации с требованием прекратить всякое разбирательство. По данным источника, давление оказывается очень жесткое» (Источник: Lenta.ru: В России. 28. 05. 2001.).

Комментарий № 1: Между тем в марте 2002 г. телепрограмма «Наша версия — под грифом секретно» по ТВЦ («Московия») посвятила «художествам» бывшего замминистра *финансов А. П. Вавилова* несколько передач. И оказалось, что еще в 1996 г. Вавилов публично хвастался: я — «кошелек» Ельцина, все счета по его вторичному

избранию в президенты — у меня, и т. д., а также что он «обслуживает» всех «олигархов» — Березовского, Чубайса, Вяхирева и др.

В 1997 г. председатель Центробанка *Сергей Дубинин* публично обвинил Вавилова в «умыкании» 580 млрд. «старых» руб. из внешнего долга России. В 2001 г. аналогичное обвинение выдвинула швейцарская прокуратура, сообщив, что с участием Вавилова было «уведено» в офшорные зоны значительная часть «ангольского долга» СССР (5 млрд. 600 млн. долл.), сниженного до 1,5 млрд. («усушку» поделили Вавилов и К°, а на личном счете бывшего замминистра появились 120 млн. долл.!).

Результат: в 1997 г. квартиру Дубинина обстреляли неизвестные, а у Вавилова взорвали служебный автомобиль-иномарку (ни хозяина, ни водителя в момент взрыва в машине не было).

В октябре 2001 г. Вавилова Генпрокуратура вновь попыталась привлечь к уголовной ответственности в связи с «делом Олейникова» (генерал-полковник Минобороны РФ, обвиненный в финансовых махинациях с Украиной и осужденный), и вновь влиятельные силы из Администрации президента спасли отпетого махинатора из «молодых ельцинских волков»; сначала Вавилова перевели по «делу Олейникова» из обвиняемых в свидетели, а затем и вообще в очередной раз «замяли дело».

Комментарий № 2: Несмотря на целый водопад последовавших и далее газетных статей о коррупции бывшего замминистра финансов Вавилова, в частности, причастного к краже 4,8 млрд. долл. «стабилизационного кредита» МВФ для ликвидации последствий дефолта в августе 1998 г. («Новая газета», №37, 27—29. V.2002 г.), весной 2002 г. он был выдвинут от законодательного собрания Пензенской области... в сенаторы, несмотря на протесты Генеральной прокуратуры РФ.

Наконец, в «дело Вавилова» вмешались уже не бессильные перед Кремлем отечественные, а заокеанские «сыскари». Вот что сообщила 22 января 2004 г. Lenta.ru: «Член Совета Федерации РФ, бывший замминистра финансов Андрей Вавилов был задержан и допрошен правоохранительными органами США... Личный самолет (?! — *Авт.*) Вавилова, следовавший по маршруту Москва — Барбадос — Аспен, 5 января этого года по требованию федерального прокурора округа Северная Калифорния был принудительно посажен в аэропорту американского города Палм-Бич. К этому моменту в городе присутствовали несколько агентов ФБР, спецагент министерства финансов США и помощник окружного прокурора. Позже в город прибыла группа адвокатов (?! — *Авт.*) Вавилова из Нью-Йорка.

Вавилова и его жену допрашивали более четырех часов, после чего задержанные были отпущены. Вавилова заставили подписать обязательство о даче показаний по интересующим власти США вопросам по месту дальнейшего его пребывания на горнолыжном курорте Аспен. 20 января Вавилов с супругой благополучно вернулись в Россию.

О причинах задержания Вавилова ничего не известно. По информации РБК, речь, возможно, шла о документах, касающихся периода 1995—1997 годов. Вероятно, бывший министр финансов был задержан по делу бывшего украинского премьера Павла Лазаренко, процесс по которому начинается в США 17 февраля. Следствие ведется по факту исчезновения из активов российского ОАО «Газпром» 700 миллионов долларов. Сообщается, что американские правоохранительные органы заинтересованы также в проведении бесед с Борисом Ельциным, Виктором Черномырдиным, Рэмом Вяхиревым и другими лицами, ранее занимавшими

ключевые посты в различных структурах в РФ. Известно также, что в случае въезда этих лиц на территорию США, они будут принудительно доставлены в суд»[1].

Резюме: 55 лет между «делами» Клепикова — Мальцева в Перми и «делом» А. Вавилова в Москве прошло, шесть генсеков ЦК КПСС и два президента России сменились за эти полвека, а что изменилось в советско-российской коррупции и у ее покровителей? Разве что Клепиков с Мальцевым брали натурой (мясом, коньяком, отрезами сукна), а Вавилов — «баксами».

Воистину — мафия бессмертна!

СУМЕРКИ СТАЛИНИЗМА

(Продолжение)

Вряд ли Сталин, знакомясь с подобного рода донесениями МВД о сращивании коррупционеров от торговли с партийно-государственным аппаратом и даже чекистами, намеревался после войны, подобно Ленину в начале нэпа, строить свой социализм в мировой социалистической системе «чужими руками» — он же в очередной раз объявил на весь мир перед избирателями Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г., что «советский общественный строй является лучшей формой организации общества».

Стало быть, строй хороший, но есть отдельные недостатки — как пелось в одном телесериале брежневской поры «Следствие ведут знатоки»:

«Если кое-кто у нас порой честно жить не хочет, значит нам пришла пора дать им бой». И Сталин дал свой «последний и решительный» бой. Но не по основам советской коррупции, вытекавшей из командно-распределительной экономической системы «советского монастыря», а по личностям «братии» этого монастыря, решив в 1949—1952 гг. сменить (как это уже имело место в партии, армии и госаппарате в 1936—1938 гг.) всю военную и послевоенную элиту СССР.

Сменить обычными для его внутренней политики 30-х гг. методами — путем фабрикации через военную разведку и МГБ СССР «антисоветских контрреволюционных дел», «дел о шпионаже», «вредительстве» и т. д. Единственным отличием от «дел» 30-х гг. было то, что почти все эти дела (кроме самого последнего — антиеврейского, которое планировалось как максимально публичное) носили закрытый характер, и население узнавало о казнях тех или иных «врагов народа» только из скупых сообщений официальных коммюнике в «Правде» и «Известиях», а иногда не узнавало и совсем.

Вот как этот зловещий план последнего «боя» Сталина выглядел на практике, судя по публикациям документов в 1992—2000 гг. из архива Политбюро (ныне Архив Президента РФ) и Архива Главной военной прокуратуры (чаще всего их использовали покойный генерал Д. А. Волкогонов и бывший директор Росархива Р. Г. Пихоя).

ОХОТА ЗА ГЕНЕРАЛАМИ

Война выдвинула на высокие командные должности в Советской армии плеяду молодых, не старше 35 лет, генералов (к концу войны — около 40% всего генеральского состава из общего количества 2952 чел.), причем многие из них были беспартийными (286 чел.), а часть вступила в партию лишь в годы войны (238 чел.). Вообще после

---

[1] Посетив Москву с официальным визитом 6 января 2004 г., госсекретарь США Колин Пауэлл выступил на собрании правозащитных организаций в Москве. На вопрос из зала — как таким, как Вавилов, дают американскую визу на въезд в США? — ответил: больше ни ему, ни другим подозреваемым таких виз давать не будут (до этого заявления в «отказниках» ходил один певец Иосиф Кобзон).

кровавых чисток РККА в 1937—1940 гг. генеральский состав в ходе войны обновился больше чем наполовину — из упомянутых 2952 чел. генеральские погоны в ходе войны получили 1753 чел.[1]. Причем подавляющее большинство из них получили эти погоны не как сегодня — в «Арбатском военном округе», а на поле брани, в боевых операциях, рискуя жизнью.

Публично Сталин всячески расхваливал этих боевых генералов, в частности, на приеме в Кремле в честь маршалов и генералов Красной Армии в своей речи 24 мая 1945 г. Но, как установил *Р. Г. Пихоя* по архивам Политбюро, КГБ и Главной военной прокуратуры, начиная с Троцкого и Фрунзе, Сталин «красным командирам» *не доверял никогда.* Даже, казалось бы, самым проверенным и близким, таким политически совершенно ничтожным, как Семен Буденный (слежка установлена с 1925 г.) или «луганский слесарь» Клим Ворошилов (подслушивающее устройство на квартире с 1935 г., как только Ворошилов получил звание маршала). Не составил исключения и маршал С. Т. Тимошенко (прослушивали с 1942 г.) и особенно маршал Г. К. Жуков (слушали с 1939 г.), за которым Сталин следил особенно тщательно — на работе, дома, на даче, в автомашине (*Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 43—44).

И, как показали ленты «прослушки» боевых генералов Гордова и Рыбальченко в декабре 1946 г., Сталин опасался не зря — его новый генералитет, опаленный на фронтах войны, был отнюдь не просталинский. Но даже если и далеко не все из 2952 армейских генералов были настроены после войны так же, как Гордов, Рыбальченко или Кулик, Сталину хватило и этих троих, чтобы начать «охоту за генералами».

А кто лучше всех годился для такой работы? Правильно, начальник Главного управления контрразведки ГРУ РККА (фронтовое расхожее название — СМЕРШ, «смерть шпионам») в 1942—1946 гг. *Виктор Абакумов* (1908—1954 гг.), который наряду с ловлей немецких шпионов параллельно снабжал Хозяина агентурными данными о разговорах молодых амбициозных советских генералов на их командных фронтовых пунктах и в часы отдыха. Как профессионал контрразведки, Абакумов хорошо зарекомендовал себя в годы войны (это позднее признавали в своих мемуарах многие советские военачальники) — СМЕРШ действительно поработал неплохо, и сколько-нибудь стабильную шпионскую сеть в 1942—1944 гг. в прифронтовой полосе абверу создать не удалось. Да и как генерал, а затем с октября 1946 г. министр госбезопасности СССР Абакумов выгодно отличался от карлика Ежова и грузного Берии в нелепой шляпе с большими полями и пенсне (то ли «недорезанный» националист из кавказцев, то ли «агент» ЦРУ, и не случайно Сталин многозначительно обзывал его «наш Гиммлер»): высокий, хорошо сложенный красавец-мужчина, москвич Абакумов, несмотря на слабое образование (все те же четыре класса городской начальной школы — базовые «университеты всей сталинской партийной пехоты), тем не менее играл в «аристократический» теннис, стал мастером спорта по самбо. Абакумов всегда очень следил за собой — носил хорошо подогнанную военную форму или сшитые на заказ дорогие костюмы, тщательно вычищенную обувь, был всегда выбрит и благоухал заграничными одеколонами, напоминая скорее царского генерал-адъютанта, чем советского «краскома»[2].

Но Абакумов все же был скорее «загонщиком» в этой «охоте на генералов», где самой крупной «дичью» был, конечно же, герой войны маршал *Георгий Жуков.* Первый крупный компромат на Жукова поступил от «конторы» Абакумова уже 25 мая 1945 г., на другой день после приема в Кремле, когда маршал без санкции вождя собрал у себя

---

[1] Журнал «Источник», 1996, № 2, с. 103—147 (записки о послевоенном устройстве армии).

[2] *Столяров Кирилл.* Палачи и жертвы. М., 1994, с. 11—137; *Судоплатов Анатолий.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. М., 1998.

на казенной даче в Сосновке под Москвой на частную пирушку по случаю Победы своих боевых друзей — маршала В. Д. Соколовского, маршала бронетанковых войск С. И. Богданова, бывших командующих армиями генералов А. В. Горбатова, И. И. Федюнинского, В. И. Чуйкова, бывшего бригадного комиссара и члена Военного совета группы советских оккупационных войск в 1945—1946 гг. в Германии генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина и друга юности, бывшего командира гвардейского кавалерийского корпуса генерала В. В. Крюкова с женой, знаменитой певицей Лидией Руслановой (перечень гостей дается по «прослушке» СМЕРША. — *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 44). Позднее, в 1947—1948 гг., некоторым из участников эта пирушка у Жукова очень дорого обошлась: в поисках компромата на маршала Сталин прикажет арестовать и выбивать показания из генералов Телегина и Крюкова, а заодно сослать в Сибирь жену последнего — певицу Лидию Русланову (предварительно ее лишат награды — ордена Отечественной войны 1-й степени за фронтовые концерты, а также конфискуют всю ее личную коллекцию картин, фарфора и других раритетов).

Но все это начнется позднее, а пока Сталин создает свой тайный «штаб» по «охоте за генералами». Номинальным его руководителем становится новый министр обороны, кандидат в члены Политбюро с 1946 г. *Николай Булганин* (1895—1975), совершенно бесцветная фигура, тайный алкоголик и любитель балерин Большого театра, однако опытный царедворец. Н. С. Хрущев в 1957 г. так охарактеризовал этого деятеля: «Он был сталинским стукачом; за это Сталин сделал его маршалом Советского Союза» (за участие в «антипартийной группе» 1957 г. Булганин был в 1958 г. разжалован из маршалов в генерал-полковники).

От партии в этот «штаб» был откомандирован *Алексей Кузнецов* (1905—1950 гг.), по воле «вождя» сделавший вначале, как и Абакумов, головокружительную карьеру: из секретарей Ленинградского горкома партии он 18 марта 1946 г. на пленуме ЦК ВКП(б) сразу избирается членом Оргбюро и секретарем ЦК, курирующим административные органы, включая госбезопасность (в 1949 г. Сталин «сдаст» его по «ленинградскому делу»).

Четвертым членом «штаба» назначается старый сталинский сатрап *Матвей Шкирятов* (1883—1954 гг.), с 1939 г. — заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) (у Шкирятова в подмосковном поселке Сухановка была своя «партийная» тюрьма, находившаяся вне систем МВД и МГБ, и он нередко сам лично вел там допросы арестованных с пристрастием).

* * *

В «охоте за генералами» и их лидером Жуковым, как и во всей политике репрессий периода «сумерек сталинизма», была своя *дьявольская логика* и *стратегический расчет.* И то обстоятельство, что преемники ВОЖДЯ играли по тем же правилам фабрикации «шпионских» и «антипартийных» заговоров в борьбе за ускользающую из рук дряхлеющего генералиссимуса власть, лишний раз свидетельствует — «пауки в банке» (Дзержинский, 1925 г.) ничего не забыли и ничему не научились. К тому же и сама созданная еще Лениным и доведенная до тоталитарного абсурда Сталиным СИСТЕМА не давала никакой другой альтернативы: *не убьешь ты — убьют тебя!*

Сейчас, когда благодаря комиссии по реабилитации жертв репрессий при Президенте РФ во главе с акад. *А. Н. Яковлевым*, а также исследованиям допущенным к рассекреченным архивам Кремля историков (ген. Дм. Волкогонова, Кирилла Столярова, Рудольфа Пихоя и др.), опубликованы или стали известны страшные подробности репрессивной «сталинской кухни» 1945—1953 гг., вырисовывается следующая жуткая картина.

Армия — как когда-то, в 1922—1923 гг., Ленин с Троцким применяли тактику «кнута» и «пряника» в отношении РПЦ («церковный большевизм»), так ту же тактику использовал с мая 1945 г. Сталин в отношении офицерского корпуса Советской Армии.

«Пряник» заключался не только в разрешении «грабить награбленное фашистами» — отправка с осени 1944 г. продуктовых посылок с фронта, а после капитуляции гитлеровской Германии отправлять вагонами «барахло» (которое, кстати, Сталин затем легко использовал как «вещдок» при аресте неугодного офицера или генерала, обвиняя его в «вещизме» или «разложении»)[1], но и в попытке воссоздать дореволюционную офицерскую касту. Еще во время войны, с 1943-го, были восстановлены «царские» погоны, воинские звания, походная и парадная формы, учреждены суворовские и нахимовские — «кадетские» — училища и т. д. После войны кастовая тенденция усиливается: оставшиеся в кадровой армии бывшие фронтовые офицеры не только продолжают получать «наградные» деньги за ордена и медали, но и снабжаются новыми — за выслугу лет, за звания, за должность и т. п. Действующие офицеры с 1945 г. стали хорошо зарабатывать, и Сталин подбросил им еще одну «морковку» — в условиях карточной системы до декабря 1947 г. офицерам и генералам разрешили такую привилегию, как посещение *коммерческих* (без карточек) магазинов и ресторанов. С 1946 г. маршалам стали выделяться казенные дачи в ближнем Подмосковье, а генералам — большие, до одного гектара, дачные участки, на которых строили «хоромы» свои солдатики или военнопленные немцы. В системе военторгов открыли «генеральские распределители», пошивочные мастерские, парикмахерские и т. д.

Более того, Сталин попытался вообще изъять офицерский корпус из общегражданской юрисдикции, решением Политбюро (?! — *Авт.*) от 28 марта 1947 г. введя дореволюционные «офицерские суды чести» (соответствующее постановление было подписано Сталиным как предсовмина СССР и А. А. Ждановым как секретарем ЦК ВКП(б)). Позднее, в 1951—1952 гг., Сталин распространил эту административную юстицию, которая заменила прежнюю «проработку» на партсобраниях, на весь госаппарат — МВД, МГБ, МИД и т. д.

В целом «суды чести» для военных и гражданских чиновников (последних, впрочем, тоже одели в униформу) стали продолжением политики «сумерек сталинизма» по сращиванию парт- и госаппарата, что в 1952 г. на XIX съезде партии завершится окончательным «огосударствлением» некогда общественно-политической организации (ВКП(б) в составную часть госаппарата — КПСС.

Надо сказать, в этом отношении Сталин был более последователен, чем его преемники, например Хрущев. Все попытки последнего возродить «ленинские партийные нормы» успеха не имели — сам принцип единственной правящей партии объективно толкал к такому сращиванию. Все, чего добился *Н. С. Хрущев,* — так это перенос центров принятия политических и государственных решений из госкабинетов в кабинеты партийные. Но оба эти «кабинета» находились в одном «Доме» *партгосноменклатуры.*

Не удалось «развести» парт- и госаппарат и *М. С. Горбачеву*, который вдобавок разломал и весь «Дом», а с ним — и СССР.

---

[1] Именно этот прием был применен в отношении арестованного ген. Телегина: «Следствием установлено, что Телегин, находясь в 1944—1946 гг. вместе с советскими войсками на территории Польши и Германии, используя свое служебное положение, занимался стяжательством, скупая за бесценок и присваивая ценности и имущество, подлежащее сдаче в доход государства» (далее шел перечень — 218 отрезов шерстяных и шелковых тканей, 21 охотничье ружье, меха, французские гобелены XVII—XVIII вв., антиквариат из фарфора и т. д. (Из обвинительного заключения следственного управления МГБ СССР. Военно-исторический журнал, 1998, № 6, с. 75.)

По той же схеме обвиняли в 1951 г. быв. главу МГБ Абакумова (при обыске нашли 100 пар обуви) и быв. первого секретаря Ленинградского обкома П. С. Попкова по «ленинградскому делу» в 1949 г. Что он там натворил — трудовым коллективам Питера не сообщили. Зато сообщили, что при аресте у секретаря ЦК изъяли 15 костюмов, и этого было достаточно, чтобы работяги на митингах единогласно потребовали Попкова расстрелять «как бешеную собаку».

Но у Сталина в запасе был еще против офицерского и любого другого «корпуса»: партийного, научного, художественной интеллигенции, любых национальностей — мингрелов в Грузии или евреев СССР — и свой «*кнут*».

ДЕЛО АВИАТОРОВ

Первый послевоенный «удар кнута» пришелся в январе 1946 г. по военным авиационным начальникам и руководителям военной авиапромышленности. Вначале были арестованы два маршала авиации — С. А. Худяков и А. А. Новиков, одновременно главнокомандующий ВВС Советской Армии. Однако основным фигурантом «дела авиаторов» стал нарком авиационной промышленности с января 1940 г., бывший секретарь обкома, член ЦК ВКП(б) и Герой Социалистического Труда *Алексей Шахурин* (1904–1975 гг.), неожиданно арестованный в марте 1946 г. (его больше всех пытали, почти три месяца держали в холодном тюремном карцере на цементном полу и припаяли самый большой срок — семь лет; остальным дали от двух до шести).

История фабрикации «дела авиаторов» до сих пор вызывает недоумение: почему арестованы были именно они? Шахурин, например, в своих мемуарах «Крылья победы» (три издания — 1983, 1985 и 1990 гг.) вообще ни словом не обмолвился ни о своем аресте, ни о постановлении Военной коллегии Верховного суда СССР 10—11 мая 1946 г. о тюремном заключении, ни о своей отсидке почти семь лет. А ведь освобожденный весной 1953 г., он в декабре 1954 г. уже выступал в Ленинграде свидетелем на суде над своим мучителем Абакумовым. Может быть, не хотел будоражить прошлое — ведь в августе 1953 г. его полностью реабилитировали, вернули все чины (Шахурин в 1944 г. получил воинское звание генерал-полковника инженерно-авиационной службы) и награды, снова назначили в Минавиапром, правда, уже не министром, а замминистра. Затем он стал первым замминистра в том же министерстве, а в июне 1957 г. — зампредом ГКЭС при Совмине СССР, но здоровье было уже подорвано (в тюрьме Шахурин перенес инфаркт), и в 1959 г. он ушел на пенсию по состоянию здоровья, хотя и прожил после этого еще 16 лет.

Вообще состав подсудимых-«авиаторов» был какой-то странный. Наряду с двумя маршалами авиации и одним наркомом авиапрома, «вредителями» главным инженером ВВС А. К. Репиным и начальником главного управления авиазаказов ВВС Н. П. Селезневым, почему-то были арестованы и два партийных аппаратчика — заведующие авиационными секторами промышленного отдела ЦК ВКП(б) А. В. Будников и Г. М. Григорян. Да и первоначальные обвинения тоже были весьма странными — Худякову, например, в феврале 1946 г. предъявили главное «обвинение» в авиационном вредительстве: он, оказывается, самовольно русифицировал свое армянское имя и фамилию и из «Арменака Ханферянца» стал «Семеном Худяковым», не отразив этот «шпионаж» в анкете. Правда, после допросов с пристрастием Ханферянц-Худяков быстро сломался и подписал все, что ему подсунули костоломы Абакумова: признался якобы в «службе» у дашнаков в Армении, и в «шпионаже» в пользу англичан в 1918 г. и даже чуть ли не в участии в расстреле 26 бакинских комиссаров. Более того, именно на основе показаний Худякова были арестованы Новиков, Шахурин и все остальные, включая «просмотревших» вредительство партаппаратчиков ЦК.

По-видимому, Сталину в этом первом крупном «ударе кнута» было все равно, кого арестовать. Он просто дал указание «штабу» подобрать «дело» по принципу «была бы статья, а человек найдется»…

У Абакумова «под рукой» случайно оказались «авиационщики» — на фронте в СМЕРШе он слышал от своих осведомителей на военных аэродромах, что иногда советские военные самолеты неожиданно падали из-за каких-то технических неполадок. Слышал бы о тонущих по тем же причинам подводных лодках — арестовал бы

подводников. Но подвернулись «авиационщики», хотя в их «деле» не оказалось *ни одного* рапорта или заключения хотя бы *одной комиссии* о том, что во время войны советские летчики и их самолеты гибли из-за технических неполадок.

Тем не менее «штаб» в докладной записке Сталину именно «технику» поставил во главу угла всего «дела», и последний клюнул на это. Сталин лично повел все «дело авиаторов», втянул в него Политбюро и Минобороны СССР. Более того, в апреле 1946 г. за своей подписью Сталин разослал по всем партийным и государственным инстанциям секретное циркулярное письмо, где уже был до суда сформулирован приговор: «Проверка работы ВВС и жалобы летчиков с фронта на недоброкачественность наших самолетов привели к выводу, что бывший нарком авиапромышленности Шахурин, который сдавал самолеты для фронта, затем бывший главный инженер ВВС Репин и подчиненный ему Селезнев, которые принимали самолеты от Шахурина для фронта, находились в сговоре между собой с целью принять от Шахурина недоброкачественные самолеты, выдавая их за доброкачественные, обмануть таким образом правительство и потом получать награды за «выполнение» и «перевыполнение» плана. Эта преступная деятельность поименованных выше лиц продолжалась около двух лет и вела к гибели наших летчиков на фронте» (Архив Политбюро — Президента, ф. 3, оп. 58, д. 311, л. 98. — Цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 46).

После такой «указивки» допросы уже сломленного Худякова пошли по «технической линии»: он находил все больше и больше конструктивных «недостатков» почти у всех типов отечественных самолетов времен войны — Як, Ил-2, Ла-7, Пе-2 и Пе-8, Ту-2. Но за каждым из этих типов стояли знаменитые авиационные конструкторы, двое из которых, *Андрей Туполев* и *Владимир Петляков,* до войны уже посидели в тюрьме и поработали с февраля 1939 г. в бериевской «шарашке» (т. н. Особом техническом бюро при НКВД СССР в подмосковном Болшеве; посажены были как «русские фашисты» в октябре 1937 г., освобождены в июле 1940 г.). Теперь на основе показаний Худякова (а Сталин распорядился, чтобы копии протоколов его допросов и допросов его «подельников» в апреле — мае 1946 г. циркулярно рассылались Абакумовым не только членам Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, но и в Минобороны, в Генштаб, в Главный штаб ВВС, в Минавиапром и т. д.), дело запахло крупным процессом о «вредительстве» и о повторной «посадке» в тюрьму (а то и расстреле!) не только для Туполева и Петлякова, но и всех остальных авиаконструкторов — А. С. Яковлева, С. В. Ильюшина, С. А. Лавочкина.

По-видимому, по первоначальному плану-максимуму Сталин намеревался разыграть привычную для него «карту вредителей» (вспомним «шахтинское дело» 1928 г., процесс «Промпартии» в 1930 г. и др.) и свалить чудовищные людские потери в войне на «предательство» своих исполнителей («плохих бояр»), но что-то в последний момент его остановило; возможно, хлипкость следственных материалов для большого, по образцу 1938 г., сфабрикованного Абакумовым «дела авиаторов» — ведь «жалоб летчиков с фронта» он так Хозяину и не представил. Поэтому в мае 1946 г. все ограничилось осуждением семи основных обвиняемых к сравнительно мягким по тем временам (уже за «предательство» бывшим солдатам армии Власова и «буржуазным националистам» из Прибалтики и с Западной Украины — «бендеровцам» — давали по 25 лет лагерей) приговорам: от двух до семи лет.

Но программу-минимум — в отношении Жукова — Абакумов выполнил. Здесь ему «подыграл» главный маршал авиации и бывший главнокомандующий ВВС Красной Армии *Александр Новиков* (1900—1976), арестованный, как и Шахурин, в марте 1946 г. и так же, как и он, освобожденный в июне 1953 г. с восстановлением чинов (назначен в том же месяце командующим авиацией дальнего действия), званий (возвращено звание маршала авиации) и орденов (восстановлен как дважды Герой Советского Союза; с 1956 г., однако, в отставке).

Позднее, в брежневские времена, рассказывая о «деле авиаторов» журналистам, Новиков свел всю интригу к банальной сплетне Василия, сына Сталина, в Берлине в июне 1945 г. во время Потсдамской конференции «трех великих» о том, что тот якобы по пьянке пожаловался отцу — наши самолеты, дескать, «плохие», а вот американские «авиакобры», поставленные по ленд-лизу, были «что надо». Начальник СМЕРШа Абакумов якобы подслушал этот разговор, запросил у Сталина указаний, а тот будто бы и скажи — «вот вы и расследуйте…». Дальнейшее известно, а что Новиков после ареста дал признательные показания против Жукова, заранее отпечатанные на машинке (оставалось лишь подписать каждую страничку), то его… «обкурили»: «Мне дали закурить какую-то папироску, и я окончательно теряю представление реального…»[1]

В действительности, как стало известно по архиву Политбюро (Президента) еще в 1993 г. из подлинных допросов Новикова на Лубянке, никто его не «обкуривал» и даже не пытал: он в первый же день допроса раскололся и письменно подтвердил все, что требовали от него следователи МГБ показать против Жукова. По Новикову, Жуков в разговорах с ним будто бы в отношении Сталина допускает «высокомерный тон», «выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им»; более того, уже после войны «Жуков критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства»[2].

«Отмазаться» от обвинений во «вредительстве» — принимал на вооружение технически неисправные самолеты — Новикову было нетрудно: следователи так и не предъявили бывшему командующему ВВС ни одного письменного акта о катастрофе самолетов ввиду конструктивных недостатков.

Сложнее было с другим обвинением — в «стяжательстве». Следователи предъявили ему длинный список «полетных заданий» летчикам не только военно-транспортных самолетов типа «Дуглас», но и военных самолетов. А также протоколы опросов этих летчиков — что они перевозили и куда. А перевозили они по заданию главного маршала авиации «барахло» — все те же ковры, меха, хрусталь и т. д., т. е. те же «трофеи», и не одним-двумя самолетами, а целыми эскадрильями. И не куда-нибудь, а с берлинского аэродрома в Москву, летая туда и обратно с июля по октябрь 1945 г. и нещадно расходуя казенный военный керосин.

А в Москве с центрального и подмосковных аэродромов «барахло» грузовиками везли на казенную дачу и в московскую квартиру главного маршала авиации, а что уже не вмещалось — прятали в авиационных ангарах (вот показания солдат-грузчиков, а вот и описи спрятанного «барахла»). И Новиков сразу сломался — ведь этот «вещизм» действительно был фактом.

Сталин на всю катушку использовал «показания» бывшего главнокомандующего ВВС против Жукова. Они почти текстуально, уже после суда над «авиаторами», вошли в секретный приказ министра обороны Булганина от 9 июня 1946 г. (приказ писал лично Сталин, помогали ему Булганин и начальник генштаба маршал А. М. Василевский). Даже формулировки протоколов допросов Новикова Сталин сохранил в этом приказе — «маршал Жуков, утеряв всякую скромность... увлечен чувством личной амбиции», «приписывает себе при этом в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны…» и т.д. (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 48—49).

---

[1] *Кутузов В.* Грязная кухня Абакумова // «Ленинградское дело». Л., 1990, с. 405.

[2] Г. К. Жуков. Неизвестные страницы биографии. Документы // Военные архивы России. М., 1993, вып. 1, с. 176—183.

Ясное дело, после такого приказа Жукова сняли со всех должностей[1] и отправили сначала в Одесский, а затем в Уральский военный округ. Но на этом злоключения опального боевого маршала Советского Союза не кончились: Сталин явно играл с Жуковым в кошки-мышки. В феврале 1947 г. Пленум ЦК ВКП(б) выводит его из числа кандидатов в члены ЦК. В декабре того же года в Одесском военном округе проводится ведомственная ревизия, которая, разумеется, вскрывает «массу недостатков».

По итогам этой проверки решением Секретариата ЦК Жукова снимают с должности командующего Одесским округом и 20 января 1948 г. выносят «последнее предупреждение» и предоставляют «в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии…». После *таких партийных постановлений* человек сталинской эпохи ждал скорого ареста. И Жуков ждал его на своей московской квартире, пока его не сразил инфаркт. Зато вокруг следовали аресты его боевых товарищей (уже упоминавшегося выше ген. Телегина, который в сентябре 1948 г., измученный пытками, дал против Жукова показания о «стяжательстве»).

И все-таки Сталин почему-то не довел «дело Жукова» до конца (сиречь расстрела). К концу 1948 г. его вдруг оставили в покое, а когда маршал оправился после инфаркта, неожиданно отправили из Москвы командовать Уральским военным округом.

Военные и гражданские историки до сих пор бьются над разгадкой этой «милости» вождя. Высказываются соображения, что Сталину в условиях разгоравшейся «холодной войны» и образования НАТО Жуков был еще нужен как «пугало» для американцев.

Нам же представляется, что дело было в другом.

ПАУКИ В БАНКЕ. БОРЬБА ЗА «СТАЛИНСКИЙ КАФТАН»

Партия. Кардинальные изменения за годы войны произошли и в ВКП(б). Фактически довоенная партия в военные годы *почти вся погибла*: из 3 млн. 872 тыс. членов и кандидатов, состоявших в ВКП(б) на 1 января 1941 г., в живых осталось всего 872 тыс. Но общая численность партии не только не уменьшилась, но и возросла в полтора раза (5 млн. 511 тыс. чел. на 1 января 1946 г.), главным образом за счет т. н. «военных призывов» на фронте (например, только в 1943 г. было сразу принято в партию 2 млн. 794 тыс. чел.).

Но это были другие люди: они уже почти ничего не знали о доктрине мировой пролетарской революции, Ленин для них стал просто «коммунистическим святым», в атаки они шли под лозунгом «За Родину, за Сталина!» и никакого языка мировой революции — эсперанто — они уже не изучали. Шел ускоренный прием в партию и в тылу, но там часто вступали по карьеристским соображениям. По советским официальным партийным источникам, социальный состав ВКП(б) после войны не изменился — 60% ее членов по-прежнему объявлялись «выходцами из рабочей среды»[2]. Однако зарубежные исследователи и советские диссиденты в 70-х гг. давали совсем другие цифры: к 1952 г. и последнему сталинскому XIX партийному съезду рабочие составляли всего 7,6, а крестьяне — 7,8%[3].

После войны произошел окончательный раскол партии на *номенклатуру* и рядовых *членов*. Вместо прежнего интернационализма этим рядовым членам предлагалось исповедовать *советский патриотизм*. Более того, послевоенная номенклатура, на

---

[1] Замминистра обороны СССР, начальника Главкомата сухопутных войск и главноначальствующего Советской военной администрацией в Германии.

[2] Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1957, с. 362.

[3] *Шапиро Леонард*. Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze, 1976, с. 614; *Некрич А., Геллер М.* Утопия власти. С. 484.

словах клянясь в верности Сталину, партии и государству, фактически негласно разлагалась тем же Сталиным за счет «вещизма» и номенклатурных привилегий: дач, распределителей, спецобслуживания, дополнительной зарплаты «в конвертах» (секретарям райкомов партии), с которой они не платили партвзносы, и т. п.

Структура партии при Сталине все более и более напоминала иерархию официальной РПЦ — наверху «митрополиты» (владыки), внизу — серая масса «служек» и «послушников». Партия и государство окончательно срослись, все более и более напоминая «один сплошной монастырь» (Николай Гоголь).

Как и после Гражданской войны, военно-командный стиль, полувоенная форма, обязательное ношение многочисленных орденов и медалей (на официальных торжествах) или орденских планок (в повседневной жизни) стало стилем партийно-государственной жизни «сумерек сталинизма».

Но в практической деятельности в 1946—1953 гг. Сталин явно отодвигал партийную номенклатуру на второй план, превращая партию в придаток государства. В войну вообще вся реальная власть была сосредоточена в ГКО — Государственном Комитете Обороны, председателем которого был сам генералиссимус.

Замена в 1946 г. прежних «ленинских» наркоматов на министерства, введение во многих из них униформы и знаков различия, переименование Совнаркома в Совет Министров СССР (аналогично — в союзных республиках) указывало на то, что Сталин явно возвращается к «царским» структурам, к «старому режиму», причем даже не Николая II, а Николая I (1825—1855).

В «сумерках сталинизма» сыграл свою важную роль и биологический фактор — Сталин после войны начал стремительно стареть, ведь в 1945 г. ему было уже 66 лет. Он все реже и реже появлялся в своем рабочем кабинете в Кремле, предпочитая вызывать своих соратников на «ближнюю дачу» в Волынское (Кунцево), месяцами отдыхал на своих казенных дачах в районе Большого Сочи или в Абхазии. В 1950 г. он не принимал никаких посетителей целых пять месяцев, в августе 1951-го — феврале 1952 г. — более полугода (как теперь стало известным, из-за трех инфарктов).

Но это вовсе не означало, что он потерял всякий контроль над партийным и государственным аппаратом, генералитетом армии, госбезопасности и внутренних дел. Просто он существенно изменил прежние *партийные методы* своего руководства. Став абсолютным диктатором («царем»), он экономил свои физические силы. И если в 1945—1948 гг. Сталин еще иногда участвовал в заседаниях Орг- и Политбюро, изредка собирал пленумы ЦК ВКП(б) (но не партконференции и тем более не съезды партии — последние уже не собирались 13 лет, с 1939 г.), то с 1949 г. он эту практику почти прекратил.

Всю текущую «черновую» работу Сталин переложил на секретарей ЦК — технических исполнителей его указаний. С этой целью он провел кардинальную реорганизацию аппарата ЦК ВКП(б): еще 18 марта 1946 г. на пленуме ЦК он неожиданно предложил расширить состав Оргбюро почти вдвое, с 9 до 15 секретарей. При этом Сталин вернулся к практике «троек» времен болезни Ленина в Горках и на том же пленуме сам назвал состав — *Сталин, Андрей Жданов и Георгий Маленков.* Если фигура Жданова была хорошо известна в партийных верхах еще с довоенных времен (десять лет, с 1924 г., первый секретарь Нижегородского обкома партии, с 1934 г., после убийства Кирова, первый секретарь Ленинградского обкома, в 1938–1941 гг. — глава Агитпропа ЦК ВКП(б), в 1939—1948 гг. — член Политбюро), то Маленкова знал лишь узкий круг партаппаратчиков как начальника ключевого «учраспреда» — Управления кадрами ЦК ВКП(б) с 1938 по 1946 г.[1].

---

[1] О ключевой роли аппаратчика Г. М. Маленкова в «сумерках сталинизма», как и о его попытках, исполняя волю вождя на пленумах 1938—1939 гг., приструнить обкомовских «туркменбаши», хорошо написал Ю. Н. Жуков.

Разумеется, пленум немедленно санкционировал все предложения вождя — Сталина, Жданова и Маленкова немедленно избрали в Оргбюро, Политбюро и Секретариат ЦК ВКП(б).

Но вокруг Сталина уже разворачивалась борьба за его «кафтан». Конечно, ни о каких идейных фракциях времен Ленина типа «троцкистов», «децистов», «рабочей оппозиции» и т. п. в «сумерках сталинизма» говорить не приходится. Но кланово-земляческие группировки после 1945 г. уже начинают складываться, и одной из первых стала «ленинградская группировка» во главе с *А. А. Ждановым.* Переведенный еще в 1938 г. из Ленинграда в центральный аппарат ВКП(б) в Москву и став после XVIII съезда партии в 1939 г. членом Политбюро, он потащил за собой своих «ленинградцев». Одним из первых среди ждановских креатур выдвинулся *Николай Вознесенский* (1903–1950 гг.), крупный ученый-экономист, доктор экономических наук, академик АН СССР (с 1943 г.), выпускник Института красной профессуры. По рекомендации Жданова Сталин еще до войны, в 1938 г., сделал Вознесенского ключевой фигурой советской экономики — председателем Госплана СССР, а с 1939-го — еще и зампредом Совнаркома (с 1946 г. — Совета Министров СССР); одновременно с 1941 г. Вознесенский стал кандидатом в члены Политбюро, а с 1947 г. — и «полным» членом Политбюро.

Помню, как отец однажды после войны принес домой книгу Вознесенского о советской экономике в годы войны — ее тогда прорабатывали в кружках марксизма-ленинизма на всех предприятиях[1] (в 1948 г. за эту книгу он получил Сталинскую премию).

29 марта 1948 г. Сталин (после двух первых инфарктов) еще больше возвышает Вознесенского — решением бюро Совмина он наряду с Маленковым становится одним из двух членов правительства, которые попеременно ведут заседания Совмина в отсутствие Сталина, который, как известно, сам являлся тогда премьером.

Второй ключевой фигурой «ленинградского клана» стал *Алексей Кузнецов*, также предложенный Ждановым. Кузнецов, как секретарь ЦК — куратор административных органов, лично «вел» все «дело авиаторов». А если к этому добавить, что все с той же подачи Жданова в 1946—1948 гг. Сталин использовал ленинградскую партийную организацию как «кадровый резерв» — свыше 300 назначений в парт- и госструктурах разных уровней в эти два года были произведены из организаций города и области, — то станет ясным, какую роль начал играть «ленинградский клан» в партии и государстве. Все это указывало на то, что Сталин ищет себе преемника и одновременно пытается создать для него опору в партии — вверху и на уровне обкомов, но не забывает древний принцип цезарей: divida et impera — «разделяй и властвуй!».

Именно в противовес Жданову неожиданно возвышается серый аппаратчик Маленков. Однако между «ленинградцами» и «москвичами» сразу вспыхивает острое соперничество, тем более что за Маленковым маячат фигуры других, еще более опытных «царедворцев» — Берии, Молотова, Кагановича, Микояна и др.

Конечно, в отличие от 20-х гг., борьба двух кланов идет не на пленумах и партконференциях РКП(б) или заседаниях ИККИ — эта эпоха давно ушла в прошлое вместе с героями тех партдискуссий — «троцкистами». Она идет «под ковром», и главное в ней — убедить подозрительного Сталина в том, что противоположная группировка замышляет что-то против «вождя всех времен и народов». А для него лучше всего пристегнуть кого-либо из оппонентов к очередному «делу» о «врагах народа», «шпионах» и т. д. И здесь ключевую роль играли эмгэбисты-следователи и их шеф Абакумов, которые могли выбить из арестованных любые показания.

Один из фигурантов «ленинградского дела» в 1949—1950 гг., питерский партпризывник 1946—1948 гг., первый секретарь Ярославского обкома *И. М. Турко*,

---

[1] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947.

прошедший через руки абакумовских костоломов и чудом оставшийся живым, позднее с потрясающей откровенностью изложил состояние истязаемых «подследственных»: «Видя этого человека (следователя МГБ Путинцева. — *Авт.*), зная, в этих условиях они могут со мной сделать что угодно, я был совершенно обезволен. Они лишили меня всякого человеческого достоинства, и когда я, изнемогая, ползая и обнимая сапоги Путинцева, просил приостановить допрос, так как у меня начинались галлюцинации, я чувствовал, что теряю рассудок» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 68).

Первоначально казалось, что в этой схватке кремлевских «пауков в банке» ленинградцы берут верх. Маленкова только-только, 18 марта, избрали членом Политбюро, но уже 4 мая 1946 г., после выступления Сталина на пленуме ЦК, столь же неожиданно выводят из его состава. Через два дня выгоняют и из Оргбюро и Секретариата ЦК и отправляют в «ссылку» — назначают председателем Комитета по реактивной технике (май 1946 — май 1947 г.), причем в том же мае Маленков исчезает из Москвы и появляется в столице вновь лишь в октябре 1946 г. (в те годы по Москве циркулировали слухи, что его сослали в Узбекистан).

Причина неожиданной опалы слышна в речи Сталина на пленуме 4 мая 1946 г. Оказывается, Маленков «просмотрел» некачественный прием главным маршалом авиации Новиковым авиационной техники в годы войны. Вы спросите: а при чем здесь главный кадровик ЦК и самолеты? А при том, что как и все партфункционеры в годы войны, Маленков имел десятки дополнительных «нагрузок», и среди них — курирование авиапрома, которое, впрочем, он осуществлял формально, не вникая в технические детали. Теперь ему эту «нагрузку» припомнили.

Концы этой опалы вели к «делу авиаторов», которое курировал, как мы помним, секретарь ЦК «ленинградец» Кузнецов. А между ним и Маленковым, которому он наследовал на посту главного кадровика аппарата ЦК, сразу установились неприязненные отношения. Кузнецов тоже играл по правилам установленной Хозяином системы: как куратор «дела авиаторов» он ориентировал Абакумова на подключение Маленкова к этому «делу», что следователи усердно и делали. В протоколах допросов «авиаторов» замелькала фамилия Маленкова. Протоколы эти, как мы знаем, Абакумов с апреля 1946 г. направлял Кузнецову, а тот Сталину. Расчет оказался точным: вождь заподозрил верного сатрапа в неверности и после десятого — двенадцатого протокола с его фамилией сместил Маленкова со всех партийных постов, тем самым выкинув его и из «тройки». Но, странное дело, не добил, как и Жукова, временно оставил на свободе. Более того, 2 августа 1947 г. снова пригрел, повысив до должности зампредсовмина СССР, где Маленков сблизился с другим зампредом — *Лаврентием Берией.*

К весне 1948 г. Маленков взбирается еще выше: Сталин устанавливает баланс сил между «ленинградцами» и «москвичами»: с 29 марта 1948 г. Вознесенский и Маленков как два первых зампреда вождя в бюро Совмина СССР по очереди ведут текущие заседания правительства в отсутствии Хозяина. Но этот баланс держится недолго — через пять месяцев после установления связки Вознесенский — Маленков главный покровитель «ленинградцев» и человек № 2 в партии и государстве *А. А. Жданов* неожиданно умирает 30 августа 1948 г. в цековском санатории на Валдае. Наступает решительная схватка двух кланов «пауков в банке» за «сталинский кафтан».

ЖДАНОВИЗМ

Явное выдвижение Жданова и его «ленинградской группы» (Вознесенского, Кузнецова, Косыгина и др.) на первые роли в партии и государстве в 1946–1948 гг. было связано прежде всего с теми новыми идеологическими и пропагандистскими задачами, которые хотел решить Сталин после войны.

Для него было уже очевидным, что старая довоенная коминтерновская идеология интернационализма (в тылу врагов вспыхнет восстание мирового пролетариата, и он не даст сокрушить СССР) полностью обанкротилась: спас Советский Союз и его самого *старый русский патриотизм.* Поэтому в 1943 г. он разгонит Коминтерн, начнет заигрывать с РПЦ и уже больше никогда не вернется к идее «штаба мировой революции»: созданный с активным участием Жданова в сентябре 1947 г. *Коминформ* (Информационное бюро компартий) так и останется лишь центром обмена информацией и получением директив из Москвы (в апреле 1956 г., после XX съезда, будет распущен).

Между тем послевоенная ситуация в СССР срочно требовала заполнить идеологический вакуум. Сталину это спасение виделось в виде комбинации двух постулатов — прежней коминтерновской концепции 1929—1939 гг. — «СССР — осажденная империалистами крепость» и нового, вышедшего из войны, — «советского патриотизма».

Сама по себе схемка была немудрящей: в «крепость» Запад засылает «идеологических диверсантов», а «советские патриоты» всех уровней дают им достойный отпор. Тогдашние «кухонные» аналитики в СССР и настоящие, за рубежом, обратили внимание на то, что из публичных речей Сталина начала исчезать прежняя «коминтерновская» фразеология (в упоминавшейся выше речи 9 февраля 1946 г. перед избирателями в Москве он умудрился *ни разу* не сказать слова *социализм* и *коммунизм*), а в докладе по случаю 27-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1944 г. упор сделал на «верности народа своей советской Родине», но не на *интернациональном*, а на «братском содружестве трудящихся всех наций нашей страны»[1].

Основания для беспокойства у Сталина были, и серьезные. В определенном смысле история повторялась, и короткий послевоенный антифашистский период 1945—1947 гг. в Европе и в СССР вызывал надежды на кардинальные изменения в жизни людей всех стран и континентов. Война действительно привела к созданию формально наднациональной ООН, причем на этот раз СССР не игнорировал как Лигу Наций, а активно поддержал создание ООН, став одним из пяти постоянных членов ее Совета Безопасности, к публичному осуждению нацизма и фашизма (именно Нюрнбергский процесс 1946 г. над главарями нацизма ввел такую международную юридическую норму, как «преступление против человечества» — выдачи военных преступников осуществляются до сих пор), начался новый подъем национально-освободительного движения в колониях, в 1947 г. увенчавшийся первым успехом — Индия и Пакистан освободились от многолетнего колониального ига.

В СССР после войны возродилось нечто вроде прежних «нэповско-сменовеховских» настроений 20-х гг., особенно среди творческой интеллигенции. Во время и после войны, наряду с заказными романами на фронтовую и колхозную тему (Семен Бабаевский, «Кавалер Золотой Звезды»; он же, «Свет над землей», 1947–1950 гг.) или насильственно переделанными романами (Александр Фадеев, «Молодая гвардия», 2-е изд., 1951 г.) появляются действительно талантливые художественные произведения бывших советских солдат и офицеров, отразивших героический подвиг народа в войне.

Среди этой «военной прозы» заметны повести и романы *Василия Гроссмана* «Народ бессмертен» (1942 г.) и «За правое дело» (1952)[2], *Виктора Некрасова* «В окопах

---

[1] Цит. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. М., 1946, с. 45.

[2] Однако начатый еще в 1948 г. роман-размышление «Жизнь и судьба» этого писателя — опасное сравнение гитлеровского и сталинского режимов со сценами в ГУЛАГе и еврейском гетто в нацистской Германии — был запрещен при Сталине, Хрущеве и Брежневе и при жизни писателя не увидел свет (напечатан за границей в 1980 г., в СССР — при Горбачеве в 1989 г.). Не удостоил Гроссмана за его военные книги Сталин и премии своего имени, хотя, например, Бабаевский за свою макулатуру получил их в 1949–1951 гг. целых три.

Сталинграда» (1946), довоенные воспоминания *Михаила Зощенко* «Перед восходом солнца» (ч. 1, 1943) и многие другие.

В свое время сначала в «Литературной газете», а затем в отдельном издании в 1991 г.[1] я уже писал, что и Сталина (а он уже в 1945 г. получил через гэбистов в Союзе писателей СССР сведения об опасных мыслях Гроссмана относительно аналогий фашизма и сталинизма), и Хрущева (при всей его «десталинизации» он приказал в 1961 г. устроить на квартире писателя обыск и забрать на Лубянку очередной роман Гроссмана «Все течет») очень напугали мысли писателя-фронтовика, известного еще своими довоенными историко-революционными романами (например, «Степан Кольчугин», ч. 1—4, 1937—1940), относительно схожести двух тоталитарных режимов.

Любопытно отметить, что ни еврея Гроссмана в самый разгар антисемитской кампании 1949–1953 гг., ни русского «антисоветчика» Некрасова (а ему за «Окопы Сталинграда» дали в 1947 г. Сталинскую премию, но в 1974 г. писатель все равно эмигрировал из СССР во Францию) при Сталине не тронули, но зато отыгрались на Зощенко и совершенно аполитичной поэтессе *Анне Ахматовой* (разгромное постановление ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» 14 августа 1946 г., текст которого собственноручно был написан Ждановым). Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» было первым, но далеко не последним партийным постановлением 1946-1948 гг. по идеологии, которые позднее на Западе окрестят общим понятием *ждановизм.* За ним в том же 1946 г. последуют постановления «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме "Большая жизнь"» и др. А за постановлениями — организационные выводы: закрытие журналов, кадровые перестановки в творческих союзах (например, в августе 1946 г. в Союзе писателей, когда поэта Николая Тихонова заменили генеральным секретарем Александром Фадеевым) и т. д. Позднее, с началом перестройки, термин «ждановизм» распространился на весь сталинский антиинтеллигентский послевоенный погром, с 1949 г. принявший откровенно антисемитский характер[2].

Действительно, главным «идеологическим погромщиком» с 1944 г. выступал Жданов, после окончательного снятия блокады переведенный из Ленинграда в Москву в знаменитый Агитпроп — Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Он уже возглавил в начале 1946 г. значительно усиленный штатно-идеологически новый мощный орган ЦК — Управление пропаганды и агитации (не забудем, что Жданов был еще с 1939 г. и членом Политбюро ЦК ВКП(б)). Новому управлению придали «тяжелую артиллерию» — свой собственный печатный орган газету «Культура и жизнь», начавшую выходить с 28 июня 1946 г.

Да, Жданов бдительно следил за идейным марксистско-ленинским «порядком» на подведомственной ему «грядке» и вовремя сигнализировал Хозяину о появлении на ней «идеологических сорняков». Так, еще до начала погрома в Ленинграде журналов «Звезда» и «Ленинград» он уже в июне 1946 г. сообщил Сталину о потере бдительности двумя ленинградскими учеными-медиками профессорами Клюевой и Роскиным, направившими в медицинский журнал в США свою статью о лечении рака. По этому поводу управление подготовило, а Секретариат ЦК разослал специальное закрытое партийное письмо, призывавшее руководителей парткомов НИИ к бдительности в отношении ученых и пресечении их связей с заграницей[3].

Да, под руководством Жданова готовился и проводился в 1946 — августе 1948 г. разгром многих творческих союзов, научных учреждений (в частности, знаменитая

---

[1] Революция и мифы о революции (о повести В. Гроссмана «Все течет» и не только о ней // В. Г. Сироткин. Вехи отечественной истории. М., 1991, с. 206—224.

[2] См., напр.: *Карякин Юрий.* «Ждановская жидкость», или Против очернительства // Огонек, 1988, № 18.

[3] *Аксенов Ю. С.* Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции // Кентавр, 1991, октябрь — декабрь, с. 82.

погромная сессия 31 июля — 7 августа 1948 г. ВАСХНИЛ, где были разгромлены ученые-генетики и восторжествовала поддержанная Сталиным «лысенковщина»).

Он же причастен к шельмованию гениальных русских композиторов *Сергея Прокофьева* и *Дмитрия Шостаковича* в феврале — апреле 1948 г.

Но вот что характерно: в отличие от наследовавшего ему после 1948 г. Михаила Суслова, Жданов никогда не боялся (и даже любил) выступать со своей «партийной критикой» публично — на собраниях и пленумах писателей, активах творческой интеллигенции и т. д.

И вот что еще показательно: при нем пока *не сажали в тюрьму* — громили, снимали с должностей, исключали из творческих союзов, не печатали, как, скажем, Ахматову и Зощенко, но *не сажали.* Даже проклятых «вейсманистов-морганистов» — генетиков — после погромной сессии ВАСХНИЛ[1].

В этом непонятном сегодня многим борцам со сталинизмом «либерализме» 1946—1948 гг. ждановской «ленинградской группы», особенно в экономике и финансах, по нашему мнению, скрывался глубокий подтекст, в чем-то созвучный «нэповским» методам Красина, Чичерина, Сокольникова, Владимирова и даже Дзержинского на посту председателя ВСНХ. И здесь вновь проглядывается (хотя после войны и тщательно скрываемое) различие между «гимназистами» и «семинаристами».

Жданов, например, как и Троцкий, получил пусть и не классическое, но тем не менее по тем временам вполне приличное образование — окончил до революции реальное училище в Твери, да еще, в отличие от эмигранта Троцкого, закончил четырехмесячную школу прапорщиков в Тбилиси во время Первой мировой войны. Он почти всю Отечественную войну провел в блокадном Ленинграде, непосредственно руководя обороной, и современные петербургские исследователи, опросив десятки еще живых партийных и государственных работников тех времен, в 1995 г. пришли к неожиданному для критиков «ждановизма» выводу: «Жданов резко выделялся личностными свойствами и характеристиками из общего фона [тогдашних] ленинградских руководителей. Его отличали: незаурядный здравый смысл, реалистическое мышление, умение быстро ориентироваться и адаптироваться к обстановке, неординарная память... самообразование и природный талант (Жданов в отличие от очень многих тогдашних «вождей» играл на пианино. — *Авт.*), умение ладить с самыми разными людьми позволяли ему достаточно квалифицированно решать многие вопросы»[2]. Да и то сказать — Жданов по-своему, хотя и со сталинских позиций (как некогда в 20-х гг. Троцкий — с ленинских, вспомним его «Литературу и революцию» 1923 г.) громил «безыдейную» послевоенную интеллигенцию, да еще публично. А это вам не «охота на генералов», где приказал — и все. Здесь нужен был минимум эрудиции, какая-никакая аргументация, а не один ор — «партбилет на стол!».

И еще один примечательный факт, ставший известным лишь сравнительно недавно, в 1997 г., после публикации сугубо личного дневника *В. А. Малышева,* в послевоенные сталинские времена — зампреда Совмина СССР. По долгу службы Малышев был приглашен на двухдневное заседание Политбюро 31 мая — 1 июня 1948 г., где обсуждался вопрос о присуждении очередных Сталинских премий. И как всегда неожиданно, Сталин выступил по совершенно другому вопросу — он вдруг обрушился на своего очередного (второго по счету) новоиспеченного зятя *Юрия Жданова* (тот только-только, поздней весной, женился на его дочери Светлане) за то, что на каком-то рутинном семинаре лекторской группы ЦК тот выступил против шарлатана Лысенко.

---

[1] *Медведев Жорес.* Взлет и падение Лысенко: история биологической дискуссии в СССР. 1929—1966. М., 1993, с. 161—163. (Посадят некотрых из них позднее, но уже не как генетиков, а как евреев.)

[2] Блокада рассекреченная. Сб. статей и документов. СПб., 1995, с. 137 (авторы статьи о Жданове — В. Демидов и В. Кутузов).

«Лысенко, — многозначительно заявил Сталин, — это Мичурин в агротехнике»[1]. Пикантность ситуации состояла в том, что на этом заседании вместе с сыном присутствовал и отец — Андрей Жданов, а также десятка три академиков, партаппаратчиков и совминовских чиновников.

Малышев предполагал, что вряд ли сын выступил против Лысенко на лекторской группе по собственной инициативе. Скорее всего, он согласовал этот демарш с отцом, а тот, по-видимому, надеялся, что Сталин не станет «базарить» по какому-то запутанному вопросу о генетике с ученым публично, тем более, что вождь ни уха ни рыла в этом не понимает (все-таки один из «вейсманистов-морганистов» — Т. Х. Морган, крупнейший ученый-генетик, лауреат Нобелевской премии по науке 1933 г.). Отец и сын Ждановы ошиблись — никакие лауреаты Нобелевских премий «вождю всех времен и народов» были не указ, и пришлось Юрию писать 7 июля 1948 г. покаянное письмо своему тестю и заверять, что в душе он остался «страстным мичуринцем» (письмо, разумеется, опубликовали в «Правде» 4 августа 1948 г., на потеху кремлевским кумушкам, — «не успел жениться на сталинской дочке, а уже получил оплеуху от тестя, выскочка!»).

Сталин ничего просто так не делал: раз уж он предал «тиснению» личное и доверительное письмо зятя в центральном партийном органе, значит — это сигнал и отцу. И сигнал поступил вскоре после покаянного письма Юрия Жданова 7 июля 1948 г. — в том же месяце *Г. М. Маленков* вновь избирается секретарем ЦК, и борьба между ним и другим секретарем-«кадровиком» А. А. Кузнецовым вспыхивает с новой силой.

Жданов-отец в тот момент лечится в цековском санатории на Валдае, а в это время в Москве вовсю идет погромная сессия ВАСХНИЛ, где «лысенковцы» топчут ногами истинных ученых-генетиков. Сталин как бы подкидывает им подарок — покаянное письмо «страстного мичуринца» своего зятя Юрия Жданова.

И как-то уж очень вовремя в том же августе 1948 г. неожиданно умирает Жданов-отец, совсем как Киров в 1934 году. Правда, объективности ради следует сказать, что, как многие русские полуинтеллигенты-большевики (скажем, Рыков), Жданов-старший страдал… «болезнью души»[2].

Была ли «болезнь души» Жданова-отца следствием дурной наследственности, или он, как Орджоникидзе накануне самоубийства в 1937 г., начал особенно много пить, когда понял — у Сталина тоже «больная душа», но только не от алкоголя, а от прогрессирующей тяжелой психической болезни, так и осталось неизвестным. Во всяком случае, Н. С. Хрущев, уже находясь в опале, в своих мемуарах весьма сочувственно отзывается о Жданове, в отличие от оценок, которые он давал другим послевоенным сатрапам Сталина — Берии, Маленкову, Кагановичу и др.

Но что Хозяин через год после смерти Жданова дал отмашку на жесточайшую расправу со всей его «ленинградской командой» и сотнями других ни в чем не повинных ленинградских функционеров, это исторический факт. Лично я думаю, что, останься А. А. Жданов жив после 30 августа 1948 г., его наверняка ждала бы судьба Кирова 1 декабря 1934 г.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО

В этом «деле» сплелись воедино как объективный, так и субъективный факторы.

---

[1] Дневник В. А. Малышева // Источник, 1997, № 5, с. 103—147.

[2] К концу жизни он стал хроническим алкоголиком, и на своей «ближней даче» Сталин в последнее время не давал ему на традиционных застольях членов Политбюро ни капли спиртного — Жданов, морщась, пил только минеральную воду; по части запоев со Ждановым в те годы мог соперничать только кандидат в члены Политбюро Александр Щербаков, но он умер раньше Жданова, 10 мая 1945 г., и тоже внезапно. См.: Пороки и болезни великих людей. Сб. статей и материалов. Минск, 1998, с. 198.

Объективно ленинградцы, и прежде всего *Николай Вознесенский* и *Алексей Косыгин*[1], сделали очень много для спасения советских промышленных предприятий в годы войны и восстановления послевоенной экономики. Именно Н. А. Вознесенский как зампред Совмина и председатель Госплана СССР сумел убедить Сталина принять его план восстановления послевоенной советской экономики: отмену карточной системы, проведение денежной реформы, введение отдельных элементов «нэповской» деятельности — разрешение широкой сети «колхозных» рынков, «коммерческих» (т. е. без карточек) магазинов, ресторанов, ларьков, частной практики зубных врачей и т. п.

Сталину, который, как и Ленин, во главу угла всегда ставил *политическую целесообразность*, вначале явно импонировали успехи «ленинградской группы» Жданова. Сам ее глава с лета 1946 г. успешно идеологически громил «гнилую творческую интеллигенцию», а в это же время его «замы» более или менее успешно спасали «народ» от голода и холода. Более того, как отмечалось выше, Хозяин даже вначале черпал среди ленинградцев кадровый резерв для назначения на партийные и хозяйственные посты по всему Советскому Союзу, а в частных беседах в 1947 г. на своей «ближней даче» даже высказывался в том духе, что своими преемниками он видит только «ленинградцев»: на посту Предсовмина СССР — Н. А. Вознесенского, а Генсеком ЦК ВКП(б) — А. А. Кузнецова («Известия ЦК КПСС», 1989, № 2, с. 127).

Но субъективно Сталин, как и в конце 20-х — начале 30-х гг., никогда не разделял эти *нэповские* тенденции своих временных «попутчиков» — ленинградцев. И как только острая нужда в них отпала — к лету 1948 г. СССР в основном восстановил разрушенную войной экономику и более или менее наладил мирную жизнь — Сталин круто изменил свое отношение к «ленинградцам». Уже одно то, что «вождь» не пощадил самолюбие своего нового зятя и приказал опубликовать покаянное письмо Юрия Жданова в «Правде», стало зловещим знаком: фактически с 4 августа 1948 г. Сталин дал «отмашку» к разгрому «ленинградской группы»[2].

«Паукам в банке» из Москвы во главе с заново испеченным секретарем Оргбюро и Секретариата ЦК *Маленковым* стало заметно легче: ни ему, ни Берии совсем не улыбалось оказаться в подчинении у двух ленинградских «дофинов» Сталина — Вознесенского и Кузнецова.

И тут как нельзя «кстати» неожиданно умирает Жданов (ниже мы еще увидим, как таинственные обстоятельства его смерти вдали от Москвы в связи с т. н. «делом Лидии Тимашук» будут использованы «пауками» в 1952–1953 гг. в борьбе за «сталинский кафтан»). Маленков сразу же нацеливается на его место — человека № 2 в партии. Но для этого следует дискредитировать «дофина» Кузнецова, а заодно и всю «ленинградскую братию». Опытный аппаратчик, Маленков, однако, начинает не с Москвы, а с Ленинграда, с местных партийных и советских руководителей, к которым постепенно «подтягивает» московских ленинградцев и «примкнувших к ним» предсовмина РСФСР М. И. Родионова (в 1940—1946 гг. первый секретарь Горьковского обкома), Кузнецова, Косыгина, Вознесенского и других.

---

[1] А. Н. Косыгин (1904—1980) родился, учился (как и Жданов, был «реалистом» — окончил до революции реальное училище в Петрограде) и работал в Ленинграде до 1939 г., когда вместе со Ждановым и Вознесенским был вызван Сталиным в Москву и в 35 лет назначен им наркомом текстильной промышленности. С 1940 г. — зампред Совнаркома, с июля 1941 г. — зампред Совета по эвакуации промышленных предприятий на Восток (в январе — июле 1942 г. занимался эвакуацией людей и техники из осажденного Ленинграда). Именно благодаря его энергии удалось перебазировать на Урал и в Сибирь большое количество военных заводов, в первую очередь авиационных. В 1943—1946 гг. — предсовнаркома РСФСР, в 1949—1953 гг. — министр легкой промышленности СССР. См.: *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2000, с. 267.

[2] Основные документы по фабрикации этого «дела» давно опубликованы. См., напр.: Пленум ЦК КПСС (июнь 1957 г.): стенографический отчет. М., 1957; О т. н. ленинградском деле // Известия ЦК КПСС, 1989, № 2, с. 126—137; «Ленинградское дело». Сб. док. Л., 1990. Из исследований см. книгу ленинградского чекиста В. И. Бережкова «Питерские прокураторы» (СПб., 1998).

Точно рассчитан и первый удар: Маленков уже знает, что Хозяин начинает морщиться от «торгашеских» приемов «дофина» Вознесенского в экономике. Не далее как 11 ноября 1948 г., как ведущий вместо Сталина заседание бюро Совмина СССР, Вознесенский санкционирует принятие постановления «О мероприятиях по улучшению торговли». Речь идет о реализации на межобластных оптовых ярмарках скопившихся на складах госторговли и Центросоюза нереализованных товаров на огромную сумму в 5 млрд. «новых» рублей. Такие ярмарки (похожие «продуктовые» ярмарки в 1986–1987 гг. будет активно проводить в столице первый секретарь МГК *Борис Ельцин*) было решено проводить в ноябре — декабре 1948 г. по всему Союзу. Одну из них 10—20 января 1949 г. провели в Ленинграде с большим размахом, назвав ее даже не межобластной, а всероссийской.

По установленному порядку в разгар ярмарки ничего не подозревавший предсовмина РСФСР Родионов 13 января 1949 г. направляет в Секретариат ЦК письменную информацию — как идет торговля, сколько продали, какие деньги выручили и т. п. Маленков, получивший, по-видимому, уже санкцию Сталина, начинает фабриковать компромат — на информации Родионова новый человек № 2 в партии накладывает резолюцию о якобы «нарушении» установленного порядка проведения такого рода хозяйственных мероприятий (всесоюзную ярмарку в Ленинграде якобы должен санкционировать полный состав Совмина, а не его узкое бюро) и разослал копию «бумаги» заинтересованным лицам — зампреду Совмина СССР и претенденту на место Вознесенского *Лаврентию Берии*, министру внешней торговли СССР Анастасу Микояну и другим. Соблюдая пока осторожность, Маленков «отписал» информацию и Н. А. Вознесенскому.

Словом, первый документ «ленинградского дела» уже в январе 1949 г. лег в папку Маленкова. В декабре того же года появляется и второй — анонимка с объединенной областной и городской партконференции Ленинграда и области о фальсификации голосования по выборам в бюро обкома и горкома (коронный прием всех партийных интриганов с 1949 г. и по 1988 гг. в парторганизациях всех уровней): по итогам тайного голосования было объявлено, что все прежние областные и городские «вожди» снова прошли в руководители якобы единогласно, а на самом деле каждый из них получил от 2 до 15 голосов против.

Такого рода фортели были не редкостью в ВКП(б) — сам Сталин еще на XVII съезде говорил, что важно — не как голосуют, а как считают голоса (и приказал поставить себе ровно столько голосов «против», сколько имел Киров — на деле же их было во много раз больше). Но все зависело от «установки сверху»: устроителей схожих с ленинградской ярмаркой ведь не тронули, да и с других отчетно-выборных партконференций в конце 1949 г. поступали анонимки о фальсификации итогов голосований, но Политбюро 15 февраля 1949 г. почему-то вынесло вопрос только о ленинградцах и приняло специальное постановление «Об антипартийных действиях тт. А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и П. С. Попкова». В постановлении свалили в одну кучу и ярмарку («разбазарили государственный товарный фонд»), и фальсификацию бюллетеней тайного голосования на партконференции.

Ни о логике, ни о фактах составители постановления Политбюро от 15 февраля не заботились. Первому секретарю обкома П. С. Попкову приписали «зиновьевскую тенденцию» противопоставления ленинградской парторганизации московской (намек на «новую оппозицию» Зиновьева — Каменева в 1925 г.), а Вознесенскому — «шефство» над такой «антипартийной тенденцией». Политбюро сняло Кузнецова, Родионова и Попкова со всех постов, но пока оставило их в партии и даже (Родионова, Попкова) направило «на учебу» в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б).

По-видимому, Сталин все же остался недоволен «работой» Маленкова по ленинградцам, хотя тот из кожи лез вон, чтобы сфабриковать «антипартийную группу»

и даже в феврале 1949 г. для этого лично выезжал в Ленинград и «обрабатывал» некоторых членов бюро обкома и горкома. Но Сталин все же изъял «дело» из рук Маленкова и отдал его *Абакумову* летом 1949 г. Тот привычно взялся за работу и первым делом арестовал «аспирантов» Родионова и Попкова, а заодно и еще одного «студента» — направленного «на учебу» в апреле 1949 г. в АОН при ЦК ВКП(б) бывшего второго секретаря Ленинградского горкома партии *Якова Капустина.*

Костоломы Абакумова довольно быстро выбили из этого последнего «признание», что он: а) «английский шпион» (почему «английский» — для Сталина с Абакумовым было все равно, мог быть назначен и «японским», хотя бывший клепальщик на питерском заводе «Красный путиловец» никаких иностранных языков не знал и за границей никогда не был!) и б) член тайной «антипартийной группы», сформированной якобы Вознесенским.

Но Вознесенского пока не трогают. Зато находящегося «в резерве» А. А. Кузнецова, «аспирантов» П. С. Попкова и М. И. Родионова, а заодно будущих членов «антипартийной группы» председателя Ленгорсовета П. Г. Лазуткина и бывшего председателя Леноблисполкома Н. В. Соловьева (в тот момент, как «ленинградский партпризывник», он работал первым секретарем Крымского обкома партии) вызывают 13 августа 1949 г. на Старую площадь в кабинет секретаря ЦК Маленкова якобы для беседы, но уже в приемной всех пятерых арестовывают агенты Абакумова и препровождают во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Приходит очередь и Вознесенского. Открытая атака на него начинается уже в марте 1949 г. По негласному указанию Маленкова один из заместителей Госснаба пишет в Совмин СССР записку о якобы умышленном занижении председателем Госплана СССР Вознесенским цифр промышленного развития страны на 1949 г., что уже пахнет «вредительством». Немедленно собирается Совмин и на нем принимается решение (без всякой проверки изложенных в доносе из Госснаба фактов) о «культивировании непартийных нравов» председателем Госплана, «фактах обмана правительства» и т. п.

Очевидно, и здесь Сталин остался недоволен слишком топорной работой Маленкова, и чтобы уже окончательно подвести Вознесенского под уголовную статью, прибег к традиционному в истории российской бюрократии приему — обвинению высокого чиновника в пропаже со службы «казенных бумаг» (именно по такому обвинению в марте 1812 г. сместили с поста Государственного секретаря и отправили в ссылку на Урал великого реформатора начала XIX в. *Михаила Сперанского*). По-видимому, по его указанию Маленков устроил в аппарате Госплана банальную провокацию-воровство: некто «уполномоченный ЦК по кадрам» Е. Е. Андреев выкрал из сейфов Вознесенского целый ряд секретных правительственных постановлений сразу за ряд лет — с 1944 по 1949 г., а затем настрочил Маленкову в июле 1949 г. донос — Вознесенский-де «утратил бдительность», «утерял важные секретные документы» и пр.

Дальше все шло по накатанному еще в 30-х гг. сценарию — по «инстанциям». Маленков отрядил донос Андреева к Сталину, тот в КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятову (помните, члену «штаба» по «врагам народа» — генералам), а Шкирятов обобщил все «факты» в специальной записке «О непартийном поведении тов. Вознесенского Н. А.». Туда вошли и «вредительство» в Госплане, и поддержка ленинградской «антипартийной группы».

Вывод Шкирятова: исключить Вознесенского из ЦК и… привлечь к суду «за утерю секретных документов». Политбюро 11 сентября согласилось с КПК, а виртуальный пленум ЦК 12—13 сентября 1949 г. (пленум не собирался, а его решения, составленные Маленковым, просто подписывались методом опроса) утвердил эту расправу. 27 октября 1949 г. Вознесенского арестовали.

«Ленинградское дело» показало, что Сталину уже не нужны были какие-то формально-юридические процессуальные нормы суда — расправа над арестованными

осуществлялась в «рабочем порядке». Сначала их с августа по декабрь 1949 г. «допрашивали» (т. е. зверски избивали до потери ими человеческого облика — см. выше свидетельство *И. М. Турко*), выбивая самые немыслимые признания. Наконец, 18 января Абакумов представил Сталину список на 44 человек, из которых 9—10 человек «главарей» предложил расстрелять, а остальным дать различные сроки лагерей. При этом судить не в открытом процессе с участием обвинения и защиты, а «тройкой» — закрытым выездным заседанием военной коллегии Верховного суда в Ленинграде. Сталин довольно долго думал (целых восемь месяцев!), пока, наконец, не дал «добро» на этот сценарий.

4 сентября 1950 г. Абакумов и главный военный прокурор А. П. Вавилов представили Сталину совместную записку, которая фактически и была решением «суда»: Вознесенского, Кузнецова, Попкова, Капустина, Родионова и Лазуткина — к расстрелу, остальных — к различным срокам лагерей.

29—30 сентября в Ленинграде в окружном Доме офицеров все прошло по намеченному сценарию: закрытый «суд тройки», 1 октября в 00 час. 59 мин. огласили приговор, в 2 часа ночи пятерых смертников уже расстреляли.

Но и это было еще не все — уничтожили всю родню расстрелянных (у Вознесенского репрессировали жену, сестру и брата, ректора ЛГУ им. Жданова). Изо всей «ленинградской команды» непонятно почему (как и Жуков в армии) уцелел только *Косыгин*, хотя по всем «канонам» сталинской «юстиции» его место было в подвале окружного Дома офицеров рядом с Кузнецовым, на сестре которого он был женат. Смертельный сталинский тайфун в очередной раз пронесся по Ленинграду и области, сметя в 1949—1952 гг. со своих постов более двух тысяч «начальников», очень многие из которых были репрессированы.

Позднее, после смерти Сталина и расстрела Берии, все главные фигуранты по «ленинградскому делу» решением той же военной коллегии Верховного суда СССР от 30 апреля 1954 г. были полностью реабилитированы, а исполнители этой средневековой инквизиции Абакумов и следователи-изуверы Лихачев, Комаров и др. были судимы 14—19 декабря 1954 г. в том же окружном Доме офицеров, приговорены к расстрелу и расстреляны в том же подвале, что и их жертвы.

Маленков после изгнания «антипартийной» группировки из Политбюро и ЦК КПСС (формулировки и при Хрущеве *остались те же*) в июне 1957 г. сумел уничтожить все хранившиеся в его личном сейфе в кабинете бывшего секретаря ЦК документы по «ленинградскому делу» и открутиться: никакого уголовного наказания за физическое уничтожение соратников по Политбюро и ЦК из Ленинграда он так и не понес и умер своей смертью, хотя и в опале.

Надо сказать, что параллельно «ленинградскому» в том же октябре 1949 г. прошло и «московское дело», хотя гораздо менее «масштабное»: через Маленкова к Сталину поступил «сигнал» — письмо трех московских инженеров, членов партии, с критикой работы первого секретаря МГК *Г. М. Попова* (позднее было установлено, что таких «инженеров» в природе не существует — фамилии были вымышленные). Как водится, Сталин создал комиссию Политбюро. Она подтвердила «сигнал». 13 декабря 1949 г. виртуальный пленум ЦК (опросом) освободил Попова, а в конце декабря на его место был избран *Н. С. Хрущев*, переведенный из Киева в Москву.

Но даже тогда, в 1949–1950 гг., московские «пауки», уничтожив своих ленинградских соперников по «банке», еще не знали, какую грандиозную экзекуцию готовит им Хозяин, вознамерившийся на очередном съезде партии разбить и саму БАНКУ (Полит- и Оргбюро, ЦК, КПК и т. д.), а всю «старую гвардию» отправить под нож.

СУМЕРКИ СТАЛИНИЗМА

(Продолжение)

Последние пять лет правления Сталина (1948–1953 гг.) — наиболее смутные годы «сумерек сталинизма», все еще вызывающие жгучий интерес историков и публицистов. В качестве примера такого интереса назовем двухсерийную телепередачу *Алексея Пиманова* (постоянный ведущий популярной программы «Человек и закон»), «Последний день Сталина» по ОРТ в мае 2001 г., любопытную тем, что автору и ведущему этой редкой по исторической достоверности телепередачи удалось почти через полвека после смерти «отца народов» разыскать живого последнего начальника его личной охраны генерала *Николая Новика* (работал с мая 1951 по март 1953 г.)[1].

Его неторопливый рассказ о чисто бытовых деталях последних 20 месяцев жизни Сталина на «ближней даче», дополненный свидетельствами дочери Власика в той же передаче, рисуют жуткую картину патологического страха Хозяина перед угрозой отравления, чем-то напоминающие страхи Ленина в Горках за 30 лет до этого (помните, не брал лекарств даже из рук доверенного врача Федора Гетье, пищу принимал только после того, как ее пробовал комендант «Гаврюшка» и т. п. — у Сталина до мая 1951 г. «пробовальщиком» еды и питья был ген. Власик). Новик сообщил дополнительные детали «лекарственного» страха Сталина: с января 1952 г. выданные ему врачами таблетки не принимал, а бросал в унитаз, однажды выдал Новику лично составленный им список лекарств, деньги и тайно, одного за рулем, отправил в сельскую аптеку соседней деревни Давыдково, где тот приобрел как обычный покупатель целую сумку медикаментов.

Свидетельство Новикова ранее подтвердил другой охранник сталинской «ближней» дачи генерал МГБ Рясной: «посылал чекистов в простую аптеку со списком лекарств. Самолечением занимался. Подозревал, что его могут отравить на тот свет, и не без оснований»[2] (?! — *Авт.*).

А чего стоит свидетельство Новика о том, что в последние годы даже в своем бронированном ЗИСе Сталин ездил не на переднем или заднем «мягком» сиденье, а на откидном жестком кресле, спиной к водителю.

Подобного рода бытовые свидетельства человека, близко наблюдавшего повседневную жизнь всесильного диктатора, панически боявшегося за свою жизнь, объясняют очень многое из политических поступков Сталина в 1948—1953 гг. Во всяком случае, больше, чем просто умозрительные рассуждения некоторых яростных антисталинистов, таких, как, скажем, известный «коминтерновский» публицист *Эрнст Генри* (Семен Ростовский). Последний, пройдя путь от создателя КИМа (Берлин, ноябрь 1919 г.) и члена компартии Германии в 1920—1933 гг. до советского дипломата в Лондоне в 1935—1951 гг. (в 1951 г. был репрессирован, в 1955 г. освобожден), стал «дуайеном» советского журналистского корпуса в 60—80-х гг. (лауреат премии Союза журналистов СССР в 1961 г., «Литературной газеты» в 1979 г., Союза писателей СССР в 1981 г. и др.).

В 60-х гг. Эрнст Генри прославился в формирующихся в СССР диссидентских кругах своей фрондой против начинавшейся при «раннем» Брежневе реабилитации Сталина как выдающегося полководца, совпавшей с празднованием в мае 1965 г. 20-летия Победы (в

---

[1] От судьбы своего предшественника ген. Н. С. Власика (свыше 20 лет начальник личной охраны Сталина; 8 мая 1951 г. был смещен, 16 декабря 1952 г. арестован, в 1956 г. освобожден и реабилитирован, в 1968 г. умер) *Николая Новика* спасла случайность: за неделю до смерти вождя он заболел и попал в госпиталь; после смерти Сталина, побыв в резерве КГБ, был отправлен офицером безопасности в одно из советских посольств в Восточной Европе, где «лег на дно», не высовывался и тем самым спасся; ни в период хрущевской десталинизации, ни позднее уже в отставке не давал никаких интервью журналистам и не публиковал разоблачительных мемуаров.

[2] Цит. по: *Емельянова Ю. В.* Сталин: на вершине власти. Т. 2, с. 503—504.

1969 г. Э. Генри организует антисталинское письмо в «инстанции» — его подписали многие выдающиеся деятели советской науки и культуры, включая акад. А. Д. Сахарова). В тех же кругах по Москве ходило по рукам письмо Э. Генри от 30 мая 1965 г. писателю *Илье Эренбургу*, который в своих мемуарах «Люди. Годы. Жизнь» «чутко» отреагировал на новые веяния «инстанций» — новое возвеличивание Сталина, упрекая знаменитого писателя (вспомним его повесть 1954 г. «Оттепель») в сервильности. «Коминтерновец» в этом письме камня на камне не оставляет от «мудрости» и «гениальности» Сталина: «Не было государственного ума. Не было величия. Была довольно ограниченная хитрость и сила, опиравшаяся на самодержавную власть над огромными человеческими ресурсами. Была авантюристическая игра «ва-банк», объяснявшаяся не преданностью идее коммунизма, а невероятным самомнением, сладострастной похотью к личной власти за счет идей»[1].

Характерно, что ни Эренбург, ни Генри ничего не пишут о прогрессирующей болезни Сталина. Между тем его здоровье после войны как бы повторяет здоровье Ленина в 1922—1924 гг. В 1946—1947 гг. генералиссимус переносит два инфаркта (*Некрич А., Геллер М.* Указ. соч., с. 505; *Жуков Ю. Н.* Интервью журналисту А. Сабову, июль 2002 г. — *архив автора*), усиливающих и без того характерную для него уже давно подозрительность, год от года приобретающую параноидально-маниакальный характер (вспомним диагноз проф. Бехтерева в 1927 г.). Надо сказать, что и до телевизионных показаний личного охранника Н. Новика в мемуарной литературе некогда близких к Сталину людей еще в 60-х гг. появлялись очевидные свидетельства явной психической болезни вождя. Так, один из друзей юности Кобы *Серго Кавтарадзе* (1885—1971 гг.) в 1922—1923 гг. — председатель совнаркома Грузии в составе ЗСФСР, а в 1924—1928 гг. — первый заместитель прокурора Верховного суда СССР и одновременно видный грузинский «троцкист» (в 1937 г. был арестован и чудом уцелел в лагере), вспоминал: в 1939 г. его неожиданно освободили и прямо из лагеря доставили на дачу Сталина. Сделав вид, что он не знает, где был его давний друг, Сталин отправил Кавтарадзе работать не куда-нибудь, а в НКИД, где он в 1943—1945 был повышен до высокой должности замнаркома (в 1945—1952 гг. Сталин направил друга юности послом СССР в Румынию).

Встреча на даче в 1939 г. закончилась сенсационно. «Потом обедали, угощал по-кавказски. Вдруг Сталин поворачивается ко мне, сверлит своим тяжелым, уличающим взглядом, — вспоминал Кавтарадзе. — У меня мороз по спине. И говорит тихо, но слова чеканит: "А ты все-таки хотел убить меня". И почти выбегает из комнаты»[2]. И тем не менее Серго остается на свободе, более того, работает в МИДе всю войну. Но через шесть лет, в 1945 г., на одном из официальных дипломатических приемов в Кремле, Сталин, увидев «друга юности» среди гостей, неожиданно машет ему рукой, отводит в сторону и снова зловеще произносит все ту же фразу: «А ты все-таки хотел меня убить…» (цит. по: *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Указ. соч., с. 237).

Но и на этот раз Кавтарадзе (как и Жуков или Илья Эренбург, единственный из правления Антифашистского еврейского комитета) уцелел, пережил Сталина на 18 лет и умер своей смертью глубоким 86-летним стариком — почти единственный случай среди всех соратников «вождя», особенно со времен его грузинской юности.

Впрочем, один из немногих истинных аналитиков феномена Сталина, выдающийся психоневролог проф. *Владимир Бехтерев* (как мы помним, в 1927 г. ему эта аналитика стоила жизни) еще в начале 20-х гг. выпустил ныне совершенно забытый трактат «*Коллективная рефлексология*» (Пг., 1921) — об октябрьском перевороте и поступках большевистских вождей и масс 25 октября / 7 ноября 1917 г., в котором с позиций

---

[1] Письмо Эренбургу было опубликовано уже после его смерти, 13 лет спустя после написания. См. жур. «Дружба народов», 1988, № 3.

[2] Цит по: *Роговин В. З.* Партия расстрелянных. М., 1997, с. 37.

социального психоанализа попытался вывести некие закономерности (у Бехтерева — «законы») в поведении того или иного большевистского «вождя». И получалось, что Сталин подпадал под действие «закона № 15» — избирательного обобщения или синтеза[1].

Если применить методику *Бехтерева* к пяти последним годам жизни Сталина, то вырисовывается следующая страшная картина «избирательного обобщения» (арестов и расстрелов) и «синтеза» (кампании антисемитизма и поисков «убийц в белых халатах»).

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ОБОБЩЕНИЕ

Сталин всегда был антисемитом. Применительно к борьбе «троцкистов» и «сталинистов» в партии в 20-х гг. это отмечал еще бывший технический секретарь Сталина *Борис Бажанов.* Дочь вождя *Светлана Аллилуева* была еще более категорична. Как известно, ее первым мужем (с 1944 г.) был еврей Григорий Мороз (Морозов), ее школьный однокашник, позднее — выпускник престижного МГИМО. Сталин, скрепя сердце, согласился на этот брак, но запретил молодым жить в Кремле — им выделили отдельную квартиру в центре Москвы. И все-таки через три года, хотя у них уже родился сын (назвали его в честь деда Иосифом), Сталин фактически развел дочку с ненавистным ему евреем. Формальным поводом к разводу стала «аморалка» отца Мороза, директора московской парфюмерной фабрики. В 1947 г., после ревизии бухгалтерии фабрики, Мороза-отца неожиданно арестовали и посадили (он отсидел шесть лет).

Светлана была уже вторично замужем за Юрием Ждановым, когда «отец народов» припомнил ей первый брак: «"Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька, — сказал мне некоторое время спустя отец. — Нет! Ты не понимаешь! — сказал он резко, — сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат". Спорить было бесполезно»[2].

Спустя еще несколько лет, 1 декабря 1952 г., зампред Совмина СССР *В. А. Малышев* фиксирует в своем «Дневнике» окончательное сталинское *избирательное обобщение,* произнесенное на «ближней даче» в узком кругу членов Политбюро и «приглашенных товарищей»: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, явилось благодушие, ротозейство, зазнайство». Более того — в том же *обобщении* Сталин увязывает антисемитизм… со шпионажем: «Любой еврей-националист — это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам»[3].

На практике Сталин начал антисемитскую кампанию в СССР гораздо раньше, чем он стал «корчевать» первого мужа своей дочери и давать «це-у» в декабре 1952 г. своим соратникам, членам Политбюро. Уже в конце 1947 г., еще при Жданове, в печать был запущен термин «космополитизм» (позднее он станет еще и «безродным»). Затем началось противопоставление «патриотов» и «безродных космополитов». В «Правде» публикуются статьи типа «До конца разоблачить космополитов-антипатриотов».

Как водится, организуются протестные письма «с мест» против «космополитов». Секретариат ЦК под председательством Маленкова (январь 1949 г.) немедленно реагирует, штампуя постановление «О заявлениях, поступивших в ЦК ВКП(б), о деятельности антипатриотической группы театральных критиков» (под защиту ЦК

---

[1] Через 80 лет на эту аналитическую работу проф. В. М. Бехтерева снова обратил внимание современный политолог Игорь Панарин («Информационная война и власть». М., 2001, с. 8—9).

[2] *Аллилуева Светлана.* Двадцать писем другу. М., 1990, с. 142.

[3] Журнал «Источник», 1997, № 5. С. 146—147.

берутся пьесы «социалистических реалистов» Николая Вирты, Б. Ромашова, А. Софронова и др.). 5—10 января 1949 г. в Ленинграде проходит погромная расширенная выездная сессия Президиума АН СССР: сервильные ученые громят «низкопоклонство перед Западом», ратуют за «утверждение русских приоритетов в науке».

После этой сессии «космополитов» (т. е. евреев) начали пачками выгонять из академических институтов и вузов. Погром как пожар распространился на все другие учреждения — издательства («Советский писатель», Госполитиздат и др.), вузы, на отдельные литературные произведения. Например, запретили переиздавать и изъяли из библиотек книги известных советских сатириков *Ильи Ильфа* и *Евгения Петрова* «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», а также их «Одноэтажную Америку».

Еще 3 февраля 1947 г. Секретариат ЦК принимает постановление «О роспуске объединений еврейских писателей и о закрытии альманахов на еврейском языке» (на идише. — *Авт.*). Как в середине 30-х гг. Сталин объявил *эсперанто* языком «троцкизма», так теперь *идиш* объявляется языком *сионизма.*

В печати в изобилии публикуются статьи о «русских приоритетах»: русские изобрели паровоз, пароход, самолет, радио и т. д. Именно тогда родился известный анекдот — «Россия — родина слонов». Помню, мы — студенты первого курса МГИМО (1951/52 учебный год), начавшие изучать иностранные языки, читая такие «антикосмополитические статьи» в «Правде», втихомолку недоумевали — как можно «изгонять» из русского языка иностранные слова «фужер», «палисадник», «куртины» и т. п. только за то, что двести лет назад они пришли к нам из французского? Да что там «фужер» — магнитофон был объявлен «буржуазным» аппаратом, и их разом изъяли из учебных аудиторий МГИМО. Конечно, никаких публичных протестов не было. Но в общежитии нашего института на пл. Пушкина ходила по рукам машинописная копия перепечатки из какого-то славянофильского журнала середины XIX в., и в ней все иностранные слова были переведены на русский: официант — *блюдоносец*, меню — *разблюдовка* и т. п.

Прошло почти полвека, но возьмите нынешние самостийные издания некоторых газет и журналов на Украине — и вы увидите явную попытку заменить устоявшиеся русские термины на украинские. И это при том, что даже в Киеве на улицах по-украински не говорят, а уж тем более в Восточной Украине или в Крыму. Более того — в 2001 г. на мою кафедру философии, политологии и культуры в Дипломатической академии МИД России пришла пачка тоненьких брошюрок на украинском языке «для ознакомления» из украинского аналога — Дипломатической академии Украины (ДАУ) в Киеве (у нас в Москве «хохлы» учиться на дипломатов отказались еще в 1992 г., поставив условие — учиться можем, если все лекции будут читаться... по-украински). Оказалось — прислали учебные программы ДАУ на 1999/2000 учебный год. Рецензировать их завкафедрой поручил мне.

Ничего подобного со времен сталинского «СССР как родины слонов» я не видел. Только на этот раз «слоны» возникли не в Индии и не в Африке, а именно на самостийной Украине — даже русские, ненцы и чукчи якобы произошли от «хохлов»[1].

А в конце 90-х прошлого века некий НИИ глобальных проблем Украинской академии наук (филиал в г. Львове) опубликовал фантастическую карту «Пан-Украины к 1999-летию «незалежности», на которой в состав этой «украинской империи» входят все

[1] См, например, программу «Актуальні проблеми історіі Украіны», Киев, 1999 (автор — кандидат исторических наук О. Г. Бажан). Ср.: Славянские культуры европейской цивилизации. Материалы симпозиумов по славянской письменности и культуре в 2002—–2003 гг. (В предисловии — послания В. В. Путина и Патриарха Алексия II). М., 2003.

четыре континента мира, причем американцы с их столицей Вашингтоном вытеснены на Аляску, а «москали» с их Москвой — на Чукотку[1].

Впрочем, в некоторых новых государствах Восточной Европы пошли еще дальше: в 1993 г. в Хорватии, отдыхая на море, с удивлением вычитал в одной местной националистической газете, что хорваты — вовсе не славяне, а потомки древних римлян!

Понятное дело, кампания против «космополитов» была нужна Сталину отнюдь не для внедрения «русских приоритетов». Но он не мог просто так, без идеологического обрамления (вспомним, Сталин даже в 1938 г. на «бухаринском» процессе использовал исторический роман Лиона Фейхтвангера «Жозеф Фуше» против Ягоды), проводить новые процессы и расстреливать новых «врагов народа». Но чуждых идеологий в СССР не осталось и в помине: троцкистов, правых уклонистов и прочих буржуазных националистов в СССР давно или расстреляли, или сгноили в ГУЛАГе.

Оставались проверенные охранкой еще в царской России антисемитизм и еврейские погромы. Вот их-то и синтезировал «чудесный грузин».

Синтез (а также, по Бехтереву, «закон № 18» — приспособления, «закон № 19» — отбора и «закон № 21» — компенсации или замещения) .

Из известных фигур этого «синтеза» первой жертвой стал председатель Еврейского Антифашистского Комитета, главный режиссер Еврейского театра в Москве Самуэл (Шломо) Михоэлс, убитый 13 января 1948 г. в Минске. Всемирно известного актера и режиссера, народного артиста СССР с 1939 г., лауреата Сталинской премии 1946 г. во время творческой командировки в Минск заманили на служебную дачу к министру госбезопасности Белоруссии Цанаве под предлогом товарищеской пирушки с белорусскими артистами и там убили путем инъекции яда (укол сделал агент МГБ — сотрудник т. н. лаборатории Х — лаборатории ядов на Лубянке, с 1937 г. возглавлявшийся полковником медицинской службы проф. Майрановским, переведенным из Института биохимии им. Баха АН СССР). Тело затем бросили на глухой дачной улице и затем переехали грузовиком, дабы инсценировать случайное ДТП — поздним вечером шальной грузовик якобы сбил старика-прохожего.

В полном соответствии законам компенсации (жизни! — *Авт.*) убитому агентами МГБ великому актеру (как и Кирову в свое время) устроили грандиозные правительственные похороны в Москве (всем участникам этой «операции специального порядка» из МГБ Сталин лично «выписал» ордена и медали).

Смерть Михоэлса была лишь первой в «законе № 19» — в 1948—1952 гг. на роль «евреев-националистов», «агентов американской разведки» были отобраны еще около 200 человек, главным образом из числа членов Еврейского Антифашистского Комитета — ЕАК (1942—1948 гг.).

Избирательное обобщение в отношении ЕАК усугублялось тем, что некоторые советские ученые-евреи в 1941—1944 гг. оказывали скрытое, но упорное сопротивление крутому повороту Сталина от «коминтерновского интернационализма» к «советскому патриотизму» (обращение бывших «историков-марксистов» А. Панкратовой, И. Минца, Н. Рубинштейна и др. в ЦК ВКП(б) и закрытое совещание там же 18 мая 1944 г. о соотношении «патриотизма» и «интернационализма»[2]).

Сталину, который еще в 1943 г. распустил Коминтерн и заменил «Интернационал» на патриотический гимн («Нас вырастил Сталин на верность народу...»), начал пачками выгонять евреев из политпропаганды(в июле 1943 г. снял с главных редакторов газ.

---

[1] Я опубликовал эту «карту» со своим комментарием «Националистическая шиза» (ежен. «Россия», № 5, 12—18. 02. 2004), а также дал оценку «перлам» в программах ДАУ и в украинских школьных учебниках в «Литгазете» (№ 41, 8—14. 10. 2003. — «Верните наше сало за 700 лет!»).

[2] *Семанов С.* Русско-еврейские разборки. М., Алгоритм, 2003, с. 22.

«Красная звезда» Д. Ортенберга), явно не понравилась эта *фронда*, но отыграться на советских евреях он решился после войны, взяв для своего *синтеза* ЕАК как международную организацию с мировым звучанием.

По истории бессудной расправы над руководством ЕАК сегодня опубликовано уже довольно много мемуаров и документов[1].

Но вот вышли мемуары одного из тех «спецов по мокрым делам» (операция «Утка» — убийство Л. Д. Троцкого в Мексике в 1940 г.) — *Павла Судоплатова*[2], и вся эта еврейская антисемитская кампания Сталина в 1941—1953 гг. приобрела другой — геополитический — ракурс.

Прежде всего, из мемуаров Судоплатова следует, что вся эпопея с созданием и деятельностью ЕАК — это тщательно спланированная и ведомая НКВД — МГБ *спецоперация* по типу аналогичных в 20-х гг. операций «Трест-1» и «Трест-2», причем Сталин, Молотов, Берия и другие причастные к этой глубокой «еврейской операции» менее всего были озабочены благом советских и зарубежных евреев (пропагандистская акция «Калифорния в Крыму» — созданием «еврейского государства» на советском полуострове), а пытались использовать сионистские организации в США и Западной Европе как «дойных коров» — для получения 10 млрд. долл. помощи для якобы создаваемого в Крыму «государства Израиль», а фактически — на восстановление в 1945—1947 гг. разрушенной войной экономики СССР.

Да и сам ЕАК в 1942 г. создавался под жестким контролем НКВД как «спецобъект» по прямому указанию Политбюро во главе со Сталиным и из «проверенных товарищей»: председатель ЕАК — актер и режиссер Еврейского театра в Москве *С. Михоэлс* «находился в агентурной разработке НКВД с 1935 года», а секретарь ЕАК известный еврейский поэт *И. Фефер* — «наш проверенный агент» — (*П. Судоплатов*. Указ. соч., с. 465—466).

Давними «сексотами» ОГПУ были и другие видные члены правления ЕАК — писатель Илья Эренбург, литературный критик Эпштейн и другие. Руководил всей деятельностью ЕАК созданный еще в 1925 г. самим Дзержинским специальный «антисионистский отдел» ОГПУ — НКВД — МГБ, который с начала 30-х гг. возглавлял крупный «спец» по еврейским делам и сам еврей Серебрянский (в 1938 г. был арестован и погиб).

С началом Великой Отечественной войны «еврейское направление» в НКВД было восстановлено — его курировал зам. начальника 2-го контрразведывательного управления ген. *Л. Ф. Райхман*.

Но первоначально на роль лидеров ЕАК Лубянка планировала совсем других людей: двух закоренелых «бундовцев» из еврейского рабочего социалистического профсоюза «Бунд» (до войны входил во II «желтый» Интернационал) — Генрика Эрлиха и Виктора Альгера, оба — из польско-немецких евреев.

В сентябре 1939 г. при разгроме Польши немецким вермахтом и Красной Армией оба бежали на восток и были арестованы НКВД. Два года они провели в тюрьме, но в сентябре 1941 г. неожиданно были освобождены и прямо из тюрьмы доставлены на Лубянку к Л. П. Берии. Глава НКВД не скрывал, что он беседует с двумя «бундовцами» по поручению «высоких инстанций» (Сталина, Молотова) и сразу предложил им возглавить ЕАК (Эрлих — председатель, Микоэлс — его зам, Алотер — секретарь) как орган воздействия на еврейскую общину в США и получения от нее «материальной помощи» для евреев СССР.

По каким-то так до конца и не выясненным причинам (несмотря на проявленный к Эрлиху и Альтеру интерес в США и посольстве Польши в Москве), эти две первые

---

[1] См., напр.: Еврейский Антифашистский Комитет в СССР. 1941—1945 гг. М., 1996.

[2] *Судоплатов Павел.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., ОЛМА-пресс, 2001.

кандидатуры лидеров ЕАК вызвали подозрения у Сталина и он их отклонил. В декабре 1941 г. «бундовцев» снова арестовали и упрятали в спецтюрьму НКВД в Куйбышеве, где оба и погибли: Эрлих 14 мая 1942 г. повесился в своей камере-одиночке, а Альтера 17 февраля 1943 г. по приказу Берии расстреляли костоломы НКВД.

В 1942 г. «бундовцев» Сталин заменил на Михоэлса и Фефера. И Берия сразу лично стал готовить их поездку в США. Сначала он вызвал Михоэлса на Лубянку для детального инструктажа. Именно тогда «лубянский маршал» раскрыл перед актером карты: надо «выбить» из еврейской общины в США 10 млрд. долл., а прикрытием этой операции станет обещание создать еврейскую «Калифорнию в Крыму».

Берия сообщил также Михоэлсу, что всю их поездку по США будут организовывать резидент НКВД в Америке генерал-майор В. М. Зарубин и глубоко законспирированный советский агент *Григорий Хейфец*, близкий к Эйнштейну, Оппенгеймеру и другим американским физикам-атомщикам, а также к чете русского художника Коненкова, жена которого была связана с агентурой КГБ в США[1]. Среди задач миссии Михоэлса — Фефера было и установление полезных контактов по «атомному проекту».

Как пишет *Судоплатов* в другой своей книге («Разведка и Кремль», М., 1996), оба руководителя ЕАК в 1943 г. подключены к другой, гораздо более масштабной, спецоперации — *Атомный Проект,* с 1941 г. осуществлявшейся советской разведкой в США. В ней были задействованы крупнейшие физики-атомщики мира (Нильс Бор, Ферми, Понтекорво, Сциллард, тот же Оппенгеймер и др.), и уже к лету 1943 г. при их содействии было получено 286 копий сверхсекретных документов о работе американцев над атомной бомбой, что ускорило создание в 1949 г. советского варианта этой бомбы под руководством академика И. В. Курчатова.

Конечно, как пишет другой академик *Игорь Шафаревич,* этот интернациональный коллектив физиков-атомщиков пошел на «деленье» атомных секретов между США и СССР в 1941—1946 гг. не за деньги, а по идейным соображениям: нельзя давать такое мощное оружие в одни руки — должен быть паритет[2].

Но что Михоэлс и Фефер успокоили Оппенгеймера и других ученых-евреев относительно прочности положения евреев в СССР (как им и велел сделать перед отъездом в Америку Л. П. Берия) — это точно.

Поездка в США оказалась на редкость удачной. «Михоэлс и Фефер блестяще справились со своей миссией», — отмечал много лет спустя Судоплатов («Спецоперации», с. 468). Под эгидой ЕАК (а также аналогичного американского комитета во главе с лауреатом Нобелевской премии физиком Альбертом Эйнштейном) по всей Северной Америке стали создаваться комитеты помощи СССР. Они собирали деньги, вещи, продукты и все это отправляли в Россию. ЕАК начал издавать на идиш в СССР собственную газету, четыре раза в неделю вещал из Москвы на разных языках на Европу и Северную Америку.

Особым успехом в еврейской общине США пользовалась неоднократно высказываемая Михоэлсом и Фефером идея создания еврейской «Калифорнии в Крыму» — израильского государства, хотя в 1943 г. там еще находились немцы и румыны: полуостров будет освобожден только ранней весной 1944 г., а татар Сталин начнет депортировать лишь в марте — апреле 1944 года).

Авторское отступление

---

[1] Спецслужбы СССР высоко оценили заслуги супруги Коненкова. Во-первых, она после войны уговорила мужа вернуться из эмиграции в СССР, а во-вторых, убедила в своих письмах к Сталину предоставить для переезда целый океанский советский пароход для перевозки на родину всей коллекции огромных скульптур Коненкова, что и было выполнено.

[2] *Шафаревич И.* Русский народ в битве цивилизаций. М., 2003, с. 216—221.

«ИЗРАИЛЬ В КРЫМУ»

История «Крымского дела» на самом деле была следующей: в 1944—1945 гг., в преддверии окончания войны, «три великих» — Рузвельт, Черчилль и Сталин — были озабочены послевоенным переустройством мира. Среди проблем переустройства была и такая: создание самостоятельного еврейского государства, особенно обострившаяся после того, как мир в 1945—1946 гг. узнал о газовых печах, Освенциме и Майданеке для 6 млн. погибших евреев. Однако в конце войны и сразу после нее среди «великих» не было ясности — где же создавать это новое еврейское государство? У ортодоксальных евреев Европы и мира сомнений не было — только на «исторических землях», вокруг иудейской святыни — «Стены Плача», т. е. на Ближнем Востоке.

Однако у англичан на этот счет было тогда совсем другое мнение: Трансиордания (нынешний Израиль и Иордания), по решению Лиги Наций, с 1920 г. находились под управлением Великобритании (как Ливан и Сирия, по тому же решению, «под мандатом» Франции). Англичане в 1919—1939 гг. уже хлебнули с еврейскими экстремистами соленого до слез, борясь с их партизанским движением под экстремистским лозунгом — «Англичан в море, Израиль свободный!» (тогдашние израильские экстремисты играли роль сегодняшних палестинцев, но от своей истории Израиль, в отличие от нас, россиян, не отказывается — в Иерусалиме более полувека действует музей истории борьбы евреев с британскими оккупантами Трансиордании).

Еврейское лобби в США также было информировано о негативном отношении влиятельного в антигитлеровской коалиции Черчилля к проекту воссоздания «земли обетованной» в Трансиордании, и поэтому заранее прорабатывало запасные варианты, в частности на территории... СССР. Сама эта идея была ко времени разгара Второй мировой войны отнюдь не нова: еще в дни Февральской революции на страницах газеты «Русская воля» ее с апреля 1917 г. активно пропагандировал еврейский публицист *Давид Айзман*[1].

О том, каким в 1943—1945 гг. был интерес еврейской общины к созданию «Израиля в Крыму», свидетельствует и Судоплатов: этот вопрос не раз ставил перед Молотовым американский посол в Москве Аверелл Гарриман, а сразу после войны «Правда» и «Известия» опубликовали краткий отчет о встрече Сталина с делегацией американских сенаторов, на которой стоял вопрос о создании «еврейской республики» либо в Крыму, либо в Гомельской области Белорусской ССР, разумеется, за солидную долларовую помощь (П. Судоплатов. Указ. соч., с, 470).

Такой отвлекающий маневр поощрял и британский премьер. Поэтому Черчилль на Ялтинской (Крымской) конференции 4—11 февраля 1945 г. поставил вопрос: а нельзя ли создать государство Израиль в Крыму, благо Сталин выселил с полуострова все коренное татарское население и он практически стоит пустой? Тогда у Сталина были большие колебания. Крым действительно «стоял пустой», а у СССР был уже опыт создания таких образований с начала 30-х гг. — Еврейская советская автономная социалистическая республика с центром в Биробиджане на Дальнем Востоке.

Кроме того, с окончанием войны для СССР остро вставал вопрос об иностранных валютных кредитах, а помощь еврейской диаспоры в США «еврейскому» Крыму сулила немалые выгоды и могла даже стать альтернативой «плану Маршалла», основные идеи которого обсуждались в американской прессе уже в 1944 г.

Сам Сталин явно колебался (вспомним замечание его бывшего технического секретаря Бориса Бажанова о его нерешительности). Вот и посол СССР в Вашингтоне

---

[1] *Солженицын А. И.* Двести лет вместе. Ч. 2. М., 2002, с. 56.

Максим Литвинов постоянно пишет Молотову: не связывайтесь вы с этими евреями-сионистами, все равно они вас обманут! И Сталин поручил Молотову «проработать вопрос». Тот посоветовался с женой, и они, два старых члена партии, решили: идею надо поддержать.

Правда, как стало известным совсем недавно из публикаций доносов «сексотов», которыми Сталин окружил всех своих соратников, в этих беседах с супругой у «железной задницы» были колебания относительно географического расположения этого нового еврейского государства на территории СССР: Карачаево-Черкесия, Калмыкия, бывшая Автономная республика немцев Поволжья (отовсюду коренное население было депортировано в Сибирь и Казахстан). На очереди, размышлял Молотов, и крымские татары. «Все эти территории и смогут быть переданы евреям после войны...» — заключал Молотов свои беседы с женой (Цит. по: *Семанов С.* Указ. соч., с. 26).

Из осторожности супруги Молотовы ничего письменного для Сталина сочинять не стали, но организовали «инициативу снизу»: письмо за подписью С. Михоэлса и других руководителей ЕАК (включая И. Эренбурга) от 21 февраля 1944 г. на имя Молотова о желательности «организовать Израиль» предпочтительно в Крыму. Письмо циркулярно было Молотовым направлено тогда же в «инстанции»: секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову (после 1948 г., как мы увидим ниже, Молотов очень об этом пожалеет), председателю Госплана СССР Вознесенскому, в ГлавПУ Красной Армии и т. д.

Судоплатов, по должности ознакомленный тогда же с содержанием этого «крымского письма», обращает сегодня внимание на важные детали.

Во-первых, когда Б. Н. Ельцин в 1992 г. поехал в США и повез с собой архивные материалы ЕАК (их издадут в урезанном виде в 1996 г., но без полного текста письма ЕАК от 21 февраля 1944 г.), он не взял оригинал этого письма, а привез лишь его аннотацию. И это было далеко не случайным.

Во-вторых, в оригинале письма ни о каком «государстве Израиль» в Крыму не говорилось, а речь шла о создании в составе РСФСР (в июне 1945 г. Верховный Совет СССР как бы заново передал Крым в Россию как обычную область в связи с ликвидацией прежней крымско-татарской автономии в составе той же РСФСР) «Еврейской советской социалистической автономной республики», доступ в которую (по образцу советской Армении), однако, был отныне разрешен всем евреям мира.

В-третьих, когда в ноябре 1945 г. посол Гарриман, получив копию письма от 21 февраля от «подписантов» и увидев, что никакого «государства Израиль» в нем нет и в помине, а есть очередная советская автономия, начал прорываться к Сталину в Кремль, он получил от ворот поворот — вождь, догадавшись, о чем пойдет речь, его не принял.

И тем не менее проблема «Израиля в Крыму» в какой-то неофициальной форме все же обсуждалась между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом на Ялтинской (Крымской) конференции (включая и письмо ЕАК от 21 февраля 1944 г.), но определенного решения из-за постоянных колебаний Сталина так и *не было принято*.

Судя по сведениям Рудольфа Пихоя из партийных архивов, этот «еврейский вопрос» обсуждался также на «узком» Политбюро (Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Вознесенский) во второй половине 1945 — начале 1946 г., но снова безрезультатно. Хотя Крым с осени 1944 г. и до осени 1947 г. — три года — «*стоял под парами*», как бы ожидая еврейских переселенцев со всего мира.

И лишь в ноябре 1947 г., когда ООН, наконец, приняла резолюцию о создании на Ближнем Востоке двух государств — палестинского (арабского) и еврейского

(Израиль), Сталин дал команду заселять Крым, но не советскими евреями, а «хохлами» и «москалями».

Резолюция ООН разом поменяла геополитические приоритеты Сталина: с Крыма он переориентировался на Ближний Восток, благо уже разгоралась «холодная война», и бывшие союзники по антигитлеровской коалиции все чаще и чаще игнорировали интересы СССР (например, создав в конце 1945 г. Англо-американский комитет по Палестине, они не приняли в него Советский Союз).

Попытки А. Я. Вышинского с санкции Кремля оказать давление на бывших союзников в палестинском вопросе (статья под псевдонимом в жур. «Новое время», ноябрь 1946 г.) успеха не имели.

Тогда Сталин на 180 градусов поменял свое отношение к евреям и сделал ставку на арабов. Много лет спустя один из помощников Молотова, а затем советский посол в Дании Ветров так передавал случайно услышанный в Кремле разговор Сталина с Молотовым в конце 1947 г.: «Давайте согласимся с образованием Израиля. Это будет как шило в заднице для арабских государств и заставит их повернуться спиной к Британии. В конечном счете британское влияние будет подорвано в Египте, Сирии, Турции и Ираке» (Цит. по: *Судоплатов П.* Указ. соч., с. 476).

Как в воду смотрел генералиссимус! В конце концов Англия через полвека на Ближнем и Среднем Востоке все потеряла. Но и Израиль много не приобрел: «шило» и ему досталось, если судить сегодня по диверсиям палестинских террористов-смертников, «стене безопасности» и тяжбе ООН из-за этой стены с Израилем в международном суде в Гааге.

ИЗРАИЛЬ В ТЫЛУ: АНТИСЕМИТСКАЯ КАМПАНИЯ 1946—1953 гг.

Конечно, Сталин был антисемитом. Это отмечали многие знавшие его люди — от секретаря Бажанова до дочери Светланы, на свою беду в одном из браков вышедшую замуж за еврея Мороза (Морозов). Наложила свой отпечаток на отношение к «малому народу» и его борьба с «троцкистами», почему-то как нарочно — почти все евреи.

Но Сталин прежде всего был политик и к своим «винтикам» — гражданам СССР относился достаточно прагматично: нужны евреи «для дела» — использую, не нужны, слишком много знают — ликвидирую. Именно так произошло с Михоэлсом, Фефером и многими другими деятелями ЕАК, особенно когда нужда в них во внешней политике отпала и появилась другая нужда — использовать как «подсадных уток» в ликвидации «старой гвардии».

Сегодня уже мало кто знает, что вскоре после кровавых «московских процессов» 1936—1938 гг. Сталин спустил в 1939 г. в спецслужбы СССР первую антисемитскую директиву: следить за «национальной квотой» (старой царской «процентной нормой») и «излишки» изгонять. В войну этот нажим на евреев усилился: не продвигали в званиях («потолок» — подполковник), после войны при первой возможности увольняли в запас и т. д.

Одним из первых объектов антисемитских нападок вскоре после войны стал ЕАК. Как только для Сталина стал очевидным его провал с заманиванием мирового еврейства в «Калифорнию в Крыму», он начал атаку на евреев-антифашистов. Первой ласточкой, еще невидимой снаружи, стал обширный донос нового министра госбезопасности Абакумова Сталину (разумеется, инспирированный самим вождем) в октябре 1946 г. с обвинениями руководства ЕАК в «буржуазном еврейском национализме»[1].

---

[1] Судоплатов как бы отстраненно комментирует этот документ, считая его оскорблением чести и достоинства своих коллег-чекистов из евреев (Хейфеца, Эйтингона, Рёймана и др.), но у него были и личные причины

И первой жертвой якобы борьбы с этим «национализмом» стал в январе 1948 г. Михоэлс. Судоплатов, правда, выдвигает довольно необычную версию сталинского гнева против народного артиста СССР — зазнался, возомнил себя ходатаем по делам советских евреев, превратил ЕАК в своеобразный «еврейский собес».

Дело в том, что с 1944 г., после освобождения оккупированной советской территории от фашистов, из эвакуации ринулись в Киев, Харьков, Одессу, Минск, Ригу и другие крупные города (включая Москву и Ленинград) тысячи советских евреев. Их прежние квартиры были либо разрушены во время бомбежек, либо были заняты самозахватом славянским населением, иногда, впрочем, и сознательно переселенными в хорошие, но брошенные квартиры евреев немецкой оккупационной администрацией. Само собой, брошенное при бегстве в 1941—1942 гг. имущество — мебель, ковры, посуда и т. п. — тоже было разграблено. Местные партийные и советские власти, по горло заваленные работой по восстановлению разрушенного войной городского хозяйства, на требование вернувшихся из эвакуации евреев вернуть их довоенные квартиры не реагировали. И тогда они нашли свое «ЦК» — ЕАК и его «генерального секретаря» артиста С. Михоэлса. И он с головой окунулся в эту общественную работу: звонил в обкомы, писал письма на бланках ЕАК, жаловался в «большой» ЦК.

В принципе ничего предосудительного в этом не было: в России, сословном государстве, испокон веку «земляки» помогали друг другу, даже царская армия набиралась по принципу землячества — Нижегородский полк, Забайкальская бригада и т. д.

Но только не в сталинской империи, где каждый сверчок должен знать свой шесток, а не сооружать собственное «ЦК». Вдобавок Михоэлс был не просто рядовой еврей, а еврей с мировым именем, хорошо известный в США и Англии. Еще ведь обратится за помощью к своим друзьям-сионистам, с него станется. Не понимает человек, что он просто пешка в задуманной вождем спецоперации, которая к тому же провалилась. И Сталин приказал ликвидировать председателя ЕАК в «особом порядке» — такова версия Судоплатова.

В январе 1948 г. убили Михоэлса, а в декабре ЕАК был распущен. 24 декабря 1948 г. был арестован его секретарь еврейский поэт *И. С. Фефер*. Не спасло его и то, что он был многолетним осведомителем ОГПУ — МГБ. Забрали и чекиста Хейфеца, к тому времени вернувшегося из США и ставшего секретарем по международным связям ЕАК.

Все остальное шло по давно отработанному сценарию: костоломы Абакумова быстро выбили из поэта все нужные показания и против уже мертвого Михоэлса, и против живого еще Соломона Лозовского (на момент ареста — руководителя Совинформбюро) — оба обвинялись в том, что проводили в рамках ЕАК «антисоветскую националистическую деятельность, поддерживали связь с реакционными еврейскими кругами за границей и занимаются шпионажем» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 76). Не надо быть провидцем, чтобы из этих обвинений следователей Абакумова не заметить торчащих усов «великого кормчего»

26 января 1949 г. Лозовский был арестован как «буржуазный еврейский националист». Ирония судьбы состояла в том, что Лозовский оказался последним «коминтерновцем-интернационалистом» в послевоенном окружении Сталина — ведь именно он с 1921 г. возглавлял Профинтерн, «дочернюю контору» Коминтерна. Вслед за ним замели двух еврейских поэтов, писавших на идиш, — Льва Квитко (поэма «Красная буря» 1918 г.) и Переца Маркиша, на свою беду в период «сменовеховства» (1926 г.) вернувшегося из эмиграции в СССР: последний вообще был стопроцентным сталинским «инженером человеческих душ» — писал о стройке Днепрогэса (поэма

волноваться: его жена Эмма Каган, дослужившаяся в МГБ до чина подполковника под слегка русифицированной фамилией Каганова, была еврейкой и в 1949 г. вынуждена была уйти в отставку.

«Заря над Днепром», 1937 г.), воспевал творчество «гениального зодчего» (роман «Из века в век», 1941 г.), но опрометчиво сочинил книгу о «сионисте» — «Михоэлс» (1939 г.).

В компанию к этим «махровым безродным космополитам» попали главврач Боткинской больницы Б. А. Шимелиович, худрук Еврейского театра В. Л. Зускин, выдающийся ученый-физиолог, действительный член двух академий, АМН и АН СССР, *Лина Штерн* (1878—1968 гг.). Скорее всего, кто-то из «доброжелателей» нашептал Сталину, что ученая-академик разработала какую-то «буржуазную» физиологическую концепцию о защитных (барьерных) функциях млекопитающихся — животных и человека, в том числе и в психоневрологической сфере. А для Сталина движение ученых «дорогой Бехтерева» всегда было очень опасным.

Хрущев, который, конечно, ничего не понимал в этих медико-физиологических тонкостях, по-своему, по-крестьянски отразил «медицинские страхи» позднего Сталина. Уже в отставке и на пенсии он разговорился, и известному кинорежиссеру Михаилу Ромму, собиравшему свидетельства современников о войне для своего фильма «Обыкновенный фашизм», в сердцах сказал: «Вы думаете, легко было нам? Ведь, между нами говоря, это же был сумасшедший в последние годы жизни, су-ма-сшед-ший!!!».[1]

Публичный процесс над арестованными членами ЕАК, как и над участниками «ленинградского дела», почему-то не состоялся. Продержав «безродных космополитов» четыре года в тюрьме, их фактически без состязательного суда (прокурор-обвинитель, адвокаты-защитники) методом старых чекистских «троек» приговорили к смертной казни на дальних подступах к XIX съезду партии (открылся 5 октября 1952 г.) и 12 августа 1952 г. всех расстреляли, кроме Лины Штерн (ее выпустили, и она, единственная из арестованных в 1949 г. «космополитов», умерла своей смертью в 1968 г.). «Сумасшедший» Сталин и здесь проявил совершенно непонятную мягкость: Илью Эренбурга, активного члена ЕАК, вообще не тронул, а Лину Соломоновну Штерн почему-то пощадил.

Зато не пощадил другую, гораздо более высокопоставленную даму — жену своего многолетнего соратника, члена Политбюро и до 1949 г. министра иностранных дел СССР В. М. Молотова— Полину Жемчужину (Перль Карповскую, 1897—1970), члена партии с 1918 г. и активистку ЕАК.

Но здесь мы подходим к совершенно другой ноте в «партитуре» Сталина — разгрому и физическому устранению своей старой «сталинской гвардии». В упоминавшейся телепередаче «Последний день Сталина» ведущий цитирует одно из зловещих высказываний вождя на «ближней даче» (к сожалению, Алексей Пиманов не уточняет время, но, похоже, эта встреча имела место в 1950 г.): «Вы все (старая гвардия. — *Авт.*) состарились. Я вас заменю».

«Замена» началась с дискредитации жен-евреек ближайших соратников — В. М. Молотова, М. И. Калинина (успел умереть в 1946 г.), С. М. Буденного, собственного технического секретаря, сменившего Б. Бажанова, — А. Н. Поскребышева, Г. И. Кулика и др. Даже у «верного Клима» (Ворошилова) Сталин едва не арестовал жену — Екатерину (Голду Горбман). Зато 10 декабря 1947 г. была арестована и сослана в Сибирь Екатерина Аллилуева, жена брата его покойной жены Надежды Аллилуевой — Павла (сам он был репрессирован еще в 1938 г.). Антисемитская кампания в печати и «дело ЕАК» давали Сталину для этого богатые возможности.

«ГВАРДИЯ» ТЕРЯЕТ ПОЗИЦИИ

---

[1] Цит. по: «Пороки и болезни великих людей», с. 201. См. также: *Буянов М.* Ленин, Сталин и психиатрия. М., 1993.

Собственно, отодвигать своих «гвардейцев» от главных рычагов управления в партии и государстве Сталин начал вскоре после окончания войны.

29 декабря 1945 г. читатели «Правды» с удивлением узнали из официоза партии, что всесильный *Лаврентий Берия* неожиданно освобожден от обязанностей министра внутренних дел «ввиду перегруженности его другой центральной работой», хотя и оставлен зампредом Совмина СССР и членом Политбюро. Но вместо Берии во главе МВД был поставлен генерал-полковник Сергей Круглов (1907—1977 гг.), которого Берия знал еще с 20—30-х гг. по работе в Грузии, а в 1938 г., став вместо Ежова наркомом, перетащил Круглова в Москву. Сталин же приметил службистого генерала в Ялте и Потсдаме в 1945 г.: именно он непосредственно на месте отвечал за безопасность вождя и его высоких гостей.

Назначение Круглова было сродни назначению Абакумова министром госбезопасности позднее (октябрь 1946 г.). Оба генерала являлись ревностными служаками и никакого политического веса в партии не имели. Они не только не были членами Политбюро (как, скажем, Берия), их даже в ЦК не избирали.

Задолго до преследования его жены Сталин, как и Берию, отодвинул *Климента Ворошилова* и услал его из Москвы председателем союзной контрольной комиссии в Венгрии (1945—1947 гг.), а когда «ворошиловский стрелок» вернулся, его вообще задвинули в угол — он стал главой Бюро по культуре при Совмине СССР (1947—1953 гг.).

Та же судьба ждет *Лазаря Кагановича*. После высоких постов в войну — зампред ГКО и Наркомпуть и после войны — зампред Совмина СССР, в декабре 1947 г. его, как и Ворошилова, Сталин задвигает в «завхозы» — председателем Госснаба СССР.

Анастаса Микояна наш «сумасшедший» в 1946 г. возвращает в «первобытное состояние» — министром внешней торговли, каковым он был еще в конце 20-х — начале 30-х гг. В 1949 г. приходит очередь *Вячеслава Молотова*. Сталин, из-за ареста его жены (правда, супруги Молотовы перед этим успели оперативно развестись!), смещает «железную задницу» с поста министра иностранных дел и назначает вместо него *А. Я. Вышинского*.

В отличие от всех других «гвардейцев», Молотов не получает никакого назначения (хотя и остался членом Политбюро, как, впрочем, и Берия, Микоян, Каганович и др.), и в 1949—1953 гг. со дня на день ждет ареста (жена к тому времени уже находится в сибирской ссылке). А ей, Полине Жемчужиной, следователи МГБ уже «навешали» целый ворох «преступлений», каждое из которых тянуло минимум на смертную казнь за «шпионаж».

Во-первых, она «дружила домами» в 1948 г. с первым послом Израиля в СССР *Голдой Меир*, в те времена — второй после А. Коллонтай женщиной-послом в мире. И хотя в дипломатическом протоколе в этом не было ничего необычного — жена министра иностранных дел «по должности» обязана была контактировать с иностранным послом-женщиной, — костоломам Абакумова ничего не стоило выбить из жены Молотова признание в «шпионаже в пользу Израиля». Во-вторых, у супруги Молотова разыскали «белогвардейку» и «сионистку» родную сестру с детьми. Мало того, что сестра в Гражданскую войну сбежала из «первого отечества мирового пролетариата» за границу, так она еще после образования государства Израиль с 1947 г. жила в Тель-Авиве со взрослыми сыновьями.

Но главное обвинение, которое грозило Молотову через его арестованную жену, — это т. н. «крымское дело», которое было сфабриковано в рамках «дела ЕАК». Тут уж точно грозила «вышка»: ведь Жемчужину вместе с другими подследственными «сионистами» обвиняли в «заговоре с целью отделения Крыма от Советского Союза, превращения его в еврейскую буржуазную республику, которая должна была послужить

плацдармом для врагов СССР» (из обвинения следователей МГБ. Цит. по: *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Указ. соч., с. 221).

НА ХОЗЯЙСТВЕ — МАЛЕНКОВ

Со смертью Жданова в августе 1948 г. в ближайшем окружении Сталина начинает играть ключевую роль человек № 2 — *Маленков.*

Расправившись с «ленинградцами», и прежде всего с Николаем Вознесенским, Маленков с октября 1949 г. оказался единственным из членов Политбюро, сидевшим «на хозяйстве» в стране в периоды все более длительного отсутствия Хозяина в Кремле, тем более что пленумы ЦК собирались все реже и реже, а постановления Политбюро (большинство его членов, как уже отмечалось выше, оказались в 1949—1953 гг. в опале) принимались заочно, методом опроса.

С началом холодной войны Сталину было уже не до Израиля, но «паукам в банке» всякое лыко было в строку: адресованное Молотову письмо лидеров ЕАК, один из которых, Лозовский, сидел уже в тюрьме, попало в руки Маленкова. В смертельной схватке вокруг Сталина оно играло важную роль: во всяком случае, одного соперника — Молотова — Маленков в 1949 г. отодвинул в сторону с помощью «крымского» письма и арестованной жены.

Аппаратный метод принятия решений был стихией «кадровика ЦК», до тонкостей изучившего этот партийно-бюрократический стиль и, главное, технологию его использования для влияния на Сталина. По сути, с конца 1949 г. у Маленкова в ближайшем политическом окружении Сталина временно не оказалось соперников: Вознесенский 27 октября был арестован, Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов — отодвинуты в сторону. Хрущев появился в Москве только в конце декабря 1949 г. и заново «набирал очки», отплясывая гопака в украинской расшитой рубахе на ночных попойках на «ближней даче» у Сталина, изредка заслуживая скупую похвалу Хозяина: «Маладэц, Никитка!»

«Никитка» выслуживался и по другой линии — в разжигании на промышленных предприятиях и в учреждениях Москвы кампании антисемитизма. Так, уже в начале 1950 г. он как первый секретарь МГК «обнаружил» заговор «сионистов-инженеров» на автомобильном гиганте ЗИС, а в авиационном «почтовом ящике» — бывшем заводе «Юнкерс» в Кунцеве, после митинга против «космополитов» лично натравил рабочих на двух инженеров-евреев, которых «патриоты» слегка побили.

Ключевую роль в такой расстановке сил вокруг Сталина приобретали две фигуры — министр госбезопасности *Абакумов* и начальник личной охраны («дворцовый комендант») *Власик.*

Первый лично докладывал Хозяину все наиболее «деликатные дела», а также (Маленков это хорошо знал) материалы компромата из своего личного «досье» на всех членов Политбюро (при аресте Абакумова 12 июня 1951 г. на его квартире это «досье» было обнаружено и изъято, однако на суде в Ленинграде в декабре 1954 г. в материалах следствия по делу бывшего министра госбезопасности оно не фигурировало; по-видимому, «досье» попало либо к Маленкову, либо к Берии и было ими уничтожено (См.: *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Указ. соч., с. 33).

Второй был известен собачьей преданностью Хозяину (помните — даже пищу и напитки пробовал сам, прежде чем за них принимался Сталин), и все ранее предпринятые Берией попытки сместить Власика и окружить Хозяина своими людьми, успеха не имели. (Хрущев в своих воспоминаниях отметил, что когда Берия вскоре после войны попытался заменить охрану дач Сталина с русских на грузин, Хозяин сразу и резко пресек эту попытку; охранников по-прежнему стал подбирать лично Власик).

Конечно, Маленкову в его честолюбивых планах наследовать Сталину нужны были союзники. Важнейшим из них стал Берия: ведь человек № 2 знал, что, прежде чем докладывать Сталину на его «ближней даче», Абакумов ехал к Берии и тот решал — что говорить Хозяину, а о чем умолчать. Внешне Маленков и Берия всячески демонстрировали личную «дружбу». Но «дружба» членов сталинского Политбюро — это нечто вроде «жареного льда»: один при случае готов был утопить другого (Маленков «дружил домами» и с Вознесенским, что отнюдь не помешало отправить всю семью Вознесенских под нож).

По воспоминаниям Хрущева, Сталин (начитавшись, очевидно, трудов акад. Евгения Тарле о Наполеоне и Талейране), видя двух «друзей» едва ли не в обнимку на своей даче, нередко публично обзывал Берию и Маленкова «двумя жуликами»[1]. Помните, у Наполеона: «Вошел порок (Талейран), опирающийся на преступление» (Фуше)». Однако «жулики» были далеко не так примитивны, как казалось вождю. Показателем ловкости и изощренности Берии может служить т. н. «мингрельское дело», открытое Абакумовым против Берии по прямому указанию Сталина («ищите Большого мингрела», — якобы сказал он Абакумову, давая поручение; известно, что Берия был мингрелом).

Дело в том, что в начале 1950 г. над самим еще недавно казавшимся всесильным Берией был занесен топор смерти. Сталин, все более и более впадавший в состояние мании преследования, уже никому не верил. Сказанная своему другу грузинской юности Серго Кавтарадзе в 1939 г. фраза — «А ты все-таки хотел меня убить» — теперь переносилась даже на членов Политбюро, приезжавших к Хозяину на его дачу. Первым это испытал на себе Берия. Его вдруг на входе в «ближнюю дачу» начала… обыскивать охрана Власика: не запрятал ли куда пистолет? Дальше — больше. Берия узнает, что по приказу Хозяина на него «открывается дело» в Грузии. Опрашиваются близкие и дальние мингрельские родственники; Абакумов, играющий сразу на двух сторонах, по секрету сообщает Лаврентию, что по приказу Хозяина установил «прослушку» на квартире матери Берии в Тбилиси.

Землю в Грузии «роет» *Н. М. Рухадзе*, новый министр госбезопасности республики, в 1948 г. назначенный лично Сталиным. А как же не рыть — при личной встрече на «ближней даче» Сталин намекнул Рухадзе: найдешь «Большого мингрела» — сам затем сядешь на его место (члена Политбюро?!). Круг начинает сужаться. Один за другим следуют аресты бывших сослуживцев Берии в Грузии до его перевода в 1938 г. в Москву: А. Рапава, бывший республиканский министр госбезопасности, академик Грузинской АН П. Шария, бывший технический секретарь первого секретаря ЦК Грузии Л. П. Берия, В. Шония, бывший прокурор республики, и др. Аналогичные аресты сослуживцев Берии Абакумов проводит и по всему СССР (например, министра госбезопасности Белоруссии Цанавы).

Словом, все идет по накатанному сценарию: аресты «соучастников», выбивание «признательных показаний» на «Большого мингрела», затем арест его самого, суд «тройки», расстрел — все это уже обкатано на «ленинградском деле». Но Берия с помощью Маленкова (тот включает его в очередную комиссию Политбюро по «мингрельскому делу») делает ловкий финт и сам фактически ведет дело «Большого мингрела», т. е. самого себя, попутно ликвидируя своих бывших соратников.

Но фабрикация «мингрельского дела» показала и несовершенство сталинской системы террора, казалось бы, давно и хорошо налаженной. А дело в том, что Сталин

---

[1] *Хрущев Н. С.* Лаврентий Берия. Конец карьеры. Сб. статей. М., 1991, с. 247.

уже давно не доверяет старым репрессивным структурам — МГБ и МВД — и, как и Гитлер после неудачного покушения на него в 1944 г., начинает «тасовать карты».

Сразу после отстранения Берии еще в декабре 1945 г. Сталин в 1946—1949 гг. начал крупную структурную перестройку в репрессивных органах, фактически ослабляя некогда всесильную вотчину Ягоды — Ежова — Берии: НКВД. Достигалось это за счет того, что целый ряд важных структур прежнего НКВД — МВД передавались госбезопасности. Так, еще в начале 1946 г. из МВД в МГБ был переведен важнейший отдел «С» — спецзадания (диверсии, убийства и т. д.) во главе с сегодня хорошо известным специалистом по «мокрым делам» ген. *П. А. Судоплатовым* (вспомним, что именно отдел «С» организовал в 1940 г. убийство Троцкого в Мексике). Через год из МВД в МГБ были переведены другие важнейшие управления и целые воинские части: все внутренние войска МВД, его транспортное управление, вся правительственная связь и ее охрана и т. д.

Для номенклатуры, однако, важнейшим показателем укрепления позиций Абакумова (министр МГБ) по сравнению с Кругловым (министр МВД) была передача в 1948 г. охраны правительственных дач в Крыму из рук «эмведешников» в руки «эмгэбешников». В октябре 1949 г. Сталин окончательно «добил» Круглова — у него отобрали не только погранвойска, с 1918 г. находившиеся в подчинении у ГПУ — ОГПУ — НКВД, но и… *милицию.* «Погранцы» и «менты» тоже ушли «под Абакумова». У Круглова остались лишь тюрьмы, ГУЛАГ, архивы, беспризорники да лагерные «фирмы» типа «Дальстрой» (колымская подневольная стройка).

Но и это еще не все. 9 сентября 1950 г. Политбюро (разумеется, методом опроса) принимает секретное постановление № 77/310 о создании в недрах МГБ некоего «Бюро-2». Формально это «бюро» обязано бороться со «шпионами иностранных государств внутри СССР», фактически же создается особая «контора» по сбору компромата «на своих» с очень широкими полномочиями и контролируемая через Абакумова только лично Сталиным. «Бюро-2» разрешалось: «компрометация [объектов слежки], секретное изъятие [документов], физическое воздействие и устранение» (из постановления Политбюро; *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 86).

На такое «бюро» Сталин денег не пожалел. Платная агентура тысячами вербовалась по всему Союзу из шоферов такси, парикмахеров, банщиков, работников пивных, официанток, а также врачей и медсестер (по некоторым данным, к моменту смерти Сталина в марте 1953 г. на «Бюро-2» работало около одного миллиона «стукачей»).

Но внутри такого «бюро» было еще одно «бюро», глубоко засекреченное и подчинявшееся лично Абакумову — по сбору компромата на высшее руководство партии и страны. Так что бывший глава военного СМЕРШа с 1950 г. превращался в подобие главы СС *Генриха Гиммлера* у Гитлера[1], становясь очень опасной фигурой для многих «вождей» в СССР.

«ПЫТОЧНАЯ» МАЛЕНКОВА

Разумеется, «два жулика» хорошо понимали весь смысл сталинской «перестройки» репрессивных органов в СССР и всю грозящую им обоим (сначала Берии, а затем и Маленкову) смертельную опасность. И они предприняли хорошо замаскированную контратаку на Хозяина, сделав правильный расчет на его маниакально-параноидальную

---

[1] Любопытный штрих — сравнение сталинских наркомов (министров) госбезопасности с Гиммлером принадлежит… самому Сталину. Именно так он представил во время одного из заседаний Ялтинской конференции в Крыму сидевшего в составе советской делегации Берию, когда о нем спросил Рузвельт. «А! Это же наш Гиммлер», — ответил генералиссимус (*Громыко Анат.* Наш Гиммлер // Берия. Конец карьеры. С. 221).

подозрительность. И помог им успешно осуществить этот дьявольский план, как это ни странно звучит, сам Сталин.

Дело в том, что Хозяин параллельно с перетасовками в МГБ — МВД с 1948 г. начал создавать еще и отдельную структуру — т. н. *партийную госбезопасность* (ну в точности, как у Гитлера, — СС, СА, СД и т. п.).

Внешне это шло как бы в русле общей «перестройки» всех «органов». Сталин, например, создает внутри МИД СССР еще одно «бюро» — т. н. «Бюро информации» и передает в него все структуры внешней разведки (знаменитое в 20—30-х гг. ИНО ОГПУ — НКВД); но новое «бюро» контролирует не Кузнецкий мост (там до 1952 г. размещался МИД), а Старая площадь, т. е. все тот же Маленков вкупе с Берией.

Но даже создание «Бюро-2» в МГБ и «Бюро информации» в МИДе не шло ни в какое сравнение с «партийной госбезопасностью», идею которой осенью 1948 г. предложили Сталину Г. М. Маленков и зампред КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов в специальной записке. Два искушенных в аппаратных интригах «партайгеноссен» попали в точку: Сталин как раз обдумывал совершенно фантастическую идею внешнего возврата к дореволюционным *сословиям*, но *бюрократическим*, вводимым «сверху». Отсюда шло послевоенное раздельное обучение мальчиков и девочек в школе, введение школьной формы, сильно напоминавшей форму дореволюционных гимназистов и гимназисток. Отсюда же — униформа чиновников в гражданских министерствах и ведомствах, послевоенная милицейская форма — почти полная копия формы царских городовых и т . д.

А раз *сословия* — то и особое для них *административное судопроизводство.* Отсюда — учреждение «судов чести» в офицерских собраниях и коллективах министерств. А партия — разве она не «орден меченосцев»? Да, на них есть управа — контрольные партийные комиссии, и самая грозная из них — КПК при ЦК ВКП(б).

Но этого мало — нужен свой партийный «суд чести». А раз «суд», значит, и расследование, а его должен вести свой партийный следственный аппарат: негоже «меченосцев» отправлять на скамью подсудимых в обычный советский суд, «самый справедливый в мире» — ведь и без того члена ВКП(б) они судить не могли, т. к. предварительно его надо было исключать из партии (формально это положение, никак не зафиксированное в Уставе КПСС, сохранится вплоть до ее запрета Ельциным с 1991 г., а в брежневскую и начало горбачевской эры будет широко использоваться для сведения личных счетов внутри партии).

И тут как тут — Маленков со Шкирятовым и своей запиской. И пошло-поехало. Хозяин одобрил предложенную структуру. Под руководством Маленкова — Шкирятова на базе аппаратов КПК и отдела административных органов ЦК создается отдельный от МВД и МГБ следственный «партийный» орган с филиалами при обкомах на местах, а также «партийные суды чести» (фактически те же «тройки»).

Раз есть «партийные подследственные», значит нужна и «партийная» тюрьма. И у МВД отбирают знаменитую «Матросскую тишину» и превращают ее в «партийную» (официально — «особую») с отдельным «партийным» штатом из расчета более ста тюремщиков на сравнительно небольшой контингент — до 30—40 чел. Больше всего эта «парттюрьма» напоминала казематы для государственных преступников в Петропавловской или Шлиссельбургской крепостях. И не случайно первыми «постояльцами» в «парттюрьме» оказались главные фигуранты по «ленинградскому делу», секретарь ЕАК беспартийный поэт И. С. Фефер и бывший личный охранник Сталина П. И. Федосеев, которого вождь заподозрил в намерении его убить.

Но Сталин просчитался в одном — его ближайшие соратники умели пользоваться созданными вождем инструментами не хуже Хозяина. И эта «партгосбезопасность» стала в руках Маленкова мощным оружием в контратаке на самого Сталина.

Ведь Маленков не просто курировал новый репрессивный орган, т. е. читал бумаги, протоколы допросов арестованных и т. д., что и без того по должности всегда делали кураторы из Отдела административных органов ЦК. Нет, *Маленков сам вел допросы наиболее интересующих его заключенных из «Матросской тишины».* Для этой цели на Старой площади в здании ЦК на пятом этаже неподалеку от его официального служебного кабинета секретаря партии и рядом с залом заседаний членов Оргбюро ЦК, т. е. в самой секретной зоне здания ЦК партии, где стояла особая охрана, была оборудована специальная комната без окон (цековские аппаратчики между собой шепотом называли ее «пыточной»), куда арестанта под конвоем доставляли особым лифтом. Именно в этой «пыточной» в марте 1950 г. Маленков дважды лично допрашивал бывшего сталинского охранника подполковника Федосеева.

Но, странное дело, человека № 2 при этом допросе меньше всего интересовали намерения охранника убить человека № 1 в партии и государстве: Маленкова больше всего интересовал компромат на… Абакумова и «злоупотребления» в аппарате МГБ.

Так начался заключительный этап подковерной борьбы.

КОНТРАТАКА БЕРИИ — МАЛЕНКОВА ПРОТИВ ХОЗЯИНА

По-видимому, Федосеев, рядовой охранник Сталина, действительно мало что знал о таком высоком начальстве, как министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. Пикантность ситуации состояла в том, что сразу после первого допроса Федосеева Маленков снова отправился в свой служебный кабинет секретаря ЦК, где в приемной уже сидел и ждал его, члена Политбюро... Абакумов, пока еще живой и невредимый.

Да еще бы не ждал — Абакумову и Маленкову Сталин персонально поручил оборудовать «партийную тюрьму» в «Матросской тишине» и ее филиал в Суханове. И оборудование, и кадры охранников были у Абакумова, и ему «по описи» надлежало все это передать через Маленкова новому начальнику «особой тюрьмы» И. Т. Клейменову, бывшему замначальника Тюремного управления МВД СССР. Маленков, разумеется, ничего не сказал Абакумову ни о Федосееве, ни о Клейменове. А последний перед своим назначением уже побывал в том же кабинете и получил от Маленкова строжайшие инструкции: «особая тюрьма» не подчиняется ни Абакумову, ни Круглову, *а только ему, члену Политбюро секретарю ЦК Маленкову.*

Позднее, в 1957 г., когда Клейменова допрашивали партследователи ЦК по поводу участника «антипартийной группы» Маленкова относительно создания этой «особой тюрьмы», он припомнил, что Маленков, ведя с ним беседу, постоянно подглядывал в какую-то бумагу (тюремщик думал, что это как минимум постановление Политбюро, хотя никаких решений не было, а имелось лишь устное распоряжение самого Сталина), но запомнил из слов Маленкова главное, касающееся его прямых обязанностей: тюрьма «с особыми условиями режима, ускоренной оборачиваемостью (термин-то каков, а? — *Авт.*), специальной охраной»[1].

Фактически же Маленков, за спиной которого маячила тень Берии, в 1950—1951 гг. создал не отряд «партийных мстителей» для борьбы с «еретиками» внутри ВКП(б), а *инструмент личной безопасности* и *дискредитации* своих соперников — вхожих к Сталину людей, прежде всего Абакумова, а затем и Власика.

А поскольку *партгосбезопасность* создавалась по принципу «ускоренной оборачиваемости», то какие-то там «буржуазные» судебно-следственные формальные процедуры (как, кстати, и у Гитлера) для костоломов Маленкова (а инструкторы его

[1] «Пленум ЦК КПСС (июнь 1957 г.). Стенографический отчет», с. 13.

секретариата в своих кабинетах всегда имели в шкафу форму офицеров госбезопасности, в которую они переодевались, когда по команде шефа шли в «пыточную» на допрос очередного «шпиона») были совершенно необязательны, как и вообще все прочие «формальности». Когда, например, ищейки Маленкова нашли через три месяца после создания «особой тюрьмы» компромат на Абакумова и человек № 2 получил от человека № 1 санкцию на его арест, Абакумова арестовали и посадили 12 июня 1951 г. в «Матросскую тишину», даже не освободив от должности министра и не исключив из партии. На следующий день без освобождения от должностей и исключений туда же упрятали группу его начальников управлений и следователей МГБ.

Как же Маленкову удалось свалить такого «цепного пса» Сталина, как Абакумов, пять лет верой и правдой служившего своему Хозяину? Только благодаря точному расчету, подсказанному Берией, — бить на маниакальную подозрительность Сталина и его антисемитизм.

Неудача с Федосеевым не обескуражила Маленкова — вскоре его ищейки нашли гораздо более «нужного человечка» и не где-нибудь, а в самом следственном управлении центрального аппарата МГБ. Таким «человечком» оказался бывший бухгалтер с восьмиклассным образованием *Михаил Рюмин* (1913—1953). Свою чекистскую карьеру он начал перед войной в планово-финансовом отделе ГУЛАГа на строительстве канала Москва — Волга, в войну служил в СМЕРШе. После войны — на мелких должностях в МГБ СССР, пока его (на свою голову) за палаческие «достоинства» при допросах не перевел в Следственное управление сам Абакумов.

Мелкий, но тщеславный «человечек», он мечтал выдвинуться на каком-нибудь «громком деле», но Абакумов вначале его по малограмотности не допустил ни к «делу авиаторов», ни к «ленинградскому делу», а поручил допрашивать какого-то «еврейского националиста»-одиночку, врача Я. Г. Этингера, который возьми да и умри после одного из допросов «с пристрастием». Ему же, Рюмину, уже 37 лет, не за горами отставка по возрасту, а он все еще только майор — а какая пенсия у отставного майора госбезопасности? На этом тщеславии Рюмина и его мечтах о «генеральской пенсии» и сыграли люди Маленкова, давно искавшие в аппарате МГБ нужного «человечка». Рюмина для начала под видом «партподследственного» тайно доставили в «пыточную» к Маленкову; там его, конечно, не пытали, но шеф «партгосбезопасности» сразу понял — если «человечка» раскрутить да дать ему в помощь своих грамотных людей — на Абакумова можно сочинить убедительный компромат (позднее, уже после смерти Сталина, в узком кругу заговорщиков — членов Политбюро, Маленков таинственно бросил: «Я избавил вас от Абакумова…»; о том, что сразу после смерти Хозяина он упрятал Рюмина в тюрьму, а в конце 1953 г. расстрелял, Маленков не хвастался).

Так Маленков и поступил. К Рюмину прикрепили «писарей», и вместе они сочинили грандиозную «липу» — донос Сталину о разветвленном заговоре ЦРУ по использованию советских евреев в науке и культуре, в медицине и… в армии для свержения товарища Сталина, захвата власти и назначении Абакумова «диктатором СССР». Конечно, только психически больной человек мог клюнуть на такую «липу», сварганенную малограмотным бухгалтером даже с помощью маленковских «писарей». Но Сталин клюнул, когда через Маленкова донос Рюмина попал к нему на стол. Правда, дав санкцию на арест Абакумова и его ближайших подручных, Сталин все же потребовал от Маленкова более детального обоснования.

Здесь требуется одно пояснение. Маленкову при всех его колоссальных возможностях вряд ли удалось бы свалить Абакумова так быстро, если бы чекистский красавец не подставился сам. А дело заключалось в том, что Абакумов явно не справлялся с «делом ЕАК». Как сигнализировал уже после ареста Абакумова «партийный комиссар» Маленкова С. Д. Игнатьев, в 1951 г. заведующий отделом партийных и комсомольских органов аппарата ЦК, а затем направленный в МГБ как

«партследователь», «дело (арестованных еще в декабре 1948 г. — январе 1949 г. членов ЕАК. — *Авт.*) находится в запущенном состоянии, и почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием Еврейского антифашистского комитета» (жур. «Источник», 1997, № 5, с. 206).

Сталин и сам видел, что привозимые Абакумовым вот уже полтора года протоколы допросов Фефера, Лозовского и других «шпионов» явно не тянут на большой, с международным резонансом, судебный процесс о «евреях-шпионах», «агентах» ЦРУ. И тут как нельзя кстати, якобы «самотеком», в ЦК к Маленкову поступает письмо честного чекиста майора Рюмина, который сигнализирует, что «запущенное состояние» с делом ЕАК — это дело рук самого министра госбезопасности Абакумова, который якобы сознательно тормозит расследование. В подтверждение своих подозрений «честный чекист» ссылается на личную практику: как одному из следователей по особо важным делам Следственного управления МГБ, ему поручено было «раскрутить» некоего врача-еврея Этингера, от которого он, Рюмин, рассчитывал получить важные сведения о густой шпионской еврейской сети, раскинутой по всему СССР на деньги ЦРУ. Но Абакумов якобы не дал ему это сделать. Более того, пряча концы в воду, будто бы приказал умертвить Этингера, лишив тем самым следствие важного свидетеля.

На самом же деле, как теперь выяснилось по Архиву президента РФ (бумаги Маленкова), все обстояло совершенно по-другому. Я. Г. Этингер вовсе не был каким-то «рядовым евреем», как писал Рюмин в первом доносе Сталину. Это был «кремлевский врач» в штате Лечсанпура, крупный ученый-медик, лечивший многих «кремлевских небожителей» и в частности первого секретаря МГК в годы войны *А. С. Щербакова* (того самого, который, как и Жданов, страдал «болезнью души»). Прямого отношения у «делу» членов ЕАК он не имел, ибо «готовился» Абакумовым (как тот намекал в своих оправдательных письмах из «особой тюрьмы» Сталину, Маленкову, Берии, Шкирятову, Игнатьеву — по прямому устному указанию Хозяина; разумеется, все письма дошли только до одного адресата — Маленкова) совсем по другой линии — о «врачах-отравителях».

Умолчал Рюмин и о «подельнике» Этингера — знаменитом медицинском светиле академике *Борисе Збарском* (1885—1954), забальзамировавшим еще в 1924 г. тело Ленина в Мавзолее, создателе и директоре Биохимического института АМН, Герое Социалистического Труда (1945 г.), трижды награжденном орденом Ленина. За Збарским и Этингером установили слежку (поставили «прослушки») в 1949 г., и уже в ноябре того же года Абакумов испрашивал у Сталина через начальника его личной охраны генерала Власика санкцию на их арест, но почему-то получил отказ (правда, Збарского сместили с директоров, а Этингера выгнали из Лечсанпура). Однако вскоре Этингера арестовали.

Гораздо сложнее обстояло дело со Збарским. Почти весь следующий, 1950 год Абакумов упорно домогался у Сталина санкции на его арест, но лишь в ноябре того же года ее получил, причем не прямо от Хозяина, а почему-то через Булганина. По-видимому, Сталин к концу своей земной жизни хотел окончательно расквитаться со всеми теми врагами, которые еще оставались свидетелями болезни и смерти Ленина (а Збарский присутствовал при вскрытии тела вождя после его кончины).

Збарский, в отличие от Этингера, чудом уцелел: его выпустили, правда, только после смерти Сталина, в декабре 1953 г., реабилитировали и даже восстановили в партии, но 72-летний старик не перенес и на свободе чудовищных последствий «особой тюрьмы» и

через год после освобождения умер. Но он успел рассказать своему сыну и тоже хранителю «мумии вождя» о своих злоключениях за время двухгодичного ареста[1].

И оказалось, что к арестантам Этингеру и Збарскому повышенное внимание проявлял не столько Рюмин (Збарского он вообще не допрашивал), сколько сам министр Абакумов. Причем обоим врачам он клеил не официальную версию обвинения, составленную костоломами МГБ типа Рюмина («клевету» на тов. Сталина в брошюре Збарского «Мавзолей Ленина», якобы принижавшей роль Хозяина в заботах о здоровье Ильича в 1922—1924 гг.) и даже не тот медицинский факт, что именно Збарский в 1948 г. восстановил изуродованное лицо убитого агентами МГБ в Минске «американского шпиона» Михоэлса (чтобы в открытом гробу при похоронах не было заметно, что по лицу великого актера проехал грузовик), а… шпионаж — Этингеру в пользу Англии, Збарскому — в пользу Германии.

Из тюремных объяснительных Абакумова (их впервые по Архиву президента РФ изложил Р. Г. Пихоя; указ. соч., с. 84—85) и воспоминаний самого Збарского, опубликованных в 1993 г. его сыном, складывается впечатление, что Абакумов пытался «отработать» версию Хозяина о всемирном сионистском заговоре против СССР с активным участием ЦРУ, но не преуспел. С Этингером вообще вышла промашка — Рюмин его замордовал до смерти, а из одного Збарского «всемирный заговор» не склеишь, Хозяин хоть и сумасшедший, но не болван. Оставались, правда, «сионисты» из ЕАК, но их Абакумов раскрутить так и не успел — арестовали.

Маленкова же все покаянные письма «арестанта» в тот момент не интересовали, он спрятал их в свой сейф — это пусть Хозяин думает, как сокрушить всемирный сионизм. Человеку № 2 важно было добить Абакумова в тюрьме, пока Сталин не передумал. С него станется — возьмет да и выпустит — вон, Жукова с Эренбургом так и не посадил. Или хуже того, посадит на место Абакумова его, Маленкова. Одно слово — «су-ма-сшедший», Никита прав.

И Маленков начал лихорадочно «докручивать» дело Абакумова, а заодно и всего МГБ, до конца. Первым делом «сигнальщику» Рюмину было дано срочное задание — немедленно дополнить и расширить первый донос Сталину до размеров целого трактата о глубоком сионистском заговоре в СССР во главе с арестованным Абакумовым. Напирать на связь «заговорщиков» с ЦРУ. Вновь прикрепили к бывшему бухгалтеру «писарей», иных — с учеными степенями, — куда Абакумову с его четырьмя классами с ними тягаться. Они за двадцать дней сгоношили такой компромат — самого Иисуса Христа можно было заново на кресте распять.

2 июля 1951 г. «трактат» был представлен Сталину, и он его одобрил. Далее все пошло по накатанному сценарию «ускоренной оборачиваемости»: постановление Политбюро (и снова — методом опроса), его комиссия по «проверке сигнала» (Маленков — председатель, Берия, Шкирятов, Игнатьев — он и станет вместо Абакумова министром госбезопасности еще при Сталине), на всю «проверку» 3—4 дня. Разбрасываться не стали — поджимают сроки. Сосредоточились на одном эпизоде — «дело Этингера» (о том, что он умер после допроса Рюминым, — молчок). Срочно допросили всю верхушку МГБ, замминистров С. И. Огольцова и Е. П. Питовранова, начальника Следственной части по особо важным делам А. Г. Леонова и его двух замов, помощника Абакумова Я. М. Бровермана и других (всех затем посадили).

В целом «липа» Рюмина комиссией Политбюро была подтверждена. Новым было лишь то, что бывший бухгалтер не знал (но это очень импонировало Сталину): Этингеру приписали «террористические намерения» (?! — *Авт.*) при лечении «больного душой» Щербакова и «увязали» сей факт с политическими процессами 30-х гг. и

---

[1] См.: *Збарский И. Б.* «Жизнь» мумии и судьба человека. Из воспоминаний хранителя тела Ленина // Отечественная история, 1993, № 5, с. 158—165.

«вредительством» врачей Плетнева и Левина, осужденных на «бухаринском» процессе 1938 г.

Маленков был доволен — наверняка Сталину такая аналогия понравится, а нам главное — добить Абакумова. Однако добить, но с умом, иначе уши маленковской «партбезопасности» вылезут наружу. И 11 июля 1951 г. по итогам проверки комиссии *одного* эпизода (с Этингером) появляется постановление Политбюро (на этот раз даже опроса не было — текст написал один Маленков) обо *всем* МГБ — «О неблагополучном положении в МГБ СССР». На основе этого «постановления» Секретариат ЦК (т. е. все тот же Маленков) рассылает по всем парторганизациям «закрытое письмо ЦК» — приговор не только Абакумову, но и всем чекистам. Поднимается волна массовых арестов некогда «неприкасаемых» эмгэбешников.

Маленков вводит партийное новшество в протоколах допросов (а их он регулярно направляет Сталину — эту практику ввел еще Абакумов): фамилии арестованных печатаются на машинке, а потенциальные арестанты вписывались от руки, да еще карандашом. После очередного допроса карандаш стирался, и машинистка просто впечатывала в готовый протокол фамилию нового арестанта — «оборачиваемость» резко возросла, как и экономия казенной бумаги[1].

В общем, Маленков с Берией сыграли как по нотам: и Абакумова утопили, и все его «личное» МГБ пересажали, сделав при этом прежнюю ставку на МВД. А если к этому еще добавить, что под сурдинку они еще и свалили *Власика* (22 апреля 1951 г. комиссия Политбюро — Маленков, Берия, Шкирятов, Игнатьев — ревизия финансов «хозяйства» личной охраны Сталина» — злоупотребления — «ящик коньяка пропал» — доклад вождю — санкция), и 8 мая второго «верного пса» Сталина с его одобрения, несмотря на 25 лет беспорочной службы, гонят взашей, отсылая в г. Асбест на Урал замначальника захудалого лагеря, то «два жулика» могли торжествовать победу: контратака против Хозяина удалась на славу, особенно если иметь в виду, что с изгнанием Власика все ГУО — Главное управление охраны (личная охрана Сталина) было разогнано, а некоторые в декабре 1952 — январе 1953 г. еще и арестованы. Вместо него Политбюро (Маленков — Берия) принимает «постановление»: отныне охрану драгоценной жизни ВОЖДЯ несет весь личный состав МГБ СССР и персонально его новый министр *С. Д. Игнатьев*, член их команды.

Оставалась самая «малость» — уморить Сталина на одной из его дач, предварительно сняв последнее кольцо «охраны» — врачей, т. е. повторить сталинский прием с Лениным в Горках. Однако всю эту иезуитскую операцию в октябре 1952 г. едва не сорвал сам Хозяин, хотя в конце концов он… уморил сам себя. И вот как это было.

«ВЫ ВСЕ СОСТАРИЛИСЬ, Я ВАС ЗАМЕНЮ!», или ВОЖДЬ КАК ТЕОРЕТИК

Эта фраза, сказанная в «ближнем кругу» своим действительно состарившимся соратникам, участникам Октябрьской революции и Гражданской войны, отражала, на наш взгляд, большее, чем биологический факт старения вождей ВКП(б) и СССР. В конце концов, состарился и сам Сталин — в 1950 г. ему пошел уже восьмой десяток. Но он был на несколько голов выше других своих «стариков», даже если со сталинской головой с точки зрения психической не все было в порядке.

---

[1] Вся эта жуткая история последней схватки «пауков в банке» в последние три года жизни с разной степенью достоверности изложена с 1988 г. в работах многих отечественных авторов. См., в частности: *Рапопорт Я. Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей. 1953. М., 1988; *Столяров К.* Палачи и жертвы. М., 1997; *Судоплатов Анатолий*. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Т. 2. М., 1998. Однако наиболее документированной остается не раз цитированная нами фундаментальная работа *Рудольфа Пихои*.

Наверняка он думал о своем физическом конце и, как и Ленин, хотел оставить потомкам свое «политическое завещание». Но, в отличие от Ильича, он хотел бы не диктовать это «завещание» парализованным, с больничной койки на «ближней даче», а пока он еще ходит на своих ногах, огласить его с какого-нибудь публичного форума на всю страну, соцлагерь и мир. Понятно, что в СССР таким форумом мог быть только очередной партийный съезд, не собиравшийся с 1939 года.

Конечно, Сталин наверняка думал о том, чтобы его преемники сохранили послевоенный статус СССР как мировой атомной сверхдержавы и лидера мирового социалистического лагеря, тем более, что с 1949 г. к нему присоединился такой геополитический гигант, как коммунистический Китай.

Но перед Сталиным встала после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., в сущности, та же проблема, что и перед Лениным после Гражданской войны 1918—1920 гг., — *кому передать власть?* Двум «жуликам»? Одному «нашему Гиммлеру»? «Железной заднице», чья жена, оказывается, всю свою долгую жизнь была скрытой «еврейской буржуазной националисткой» и теперь отбывает справедливое наказание в Сибири?

Нет, надо поступать так, как советовал Ленин в своем «завещании» и статье о Рабкрине — максимально расширить ЦК, включив в него не только партфункционеров, но и высших чиновников госаппарата, общественных организаций (комсомола, профсоюзов), выдвинуть «наверх» молодых, прошедших войну, особенно из провинции. В руководство страной надо влить свежую молодую кровь, а старье — в отвал, отработали свое, пора и на покой. Иначе грызня «пауков в банке» будет бесконечной. Аппаратную технологию этой грызни «старики» освоили до тонкостей, сам им в борьбе с «троцкистами» и «бухаринцами» пример подавал.

Конечно, как и после мировой и Гражданской войн, страна после Великой Отечественной стала другой. Но Ленину было много легче: «матрица» старой России — крестьянский *мір* — оставалась прежней, и это обеспечило экономический и финансовый успех нэпа. Сталин своей коллективизацией эту «матрицу» в 1929—1933 гг. разломал и уничтожил окончательно.

Но какую «матрицу» он сотворил взамен? Об этом его спрашивал в конце 1949 г. и Мао Цзэдун, приехавший к нему «на поклон» в Москву. Тогда вождь только что победившей Китайской социалистической революции поинтересовался: что делать после захвата власти в огромной крестьянской и все еще азиатской полусредневековой стране?

Конечно, «империя ГУЛАГ», созданная под руководством «нашего Гиммлера», дает существенную прибавку в экономику, особенно в горнодобывающем деле. Но вот американцы, да и свои советские ученые все чаще пишут и говорят: атом не только в военном, но и мирном деле надо использовать — строить какие-то АЭС. А кто строить будет — зэки? Так они по злобе на товарища Сталина заложат при строительстве какую-нибудь штуковину, та потом рванет, и не только сама АЭС, но и вся страна, а то и мир полетят к черту!

Непосредственным толчком к этим сталинским «размышлизмам» стали долгие ночные беседы в декабре 1949 г. с Мао Цзэдуном, прибывшим в Москву «на поклон» по случаю 70-летия «вождя всех времен и народов» за «обменом опытом» в связи с победой 1 октября 1949 г. Китайской социалистической революции.

Мао тоже интересовали вопросы экономики: Китай и в 1949 г. на 90% оставался крестьянской страной с крайне отсталой экономикой, хотя революция в нем длилась вот уже 38 лет, с 1911 г. Ясно, что западная «капиталистическая» модель победившей китайской революции не подходила. Остается альтернативная — советская социалистическая. Но что из нее взять, учитывая китайскую специфику — неграмотное крестьянство, традиции китайского «православия» — конфуцианства, особенности

тысячелетней культуры, которую европейцы не понимают просто технически — ну кто, скажите, может в Европе и СССР, кроме синологов, прочитать наши «крючки» — иероглифы? Не случайно же в Европе бытует выражение «китайская грамота», т. е. недоступное европейцу письмо.

Судя по отрывкам из стенограмм этих долгих бесед в Кремле и на «ближней даче», лишь сравнительно недавно опубликованным, Сталин с ходу отверг все эти стенания будущего «великого кормчего».

Вот этот сакраментальный ответ: **«Надо заставить людей работать, а не воровать»**[1].

Судя по тому, что позднее сообщал в своем дневнике (опубликован посмертно под названием «Особый район Китая, 1942—1945». М., 1973) агент Коминтерна при ЦК Китайской компартии *П. П. Владимиров* (затем в 1948—1951 гг. генконсул СССР в Шанхае, но в прежнем качестве), Мао остался недоволен таким ответом, причем в узком кругу своих соратников (еще не зная, что советская чекистская «прослушка» уже его записывает) отзывается о пока еще единственном в мировом коммунистическом движении «зодчем социализма» довольно пренебрежительно: «Сталин не знает и не может знать Китая. А в то же время он хочет обо всем судить. Все его т. н. теории о нашей революции — дурацкая болтовня». Эпитетами типа «сталинская болтовня», «вот куда Сталина привела его болтовня» и т. п. заполнен весь дневник Владимирова.

Оставляя в стороне самостоятельную тему сталинской интриги в 30—40-х гг. между Мао Цзэдуном (ему Сталин помогал преимущественно «коминтерновскими» политическими советниками) и Чан Кайши (а к тому посылал военных «спецов», например, в 1941—1942 гг. будущего маршала В. И. Чуйкова, а также самолеты, танки, пушки), отметим, что «заставить людей работать» не могло в декабре 1949 г. не удивить «великого кормчего». Уж кто-кто, а Сталин-то умел заставить «людей» (зэков) работать — зачем же ему тогда огромная «империя ГУЛАГа»?

Но Мао тогда еще не знал, что именно эта «империя рабов» ко времени победы китайской революции *экономически треснула:* сам Сталин начал потихоньку с 1949 г. ее демонтировать. И не потому, что вдруг прослезился и пожалел несчастных зэков. Нет, эшелоны с новыми заключенными и после войны шли и шли на восток, причем срока (как говорили тогда в лагерях) увеличились даже более чем вдвое. Вместо довоенной «десятки» (десять лет лагерей) и «пятерки» (еще пять лет ссылки под надзором) уже паяли по «двадцатнику с гаком» (25 лет), причем одних лагерей. И были в тех эшелонах не только «власовцы» или «буржуазные националисты — бендеровцы», но чересчур «болтливые» боевые советские офицеры, участники войны (*Александр Солженицын, Михаил Танич* и тысячи других).

Нет, империя треснула не из-за жалости Сталина, а потому что «не выполняла план»: железную дорогу Салехард — Игарка за Полярным кругом все никак зэки не построят (что по вечной мерзлоте рельсы не кладут, Сталину было невдомек), железнодорожный тоннель между материком и о. Сахалин под Татарским проливом все никак не начнут строить (а то, что технология тех времен — особый армированный бетон, укрепляющие тоннель железные кольца и т. д. — еще не позволяла инженерно строить такие сооружения — на это Сталин плевал), Волго-Балтийский канал тоже завис.

Нет, надо часть экономики ГУЛАГа передать «на гражданку», там будет рентабельней, размышлял Сталин в присутствии «лубянского маршала» Лаврентия Берии. И тот сразу после смерти вождя начнет выполнять его «заветы»: на «гражданку» с марта 1953 г. уйдет Дальспецстрой (тоннель под проливом), Волго-Балтспецстрой, Гидропроект, Главупргорнодобыча, геологоразведка и др.

Нет, с послевоенной экономикой в СССР надо разобраться, обмозговать, теоретически обобщить. Вон из молодых, но способных экономистов — Дмитрий

---

[1] Цит. по: *Наумов В. П.* Крутые повороты // И примкнувший к ним Шепилов. Сб. статей. М., 1998, с. 11.

Шепилов, уже работает над новым учебником по политэкономии социализма, сам ему поручил. Надо бы и книгу о политэкономии социализма для всего соцлагеря, включая теперь и Китай, издать, и Шепилова к этому привлечь.

Что это была не первая попытка теоретически обосновать режим сталинизма, нашло отражение еще до войны в постановлении ЦК ВКП(б) «О перестройке преподавания политической экономии». По сути, оно напоминало аналогичное постановление того же ЦК в 1934 г. о возобновлении преподавания гражданской истории в школах и вузах СССР. Но в отличие от историков, для которых истфаки в МГУ и ЛГУ были восстановлены в том же 1934 году, экономистам пришлось ждать еще четыре годы: только после совещания у Сталина в феврале 1941 г. с участием В. Молотова и Н. Вознесенского было форсировано открытие экономфаков (в МГУ чуть раньше, в 1940 г., в ЛГУ — сразу после совещания, весной 1941 г.). А в 1946 г. Сталин уже дает команду начать подготовку нового учебника по политэкономии социализма для вузов всего соцлагеря, но написанный группой известных советских экономистов вариант бракует как «несовершенный».

В чем «несовершенство», авторы макета не знают — Сталин пока сам молчит, а экономисты без «указаний вождя» не знают, как делать.

Наконец, дожидаются... обухом по голове: в 1949 г. неожиданно выходит очередное постановление ЦК ВКП(б) «О неудовлетворительной работе Института экономики АН СССР».

Правда, никого после этого постановления с работы не выгоняют (даже евреев) и не сажают, но рекомендуют начать теоретическую дискуссию. И она в закрытом «академическом» режиме с осени 1949 г. разворачивается и бурно идет целый год, до осени 1951 г. (выступило 222 экономиста из Москвы и других крупных городов СССР).

За этой дискуссией Сталин уже внимательно следит лично, требуя для просмотра стенограммы, а иногда через Шепилова приглашая к себе на кунцевскую дачу отдельных ученых — экономистов из числа академиков. Кроме того, письменно отвечает на некоторые обращения к нему отдельных участников дискуссии (ответы, в частности, Л. Д. Ярошенко, А. Н. Ноткину, В. Г. Венжеру и др., будут затем включены в «Экономические проблемы», вышедшие в 1952 г. и предварительно опубликованные во фрагментах в «Правде» — Шепилов же ее главный редактор!).

Дискуссия же сразу превратилась в ристалище, на котором традиционно для гуманитарных наук в СССР той поры схлестнулись *догматики* и *прагматики.* Первые категорически отрицали «рынок при социализме» (в чем же тогда различие капитализма и социализма?), а вместе с ним «закон стоимости», «товарное производство», «стоимость труда» — физического и умственного — и т. д.

Вторые, наоборот, подобно Егору Гайдару в наши дни, вопили с трибуны: «Рынок все расставит по своим местам!», «Законы рынка» — внеклассовые, товарное производство существовало и при первобытно-общинном строе!» и т. п.

Но, в отличие от Ельцина в 1992 г., Сталин не принял доводы ни одной из сторон и не «закрутил», но и не «отпустил» цены.

По-видимому, Сталин и сам не знал, какая из теорий лучше. И потом, теория — это хорошо, без теории «нам смерть, смерть, смерть...», но все равно — как заставить людей работать после войны? «Вещизм» он отрицал, но и «за так» (за идею), как в довоенном «монастыре», после войны — это Сталин тоже понимал — никто работать не будет, а будет воровать. Так что же — всех снова сажать в лагеря? Так никаких «гулагов» уже больше не хватит...

Современные аналитики феномена сталинизма, спустя полвека перечитывая «Экономические проблемы социализма в СССР» (кстати, в 1999 г. услужливо переизданные), склонны считать, что Сталин в теории, пройдя мобилизационную

практику подготовки к войне в 1929—1939 гг., после войны собирался вновь вернуться к нэпу (и не случайно в ходе дискуссии 1951 г. появился и зазвучал термин *неонэп*).

Так, *В. В. Кашицын,* доцент Новороссийской морской академии, разделяющий эту посылку о неонэпе, отмечает ряд новых моментов в политэкономических взглядах Сталина в 1952 г.

Во-первых, неожиданно тогда для многих он осторожно осуждает собственную коллективизацию.

Во-вторых, «товарное производство» — это не один капитализм, оно возможно и при социализме.

В-третьих — Первая с последовавшей за ней в России Гражданской войной и особенно Вторая мировые войны возникли не из-за борьбы с социализмом (официальный тезис советской пропаганды в 30—40-х гг.), а из-за перераспределения рынков между двумя блоками империалистических держав.

Все остальное у Сталина, считает Кашицын, — набор обычных банальностей советского пропагандиста: различие умственного и физического труда надо ликвидировать «подтягиванием» рабочего к инженеру, деревни к городу и т. п.[1]

Многих делегатов XIX съезда КПСС в этой связи крайне удивило выступление Сталина в последний день работы съезда, 14 октября 1952 г. Они еще могли понять, почему с отчетным докладом ЦК партии на съезде выступил не он, генеральный секретарь, а его явный преемник Г. М. Маленков — слухи о «недомогании» Сталина уже давно гуляли по партийным коридорам.

Но делегаты съезда ожидали, что уж в последний-то день съезда ВОЖДЬ вооружит их в своем выступлении четкой программой практических задач — как урожай убирать, пятилетку выполнять, с «врагами партии» бороться и на каких «фронтах»?

А вместо этого Сталин стал говорить о каких-то, по мнению подавляющего большинства делегатов, «абстрактных» вещах: о политэкономии социализма и капитализма, о какой-то «высшей технике» и т. п.

Более того, в канун съезда «Правда» в серии своих номеров опубликовала какие-то странные, явно «бухаринские», «Замечания» Сталина и его ответы некоторым советским экономистам (все вместе эти публикации уже после съезда выйдут отдельной сталинской брошюрой под названием «Экономические проблемы социализма в СССР»).

Странными, на взгляд партийных функционеров, особенно, из провинции, были эти «проблемы». Ну ладно, Сталин во главу угла поставил «основной экономический закон социализма» — «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностях всего общества...».

Это понятно — сами эти потребности обеспечиваем: секретари сельских райкомов с утра до ночи мотаются по колхозам и совхозам — «давай, давай» сенокос, уборку, хлебозаготовки и т. д. Секретари городских райкомов точно так же шуруют на заводах и фабриках — «давай, давай план, а то — партбилет на стол!».

Но при чем здесь какая-то «рентабельность», «закон стоимости» да еще и «товарное производство», которое якобы сохраняется в СССР? Это ведь все «буржуазные штучки», не за них ли сам тов. Сталин осудил «правых уклонистов» Бухарина, Рыкова и К° еще в начале 30-х гг., а в 1938 г. посадил их на скамью подсудимых как «врагов народа» и расстрелял.

Но не поняла сталинских «экономических изысков» не только рядовая партийная пехота — не поняли его и ближайшие соратники (история с ленинским нэпом в 20-х гг. повторилась!).

---

[1] *Кашицын В. В.* Российская рыночная трансформация и «Экономические проблемы социализма в СССР» // Феномен Сталин. Сб. докладов и статей. М. — Краснодар, 2003, с. 158—172.

Много лет спустя Молотов признал это в своих «140 беседах» с поэтом Феликсом Чуевым: «Теоретически мало люди разбирались...», «Надо было глубже...» и т. д.

А ведь Сталин еще до XIX съезда КПСС специально собрал всех членов Политбюро на свою кунцевскую дачу для обсуждения «проблем социализма». Но ничего не получилось. Вот оценка Микояна из его посмертных мемуаров «Так было» (М., 1999): «Молотов что-то мычал вроде бы в поддержку... [а] я молчал».

В конце концов вся сталинская затея со своеобразным «завещанием» — теоретическим обоснованием экономических основ режима сталинизма — провалилась, и даже сам отредактированный им учебник по политэкономии социализма под редакцией Д. Т. Шепилова вышел уже после его смерти — в 1954 году.

Но этот учебник ничего нового не содержал — ни слова об «азиатском способе производства», ни о русской «Аномалии», ни об отсутствии разделения в СССР власти и собственности, пусть и «социалистической»: одни цитаты из «корифеев марксизма» — Маркса и Энгельса. Иными словами, Сталин так и не дал исчерпывающего ответа — так что же это за «зверь», политэкономия социализма, оставив решение этой головоломки своим наследникам — Хрущеву, Брежневу и Горбачеву.

МАРКС ПРОТИВ СТАЛИНА

После XX съезда КПСС (1956 г.) и «секретного» доклада Н. С. Хрущева на нем о культе личности Сталина в СССР и СНГ все последующие полвека неоднократно делались попытки теоретически определить: так что же, в конце концов, представляет из себя феномен сталинизма? И каковы его реальные последствия для СССР и бывшего соцлагеря?

Особенно бурная полемика на страницах московских газет развернулась в 1988—1990 гг., на излете горбачевской перестройки.

Некоторые газетные статьи этой полемики попали затем в книги, из которых отметим лишь две: «Осмыслить культ Сталина» (М., «Прогресс», 1989; вышла в очень популярной тогда серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм») и Н. А. Симония «Что мы построили» (М., «Прогресс», 1991; с посвящением М. С. Горбачеву).

В ходе этой дискуссии не было недостатка в этикетках — сталинский «феодальный социализм», сталинский «госкапитализм», апогеем которого якобы стал брежневский «застрой», «грубиянский коммунизм» (по К. Марксу), «царство крестьянской ограниченности» и т. п.

Но при этом внутренние и, особенно, внешние (в частности, сталинская теория «осажденной крепости», из которой вытекала и его «концепция» перманентного обострения классовой борьбы в СССР по мере продвижения к коммунизму) причины возникновения сталинизма оставались вне поля зрения диспутантов.

И все, в конечном итоге, как и в 60-е гг. при хрущевской «оттепели», сводилось к сталинским репрессиям.

Кстати, и в 90-х гг., когда в кругах неомарксистов вновь возникла дискуссия о «двух» и даже «трех» Ленинах, о Троцком и троцкизме, о «бухаринизме» как якобы реальной альтернативе «сталинизму» все снова свелось к этикеткам и цитатам из Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина[1].

Словом, схоластический доктринерский спор российской интеллигенции, начатый еще западниками и славянофилами в первой половине XIX в., увы, продолжается все в

---

[1] Подробней см.: *Воейков М. И.* Споры о социализме: о чем пишет русская интеллигенция? М., 1999.

той же «кружковой» интеллигенцией, на которую указывал еще в 1909 г. *Н. А. Бердяев* в сборнике «Вехи».

Между тем ответ о возможности возникновения в рамках марксизма нечто похожего на будущий сталинизм («всеобщий аскетизм и грубую уравнительность» (по К. Марксу: Соч., т. 4, 1-е изд., с. 455) был дан в ранних трудах (экономо-философские рукописи 1844 г., папка «Коммунизм») основоположника научного коммунизма, на что еще в 60-х гг. прошлого века обратил внимание французский философ-коммунист Альтшуллер (за что ЦК ФКП, как в свое время Петр Чаадаев Николаем I, был объявлен «повредившимся в уме» и исключен из рядов компартии).

В годы перестройки на эти ранние труды молодого Маркса в СССР вновь обратил внимание *Н. А. Симония* (указ. соч., с. 416—421), подчеркнув то обстоятельство, что Маркс и Энгельс тезис о «грубом (вульгарном) коммунизме» включили и в «Манифест коммунистической партии» (1848 г.).

В частности, Симония справедливо отметил: на первый стадии коммунизма (социализма) Маркс вовсе не выступал за немедленную и полную отмену частной собственности, как это произошло при Ленине в 1919–1920 гг. в деревне (запрет держать кошек и собак в «частной» собственности), и при Сталине с 1929 г. во время «раскулачивания».

Более того, Симония со ссылкой на Маркса и Энгельса подчеркнул: сталинизм — это, в сущности, *антимарксизм,* хотя с XVI съезда ВКП(б) в 1930 г. Сталин приравнял себя за «теорию» о возможности строительства социализма в одной стране к основоположникам марксизма-ленинизма: делегатов съезда на колоннах Большого театра в Москве встречали четыре громадных портрета — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Действительно, гениально предвидел Маркс, «грубый коммунизм» есть отрицание «*личности* человека», это «власть *зависти*», переходящая в «*стяжательство*» (коррупцию? — *Авт.*).

И далее — удар прямо по «казарменному коммунизму» Сталина: [сталинизм] есть «возврат к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее. Для такого рода коммунизма [сталинизма] общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, 1-е изд., с. 115).

И хотя в 1881 г. в своих письмах к Вере Засулич Маркс существенно пересмотрел прежнюю негативную оценку «общинного капитала» в России, эта «перемена всей нашей точки зрения на [русский] социализм» у Маркса тогда осталась неизвестной подавляющему большинству марксистов Европы (письма к Засулич были опубликованы лишь в начале 30-х гг. XX в.).

Конечно, Ленин был хорошо знаком с этими Марксовыми оценками «грубого коммунизма» (помните, из его «Завещания» — «Сталин слишком груб...»).

Но в начале, в 1917—1920 гг., как и многие другие левые социал-демократы Европы, он разделял иллюзии, что Первая мировая война станет детонатором всеобщей мировой пролетарской революции, достаточно разорвать одно слабое звено (Россию) в мировой цепи империализма.

Когда же этого не случилось (хотя Ленин до самой смерти так и не освободился от этой химеры), им были придуманы «прочные мостки» через госкапитализм к социализму — нэп, которые (мостки) никакой Маркс и никакие марксисты придумать не могли (из выступления на XI съезде РКП(б) в 1922 г.).

Но фактически это (нэп) и означало строительство социализма в одной отдельно взятой стране, т. е. *возврат* к государственному строительству на территории урезанной Российской империи.

И вся проблема была уже не в том — первым ли этапом мировой революции являет революция Октябрьская, или она с самого начала была узконациональной, а какими руками (чужими — нэповских «спецов») или своими (сталинских наркомов и надсмотрщиков НКВД в ГУЛАГе) строить этот «социализм/госкапитализм»?

Это в свое время заметили не только во «второй России» (в белоэмиграции — В. В. Шульгин, П. Н. Милюков и др.), но и на «просвещенном» Западе. В малоизвестном широкому читателю интервью спецкору английской газеты «Манчестер гардиан» А. Ронсону в самом конце 1922 г. Ленин явно колеблется в ответе на вопрос журналиста: «Не может ли быть, что большевики идут назад, к чему-то вроде «феодальной диктатуры»?»

Ленин, разумеется, оптимистически отвечает: «Никак не может быть, ибо мы медленно, с перерывами, с шагами назад от времени до времени, [но] поднимаемся по линии государственного капитализма. А это — линия, ведущая нас вперед, к социализму и к коммунизму (как высшей ступени социализма), а никоим образом незад к феодализму» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 263).

Прав, конечно, Шульгин: Ленин и Троцкий никогда не бросят своего «мешка — социализма», и он «их раздавит».

А вот Сталин этот «мешок» выбросит сразу, как только с 1929 г. захватит единоличную власть в партии и государстве.

Хотя до 1939 г. и XVIII съезда ВКП(б) будет постоянно клясться в верности Ленину, Марксу и Энгельсу. Но в 1939 г. отмежуется от двух последних, разгромив Энгельса за его статью «Внешняя политика русского царизма».

Ну а во время Великой Отечественной Маркса и Энгельса вообще вычеркнут в лозунгах ЦК ВКП(б) к первомайским и октябрьским призывам, заменив на Суворова с Кутузовым да на Минина с Пожарским.

Вот уже воистину — «нам не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 405).

А Сталин этой нехватки не ощущал: уже в 1934 г. он провел XVII «съезд победителей социализма», а в 1936 г. по случаю принятия своей «сталинской» конституции заявил, что «социализм в СССР в основном построен».

Ленин уже в сентябре 1917 г. отказывается от своей «кухарки», которая якобы способна научиться управлять государством (цитату нашел и опубликовал в 1991 г. Симония): «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка (?!) *не способны* сейчас же вступить в управление государством» (*Там же.* Т. 34, с. 315).

У Сталина же и «чернорабочий» (шахтер Стаханов), и «кухарка» (трактористка Паша Ангелина) вполне способны, как и мухинские «Рабочий и колхозница», сойди они с пьедестала.

Современный апологет Сталина *Юрий Емельянов*, сам того не подозревая, дает убийственную картину того «стратегического» руководства, к методам которого прибегал «вождь всех времен и народов». Оказывается, Сталин страсть как любил новые типы вооружений. Но на полигоны ездил редко: образцы — танки, самоходки, пушки и т. п. — доставляли ему прямо «на дом», в Кремль. И вот автор, со слов и из воспоминаний своего отца, одного из «сталинских наркомов», приходит в телячий восторг от того, что Сталин в присутствии членов Политбюро, генералов РККА и оружейников... ложится на пол своего кабинета и примеряется к стрельбе из автомата через специальный броневой щиток, установленный на лыжах (дело было во время советско-финской зимней войны 1939/40 г.).

Автор просто заходится от счастья — какой вождь, как он конкретно руководит, не стесняется при подчиненных лечь на пол... Но ведь еще княгиня Дашкова упрекала Петра Великого: негоже царю самому лазать по мачтам парусников с топором — его удел в другом: руководить державой, а не топором махать.

Нет, заочно возражает Ю. В. Емельянов княгине, именно «топором махать» и есть государственная мудрость при азиатском способе производства, иначе все разворуют и к войне не подготовятся. И в подтверждение приводит целую подборку из воспоминаний «сталинских наркомов» — председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова, авиаконструктора А. С. Яковлева, дипломата «сталинской школы» из агрономов А. А. Громыко, сталинского холуя-публициста Корнелия Зелинского, наркомтяжпрома И. Ф. Тедовосяна и др., заключая этот мартиролог цитатой из «нашего все» — А. С. Пушкина о том, что «государство без полномощного монарха то же, что оркестр без капельмейстера...» (Цит. по: *Емельянов Ю. В.* Указ. соч., т. 2, с. 52).

Но, насколько известно из истории, ни один русский царь после Петра I не ложился на пол в своем кабинете в Зимнем дворце и не рассматривал подковы на лошадиных копытах, для чего живого коня специально втаскивали бы во дворец, как лошадь Калигулы — в древнеримский сенат...

БОЖЕСТВО ИЗ КРОКОДИЛА

Откликаясь в 1924 г. на смерть Ленина, будущий всемирно известный социолог Питирим Сорокин, бывший эсер и технический секретарь-референт главы Временного правительства в 1917 г., высланный Лениным и Троцким на «философском пароходе» в 1922 г. из Советской России за границу, писал в американском журнале «Current History»: «Многие наивные и неумные люди, слушая высокопарные надгробные слова, рассматривают Ленина как величайшего позитивного героя своего времени. Я уверен также, что среди будущих историков найдутся некоторые «умные» ученые, которые... «сделают из этого крокодила божество»[1].

И такие «умные» ученые, разумеется, нашлись, и не только для «крокодила № 1» (Ленина), но № 2 — Сталина.

Один из наиболее серьезных современных аналитиков «феномена Сталина» Юрий Емельянов и сегодня относит «зодчего» к числу корифеев марксизма-ленинизма, что, по нашему мнению, совершенно неверно — ни в марксизме, ни в «социализме в одной стране» Сталин своего «пороха» не выдумал. То, что в 1939 и в 1952 г. Сталин наскакивал на Маркса и особенно на Энгельса, ибо «жизнь заставляла его не раз пересматривать оторванные от жизни теоретические положения марксизма» (Ю. В. Емельянов), на практике являлось не теорией, а грубой прагматической пропагандой.

В 1939 г., атакуя Энгельса за его «Внешнюю политику русского царизма», Сталину надо было оправдать «теоретически» поворот на 180° СССР от борьбы с фашизмом к союзу с Гитлером.

В 1952 г. в своей брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР» ему точно так же надо было «теоретически» оправдаться перед мировым коммунистическим движением в полном провале в СССР основного постулата классического марксизма о «стирании граней» между городом и деревней. О каком «стирании» могла тогда идти речь, если и сегодня не только деревня, но и малые города России и СНГ, как и триста лет назад, топят печку дровами, бабы по-прежнему полощут белье в речке, а все вместе бегают по нужде в холодный туалет типа сортир?

---

[1] Цит. по: «Философский пароход» (путеводитель к выставке «Высылка интеллигенции из Советской России в 1922 году»). М., 2003, с. 8.

А вот в Европейском союзе без всякого марксизма и тем более сталинизма эти «грани» давным-давно стерли, как и разницу в оплате физического и умственного труда.

Ю. В. Емельянов пытается возвысить *теоретический гений* Сталина путем противопоставления вождя его тогдашнему окружению — Молотову, Микояну, Андрееву и т. д. Конечно, на фоне Буденного или Ворошилова, не говоря уже о Хрущеве, он действительно выделялся: ведь все его т. н. «соратники» были серые «практики», исповедующие «узкий практицизм и беспринципное делячество» (из «Основ ленинизма» Сталина). Но кто привел этих дремучих недоучек к власти вместо Троцкого, Бухарина, Сокольникова, Раковского и других образованных большевиков — разве не «теоретик» Сталин? Так зачем же на зеркало пенять?

Тем более что большевизм как якобы «русскую версию марксизма» давным-давно развенчали (и именно *теоретически*) все тогдашние лидеры европейской социал-демократии, начиная с «ренегата» Карла Каутского и кончая «меньшевиком» Георгием Плехановым.

Да и молодые российские ученые, впоследствии ставшие корифеями мировой науки, в частности, все тот же Питирим Сорокин, еще в 20-х гг. прошлого века разобрались и в ленинизме, и в будущем сталинизме. Выступая на торжественном собрании 21 февраля 1922 г. по случаю 103-й годовщины со дня основания императорского Петербургского университета, его тогдашний профессор *П. А. Сорокин* не побоялся публично заявить: «Пора усвоить и другое: одно насилие никогда не ускоряет движение к далеким вершинам идеального. Вместо ускорения оно лишь замедляет его. Примером в нашей истории может служить эпоха Петра, не давшая ничего, кроме пышного фасада, закрепостившая сильнее народ и погрузившая его на полтора столетия в бездну невежества и бесправия. То же случилось и с нами: поспешив, мы очутились не в XXII столетии, а в XVIII веке... Словом, хорошо и прочно строится лишь то, что строится исподволь и постепенно, а не по «щучьему велению», не путем конвульсивных и смелых разрушений старого дочиста». (Цит. по: «Философский пароход», с. 8).

П. Сорокин был далеко не одинок в критике «божества из крокодила».

Еще в 1920 г. будущий великий английский математик и лауреат Нобелевской премии по литературе (1950 г.), борец за мир и один из инициаторов Пагуошского движения ученых против атомной гонки вооружений *Бертран Рассел* (1872—1970), посетив Советскую Россию и встретившись с Лениным, Троцким и Максимом Горьким, в том же году выпустил в Лондоне брошюрку «Практика и теория большевизма» (через 70 лет переведена на русский язык и издана в Москве), где без обиняков писал: «Большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия со своими догматами и священными писаниями».

Независимо от Б. Рассела ту же мысль («большевизм — это религия, со свойственной всякой религии фанатизмом и ложью») повторил еще один великий человек — русский философ Николай Бердяев на допросе в ВЧК у Дзержинского незадолго до своей высылки в 1922 г. за границу на «философском пароходе».

По приезде в Берлин Бердяев 7 ноября 1922 г. (в пятую годовщину Великого Октября!) пишет в Лондон своей старой приятельнице кадетке Ариадне Тырковой-Вильямс пространное письмо, в котором утверждает: «Большевизм есть духовное явление и духовная болезнь (?! — *Авт.*); эту болезнь нельзя излечить кавалерийской дивизией» (т. е. иностранной военной интервенцией, на чем и в 20-е гг. первоначально настаивала неистовая кадетка. — *Авт.*).

Эту ключевую мысль — «большевизм есть духовная болезнь», и лечить ее надо «изнутри», а не «извне» — Бердяев будет затем упорно развивать во многих своих

эмигрантских трудах («Новое Средневековье», «Философия неравенства», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Самопознание. Опыт философской автобиографии» и др.), а также на страницах журнала «Новый град» в 30-х гг., издаваемого им совместно с другим религиозным философом *Георгием Федотовым*.

Из письма к Тырковой видно, что еще в 1922 г. Бердяев видел печальный конец большевизма в России: с мировой революцией они уже провалились, и пока Ленин с Троцким «смогли создать только «нэп», т. е. плохонький и уродливый буржуазный строй».

И далее — гениальное: «большевизм может существовать только под колпаком в состоянии изоляции (вот она, сталинская «осажденная крепость»! — *Авт.*). [Но] он погибнет от свежего воздуха, от взаимодействия с мировыми силами» (вот вам и «освободительный поход» Красной Армии в 1944—1945 гг. в Европу! — *Авт.*).

И, наконец, самое гениальное предвидение гениального философа: «Большевизм лишается всякого ореола, когда прекращается возможность агитации против «буржуазной» Европы, берущей измором «социалистическую» Россию» (письмо Бердяева впервые было опубликовано только в 1995 г. — журнал «Исторический архив», 1995, №3, с. 179—181).

Сначала Сталин в 1943 г. «прекратил агитацию», исходя из геополитических интересов СССР по расширению территории своей империи и созданию «буфера» в Центральной и Балканской Европе, разогнав Коминтерн. А через 45 лет М. С. Горбачев вообще разбил «колпак» и впустил «свежий воздух», который погубил и «соцлагерь», и СССР, и самого первого союзного Президента как политического лидера.

ЕВРОПЕЙСКИ ОБРАЗОВАННЫЕ УЧЕНЫЕ РОССИИ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

Для Бердяева, Сорокина и сотен других профессоров из дореволюционной России «свежий воздух» подлинной науки был не в диковинку. И когда этим образованным, знающим несколько европейских языков российским профессорам от имени Ленина предлагалась немудрящая схемка церковно-приходских «батюшек» для «братьев наших меньших» — деревенских «азбучно неграмотных» мужиков и баб: ВЕРУЙ, НО НЕ УМСТВУЙ, они ее отвергали. Но те, что с этим примитивом в лице «новых помещиков» — большевиков, не соглашался, высылались из страны поездом или пароходом при Ленине с Троцким, или ставились к стенке и гноились в ГУЛАГе — при «теоретике» Сталине.

Ленин, который лично обратил внимание Сталина на статью Сорокина в журнале «Экономист» (1922, №1) о социологических последствиях Первой мировой войны для России и сразу сообразил, что он лично как экономист со своей компилятивной подделкой «Развитие капитализма в России» шнурка не стоит на ботинке 33-го социолога, ответил Сорокину обычными своими политическими ругательствами, ныне хорошо известными из литературы о «философском пароходе»: «Нет сомнения, что и этот господин (Сорокин. — *авт.*), и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины»[1].

---

[1] Цитату приводят: *Артизов А. Н.* Очистим Россию надолго (из ленинского письма Сталину). К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы, 2003, № 1; *Главацкий М.* «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург, 2002; *Христофоров В. С.* «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. // Новая и новейшая история, 2003, № 2.

Из всего реального теоретического наследия марксизма Ленин со Сталиным наследовали именно «грубиянский коммунизм», в котором, по Марксу, ядро составляла *власть зависти* «экстерната» (по современному, заочника) Ленина и совершенно безкультурного в науке недоучки-семинариста Сталина, который к своим «теориям» пришел «задним умом» сына сапожника-алкоголика.

Сталинский «социализм в одной стране» воплотил именно антимарксизм, на который с беспощадной откровенностью указывал еще Маркс в своих ранних (1844 г.) трудах: языческое преклонение перед «общностью труда» и «равенством в заработной плате».

Именно зависть «экстерната» к по-настоящему умным и образованным ученым — подлинным русским интеллигентам, таким, как философ *Николай Бердяев* (если бы не преждевременная смерть весной 1948 г., он наверняка осенью того же года стал бы очередным русским лауреатом Нобелевской премии) или все тот же социолог *Питирим Сорокин*, перед которым и сегодня преклоняется весь социологический научный мир, подвигла Ильича на высылку из Советской России в 1922 г. «дипломированных лакеев поповщины».

А дремучая научная необразованность Сталина, которому, как и Хрущеву позднее, оказался гораздо ближе шарлатан, «народный академик» Трофим Лысенко, а не подлинный ученый-генетик академик АН СССР *Николай Вавилов*, которого Сталин сгноил в тюрьме, лишив Отечество и весь мир гениального спасителя человечества от голода (от него и сегодня страдают миллионы жителей «третьего мира» в Африке и Азии), отбросило СССР на десятки лет назад в продовольственной политике, приведя к хрущевскому позору — импорту с 1961 г. зерна из-за границы.

Не понял Сталин не только генетики, но и кибернетики, что также привело к огромному отставанию СССР от мировой компьютерной революции, а значит — и к военно-техническому отставанию.

Нынешние апологеты сталинизма тщательно обходят тот ныне хорошо известный факт, что выдающиеся российские умы — академики *Владимир Вернадский* и нобелевский лауреат *Иван Павлов* — резко критиковали большевиков именно за интеллектуальное убожество; научное знание им сначала заменял «революционный церковный большевизм» («мы будем штамповать новых людей, как пуговицы на фабрике», — Н. Бухарин), а затем семинаристские «сталинские щепки» («Лес рубят — щепки летят»).

Но при любом варианте у «ленинских» и «сталинских» большевиков начисто отсутствовали нравственные начала политики, которые им сначала заменяла «революционная целесообразность», а затем биологические навыки «пауков в банке», где главным был прием — кто первым укусит и сожрет соперника по Политбюро?

В реальной же жизни никакой — ни «марксистской», ни «антимарксистской» — теории у большевиков не было и в помине (если, конечно, не считать за таковую голую жажду захватить власть, которая, по Ленину, «валялась в грязи» — но тогда к «теоретикам» следует отнести и Стеньку Разина, Ивана Болотникова или Емельку Пугачева).

Как мы уже не раз отмечали выше, ссылаясь на мемуары другого очевидца бурных событий 1917—1918 гг. — дипломата Георгия Михайловского-младшего, — обе революции, и Февральская, и Октябрьская, очень быстро «обрусели», фактически превратившись в «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

И скажите мне, в какой Германии даже не нацисты — добропорядочные бюргеры из «веймарских демократов» стали бы, как в России после начала «первого этапа Всемирной Пролетарской Революции» — Октября, отдавать «на поруки» трудовым коллективам (сиречь «профсоюзам» привратников, полотеров, вахтеров и т. п.

«пролетариям») записного реакционера-черносотенца Владимира Пуришкевича или отпускать «под честное офицерское слово» генерала и атамана Войска Донского Алексея Каледина на свободу, а совершенно безобидного консервативного публициста и бывшего царского морского офицера М. О. Меньшикова на глазах его шестерых малолетних детей публично расстреливать на берегу Валдайского озера осенью 1918 года?

И что же такого писал этот «записной реакционер» против революции, чтобы его без суда и следствия ставить к стенке? Например, в статье в суворинской газете «Новое время» «Россия продана Западу» (1900 г.). А вот что: «Запад поразил воображение наших верхних классов... Народ наш хронически недоедает и клонится к вырождению, и все это для того только, чтобы поддерживать блеск европеизма, дать возможность небольшому слою капиталистов идти в ногу с Европой...

Из России текут реки золота на покупку западных фабрикантов, на содержание более чем сотни тысяч русских, живущих за границей, на погашение долгов и процентов по займам...»

Современный читатель удивится — так это же чистейшей воды ленинизм: Россия — колония западного империализма! За что же расстреливать публициста, да еще на глазах его детей?

А за что расстреляли в 1921 г. поэта Николая Гумилева, вот уж совсем не монархиста?

Да ни за что — за то, что носил шляпу и галстук. А расстрельные команды 1918 и 1921 г. «академиев» с «гимназиями» не кончали, стихов и газет отродясь — по «азбучной неграмотности» — не читали, разве что газетки на самокрутки пускали.

Вот почему немецкие бюргеры, как и нацисты, даже такого «марксистского» термина — «на поруки» — отродясь не слышали.

То-то левый меньшевик Юлий Мартов, один из основателей РСДРП и в молодости друг Ленина, в 1918 г. с ужасом писал за границу другому меньшевику — Аксельроду (Староверу) — о «пугачевском» понимании классовой борьбы» и «аракчеевском» внедрении социализма.

Будучи в теории марксизма «гениальным оппортунистом» (А. В. Луначарский до 1917 г.), Ленин ради сохранения личной власти был столь же талантливым оппортунистом-*тактиком*.

После неудачной попытки прорваться в будущую «Советскую Германию» через Польшу в июне — августе 1920 г. Ленин, как уже неоднократно отмечалось выше, понял: «конечно, мы провалились». Он еще продолжает, как образно выразился Шульгин, «трубить Интернационал», но «для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась». И «не удалось» не столько в чисто военном отношении под Варшавой, а много шире — польский и германский пролетариаты свое «первое отечество» не поддержали — верх взял национализм и дух мещанского бюргерства.

И хотя «на людях» — на IX партконференции РКП(б) в сентябре 1920 г. — успокаивая делегатов («чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе»), Ленин продолжает «трубить Интернационал» (его речь на партконференции о новой атаке на капитализм, опубликованная только в 1998 г.), фактически он начинает искать «запасной аэродром» для аварийной посадки запущенного им самим 7 ноября 1917 г. в небо без навигационных приборов и связью с землей огромного аэроплана «мировой революции» — «бензин» (людские ресурсы Советской России) у того уже был на исходе.

А Ленин не для того столько лет рвался к власти, чтобы вдруг так нелепо, когда уже не то что синица — журавль в руках, со всего маха шмякнуться об землю: ведь в его

аэроплане никто, даже он сам, не запаслись парашютами «социализма в одной стране». А зачем? Сначала «ввяжемся в бой» (взлетим), а там посмотрим...

Скорее всего, если бы пилотом этого «аэроплана» был Зиновьев, так оно и случилось бы — «летадло», как говорят чехи, врезалось бы в землю, как только кончилось горючее.

Но «пилот» Ленин сумел спланировать и посадить «зракоплав» (это уже хорваты) на поляну нэпа, да так, что и все пассажиры остались живы, кроме самых фанатичных доктринеров, которые, выйдя целыми и невредимыми из аэроплана, тут же покончили самоубийством в знак протеста, что их «авион» (французы) не долетел до «Советской Германии».

Точно так же и Сталин, увидев, что нэп — это прежде всего угроза его *личной власти* в партии и государстве (всякие там «спецы-хорьки» из недовысланных в 1922 г. — кондратьевы, чаяновы, юровские и прочие «жиденята»), поменял «всю нашу (т. е. его лично) точку зрения на социализм» — в 1929 г. «послал нэп к черту» и начал строить свой антимарксистский «грубиянский коммунизм», т. е. гулаговский «монастырь» с двухэтажными нарами «подворий» для своих «паломников» — «братьев его меньших» — колхозников, «красных» ИТР, «краскомов» РККА, которым уже с 1931 г. начал выделять личный транспорт (лошадь, как когда-то бывало у царских офицеров) и селить даже младших лейтенантов не в казармах вместе с красноармейцами (как было при Троцком), а отдельно — в «командирских» домах или военных городках, т. е. заново воссоздавать офицерский корпус «золотопогонников».

С тех далеких времен «чистили Россию» от интеллигенции неоднократно — менялись лишь методы. При Брежневе, например, уже не Соловками (хотя и это бывало), а «психушками». При «царе-алкоголике», «дирижере» немецкого военного оркестра в Берлине — костлявой рукой голода (месяцами не платили зарплату учителям, врачам, задерживали пенсию старикам), да еще за «неуплату» отключали электричество, тепло и воду якобы в интересах «рынка».

И в самом деле — а что тут считаться с таким «дипломированным лакаем поповщины», как, скажем, академик А. Д. Сахаров? Сгноим его в Горьком, раз уж нельзя выслать, как Солженицына или Буковского, на «философском пароходе» (самолете)...

Ведь «византийский чин» управления Россией не менялся со времен Ивана Грозного, и еще Максимилиан Волошин в Гражданскую писал:

Великий Петр был первый большевик...
Он, как и мы, не знал иных путей
Опричь указа, казни и застенка...

СТАЛИНСКИЙ HOMO SOVETICUS

С началом хрущевской «десталинизации» в 1956 г. и ее «второго этапа» — горбачевской перестройки» с 1985 г. вся деятельность сталинского руководства в 1934—1939 гг. была сведена лишь к одному — репрессиям. И вся законодательная деятельность 30-х гг. — расширение прав (в том числе — и хозяйственно-финансовых — свой бюджет, законы 1928—1934 гг.) местных органов власти (республиканских, областных, районных — им передавались в подчинение даже промышленные предприятия), отказ от диктатуры пролетариата в конституции 1936 г., неупоминание в ее тексте термина социализм (а лишь «принципов социализма»), отсутствие всякого намека на руководящую роль партии в той же конституции (в отличие от брежневской 1977 г.) и т. д. (на все эти метаморфозы после долгого перерыва в 2000 г. обратил внимание историк *Ю. Н. Жуков*. Указ. соч., с. 22—32) — свелась лишь к «сталинской

демагогии» и анекдотам эпохи Сталина (см. сб. анекдотов времен горбачевской перестройки «Сталиниада», составитель Юрий Борев).

Вряд ли эту «демократическую» оценку — «сталинская демагогия» — таких «борцов» за права человека», как «бабушка русской контрреволюции» Валерия Новодворская и иже с нею, разделили бы дети и внуки «лишенцев» эпохи диктатуры пролетариата 1918—1935 гг. Ведь по закону от 29 декабря 1935 г. снимались все «классовые ограничения» для поступления в вузы и техникумы детей священников, купцов, бывших царских чиновников, дворян и т. д. 20 апреля 1936 г. аналогичным образом было отменено «поражение в правах» для казачества: отныне они могли голосовать на выборах и даже быть избранными в местные советы, служить, наконец, в РККА и т. д.

Конечно, многое их этих мер «восстановления в гражданских правах» было продиктовано интересами внешней политики — ведь в 1934 г. СССР вступил, наконец, в Лигу Наций. Сталину, как когда-то Наполеону Бонапарту, важно было с 1934 г. показать, что с «химерами мировой революции» в СССР навсегда покончено, и огромная страна становится державой «нормального порядка».

Ведь и Бонапарту при урегулировании международных проблем с лидерами антифранцузских коалиций сильно мешала былая слава «сына века Просвещения» и «Робеспьера на коне». Заявив при захвате власти 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. — «Революция закончилась, забудьте!», — он далеко не сразу убедил в этом феодальную Европу.

Сталин публично никогда таких фраз не произносил, но уже с 1936 г. в беседах с иностранными корреспондентами (с Роем Говардом из США, например) отмежевывался от главного идеологического постулата первых большевиков — об Октябрьской революции как первом этапе Мировой пролетарской революции.

Показательным стал и сталинский разгон с 1932 г. «коминтерновских» объединений по «классовому признаку» — всех этих РАППов («пролетарских» писателей), АХРРов («революционных» художников), РАПМов («пролетарских» музыкантов) и т. п., а заодно «марксистских обществ» историков, философов, экономистов и т. д.

С 1934 г. создаются единые союзы писателей, художников, архитекторов, композиторов и др. Один за другим закрываются Общество старых большевиков, Общество каторжан и ссыльнопоселенцев, в середине 30-х гг. — эсперантистов, хотя Коминтерн и его «дочерние конторы» еще остаются.

Параллельно идет закрытие и «классовых» органов «пролетарской печати» — журналов «Пролетарская революция», «Печать и революция», «Безбожник от станка», «Театр и революция» и т. д., или их переименование. Так, журнал «Интернациональная литература» становится «Иностранной литературой», журнал «Историк-марксист» превращается в «Исторический журнал» и т. п.

В мае 1934 г. постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР восстанавливается преподавание общегражданской истории в школах и вузах вместо прежней «классовой», а в университетах впервые после 1919 г. появляются истфаки (вместо ФОНов — факультетов общественных наук). В 1935 г. объявляется всесоюзный конкурс на лучший школьный учебник по гражданской истории СССР.

Однако все эти меры еще носят половинчатый характер: Коминтерн и его многочисленные филиалы за границей по-прежнему функционируют (а в 1935 г. в Москве пройдет VII — и последний — Всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала), репродукторы в городах на высоких столбах по-прежнему в 6 часов утра открывают трансляцию гимном СССР — «Интернационалом», да и само радио все еще имеет приставку — «имени Коминтерна».

Красное знамя с красной же звездой и серпом и молотом — все еще официальный стяг СССР, но после принятия «сталинской» конституции бывшие «коминтерновцы» вдруг замечают — на прежнем гербе СССР на опоясывающих его ленточках... исчезли надписи на английском, французском, немецком и т. д. языках, а вместо них лозунг — «пролетарии всех стран — соединяйтесь!» пишется... на языках союзных республик СССР.

Однако вытравить из массового сознания «пролетарскую солидарность» и тоску по «мировому СССР» было не так-то просто. Гражданская война в Испании в 1936—1939 гг. и участие в ней советских добровольцев, приезд в СССР испанских детей воспринимаются «совком» как продолжение идеалов мировой пролетарской революции.

Даже в канун Великой Отечественной войны, весной 1941 г., популярный в те времена комсомольский поэт Павел Коган публиковал в «Правде» такие стихи»:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях —
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя
(«Мировой» СССР. — *Авт.*).

Да что там какой-то комсомольский поэт с его мечтой «дойти до Ганга» — печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» в редакционной статье по случаю нового, 1941-года публикует такие сентенции: «Велика наша Родина, товарищи: самому земному шару нужно вращаться девять часов, чтобы вся огромная страна вступила в новый год своих побед. Будет время, когда ему понадобится для этого не девять часов, а круглые сутки, потому что каждый новый год — это ступень к коммунизму, к братству народов земного шара. И кто знает, где придется нам встречать новый год через пять, через десять лет: по какому поясу, на каком новом советском меридиане? С какой новой советской страной, с каким новым советским народом будем мы встречать новый год?..»

Но при всем этом в сознании и памяти многих рядовых советских людей, семьи которых не затронули сталинские репрессии 1928—1938 гг., довоенное время осталось как самое счастливое. И дело, конечно, было не только в официальной сталинской пропаганде — «жить стало лучше, жить стало веселее», и не в «американизированных» фильмах типа «Волга-Волга», «Цирк», «Чапаев» и других, в раздутой эпопее спасения «челюскинцев» и полетах Чкалова — Байдукова — Белякова через Северный полюс в Америку.

Примерно с середины 30-х гг., особенно в городах, заметно поднялся, по сравнению с прежним, «деревенским», жизненный уровень, укреплялась сеть яслей — детских садов — пионерлагерей, «красных спецов» — инженеров и техников — регулярно до войны по бесплатным путевкам отправляли в дома отдыха и санатории к Черному морю (сужу по своему отцу), расширялась система бесплатного здравоохранения и образования. Да, подавляющее большинство городского населения жило в коммуналках с надписью под кнопкой — «Ивановым — пять звонков». Но эти вчерашние крестьяне — разве в родной избе имели они отдельную комнату для каждого члена семьи? Нет, эти бывшие мужики ценили не индивидуализм, а свет, тепло, водопровод (Маяковский даже воспевал «дырчатую тучку» — душ в коммунальной квартире).

В преддверии предстоящих думских выборов в декабре 2003 г. первый канал ТВ показал любопытный телефильм Алима Юсупова «Пейзаж перед битвой» (сентябрь 2003 г.). Среди прочих участников этого сериала — «электорат» из дома престарелых — «бабушки революции», старые большевички довоенной и военной поры, все как одна — сталинистки. Те времена они вспоминают с радостью и ностальгией.

Думается, такая реакция закономерна. Ведь очевидный отказ от доктрины мировой революции (наиболее наглядный юридический документ — «сталинская» конституция СССР 1936 г.) вовсе не означала «реставрации», «термидора», т. е. возврата к положению до октября 1917 г., на что так в 20-х гг. надеялись внутренние и внешние «сменовеховцы» и о чем в эмиграции в 30-х гг. постоянно писал Троцкий.

Возникало некое новое состояние общества — не дореволюционное и не доктринерско-марксистское (т. е. «троцкистское»), а нечто среднее, центральной низовой фигурой которого, по более позднему определению известного советского философа-диссидента Александра Зиновьева, стал homo soveticus.

Этот homo вышел не из дворянской, но и не из крестьянской культуры — он питался соками промежуточной посадской (мещанской) субкультуры, не слишком надрываясь на работе, но и не нарушая существующие законы и тем более не играя «в политику» (что при Сталине означало рассказывание политических анекдотов в курилке). Это было общество своеобразной «монастырской братии» (вспомним у Николая Гоголя о России Николая I: «Вся страна — один сплошной монастырь»), где каждый, не владея ничем, обязан был соблюдать сталинский монастырский «устав». При этом действия «иерархов» — сталинской партхозноменклатуры и ее «папы» (самого Сталина) «братия» никакой критике подвергать не смела.

Словом, Сталин идеально воплотил в жизнь гениальное открытие историка В. О. Ключевского еще до всех катаклизмов 1914—1929 гг.: ВЕРУЙ, НО НЕ УМСТВУЙ. И этот догмат «отцов» православной церкви недоучившийся семинарист в разгар Великой Отечественной войны довел до логического конца.

ВЕРУЙ, НО НЕ УМСТВУЙ

Итак, уже к 1939 г. в СССР свершилась кардинальная ломка прежних «коминтерновских» структур.

Идеологически была окончательно выброшена за борт доктрина мировой пролетарской революции (хотя в партийной печати до 1941 г. «трубили Интернационал»), а ее еще остававшиеся в СССР живые носители — «старая партийная гвардия» — в результате кровавых спектаклей на московских процессах 30-х гг. была почти вся уничтожена.

В управлении государством также произошли огромные изменения. Ликвидация нэпа привела в 1932 г. к ликвидации его «генерального штаба» — ВСНХ. Его полномочия были розданы новым наркоматам (тяжелой, легкой и лесной промышленности), общее число которых с 1935 г. возросло по сравнению с «нэповским» периодом почти вдвое — с 10 до 18, причем усмотреть в этом «размножении» какую-то логику было подчас довольно трудно (например, создание в 1930 г. двух параллельных наркоматов путей сообщения — железнодорожного и водного). При этом, как и в гуманитарной сфере (закрытие «классовых» ассоциаций и «коминтерновских» журналов), «пролетарские» наркоматы — труда, рабоче-крестьянской инспекции, ЦСУ — были упразднены. Сталинский этатизм в этой сфере выразился в том, что «труд» отдали в ведение ВЦСПС, РКИ с февраля 1934 г. — в Комиссию советского контроля при Совнаркоме СССР, но при этом отобрав у нее большую часть функций РКИ в пользу Прокуратуры СССР (учреждена в новом качестве в июне 1933 г.).

Однако все эти реорганизации во всех сферах отражали нечто большее, чем финал борьбы за власть в партии и государстве — с 1934 г. Сталин и без всяких структурных изменений был уже полновластным ХОЗЯИНОМ в стране. Нет, он явно стремился создать в СССР нечто свое.

К началу 30-х гг. было уже ясным, что из первоначальной задумки Ленина («Государство и революция») о новой «коммунистической цивилизации» — «бесклассовом» обществе, «новом» человеке, «объединении» пролетариев через мировую пролетарскую революцию вокруг своего «Первого Отечества» — СССР и т. п. — ничего не вышло (*«Конечно, мы провалились».* — Ленин). Его преемники, правда, продолжали «трубить Интернационал» (Шульгин). Бухарин и в 1934 г. писал о «преодолении классов» в СССР, о «подъеме» крестьянства до уровня пролетариата с тем, чтобы и рабочий, и крестьянин затем «растворились в бесклассовом обществе».

Исповедуя основной тезис Маркса о «насилии как повивальной бабке истории», большевики вначале за исторически короткие сроки с помощью диктатуры пролетариата и мировой революции надеялись быстро переделать не только Россию, но и весь остальной земной шар.

Эволюция их провала косвенно отражается в принимаемых ими конституциях. Конституция 10 июля 1918 г. фиксирует всеобщую «пролетаризацию» — «не трудящийся да не ест!» и вводит всеобщую трудовую повинность «в целях уничтожения паразитических слоев». Последующие законодательные акты — КЗоТ 10 декабря 1918 г., «Обращение»-декрет ВЦИК 3 февраля 1920 г. и др. — лишь развивали эти статьи конституции 1918 г.: «Провозглашенный в Советской Конституции принцип всеобщей трудовой повинности должен отныне стать живым делом. Все трудоспособные должны быть мобилизованы для производительного труда. Рабочие, красноармейцы, крестьяне должны сплотиться в одну великую всероссийскую трудовую артель» (из декрета ВЦИК 3.02.1920 г. — «Декреты Советской власти», т. 7. М., 1975, с. 190).

Через четыре года, в июле 1924 г., от этой химерической «трудовой артели» в новой конституции не осталось и следа, но еще сохранялась «мировая революция», плацдармом которой оставался СССР.

Прошло еще двенадцать лет, из «сталинской» конституции 1936 г. испарились и «трудовая артель», и «мировая революция».

Более того, по команде Сталина, с января 1936 г. в партийной печати СССР начинается широкая пропагандистская кампания против «формализма» (сиречь — «классового подхода», коминтерновской левизны» и т. п.). «Правда» начинает публикацию целой серии статей с хлесткими заголовками типа «О художниках-пачкунах» (1 марта 1936 г.), «Балетная фальшь» (6 февраля), «Скажи-ка дядя» и др., где подтекстом звучит осуждение «неистовых пролетарских ревнителей» в искусстве, истории Бородинской битвы 1812 года и др. При этом достается и «случайным» людям типа *Дм. Шостаковича* («Сумбур вместо музыки» — «Правда», 28 января 1936 г.), попавшим под руку (а как же: «Лес рубят — щепки летят»).

Хозяин наводит порядок и в этой «культурной сфере». 17 января 1936 г. вместо слабосильного в смысле идеологического контроля Наркомпроса СССР во главе с милейшим А. В. Луначарским (1875—1933 гг.), в 20-х гг. лучшим другом всех этих «формалистов» — футуристов, «ничевоков», РАППов и АХРРов, создается Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР. В опубликованном в «Известиях» «Положении» об этом еще одном сталинском «наркомате культуры» четко указывалось: новый Комитет обязан повседневно контролировать деятельность «театров и других зрелищных предприятий (?!), кино-организаций, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных и других учреждений», а также «учебных заведений, подготавливающих кадры работников театра, кино, музыки и изобразительных искусств» (цит. по: *Жуков Ю. Н.* Указ. соч., с. 27).

Но окончательно «гидру» мировой революции Сталин добьет в разгар Второй мировой войны. И снова, как и в 30-х гг. (вступление в Лигу Наций в 1934 г.), эта акция будет тесно связана с международными делами.

* * *

Любопытно отметить, что, как сравнительно недавно установил по партийным архивам историк и писатель Сергей Семанов, советские ученые-«коминтерновцы» активно пытались помешать в 1941—1944 гг. этому крутому повороту Сталина от «классовой борьбы» к великодержавности. Инициативу проявила академик Анна Панкратова, в 20-х — начале 30-х гг. активная участница «марксистской (коминтерновской) школы М. Н. Покровского» и «Общества историков-марксистов» (автор школьных учебников по истории СССР и редактор многотомных сборников документов о рабочем движении в России чуть ли не со времен Киевской Руси), затем публично отмежевавшаяся от своего учителя в двух сборниках статей против «антиисторической» (1939 г.) и даже «антимарксистской» (1940 г.) концепции Покровского[1] (как оказалось, лицемерно), но в годы Великой Отечественной войны путем писем в ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталину пыталась восстановить основные постулаты «классовой концепции» Покровского о России — «тюрьме народов» и «жандарме Европы» (письма из Алма-Аты в сентябре 1942 г.).

Панкратову, большевичку из Одессы с дореволюционным партийным стажем, активно поддержали «красные профессора» И. Минц и Н. Рубинштейн.

Формальным поводом к обращению в высшие партийные инстанции стал приказ начальника ГлавПУра (Главного политуправления Красной Армии) Л. Мехлиса от 10 декабря 1941 г. о замене коминтерновского лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на фронтовых газетах, листовках и т. д. на новый, патриотический — «Смерть немецким оккупантам!»

В соответствие с тогдашними партийными «правилами игры», Панкратова и ее единомышленники «сигнализировали» вождям о плохом поведении «нижних бояр» — зав. Управлением агитации и пропаганды аппарата ЦК ВКП(б) Г. Александрова (ставленник Жданова), декана истфака МГУ члена-корреспондента АН СССР А. Ефимова, акад. Е. В. Тарле и других[1].

Надо знать предвоенную расстановку сил на «историческом фронте», чтобы оценить иезуитски рассчитанный удар Панкратовой и К°. Скажем, декан истфака МГУ крупный американист Ефимов в 1939 г. был исключен из ВКП(б) как скрывший от партии свою «белогвардейскую» деятельность в контрразведке барона Врангеля в Крыму в 1919—1920 гг., но странным образом оставленный Сталиным после этого в составе АН СССР членом-корреспондентом и даже назначенный как бы в пику «коминтерновцам» в том же году деканом крупнейшего университета страны (предыдущего декана Фридлянда в 1938 г. репрессировали как «бухаринца», а самого Бухарина, в отличие от Ефимова, уже после расстрела посмертно 21 мая 1938 г. на Общем собрании АН СССР исключили из списка академиков и вывели из состава Президиума Академии).

По-видимому, Александров по согласованию со Ждановым организовал на доносы Панкратовой, Минца и Рубинштейна контрсигнал — письмо историков-державников

---

[1] См., например, статью А. М. Панкратовой «Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского» («Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сб. статей. М.—Л., 1939, с. 5—69), в которой были такие пассажи: «Так называемая «школа Покровского» не случайно оказалась базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных, антиленинских исторических концепций М. Н. Покровского».

Тарле, Ефимова и других в ЦК, в котором те категорически отвергали обвинения Панкратовой в адрес Тарле и Ефимова о «преувеличении наследия буржуазного историка В. О. Ключевского» (из письма одесской революционерки от 12 мая 1944 г. Сталину и Жданову).

По сведениям С. Семанова, эта «война сигналов» в 1941—1944 гг. была настолько острой, что Жданов якобы созвал в ЦК специальное закрытое совещание. Судя по тому, что в конце концов Панкратова покаялась, диверсия «коминтерновцев» не удалась (напомним, кстати, что в 1943 г. и сам Коминтерн «самораспустился»).

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНИЗМА

Результаты сталинского «социализма в одной стране» совсем не в теории, а в тех объективных последствиях сталинской коллективизации, индустриализации, гонки вооружений и, особенно, Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., полностью изменивших дореволюционную российскую экономику и социально-национальную «клетку» (структуру — Н. А. Бердяев) России. Та «Россия, которую мы потеряли» (Ст. Говорухин) как великая, но «аномальная» держава, ушла в прошлое (опустилась на дно, как легендарная Атлантида), но вместо нее возникла «новая Атлантида» — сталинская. Она снова во многом не совпадала с Западом и Востоком («два мира — две системы»), как и старая, но по другим параметрам.

Общим для обеих «атлантид» было одно — они не были ни Западом, ни Востоком, но остались на весь XX в. «азиопами».

По большому счету, позитивным явлением в государственной деятельности большевиков стала не их химера о мировой пролетарской революции (хотя памятником ей остался СССР, первоначально задуманный и построенный именно как плацдарм этой революции), а продолжение модернизации России.

Эта третья со времен Петра I модернизация прошла в 20-х — 30-х годах XX в. два этапа — ленинский «нэповский» и сталинский «гулаговский». Оба вождя большевизма использовали крестьянство как «внутреннюю колонию». Но «нэповские спецы» регулировали свои отношения с мужиком через рынок («ножницы цен»), не затрагивая внутреннюю структуру крестьянского *міра*, тогда как Сталин через коллективизацию сломал этот *міръ*, превратив колхозников в новых крепостных государства.

Общим же и в «ленинской», и в «сталинской» модернизации оставался старый «помещичий» принцип отношения к людям как «братьям нашим меньшим» — никакого уважения к человеческой личности.

Конечно, такая мобилизационная экономика с точки зрения державных и геополитических интересов имела немало преимуществ. Она, например, позволяла концентрировать государственные усилия на крупных технических проектах, за которые частный русский капитал до революции 1917 г. браться боялся: строительстве ГЭС на Днепре и на Волге, освоении Северного морского пути, мелиорации, химизации и т. д.

Та же экономика позволила выиграть Великую Отечественную войну, а после нее — создать атомную (военную и гражданскую) промышленность.

Именно несомненные военно-экономические успехи этой сталинской мобилизационной модернизации позволяют некоторым современным исследователям (Юрий Емельянов, Сергей Кара-Мурза с его «Советской цивилизацией» и др.) утверждать, что это и был в тех условиях единственный правильный путь России к прогрессу.

---

[1] *Семанов С.* Русско-еврейские разборки. М., Алгоритм, 2003, с. 22—23.

Увы, реальная жизнь подавляющего большинства населения СССР до 60-х гг. XX в. была очень далека от этой благостной картины.

Между тем, как мы уже не раз отмечали выше, ссылаясь на Бердяева, социальная клетка (структура) российского общества веками оставалась традиционной: не классовой, а сословной, причем государство управляло через законы, а сословия самоуправлялись через понятия, что создавало опасный параллелизм, чреватый разрушением всей конструкции Российской империи.

Японский философ Хакамада назвал российское общество до 1917 г. «цивилизацией песка», в отличие от «цивилизации камня» (Западня Европа и США) и «цивилизации глины» (Восток: Япония, Китай, Индия и др.).

Советский поэт Борис Слуцкий в период хрущевской «десталинизации» интуитивно отразил этот образ «России песка»:

Я строю на песке. А тот песок
Еще недавно мне скалой казался.
Он был скалой, для всех скалой остался,
А для меня — распался и потек.

(Написано в 1956 г., опубл. только в 1988 г.)

В итоге царским властям так и не удалось упразднить противостояние закона (в римско-каталическом значении) и понятий сословий (здравый православно-исламский смысл, идущий от Природы). Поэтому и к началу XX в. российское общество, по сравнению с Западом, оставалось крайне рыхлым, классово неорганизованным, да к тому же — как бы живущим на «островах» огромного архипелага под названием Русь.

Крайне низкий уровень жизни основной массы населения, особенно в деревне, по сравнению с Европой (качество жизни) позволял большевикам идеологически выдавать объективные плоды модернизации — «лампочку Ильича», канализацию, водопровод, горячее водоснабжение и т. п. — за «успехи социализма», что отражалось тогда даже в поэзии (стихи Маяковского).

Сама же структура российского общества по сравнению с первой модернизацией Петра I не изменилась: и большевики не разделили власть и собственность, не оценили последнюю по ее реальной стоимости, не ввели стоимость труда (чего требовал даже их гуру Карл Маркс) — словом, полностью сохранили византийский (азиатский) способ производства, перешедший в Россию и СНГ и в XXI век.

С разгромом крестьянского міра и традиционной РПЦ в 1929—1932 гг. ослабли прежние православные нравственные «тормоза» — не укради, не соблазни жену ближнего, не убий.

На смену богобоязненному мужику пришел мещанин слободской (посадской) морали — не пахарь и не дворянин: это еще в 20-х гг. заметили советские писатели Ильф и Петров, Зощенко, Булгаков, но, особенно, Маяковский — пьесы «Баня», «Клоп» и др.

«Братья меньшие», веками не получавшие от властей предержащих никакой социальной защиты, наловчились экономить физические силы и «дурить» власть, в чем им очень помогали сердобольные «чеховские» интеллигенты, сочувствовавшие и гоголевскому чиновнику из «Шинели», и чеховскому «злоумышленнику», ворующему гайки с железнодорожного полотна на грузила.

Материальный мещанский практицизм при сохранении прежнего крестьянского менталитета — государство есть враг, и обмануть его — не грех, а ловкость, перешли и в «Первое Отечество мирового пролетариата» — СССР.

Словом, «народ» жил сам по себе, а новые «баре» — сами по себе, как это испокон веку велось на Руси, начиная с XII века («цивилизация песка»), поскольку и в XX в. в СССР (РФ — СНГ) не сложилось ни национальное, ни классовое общество (много позднее брежневские идеологи придумают «совку» свое наименование — «новая историческая общность»).

Попытки Ленина «смочить» эту «цивилизацию песка» пролетарским классовым «кропилом» (Коминтерн — СССР) успеха не принесли: на новых «коминтерновских попов» мужик смотрел как на знахарей-колдунов, и на защиту мирового пролетариата с топором не пошел.

В итоге большевики, потерпев в 1917—1920 гг. неудачу с «бесклассовым обществом» (оно же — коммунизм) и введя нэп, вернулись к «новой сословности» («орден меченосцев» — партия, «спецы», красные ИТР, офицерский корпус РККА с 1929 г. и др.). При Сталине эта «новая сословность» оформится в номенклатуру, и все окончательно вернется, по Библии, на круги своя.

И если современные апологеты «советской цивилизации» 1923—1991 гг. и упрекают Сталина (в частности, Сергей Кара-Мурза), так это за его восстановление «советской сословности» («в какой системе ты работаешь — ЦК КПСС, КГБ, МИО, Союзе писателей» и т. д.?).

«Советская номенклатура, — пишет С. Кара-Мурза, — не была классом, она была именно сословием, которое под конец тяготилось своим государством».

В итоге фактически сменилась лишь правящая элита — на смену традиционной монархически-либеральной («чеховской», но образованной интеллигенции) пришла со времен Сталина малограмотная мещанская («слободская») номенклатура, которая до развала СССР в 1991 г. сообща владела всеми богатствами страны, изображая при этом верных «слуг народа».

Но и образовавшийся за годы правления этой номенклатуры «совок» приспособился.

Поэтому на практике несомненная социальная защита большинства населения СССР, особенно, горожан (детские ясли — сады, дома отдыха, бесплатные здравоохранение и образование и т. д., опережавшая в те времена страны Запада), к изумлению «новых бар», не вызвала ответного отклика. «Совок» и в 50—60-х гг. прошлого века в городах работал через пень-колоду, зато не скупился на иждивенческое — «дай, дай, дай!» в отношении властей.

В итоге даже [illegible] изни (1949 г.) столкнулся с той же кардинальной проблемой, что [illegible]. (помните — «Социализм надо строить не на энтузиазме, а при помощи энтузиазма»): **как заставить людей работать в полную силу?**

Глава 3

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ БЕРИИ

АГОНИЯ

Только с учетом явных отклонений от нормальной психики вождя следует рассматривать все действия Сталина в 1949—1953 гг.

Похоже, он хотел, как Нерон в Древнем Риме, увенчать свое царство последним грандиозным «пожаром», в котором сгорели бы разом и старая партийная гвардия, и «врачи-вредители», и главари «евреев-сионистов». И все это аутодафе сопровождалось

бы массовой депортацией советских евреев из европейской части СССР в Сибирь и на Дальний Восток.

А свое «завещание», как и планировал, он произнес на XIX съезде ВКП(б) и на последовавшем за ним Пленуме уже КПСС 14—15 октября 1952 г. Явно не преуспев в *теоретической части* (экономические проблемы «социализма»), Сталин вовсю развернулся в *организационном плане,* подвергнув высшие органы коренной ломке и введя в «руководящую головку» целый отряд относительно молодых провинциальных накрахмаленных партийных карьеристов. В традиционных пропагандистских методах вся эта ломка обрамляется лозунгом «назад, к Ленину»: как и в 1924—1934 гг., сделать прежнюю ставку на провинциальных секретарей обкомов в РСФСР и союзных республиках (эту тактику в 1954—1964 гг. продолжит Хрущев, а в 1985—1990 гг. — Горбачев). С целью противопоставить их «старой гвардии» Сталин на XIX съезде ВКП(б) 5—14 октября 1952 г. производит кардинальную перестройку всего высшего партийного аппарата, задуманную еще Лениным (статья о Рабкрине). Политбюро и Оргбюро на съезде упразднялись, а вместо них создавался многочисленный Президиум ЦК из 25 членов и 11 кандидатов в члены Президиума. Эти новые вакантные места заполнили партфункционеры и госчиновники: в президиум вошли сразу десять секретарей ЦК, тринадцать зампредов Совмина СССР, первые секретари компартий Украины и Белоруссии, министры госбезопасности и иностранных дел СССР, руководители ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Этой реорганизацией высшего руководства как бы подчеркивалось, что партия окончательно срослась с государством, отказалась от прежних ленинско-троцкистских химер об «отечестве мирового пролетариата» — СССР и полностью (вслед за заменой гимна «Интернационал» на державно-подхалимский гимн Сергея Михалкова — Эль Регистана в 1943 г.) перешла на государственные позиции, что и было закреплено в смене названия партии — с ВКП(б) на КПСС.

«Молодые волки» из партийной провинции, впервые попавшие в значительно расширенный ЦК КПСС (Президиум), ждали только сигнала вождя, чтобы снова, как и в конце 20-х — первой половине 30-х гг., перегрызть горло «старой гвардии», уже не нужной больше Сталину. Запахло большой чисткой партийной верхушки.

Больше всего предстоящего съезда боялась именно эта «гвардия», некоторым из которых Сталин дал почувствовать, что их ждет. Ворошилова, например, уже давно не принимали на «ближней даче», Берию, хотя и принимали, но продолжали на входе обыскивать, что страшно злило «нашего Гиммлера». Окончательно впали в немилость Хозяина из-за своих жен-евреек (которых уже сослали в Сибирь) два старейших большевистских ветерана: Молотов и Андрей Андреев (1895—1971 гг.), хотя первого Сталин в 1949 г. сместил с поста министра иностранных дел СССР, а второй номинально оставался председателем КПК при ЦК ВКП(б) пост, который он занимал с 1939 г., вплоть до XIX съезда партии в октябре 1952 г. (фактически всеми делами в комиссии партконтроля вершил его зам — Шкирятов). Сталин не пощадил жену Андреева *Дору Хазан*, хотя очень хорошо ее знал: ведь в 20-х гг. — начале 30-х гг. она долгое время работала в его секретариате.

На XIX съезде с политическим отчетом ЦК Сталин выступать не стал — он поручил сделать доклад Маленкову, как бы давая понять, что это его преемник на посту генерального секретаря (но затем сам этот пост отменит). Сталин выступил как бы в прениях и по кадровому вопросу ничего не сказал. Зато он произнес речь, которая для подавляющего большинства делегатов из провинции осталась непонятной. Вождь почему-то начал вещать о том, что «знамя демократии» выпало из рук мирового капитализма и его должны подхватить компартии мира во главе с ВКП(б).

Конечно, делегаты знали, что XIX съезд проходит в условиях резкого обострения холодной войны с Западом, на Дальнем Востоке уже перешедшей в «горячую» (война в Корее в 1950—1953 гг.). Но они не ведали, что Сталин готовился к расширению этой войны и вел серьезную военную подготовку к захвату Аляски (т. е. к прямой войне с США и к третьей мировой). А призыв «подхватить знамя» был лишь продолжением установок Сталина, которые он дал руководителям европейских соцстран в Кремле почти за два года до съезда — в январе 1951 г. Тогда Хозяин сориентировал «братские компартии» при поддержке советских танков на захват власти в Западной Европе в ближайшие три-четыре года (*Некрич А., Геллер М.* Указ. соч., с. 828).

По кадровому вопросу Сталин выступил сразу после закрытия съезда, на пленуме ЦК переименованной партии. Это был весьма странный пленум. Формально такие пленумы после съезда собирались для того, чтобы традиционно конституировать высшие партийные органы: Политбюро и Оргбюро. Но по новому уставу КПСС эти органы больше не предусматривались, хотя де-факто «Политбюро» все же сохранилось. Правда, уже на Пленуме ЦК КПСС в октябре 1952 г. оно называлось просто «бюро» — Бюро Президиума ЦК КПСС, и в него вошли девять человек (статус «кандидата в члены» такого «Политбюро» не предусматривался) — Сталин, Берия, Маленков, Хрущев, Каганович, Булганин, Сабуров, Ворошилов, Первухин.

Но Молотова и Микояна в этом «Политбюро» уже не было, хотя членами расширенного Президиума ЦК КПСС Сталин их оставил. Зато за пределами Президиума и кресла председателя КПК при ЦК КПСС остался Андреев.

Пленум был странным еще и потому, что, в отличие от предыдущей многолетней практики, в день его проведения, 15 октября 1952 г., никакой стенограммы не велось, а от личных записей участников таких «хуралов» Сталин давно отучил: все знали, что Хозяин этого очень не любит. Не осталось даже выступления Сталина в единственном письменном документе — протоколе Пленума. Поэтому в известном официальном партийном издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов» (1953, 1954 гг.) всякие упоминания об этом Пленуме отсутствуют: там не опубликован даже его краткий протокол. Само собой, нет и опубликованной стенограммы, раз она не велась.

Первые печатные сведения об этом Пленуме появились только летом 1957 г., когда в связи с победой Хрущева над «антипартийной группой Маленкова — Молотова» и др. сначала в партийной печати, а затем на страницах отдельного издания стенографического отчета «Пленума ЦК КПСС (июнь 1957 г.)» в выступлениях участников Пленума появились отдельные факты об обстановке на том последнем сталинском «хурале». За минувшие полвека уцелевшие от последних сталинских репрессий участники Пленума разговорились и, уже на пенсии, как Хрущев, Микоян и Молотов, многое рассказали. Позднее некоторые факты попали в статьи, книги, кино- и телефильмы.

Вкратце Пленум представлял следующую картину:

В отличие от съезда, на этот раз Сталин выступил первым. Как и на съезде, участники Пленума встретили его бурей оваций. Но на этот раз Хозяин грубо оборвал клакеров: «Чего расхлопались? Что вам здесь — сессия Верховного Совета или конгресс за мир?» *(Некоторым участникам даже послышалось, что Сталин выругался матом.)*

Затем Сталин вытащил из кармана бумажку и зачитал нечто вроде проекта постановления Пленума или собственного заявления: «Прошу освободить меня от обязанностей генерального секретаря [ЦК КПСС]». *(И снова некоторым послышалось, что он добавил — «стар стал»; надо сказать, что эта «плохая слышимость», как отмечали позднее многие участники Пленума, была связана еще и с тем, что Сталин*

говорил глухим тихим голосом и с большим, чем обычно, грузинским акцентом, что свидетельствовало о его сильном внутреннем раздражении.)

Пленум замер: «Хозяин уходит сам». Повисла гнетущая тишина, но те, кто сидел ближе к трибуне, заметили быстрый взгляд из-под бровей, мгновенно брошенный Сталиным, — кто в это поверит? Правда, в новом уставе КПСС должность генерального секретаря уже не предусматривалась, и в официальном сообщении об избрании съездом руководящих органов партии в списке расширенного до десяти человек Секретариата фамилия Сталина уже стояла по алфавиту — между П. К. Пономаренко и М. А. Сусловым (кстати, впервые в высший орган партии — секретариат — был на XIX съезде выбран из «молодых» Леонид Брежнев).

Потом Сталин перешел к пункту № 2 своего выступления. С первых же слов зал затаился от ужаса: партия «нуждается в обновлении», в ней «затаились враги партии», в «партии глубокий раскол» и т. д. и т. п. И было от чего затаиться: «старая гвардия» помнила — именно так начинал Сталин кровавый февральско-мартовский пленум ЦК в 1937 г., на котором, несмотря на одиночное выступление Осипа Пятницкого в защиту Бухарина, пустили под нож и его с Рыковым, и весь их т. н. «право-троцкистский блок», а заодно и Пятницкого. Аналогии усилились, когда Сталин начал поименно называть «врагов партии». Главными из них оказались только что избранные съездом в Президиум ЦК КПСС Молотов (Сталин обозвал его публично с трибуны «антиленинцем») и Микоян (того хуже — совершает «троцкистские ошибки»).

Если судить по посмертно опубликованным мемуарам *А. И. Микояна* «Так было» (М., 1999), во втором выступлении Сталина на Пленуме, когда он, не выходя на трибуну, сидя, со своего места в президиуме зачитал список «узкого бюро» Президиума ЦК КПСС, он пояснил: «Хочу объяснить, по каким соображениям Микоян и Молотов не включаются в состав бюро». Оказывается, обоих Сталин подозревает в том, что они (а как же — жена Молотова оказалась скрытой сионисткой-еврейкой?! — *Авт.*)... «агенты влияния» США. «Молотов и Микоян, — зловеще вещал «вождь», — оба побывавшие в Америке, вернулись оттуда под большим впечатлением от мощи американской экономики... Они, видимо, здесь испугались подавляющей силы, какую видели в Америке».

Сталин, однако, уже основательно поднаторел в постановке показательных процессов, и поэтому «клеил дело» своим самым старым, со времен Ленина, соратникам не только на основе умысла («испугались»), но и дела. А дело состояло в том, что «Молотов и Микоян за спиной Политбюро послали директиву (?! — *Авт.*) нашему послу в Вашингтоне с серьезными уступками американцам на предстоящих переговорах».

Но поскольку не только все сидевшие в зале заседаний участники Пленума, но и сам Сталин хорошо понимал: не то что послать письменную директиву послу — в туалет без согласования с вождем Молотов и Микоян самостоятельно не смели ходить (в 1946—1952 гг. даже время и место проведения очередного летнего отпуска им «спускались» лично от Сталина через начальника его охраны генерала Власика), Сталин применил главный аргумент для добивания своих вчерашних «верных псов»: в составлении и отправлении таких «вражеских» директив послу СССР в Вашингтоне «участвовал и Лозовский, который, как известно, разоблачен как предатель и враг народа» (цит. по: *Емельянов Ю. В.* Указ. соч., с. 499)[1].

---

[1] С того приснопамятного пленума 15 октября 1952 г. и по сию пору сталинское изобретение об «агентах влияния» кочует по страницам «патриотической» прессы (газ. «Завтра» и др.) и мемуарам членов ГКЧП 1991 г. (В. А. Крючков, В. А. Болдин), дипломатов (Юлий Квинцинский) и др., заменив поистрепанных «иудо-масонов» из XIX века.

Одного этого было бы по тем временам вполне достаточно, чтоб тут же, сразу после выступления вождя, отправить обоих (как в 1937 г. — Осипа Пятницкого) на Лубянку, а там уже костоломы Абакумова живенько выбили бы из уже далеко не молодых вождей «собственноручные» признания: мы-де не только «американские шпионы», но и палачи Иисуса Христа, ибо лично распинали его на кресте...

Вся эта не очень длинная речь Сталина была выслушана в гробовой тишине. Молотов и Микоян пытались оправдываться, но тщетно — Сталин на их покаянные спичи никак не реагировал («во время выступления Молотова и моего Сталин молчал и не подавал никаких реплик». — А. И. Микоян).

Но всем участникам Пленума стало ясно: готовится новый процесс над очередной «антипартийной группой» и главные его фигуранты — Молотов («Бухарин») и Микоян («Рыков») уже названы публично, тем более что и сам Сталин, заклеймив новых «агентов влияния», уже дал и вводную: Молотова и Микояна он сравнил с Рыковым и Фрумкиным.

Участники Пленума быстро смекнули и другое: вряд ли Сталин устроит очередное судилище по типу «правотроцкистского блока» 1938 г. только над двумя — «Бухариным» и «Рыковым», им в партнеры он подберет еще десяток-другой «сообщников», включая и «врачей-вредителей».

На то, что Сталин «берет паузу» для подготовки нового аутодафе, указывало и его неожиданное предложение в самом конце работы Пленума: о составе нового «бюро» и критике Молотова и Микояна в открытой партийной печати не упоминать, разумеется, чтобы не дать врагам на Западе аргументы в идеологической холодной войне.

Эти предположения оказались верными. Как мы увидим ниже, именно по сценарию 1938 г. пошла дальнейшая подготовка такого второго «бухаринского» процесса. Хотя на самом Пленуме сидевших в зале Молотова и Микояна не тронули. Не тронули и на выходе из зала (хотя, скажем, «ленинградца» Кузнецова и других в 1949 г. арестовали прямо в приемной Маленкова). Не тронули в октябре — декабре 1952 г. ни дома, ни на дачах, хотя уже в декабре начались новые аресты. Например, вызвали в Москву и 16 декабря 1952 г. арестовали опального генерала Н. С. Власика, а вслед на ним еще и бывшего генерала-охранника Кузьмичева. В январе 1953 г. к ним добавили еще пять человек из «дачной обслуги» Сталина, и всем припаяли «шпионаж».

Для «сумерек сталинизма» и последующей хрущевской «десталинизации» особенно характерна судьба «телохранителя № 1» генерала *Николая Власика*. С 1927 г. он отвечал не только за охрану лично Сталина, но и тела Ленина в Мавзолее, Кремля и всех сталинских дач. В войну — за охрану резиденций Хозяина в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Дочь генерала Надежда Власик, 50 лет боровшаяся за реабилитацию отца (только в 2000 г. посмертно — генерал умер от рака легких 18 июня 1967 г. — Н. С. Власик был оправдан Верховным судом РФ «за отсутствием состава преступления»), в мае 2003 г. в газетном интервью справедливо утверждала: отец «просто мешал Берии добраться до Сталина, потому что отец бы не дал ему умереть. Он не стал бы ждать сутки за дверями, как те охранники 5 марта 1953 г., когда Сталин «проснется». Он бы вышиб все двери, выгнал бы всех с территории дачи, невзирая на чины, и, конечно, привез бы врачей...» («МК», 7. 05. 2003).

В декабре 1952 г. Власика пристегнули к «делу» об «убийцах в белых халатах» (кто набирал их в кремлевскую обслугу?) по классической российской бюрократической формуле — «за преступное небрежение по должности» (так смещали и отправляли в ссылку в 1812 г. М. М. Сперанского, а в 1916 г. — военного министра В. А. Сухомлинова). Но врачей освободили еще в апреле 1953 г., сразу после смерти Хозяина, а его телохранитель просидел в тюрьме еще три года и был выпущен без реабилитации только в мае 1956 г.

Дочь генерала считает, что виной всему был личный фотоархив отца, конфискованный при аресте в декабре 1952 г. (Власик был не только телохранитель, но и личный фотограф Сталина. А на тех «фотках» — пьяные застолья членов Политбюро на «ближней» даче и Хрущев, отплясывающий перед вождем гопака).

А что касается не телохранителя, а соратников, то по-видимому, Хозяин не арестовал сразу Молотова и Микояна (а также, возможно, Ворошилова и Андреева) только потому, что не были «готовы» их соседи по скамье подсудимых — «врачи-вредители».

И тут мы подходим к *главной интриге* запланированной Сталиным последней при его жизни «партийной чистки» — над «сионистами» и их «агентами влияния», на роль которых вождь уже *назначил* своих старых боевых соратников — Молотова, Микояна и других.

СЛЕДСТВЕННАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Сегодня уже опубликованы многие документы (протоколы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. по фабрикации «дела» Бухарина — Рыкова, Пленума ЦК КПСС в июне 1957 г. по «антипартийной» группировке Молотова — Маленкова и другие материалы) и вышли хорошо документированные исследования (Рудольф Пихоя, Кирилл Столяров «Палачи и жертвы» и др.) о сталинской технологии фабрикации искусственных следственных дел о «врагах народа», которой воспользовались и его соратники — «пауки в банке» в борьбе друг с другом за власть («дело» Берии в 1953 г., «дело» Маленкова — Молотова — Кагановича в 1957 г. и т. д.).

Но в случае об «агентах ЦРУ» и «врачах-вредителях» эти исследователи и публикаторы документов опускают одну очень важную деталь: фактор стремительного биологического старения Сталина, прогрессирующую психическую болезнь (мания преследования) и, как результат, явное ослабление его умственной деятельности в 1949—1952 гг. (Павел Судоплатов, лично встречавшийся с вождем в эти годы, прямо пишет о паранойе).

Отсюда — неспособность придумать что-то «новенькое» и повторение прежних штампов фабрикации «дел».

В огромной ныне литературе по разоблачению «сталинских репрессий», не исключая и труды известного «бухариноведа», американского историка Стивена Коэна, странным образом выпала одна очень важная деталь: объединение на одной скамье подсудимых на известном процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» 2—13 марта 1938 г. политиков и... врачей, в том числе — и лечивших Ленина в Горках в начале 20-х гг. его домашних врачей проф. Л. Г. Левина и Федора Гетье (последний, правда, не дожил до суда, замученный костоломами Ежева в камере предварительного заключения).

Но если взять «Судебный отчет» об этом процессе (издан в Москве в 1938 г.), то отчетливо видно — шли как бы два параллельных процесса: на одном судили политиков («право-троцкистских шпионов») — Бухарина, Рыкова, Раковского, Крестинского и других, а на другом — «врачей-убийц» Горького, Меньжинского, Куйбышева — Левина, Плетнева, Казакова и другие, причем слушание показаний первых и вторых зачастую проводились в раздельных заседаниях, хотя «политиков» (особенно, бывшего начальника ОГПУ Генриха Ягоду) главный обвинитель А. Я. Вышинский часто и обвинял в попустительстве «врачам-вредителям».

Вот этот-то сценарий и решил повторить в 1949—1953 гг. Сталин, только вместо давным-давно расстрелянных в 1938 г. членов «право-троцкистского блока» должны были сидеть «агенты влияния» ЦРУ Молотов, Микоян, Ворошилов, Андреев и др., а показания против них с другой скамьи (вариант №1) должны были давать сначала

«сионисты» из Еврейского антифашистского комитета, а затем (вариант №2) — «кремлевские врачи — убийцы в белых халатах» (заголовок из «Литературной газеты»).

Этот сценарий был известен «ближнему кругу» Сталина — Маленкову и Берии, т. е. тем самым «двум жуликам», которых полушутя-полусерьезно так окрестил сам вождь. Оба они понимали: стоит снова запустить молох репрессий, и следующими после Молотова и К° жертвами станут они, члены «второго эшелона» сталинского руководства.

Понятное дело, открыто возражать Хозяину они не осмелились, но сыграть умелой дозировкой информацией (особым мастаком здесь был Берия, обычно переходивший в таких случаях со Сталиным на грузинский язык) — сколько угодно. И у Берии с Маленковым созрел свой план нейтрализации Хозяина.

Он включал следующие позиции:

1. Дискредитацию и изгнание из служебного окружения Сталина (особенно на «ближней даче», где Хозяин проводил большую часть времени) всех лично преданных ему работников: начальника личной охраны генерала Власика, многолетнего технического секретаря Сталина Поскребышева, через которого шли все бумаги, лечащего врача «вождя» академика В. Н. Виноградова и других;

2. Дискредитацию и смещение с поста министра МГБ «верного пса» Сталина Абакумова и назначение на эту должность «своего человека».

Почти все интриганам удалось. В мае 1951 г. из охраны Хозяина убрали Власика и сослали начальником в захолустную колонию г. Асбест на Урале. В декабре 1952 г. добили Александра Поскребышева, сфабриковав на него «дело» — переписку с «сионистами» — родственниками его жены (кстати, родственницы Троцкого, арестованной еще в 1937 г.), которые после допросов с пристрастием на Лубянке показали: они якобы действительно «сионисты» и «агенты ЦРУ». А Поскребышев — о ужас! — состоял с такой родней в тайной переписке, не извещая об этом Хозяина.

Разумеется, костоломы Берии выбили из Поскребышева все секреты. Он во всем признался — и в своих связях с «сионистами», и в том, что план чистки существует («Сталин принял решение уничтожить весь старый состав Политбюро и руководство МГБ, заменив его новыми людьми»), и что Хозяин уже составил новый список из 25 членов Президиума ЦК КПСС, в котором никого из «старых гвардейцев», даже переизбранных на XIX съезде партии, уже нет.

Получив эту крайне важную для них информацию из уст человека, через руки которого прошли все самые последние бумаги Сталина, главные заговорщики — Берия и Маленков — ускорили свою контратаку против Хозяина.

К тому времени они расправились и с Абакумовым классическим приемом доноса, который накатал на него один из подчиненных — майор МГБ Михаил Рюмин, по иронии судьбы взятый самим Абакумовым из гулаговских бухгалтеров «низовки» в Москву, в следственный отдел МГБ. Человек малообразованный, но амбициозный, майор искал возможности «выйти на случай». А ищейки Маленкова и Берии как раз шуровали в аппарате МГБ в поисках недовольных Абакумовым и его руководящей командой. И они нашли друг друга — честолюбивый майор, мечтавший о генеральских погонах, и «два жулика».

К тому же в последний год пребывания Абакумова в кресле министра госбезопасности над Рюминым стали сгущаться тучи. Кадровики МГБ, копая его личное дело, обнаружили, что этот малограмотный счетовод одного из леспромхозов в Архангельской области скрыл от партии и государства свои подлинные анкетные данные: сын кулака, брат и сестра обвинялись в воровстве, а тесть и того хлеще — служил в белогвардейской армии Колчака. За все это грозили очень суровые кары.

И Рюмин в традициях той эпохи решил выбить клин клином — сам пошел в ЦК. К кому? К первому после Сталина человеку в партии — Маленкову. Конечно, лично к нему Рюмина не допустили. Принял его весной 1951 г. маленковский помощник Суханов и сразу понял: вот он, нужный его шефу человечек. Именно Суханов надоумил Рюмина написать донос на Абакумова Сталину и передать его через Маленкова. Затем Рюмина вызвал к себе Маленков и сразу понял: за генеральские погоны этот малограмотный подонок утопит мать родную, хотя доносы писать не умеет. Но это дело поправимое. Маленков приставил к нему своих «писарей», и те накатали на Абакумова фантастический донос (Рюмин только его подписал). Оказывается, этот красавец из СМЕРШа давным-давно окружен евреями — сионистами, чуть ли не агент ЦРУ и не сегодня завтра свергнет «товарища Сталина», посадив на его место Молотова либо даже самого себя.

И вряд ли Сталин поверил во всю эту «липу», если бы в ней не содержалась одна полуправда: намек в рюминском доносе на связь Абакумова с арестованными членами Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК), через которых ЦРУ в 1947—1948 гг. якобы и «курировало» Абакумова. Насчет «курирования» у Сталина еще могли быть сомнения, а вот что лубянский красавец завалил дело с этими скрытыми сионистами — это факт. Сидят уже два года — и ни одного признания?! Слыханное ли это дело? Да у Ежова они бы через десять минут заговорили!

Доложенный соответствующим образом Берией по-грузински, донос Рюмина поэтому возымел действие: в июне 1951 г. Абакумова, а также всю его «команду» по распоряжению Сталина арестовали, причем даже без обычного в таких случаях освобождения от должностей и исключения из партии, припаяв для начала не «политику», а «вещизм» (у Абакумова при обыске на квартире изъяли несколько десятков пар обуви и более сотни дорогих костюмов),

На место Абакумова Маленков сразу пропихнул еще одного «своего человечка» — бывшего зав. отделом административных органов и куратора МГБ и МВД С. Д. Игнатьева. По команде Берии (благо Власика в мае 1951 г. убрали) он сразу же сменил весь личный состав охраны и обслуживающий персонал (официанты, медсестры, дворники и т. п.) ближней сталинской дачи. Это очень поможет «двум жуликам» (и здесь дочь Власика совершенно права) «уморить» Сталина после его последнего инсульта в начале марта 1953 г.: новая охрана почти сутки не осмеливалась войти в кабинет вождя, который, хрипя, валялся на полу и не мог голосом позвать на помощь.

А Рюмин за свой донос первоначально получил свои «тридцать сребреников»: Сталин сразу после ареста министра госбезопасности и его ближайшего окружения в июне 1951 г. присвоил майору Рюмину звание полковника госбезопасности и приказал Игнатьеву, новому министру, немедленно назначить проходимца-костолома и. о. начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР вместо бывшего и уже арестованного А. Г. Леонова.

Казалось, мечта Рюмина о генеральских погонах и «генеральской пенсии» сбывается как в сказке. Уже без поддержки «писарей» Маленкова он начал сочинять самостоятельно все новые и новые детали о «разветвленном еврейском заговоре» с участием ЦРУ «против товарища Сталина», причем, имея неудачный опыт допроса врача Этингера (его на допросе изувер Рюмин забил сапогами до смерти) тянул за волосы в этот заговор членов ЕАК и врачей-евреев, «отравителей».

На первом этапе Сталин с любопытством читал отдельные доносы Рюмина, заглубившегося по архиву МГБ в историю «еврейского вопроса» в Россию чуть не до времен Петра Великого. Так, из «расшифрованного» Рюминым списка «скрытых евреев» он мог узнать, что «сионисты» давно камуфлируются под русских, меняя фамилии или

беря псевдонимы. Правда, о том, что один известный советский писатель довоенной (роман «Два капитана», ч. 1, 1938 г.) и послевоенной (трилогия «Открытая книга», т. 1, 1949 г.) поры, лауреат Сталинской премии за 1946 г., вовсе не Каверин, а Зильберг, он, положим, знал и сам. А вот что популярный дореволюционный фельетонист Аркадий Аверченко с его антисоветской белоэмигрантской книжкой «Дюжина ножей в спину революции» (Прага, 1921 г.), где он едко высмеял большевистских вождей, не забыв и Сталина, еще и чистокровный еврей Лифшиц, — об этом Хозяин проинформировался из «списка Рюмина».

Из того же «списка» Сталин мог узнать, какие из его генералов госбезопасности женаты на «стопроцентных» (например, «мокрушник» ген. П. Судоплатов), какие на «пятидесятипроцентных» и т. д. еврейках и поэтому могут рассматриваться как потенциальные фигуры для вербовки ЦРУ.

Кто-то из арестованных членов ЕАК поведал Рюмину и такую страшную «еврейскую тайну»: оказывается, большинство советских композиторов-евреев (Исаак Дунаевский, Баснер, Островский, Колмановский и др.) пишут свои песни... на «сионистские» мелодии из древних иудейских гимнов, даже сверхпопулярную «Катюшу» Блантера.

Поначалу Хозяину импонировало такое служебное рвение новоиспеченного и. о. начальника Следственной части и полковника. Прочитав его «списки» и очередные домыслы о «евреях-отравителях» в Лечсанупре Кремля и «генералах и старших офицерах госбезопасности из евреев по крови и духу» («по духу» — женатые на еврейках), Сталин еще выше поднял Рюмина — дал ему вне очереди чин генерал-майора госбезопасности и назначил замминистра МГБ.

Однако народ в бывшей ВЧК измельчал — уже не было таких асов фабрикации дутых дел, как Агранов, Артузов, Лацис и др., которые в 1918—1928 гг. могли слепить из ничего громкие процессы вроде «шахтинского» 1928 г. об инженерах-«вредителях» или конторы-приманки типа «Трест-1» и «Трест-2». Бывший бухгалтер пошел по стопам ежовских костоломов: начал пачками арестовывать «евреев-вредителей», его подчиненные кулаками и сапогами пытались выбить из них нужные показания. Но собранные Рюминым «улики» на показательный процесс о кремлевских врачах-вредителях и «новых бухаринцах» явно не тянули — это Сталин начал понимать, как только подробнее онакомился с рюминским «следственным» делом о «еврейском заговоре» в СССР.

В начале ноября 1952 г., прочитав сводный отчет нового министра МГБ по всем «еврейским делам» (Абакумова, ЕАК, «врачам-отравителям», «агентам влияния» ЦРУ и др.), Сталин вызвал к себе на «ближнюю дачу» Игнатьева и Рюмина и ошарашил обоих своим заключением: «Вы оба дураки. Этот подонок (арестованный по делу Абакумова полковник госбезопасности Шварцман, работавший под «крышей» журналиста. — *Авт.*) просто тянет время. Никакой экспертизы. Немедленно арестовать всю группу» (следователей по абакумовскому делу. — *Авт.;* цит. по: *Судоплатов П.* Указ. соч., с. 485).

Поскольку Абакумов, несмотря на чудовищные пытки Рюмина и его подручных, так и не признал свою связь с ЦРУ через «евреев-сионистов» из ЕАК, главным поставщиком таких «жареных фактов» стал Шварцман. Патологический трус и гомосексуалист (а за такое Сталин, кстати, как и Гитлер, очень строго карал — вплоть до ликвидации «в особом порядке»), Шварцман лепил Абакумову заговор: составлял длинные списки «заговорщиков» из чекистов-евреев МГБ, сам себя объявил «связником» Абакумова в его якобы тайных контактах с агентами ЦРУ в американском посольстве в Москве и т. п.

Не остановился Шварцман и перед саморазоблачением. Он подробно, под протокол, рассказал о своих гомосексуальных связях: от Абакумова (что было полной ложью, и Сталин хорошо это хорошо знал — бывшего начальника СМЕРШа скорее можно было

обвинить в чрезмерных связях с противоположным полом) через английского посла в Москве, вплоть до собственного сына. При этом Шварцман постоянно симулировал помешательство (катался по полу, кусал ножки стула, бился головой об стенку при допросах), добиваясь от Рюмина направления на психиатрическую экспертизу (именно в ней и отказал Хозяин).

Но Сталин был не Рюмин: Шварцману, как и Рюмину, обмануть его такими штучками не удалось — «журналиста-гомосексуалиста» он приказал расстрелять, а бывшего бухгалтера 14 ноября 1952 г. снял с должности замминистра, выгнал из штата МГБ и, как и Власика, отправил на «низовку» — перевел всего лишь старшим контролером в Министерство госконтроля СССР.

Но от самой идеи раскрыть «заговор» и устроить над его участниками и покровителями из Президиума ЦК КПСС показательный процесс Сталин не отказался. Об этом свидетельствует запись в «Дневнике В. А. Малышева» за декабрь 1952 г., вскоре после изгнания Рюмина, передающего суровый разговор Хозяина с новым министром МГБ С. Д. Игнатьевым. На «ближней даче», явно раздосадованный своей кадровой ошибкой с Рюминым, он 1 декабря 1952 г. обрушился уже не на Абакумова (тот продолжал сидеть в «особой тюрьме» и строчил «малявы» вождю, прося «не правосудия, но милости»), а на весь личный состав МГБ: «Неблагополучно в ГПУ (Сталин к старости с трудом запоминал новые сокращения и предпочитал использовать в разговорах старые. — *Авт.*). Надо лечить ГПУ. Они сами признались, что сидят в навозе, в провале. Лень, разложение глубоко коснулось МГБ» (жур. «Источник», 1997, № 5, с. 134).

И уже совсем угрожающе прозвучал монолог Сталина на кунцевской «ближней даче», когда в начале января 1953 г. Хозяин снова вызвал нового министра С. Д. Игнатьева: если он «не вскроет террористов, американских агентов среди врачей, то он будет там, где Абакумов». Вопреки рекомендации своего лечащего врача академика В. Н. Виноградова ни в коем случае не волноваться, Сталин зашелся едва ли не в падучей. Покрывшись красными пятнами, он буквально орал на министра: «Я не проситель у МГБ; я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования!» А в заключение зловеще пообещал: «Мы вас разгоним, как баранов»[1].

Игнатьев и сам хорошо понимал, что он попал в жернова страшной кровавой машины, стал слугой двух господ — Сталина и «двух жуликов» (Маленкова — Берии) и здесь уже или пан, или пропал. Непосредственным поводом к гневу Сталина в январе 1953 г. на даче стал письменный отчет Игнатьева о ходе следствия по «делу врачей», представленный Хозяину в первой половине ноября 1952 г. Наряду с фантазиями Рюмина в отчет вошли материалы специальной следственной группы Следственной части по особо важным делам МГБ, сформированной еще осенью 1951 г. лично Рюминым и утвержденной Игнатьевым.

За «отчетный период», докладывал министр в ноябре 1952 г., группа проделала «значительную работу».

Во-первых, были арестованы все сколько-нибудь известные «кремлевские» врачи во главе с начальником Лечсанупра профессором П. И. Егоровым. И что он первым «признался» в том, что возглавлял тайную «террористическую группу кремлевских врачей», назвав всех членов этой группы поименно.

Во-вторых, особое внимание следственная группа обратила на тех арестованных «кремлевских врачей», которые лечили Щербакова и Жданова, а также лидеров братских компартий — Мориса Тореза, генсека Французской компартии, Георгия Димитрова, бывшего главу Коминтерна и генсека болгарской компартии (умер в 1949 г.)

---

[1] Цит. по: *Кострюченко Г.* «Дело врачей» // Родина, 1994, № 7, с. 67.

Как водилось в те времена (да и позднее, при Хрущеве и Брежневе), сталинские чекисты выступали как «специалисты широкого профиля» — и костоломами, и медицинскими диагностами. Поэтому Игнатьев, как «главврач» МГБ, безапелляционно писал: «Лечение товарища Жданова велось преступно» (отчет Игнатьева впервые изложен в книге Р. Г. Пихоя. Указ. соч., с. 88—89). Но он же не знал, что Сталин очень давно, еще со времен болезни и смерти Ленина в Горках, ведет собственное досье на «кремлевских врачей», широко используя в этом деликатном деле собственных «подсадных уток» (вспомним его «ленинских врачей» Розанова и Осипова).

Вот ты, партаппаратчик, тут мне пишешь о «преступном лечении» Жданова, что привело его к смерти 30 августа 1948 г. в цековском санатории на Валдае, по-видимому, думал Хозяин. А знаешь ли ты, липовая эмгэбешная гнида, посаженная на пост министра по протекции Маленкова, что это я загнал Жданова в валдайский санаторий. И очень хорошо знаю, как его лечили и «залечили». Но документов, подтверждающих «преступное лечение» Жданова, у тебя в отчете нет. А у меня есть — вот она, копия письма бывшего рентгенолога Лечсанупра Лидии Тимашук от 29 августа 1948 г. о том, что кардиограмма у тов. Жданова очень плохая, в любое время может случиться инфаркт, но срочно приехавшие из Москвы на Валдай «кремлевские врачи» во главе с академиком В. Н. Виноградовым честной женщине-врачу не поверили, заставили переписать диагноз. А Жданов возьми да и умри на следующий день.

Тимашук ведь накануне смерти Жданова, еще 29 августа 1948 г., сигнализировала и даже передала собственноручно написанное письмо Власику, а он — Абакумову о Виноградове и других «врачах-вредителях», лечивших Жданова. Жданова уморили в 1948 г., а меня хотят сейчас — Виноградов же до ареста как терапевт пользовал и меня, думал Сталин. Абакумов на другой день, 30 августа 1948 г., доложил мне об этом письме, у меня в моем особом личном архиве осталась копия — сам вручную списал и в особую папку положил[1]. А где оригинал? Уничтожил Абакумов? И куда тогда, в 1948 г., смотрел Власик, начальник личной охраны вождя?

И когда для Сталина пришло время пустить письмо 1948 г. Лидии Тимашук в ход, в обвинительном заключении о «вредителях в МГБ» он собственноручно исправил текст, подписанный Игнатьевым: Жданов «не просто умер, а был убит Абакумовым» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ, соч., с. 90).

Сталину было от чего пребывать в ярости. Ни Абакумов, ни, как в ноябре 1952 г. стало окончательно ясно, Игнатьев с Рюминым не справились с поручением Хозяина. Ну что эти два последних пишут в представленном отчете? Что лечащий врач Жданова Майоров — «выходец из помещичьей среды», а академик-консультант Виноградов — «бывший эсер». Ну и что? И что с того, что бывший начальник Лечсанупра Кремля профессор П. Е. Егоров «враждебно относясь к партии и Советской власти, действовал по указаниям врага народа А. А. Кузнецова, который в связи со своими вражескими замыслами был заинтересован в устранении товарища Жданова».

Но какими *медицинскими* средствами действовали «выходец из помещичьей среды» или «бывший эсер», выполняя «вражеские замыслы» своего непосредственного начальника Егорова, за которыми маячил «враг народа» Кузнецов?

---

[1] История «особой папки» Сталина давно волнует историков. Известно, что со времени своего избрания на пост генсека РКП(б) в 1922 г. будущий «вождь всех времен и народов» все наиболее важные документы, касавшиеся его лично (например, записку Ленина от 5 марта 1923 г с угрозой разрыва за оскорбление жены), много лет складывал в эту папку, в отдельных случаях (как с письмом Тимашук от 29 августа 1948 г.) собственноручно снимая копии. После смерти Сталина 5 марта 1953 г. папка пропала: ее не нашли ни в Кремле, ни на «ближней даче». Существует версия, что папку выкрал и уничтожил Берия, когда Сталин еще агонизировал, — уехав с «ближней дачи» в Кремль, он устроил там шмон в кабинете и на квартире уже неопасного «вождя». Технология очень напоминала шмон в кремлевском кабинете Ленина 18 октября 1923 г., с тем отличием, что на месте Берии был Сталин.

Никакой «медицины» у Игнатьева с Рюминым нет и в помине — одна политическая трескотня. Нет, не справились. Посадить, что ли, как Абакумова с Леоновым? Да нет, бесполезно. Такие же снова придут и напишут такую же белиберду. Вот «ребята» Ежова в 1938 г. — молодцы. Мало что врачей арестовали, какие-то лизаты у них нашли, которыми они Менжинского травили. А как ловко Вышинский все раскрутил — медэкспертизы других врачей с титулами, свидетели, все чин-чином, по-научному.

А здесь каких медэкспертов пригласишь? Психиатров, которые письменно удостоверят, что от Виноградова пахнет «эсерством», а от этой арестованной жидовки-терапевта Карпай — «еврейским национализмом»?

И Сталин решил довести дело «врачей-вредителей» вкупе с делом своих старых соратников до конца сам.

Фактически с конца 1952 г. подготовку ко второму «бухаринскому» процессу «старая гвардия» — «врачи-отравители» Сталин взял на себя. 21 января 1953 г. бдительная Лидия Тимашук, бывший кремлевский врач-рентгенолог, была награждена орденом Ленина. А вот его многолетний лечащий врач академик В. Н. Виноградов арестован и отправлен в тюрьму на Лубянку, да там еще и заковали в кандалы как соучастник «убийства» Жданова в 1948 г.

Еще 9 января 1953 г. собирается Бюро Президиума ЦК КПСС в полном составе (Сталин отсутствует — к чему, соратники проштампуют все, что он прикажет) и утверждает текст официального сообщения для прессы. 13 января 1953 г. в «Правде» появляется «Сообщение ТАСС», в котором говорится о раскрытии органами госбезопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза».

Упоминание в сообщении «американской разведки» и «международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт» не оставляло сомнений у обывателей, о врачах какой национальности идет речь и какая судьба их ждет. И хотя в конце сообщения многозначительно говорилось, что «следствие будет закончено в ближайшее время», фактически в ночь с 13 на 14 января «группа» уже арестованных «убийц в белых халатах» увеличилась на несколько сот человек — начались повальные аресты врачей-евреев в Москве и Ленинграде по заранее составленным спискам.

Историки-диссиденты Михаил Геллер и Александр Некрич еще в 1979 г. в книге «Утопия у власти» утверждали, что «дело кремлевских врачей» было лишь верхушкой айсберга — в его подводной части таился чудовищный сталинский план массовой депортации советских евреев в Сибирь и на Дальний Восток, причем отправным толчком к этой депортации должна стать публичная казнь через повешение и непременно — на Красной площади в Москве «убийц в белых халатах», сопровождаемая массовыми еврейскими погромами по всей стране (*Некрич А., Геллер М.* Указ. соч., с. 510).

Правда, Павел Судоплатов, по своей должности тогда (спецбюро по разведке и диверсиям МГБ) — один из потенциальных организаторов такой депортации, отрицает наличие такого конкретного плана, «требовавшего большой предварительной подготовки» (*Судоплатов П.* Указ. соч., с. 495), хотя и подтверждает: разговоры о массовой депортации евреев могли вестись между Сталиным и Маленковым.

Сигнал к массовой антисемитской кампании в СССР Сталиным был дан. Но по большому счету главной жертвой всего этого «активного мероприятия» МГБ стал сам СТАЛИН.

Поддавшись эмоциям после с иезуитской точностью рассчитанного хода Берии насчет диагноза Виноградова и дав санкцию на его арест, Сталин фактически сам снял «медицинский контроль» вокруг своего физического здоровья — с ноября 1952 г. около него на «ближней даче» не оказалось ни одного врача, если не считать одного майора, который до службы в сталинской охране был фельдшером.

«Два жулика» филигранно провели последнюю операцию и по спасению собственной шкуры, и по ускорению смерти своего бывшего Хозяина. И абсолютно права его дочь, когда в своих мемуарах «Двадцать писем другу» отмечала: «21 декабря (в день рождения Сталина. — *Авт.*) я видела отца в последний раз. Он плохо выглядел. По-видимому, чувствовал признаки болезни. Но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и никого не подпускал к себе близко».

5 марта 1953 г., провалявшись сутки на полу в гостиной на «ближней даче» без всякой медицинский помощи, Сталин умер в тот же вечер в 21 час. 50 мин.[1]. Он еще был жив и дышал, а приговоренные им к смерти соратники уже начали за два часа до его физической смерти делить «сталинский кафтан» власти.

Бумеранг вернулся. Или, по русской пословице: «Не рой яму другому [Ленину], сам в нее упадешь».

СТО ДНЕЙ ЛУБЯНСКОГО МАРШАЛА

Как уже отмечалось выше, всю операцию по дележу «сталинского кафтана» (власти) молниеносно провели «два жулика» — Берия и Маленков — при дышащем, но уже агонизирующем Хозяине. Сталин еще предсмертно хрипел на диване на своей кунцевской «ближней» даче, а «жулики» уже собрали в Кремле 5 марта 1953 г.[2] в 20 час. 40 мин. некое собрание (на самом деле — заранее отобранных лиц из Бюро Президиума ЦК КПСС, бюро Совмина СССР и «бюро» Президиума Верховного Совета СССР — потом этот нелегитимный «хурал» будут называть то «совещанием», то «форумом»[3]) и за *сорок минут* поделили сталинское наследство.

Для проформы заслушав информацию министра здравоохранения СССР Третьякова о состоянии здоровья тов. Сталина, ведущий «хурал» Хрущев дал слово Маленкову, а тот, в свою очередь, выпустил на трибуну Берию. Последний же и огласил фамилию Маленкова как предсовмина СССР, якобы выдвигаемую Бюро Президиума ЦК КПСС. Затем слово снова взял Маленков и объявил, кому какие куски «кафтана Сталин» передаются:

— Первые замы предсовмина Маленкова — Берия, Молотов, Булганин, Каганович;

— Берия одновременно — министр нового объединенного министерства МВД — МГБ (официальное название — Министерство внутренних дел);

— Булганин — министр вооруженных сил;

— Молотов — снова министр иностранных дел;

— Ворошилов — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Маленков также объявил, что объединение МГБ с МВД[4] — не единственная структурная перестройка в правительстве, намечены и другие министерские объединения.

Пользуясь тем, что Маленков в тот момент оставался еще и членом Президиума ЦК и избранным на XIX съезде секретарем ЦК партии (через девять дней, 14 марта на пленуме ЦК, он опрометчиво освободит этот важный пост, расчистив Хрущеву поле для

---

[1] Существует и другая версия: Сталин умер не 5 марта, а 28 февраля 1953 г., но его «наследники» тянули с официальным объявлением смерти почти неделю, т. к. делили «сталинский кафтан». См.: *Бунич И.* Золото партии. СПб., 1992, с. 157.

[2] У Р. Г. Пихоя говорится, что фактически этот «пленум» был собран в Кремле еще раньше — в ночь с 4 на 5 марта (указ. соч., с. 99).

[3] См., в частности, жур. «Источник», 1994, № 1, с. 106—111; *Наумов В. П.* Борьба Н. С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история, 1996, № 2, с. 11; *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 98—99.

[4] Эта навязчивая идея — «объединение» двух мощнейших спецслужб — захватит и Б. Н. Ельцина: 19 декабря 1991 г., уже после беловежского сговора, он подпишет секретный указ об объединении КГБ и МВД. Идея, как и в 1953 г. окажется мертворожденной, и в феврале 1992 г. Ельцин так же тайно отменит свой указ, но КГБ СССР все равно ликвидирует, разбив его на несколько «контор»: ФАПСИ, пограничников и т. д. (из телевизионного комментария бывшего пресс-секретаря ФСБ генерала А. Михайлова. — «Совершенно секретно», 8.VIII. 2002 г.).

его собственной интриги), новый премьер и еще партсекретарь сообщил — намечена и реорганизация высших эшелонов КПСС.

По сути, менее чем через полгода соратники первым делом поменяли новую структуру руководства КПСС, проведенную лично Сталиным в октябре 1952 г. на XIX съезде. На двух пленумах ЦК — 6 и 14 марта — они фактически разгонят прежний Президиум ЦК из 25 членов, 11 кандидатов в члены и 10 секретарей, а вместо него изберут «бюро» ЦК КПСС в «уполовиненном» составе: 11 членов, 4 кандидата и всего 5 секретарей (Хрущев, Суслов, С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин).

В это «обновленное» бюро войдут Сталин (объявлен Маленковым 5 марта, но уже в официальной публикации «Правды» 7 марта о составе «бюро» его фамилии не было), Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян и двое «молодых волков» Сабуров и Первухин.

Из послесталинского высшего руководства партии снова выгнали комсомольцев и «профсоюников» ВЦСПС, зампредов Совмина и т. д., а также разного рода подручных Сталина на различных «фронтах» типа философа Д. И. Чеснокова или партконтролера М. Ф. Шкирятова. Безвинно пострадал и будущий генсек *Леонид Брежнев* — на пленуме 6 марта 1953 г. его из секретарей ЦК, избранных на XIX съезде, выгнали (впрочем, выгнали весьма «условно» — тут же назначили первым секретарем ЦК компартии Молдавии).

Спустя четыре года на другом пленуме, в июне 1957 г., об «антипартийной группе» стало известно, что Маленков 5 марта 1953 г. ни с каким «бюро» Президиума ЦК КПСС состав будущего послесталинского госпартруководства СССР не согласовывал — он просто «озвучил» записку Берии от 4 марта (Сталин был еще жив!) о дележе «сталинского кафтана» власти.

«Наш Гиммлер» (Берия) продолжил сталинскую линию XIX съезда на дележ прежде всего *государственных постов.* И именно поэтому *Хрущев* внешне казался в тех обстоятельствах явно *обделенным*: после 5 марта он остался всего лишь одним из членов «обновленного бюро» ЦК КПСС, а после пленума 14 марта — еще и одним из пяти секретарей Секретариата ЦК. 5 марта Хрущев одержал лишь одну маленькую победу, которая тогда казалась пустяковой: он вошел в состав «тройки» (Берия — Маленков — Хрущев) по «приведению в должный порядок» всех «документов и бумаг товарища Сталина, как действующих, так и архивных» (жур. «Источник», 1994, № 1, с. 110. — точно так же после смерти Ленина в 1924 г. поступил в свое время генсек РКП(б) тов. Сталин). Хрущеву на XX съезде КПСС очень пригодится эта «архивная» должность.

Надо сказать, что «два жулика» явно недооценили энергию и способности к аппаратным интригам «Никитки», как и Сталин, считавшим его недалеким «отплясывателем гопака» на сталинских дачах (после временного сплочения «коллективного руководства» в марте — июне 1953 г. против Берии — его предаст Маленков, перебежав в последний момент к победителям — и ареста «нашего Гиммлера» 26 июня, Хрущев быстро прибрал аппарат ЦК к своим рукам и уже 7 сентября 1953 г. был избран на пленуме *Первым* секретарем ЦК КПСС).

Но пока, с 5 марта 1953 г., в СССР начал командовать парадом именно «наш Гиммлер». И свои «реформы» он, как и в 1939—1940 гг., сменив в 1938 г. Ежова, открыл… *реабилитацией.*

Еще в феврале 1953 г. вовсю продолжалось раскручивание «дела врачей» и шли все новые и новые аресты евреев. Из самых последних февральских — арест врача Марии Вейцман, главная вина которой (помимо того что она еврейка) состояла в том, что она была… двоюродной сестрой первого президента Израиля Х. Вейцмана.

Одним из последних по «делу врачей» был арестован именитый еврей, Герой Социалистического Труда, генерал-майор *Леонид Гонар*, крупный инженер-ученый,

директор Сталинградского тракторного (танкового) завода в 1943—1945 гг., а затем — первых ракетостроительных заводов в СССР.

Еще утром 5 марта 1953 г. министр госбезопасности *С. Д. Игнатьев* докладывал «четверке» (Маленков, Берия, Булганин, Хрущев) сводные данные о «прослушке» армейских генералов в связи с сообщениями о болезни Сталина — на 99% все они поверили в версию о «врачах-вредителях» и «сионистском заговоре» против здоровья вождя, но уже на другой день, 6 марта, Игнатьев был освобожден с поста министра и избран в тот же день пленумом одним из секретарей ЦК КПСС.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Как отмечалось выше, Берия начал с реабилитации, для чего уже в середине марта 1953 г. создал в рамках МВД — МГБ специальную *следственную группу* по пересмотру сфабрикованных в 1946—1952 гг. «дел». 2 апреля 1953 г. он подал в «бюро» (Президиум) ЦК КПСС первую записку о «деле врачей-вредителей». Начав с убийства режиссера и актера С. М. Михоэлса, Берия без особого нажима показал — «дело о врачах» от начала и до конца сфальсифицировано, «террористы» и «шпионы» — врачи Вовси, Коган, Виноградов, жена Молотова — Полина Жемчужина и другие — притянуты к «делу» за волосы. При этом Берия не побоялся письменно назвать имя непосредственного заказчика «дела врачей» — *Сталина*, а также имена тех, кто его приказ исполнял (все они уже сидели в тюрьме) — Абакумова, его зама Огольцова и бывшего республиканского министра госбезопасности Белоруссии Цанавы.

Записке Берии был дан ход, и 3 апреля 1953 г. «бюро» ЦК КПСС приняло решение выпустить на свободу и снять все обвинения с 37 человек, арестованных по «делу врачей» и «делу ЕАК», включая и жену Молотова. На том же заседании, кстати, бдительную советскую патриотку Лидию Тимашук лишили ордена Ленина — указ Президиума Верховного Совета СССР о ее награждении рекомендовано было отменить. Еще раньше, 17 марта, Берия распорядился арестовать и заключить в тюрьму главного костолома по «еврейским делам» — *М. Рюмина*.

Следующий «акт милосердия» Берии касался «дела авиаторов»: по его записке 26 мая 1953 г. на имя Маленкова уже без всякого «бюро» ЦК КПСС собственным приказом министра МВД он пересмотрел и выпустил на свободу всех семерых зэков, отбывавших с 1946 г. наказание по этому «делу» (наркома авиапрома Шахурина, маршала авиации Новикова и др.).

Берия подготовил и направил в ЦК КПСС еще несколько записок по реабилитации, в частности, по «мингрельскому делу» (о высланных из Грузии в Сибирь мингрелах) и о т. н. поволжских немцах, также высланных с началом войны в Сибирь, Казахстан и Воркуту.

Более того, 26 марта он представил в «инстанцию» обширный проект *массовой амнистии* примерно *одного миллиона* заключенных из тех 2 млн. 526 тыс. 402 чел., что на момент смерти Сталина находились в тюрьмах и лагерях. Большую часть этого «контингента» составляли т. н. «сидящие за колоски» — посаженные на основе сталинских указов 1947—1948 гг. «расхитители социалистической собственности» — женщины-матери, подростки, инвалиды войны и др., а также те, кто их «не поймал на месте» — председатели колхозов, бригадиры, начальники цехов, директора заводов и фабрик. К ним же относились «прогульщики» (опоздавшие на работу на пять минут по указу в ноябре 1940 г.) и хрущевские «тунеядцы».

27 марта 1953 г. за подписью Ворошилова указом Президиума Верховного Совета СССР такая амнистия была объявлена, и *около трети* всех заключенных (примерно 800 тыс. чел.) вышли на свободу, преимущественно те, кто был осужден на срок до пяти лет.

«Политических» (осужденных по знаменитой 58-й статье УК), а также всякого рода «буржуазных националистов», «предателей-власовцев» и т. п. не амнистировали. Формально оставили за решеткой уголовников-рецидивистов и бандитов-грабителей — на них амнистия не распространялась. Но немалая их часть, срок которых уменьшился в результате длительных отсидок до пяти лет, все же сумели попасть под амнистию, которая организационно была совершенно не подготовлена. Начальству лагерей не дали четких инструкций, амнистированных не снабжали ни продовольствием, ни деньгами на билеты, ни даже одеждой. В итоге вырвавшиеся на свободу уголовники самоорганизовались, стали захватывать целые пассажирские и грузовые поезда, идущие из Сибири на запад, при этом грабя и даже убивая мирных обывателей-пассажиров. Попутно грабились пристанционные магазины, буфеты и рестораны, и водка лилась рекой.

Кончилось это все тем, что сам Берия вынужден был отдать приказ внутренним войскам немедленно подавить эту уголовную стихию. На ряде железнодорожных станций — в Свердловске, Молотове (Перми) и даже в Ярославле дело дошло до настоящих боев, во время которых против «амнистированных» применялись войсками МВД пулеметы (например, на станции «Приволжье» под Ярославлем такой бой шел двое суток), пока эту уголовную вольницу не удалось обуздать (позднее многие историки-диссиденты, например, А. Некрич и М. Геллер, попытались занести эти грабежи амнистированных уголовников в разряд антисталинских восстаний в ГУЛАГе по типу 42-дневного в Джезказгане в апреле 1954 г.), уцелевших в этих боях арестовать и вновь отправить в лагеря. Но все же для большинства выпущенных на свободу «зэков за колоски» амнистия 27 марта 1953 г. была, конечно, огромным неожиданным подарком и счастьем.

Тем не менее Берия продолжил свою линию на *реабилитацию*. Он написал еще одну записку «в инстанцию» с предложением пересмотреть и отменить целую серию сталинских указов и законов о репрессиях. Например, указ 21 февраля 1948 г. о *бессрочной ссылке опасных государственных преступников* (т. е. «троцкистов», «меньшевиков», «анархистов», «белоэмигрантов» и т. п.). На основе этого указа в 1949—1953 гг. особыми совещаниями — «тройками» — МВД СССР в такую ссылку укатали около 60 тыс. человек!?

Характерно, что на этот раз «инстанция» («бюро» ЦК КПСС) его не поддержала. Хрущев, Молотов и Каганович усмотрели в таком пересмотре всей сложившейся практики судов-«троек», следствия и наказания… подрыв «советского строя», хотя за всей этой демагогией видны были ослиные уши партаппаратчиков — «очки хочешь набрать в народе, Лаврентий…». Кстати, когда Берию свергли и расстреляли, «коллективное руководство» охотно и без дискуссий отменило в 1955 г. драконовский указ 21 февраля 1948 г. о «бессрочной ссылке на поселение» в Сибирь, ибо теперь «очки» уже шли в его пользу.

Но и это еще не все. Берия замахнулся на саму систему ГУЛАГа.

ГУЛАГ

Почти за полвека до «демократа» Ельцина Берия попытался выполнить требование Европейского союза (которого, конечно, в 1953 г. даже не существовало) о переподчинении исправительных учреждений — тюрем и лагерей — из ведения МВД в юрисдикцию Минюста СССР (в Российской Федерации это с большим скрипом будет сделано только в 1999 г. под сильным нажимом из Страсбурга).

И хотя такой «новый курс» у «нашего Гиммлера» тогда не сложился, ему удалось за свои «сто дней» сделать другое: он фактически «снял с баланса» МВД и передал в гражданские министерства строительные и горнодобывающие «гири» ГУЛАГа — Дальспецстрой на Колыме, НИИ Гидропроект, Главное управление горно-добывающей промышленности и многие другие. Отныне они становились не «спецобъектами» с охраной и подневольным трудом зэков, а обычными гражданскими предприятиями.

Кроме того, Берия успел закрыть целый ряд «великих строек социализма», основанных на рабском труде заключенных. Часть из них достраивали гражданские строители (например, Волго-Балтийский канал), а прочие «пирамиды Хеопса» как следствие самодурства Сталина — железную дорогу Салехард — Игарка за Полярным кругом по вечной мерзлоте (постоянно проваливалась в болото летом, как только мерзлота подтаивала) или тоннель под Татарским проливом на о. Сахалин (тогда еще не было технических условий для такого сложного проекта) вообще закрыл.

Не забыл министр внутренних дел и своих сослуживцев. Многих необоснованно арестованных по «делу Абакумова» сотрудников МГБ он не только освободил, но и вернул на службу в объединение МВД — МГБ, нередко — с повышением. Так, в секретно-политическое управление вернулся Свердлов-сын, знаменитую «девятку» — службу охраны высших сановников партии и государства вновь возглавил генерал Утехин и т. д.[1].

* * *

Берия не только реабилитировал жертв сталинских репрессий и реформировал МВД. Он успел стратегически наметить ряд важных внешнеполитических акций, которые уже без него реализовали Хрущев (примирение с Югославией Иосипа Броз-Тито в 1955 г.) и даже, спустя 36 лет, Горбачев (объединение ФРГ и ГДР в Германии).

Отвечая за «атомный щит Родины» еще при Сталине, Берия благодаря общению с учеными-атомщиками, например, академиками *Харитоном* и *Сахаровым*, а также с образованными генералами, одним из первых понял стратегическое значение ракетно-ядерного оружия в противоборстве с США и НАТО и успел еще Сталину представить записку о необходимости создания в СССР отдельного рода войск в Советской армии — стратегических ракетных вооруженных сил. Уже без него, при Хрущеве и Брежневе, эта идея будет реализована на практике.

КОНЕЦ БЕРИИ

Конечно, если бы «коллективное руководство» действительно хотело избавить страну от последствий «сумерек сталинизма», а не заботилось только о своей шкуре и креслах и даже нашло «козла отпущения» в лице Маленкова (а он-то, в отличие от Берии, с декабря 1945 г. отстраненного от МГБ и МВД, нес прямую ответственность со своей «пыточной» за все репрессии 1946—1953 гг.), вся *десталинизация* пошла бы по-другому и носила бы более радикальный, а не верхушечно-аппаратный заговорщицкий характер.

Увы, история распорядилась по-другому.

---

[1] Следует, однако, отметить, что вскоре после ареста Берии, 26 июня 1953 г., все они вновь были смещены со своих постов в МВД и заново арестованы. Любопытная деталь: антисемитская кампания после 4 апреля 1953 г. официально была прекращена и «врачи-вредители» выпущены на свободу, но в МВД в августе, кроме «мокрушника» генерала Судоплатова, были арестованы все чекисты-евреи — Свердлов-младший, Н. И. Эйтингон, Л, Ф. Райхман, Литкенс, Бендерский, Бринд, Л. Е. Влодзимирский — начальник Следственной части МВД по особо важным делам (будет пристегнут к делу Берии вместе с его «подельниками» В. Н. Меркуловым, В. Г. Деканозовым, Б. З. Кобуловым и др. и расстрелян в декабре 1953 г.).

Ясно, что «новый курс» Берии объективно отражал насущную необходимость реформы советского режима, все более костеневшую в репрессиях и ГУЛАГе в послевоенные годы «сумерек сталинизма». И не случайно, что и после расстрела Берии в декабре 1953 г. все советские партхозруководители — Хрущев, Косыгин в 1964—1966 гг. и особенно Горбачев — фактически продолжали этот бериевский «новый курс».

Но Берия действовал по правилам «сталинской игры», хотя и без самого Сталина. Менее всего в этой «игре» учитывались интересы простых людей, от имени которых управляли послесталинские «вожди». У Берии не было поддержки в партаппарате. Более того, как цитировал Хрущев «нашего Гиммлера» на антибериевском Пленуме ЦК КПСС в начале июля 1953 г., Берия якобы говорил ему не раз: «Что ЦК? Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой». Хрущев со свойственной ему «крестьянской» логикой тут же делает вывод: «Взгляды Берии на партию ничем не отличаются от взглядов Гитлера» (журнал «Известия ЦК КПСС», 1991, № 1, с. 153).

Не имела успеха и попытка Берии в период его «ста дней» повторить успех Сталина в 20-х гг. — опереться на национальные кадры в союзных республиках. *Павел Судоплатов*, по-прежнему начальник объединенного МВД—МГБ и ближайший сотрудник Берии в период его «ста дней» (за что и угодит в тюрьму после ареста «нашего Гиммлера»), много лет спустя вспоминал: «Помню предложение Берии ввести в республиках собственные награды — это, считал он, поднимет чувство национальной гордости». (*Судоплатов П.* Указ. соч., с. 551).

Не имел Берия прочной опоры и в своей основной вотчине — МВД. Проведенное в марте 1953 г. искусственное объединение давних соперников — аппаратов МГБ и МВД, как оказалось, не усилило, а ослабило позиции Берии. А явная попытка опереться на тех же генералов и офицеров МГБ и МВД, которые сначала были арестованы по «делу Абакумова», а затем освобождены и снова приняты на работу в «объединенное» МВД, да еще с повышением, только усилило внутриведомственную грызню, анонимки, доносы в ЦК КПСС друг на друга.

Да и сама созданная Сталиным система власти в высшем руководстве, несмотря на избрание в ЦК на съездах и назначения на высшие посты в правительстве через постановления Политбюро, *не давала никаких гарантий личной безопасности:* любого члена Политбюро или правительства, как и во времена Ивана Грозного или Петра Великого, по приказу Хозяина могли арестовать и бросить в тюрьму.

При другом раскладе сил на месте Берии 26 июня 1953 г. мог оказаться любой из его «друзей-соперников» — Хрущев, Маленков, Молотов, Микоян и другие. Впрочем, пусть и без ареста и тем более — без расстрела, но по схожей «византийской» схеме изгоняли в июне 1957 г. «антипартийную группу», в октябре 1964 г. — самого «Никитку», а в декабре 1991 г. — «немца № 1» Михаила Горбачева.

Сама история заманивания Берии на заседание Президиума ЦК КПСС и его ареста прямо в зале заседаний 26 июня 1953 г. силами небольшой группы армейских генералов и офицеров во главе с командующим Московским военным округом генералом К, С. Москаленко при активном участии маршала Жукова давно и подробно описана в воспоминаниях самого Москаленко, а также Хрущева и Жукова (см., например, «Берия: конец карьеры», с. 262—289)[1].

Берия был настолько ошеломлен — объявление об аресте огласил его «друг» Маленков, что никакого сопротивления не оказал, и под дулами пистолетов был увезен в

---

[1] П. Судоплатов сообщил любопытную деталь: всей операцией по аресту Берии руководил лично Хрущев, а «боевое дежурство в Кремле», по приказу Круглова и Серова, официальных замов Берии, но «людей Хрущева», взяли на себя армейские генералы и офицеры, среди которых оказался и Л. И. Брежнев, в тот момент — заместитель Главпура Советской Армии. Он же призывает не верить мемуарам Хрущева в описании сцены ареста Берии (*Судоплатов П.* Указ. соч., с. 572—573).

штаб Московского военного округа (МВО) и там спрятан в бункер — запасной командный пункт штаба. В том же бункере МВО новый генеральный прокурор Р. А. Руденко вместе с Москаленко и следователем-протоколистом с августа и по декабрь 1953 г. вели день и ночь непрерывный допрос Берии (его «дело» составило более 40 томов). Система защиты у Берии была стандартной: я выполнял приказы Сталина. Параллельно он писал «слезницы» в ЦК, лично Маленкову и Хрущеву, причем в письмах к Маленкову был откровенен — «расправятся сначала со мной, а потом с тобой» (из воспоминаний Москаленко, перлюстрировавшего письма Берии). Ответов он не получал, а затем у него вообще отобрали ручку, карандаш и бумагу.

Странно, что вообще с Берией столько валандались — целых шесть месяцев. Только в середине декабря 1953 г. его судила военная коллегия Верховного суда СССР (первый день заседания, проходивший там же, где и знаменитые процессы 30-х гг. — в Доме союзов на Охотном ряду в Москве — был открытый, в остальные дни — закрытые). Судили все по той же знаменитой статье 58 УК РСФСР — измена Родине, терроризм, шпионаж. Понятное дело — вместе с остальными «подельниками» приговорили к смертной казни, 23 декабря 1953 г. расстреляли, а трупы кремировали…

Фактически же «суд» состоялся на полгода раньше — на уже не раз упоминавшемся Пленуме ЦК КПСС 2—7 июля 1953 г., стенограмма которого была опубликована только в 1991 г. Уже само объявление вопроса в повестке дня пленума — «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии» — не оставляло сомнений в дальнейшей судьбе «лубянского маршала».

Выступления членов нового «коллективного руководства» также сулило Берии мало хорошего: «прохвост», «провокатор», «агент империализма» — Хрущев; «враждебные действия», «клеветнические наветы» (Молотова и Микояна на пленуме ЦК 15 октября 1952 г. — *Авт.*), «преступно разложившийся человек» — Маленков; «преступная попытка сговориться с кликой Тито — Ранковича, ударить в спину Советскому государству» — Молотов; «из МВД создал ЧК... надо МВД развоенизировать» — Булганин; «нахал, наглец и провокатор... ловко втерся в доверие товарища Сталина» — Каганович; «фашистский заговорщик», «шпион» — Андреев и т. п.

Ясно, что не для «озвучивания» всех этих ругательств в адрес еще недавнего соратника был созван этот Пленум. Вопрос стоял гораздо шире — какой будет внутренняя и внешняя политика КПСС и СССР после смерти Сталина и ареста Берии? Каким станет соотношение двух аппаратов — государственного и партийного? И, наконец, как поступить со сталинским наследием — проблемой «культа личности»?

По последнему вопросу на пленуме отчетливо прозвучали две точки зрения. Каганович, Андреев и некоторые другие предлагали все преступления Сталина свалить на Берию: он «начал дискредитировать имя товарища Сталина... имя товарища Сталина похоронить и чтобы легче прийти к власти. Появился откуда-то вопрос о культе личности…» (Андреев). В конце пятидневного заседания Ворошилов и Молотов в своих выступлениях фактически солидаризировались с Кагановичем и Андреевым — Сталина трогать не надо! По сути, это была «китайская» программа после смерти Мао Цзэдуна — там все свалили на «банду четырех», а самого «великого кормчего» не тронули до сих пор.

Иную позицию заняли Хрущев и Маленков: они-то хорошо понимали, что Берия (как и они сами) был лишь пешкой в руках Сталина, и рано или поздно вопрос о «культе личности» всплывет. Поэтому Маленков в заключительном слове «поправил» тт. Андреева, Кагановича и других, отметив — «культ личности т. Сталина» существовал, причем «в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры».

В своих репликах с места Хрущев поддержал эту точку зрения. Однако после пленума критика «культа личности» не была развернута — все свалили пока на Берию.

Но для Хрущева этот «антисталинский бронепоезд» был поставлен пока на запасные пути — через четыре года он выпустит его на главную магистраль.

Авторское отступление

БЕРИЯ: ЗЛОДЕЙ ИЛИ ГЕНИЙ?

И все же, несмотря на публикацию стенограммы Пленума ЦК КПСС от 2—7 июля 1953 г. и многочисленные мемуары очевидцев[1] краха карьеры «лубянского маршала» и его «нового курса» (термин *А. И. Кокурина* и *А. И. Пожарова*, с ироническим намеком на «новый курс» Ф.-Д. Рузвельта в 30-х гг. XX в. в США[2], упрек Павла Судоплатова в адрес мемуаристов не лишен оснований.

Например, ни одни из «очевидцев» ареста Берии ни слова не сказал, что в канун ареста в Москву была введена танковая дивизия, и от Белорусского вокзала до площади Пушкина (сам видел) в два ряда стояли танки с полным боекомплектом, а все железнодорожные московские вокзалы были заняты войсками Москалеко. По-видимому, заговорщики серьезно опасались ответных действий Берии — ведь у него под рукой была собственная армия — войска МВД, спецподразделения МГБ, пограничники.

Более того, когда сразу после ареста «лубянского маршала» начали «забривать» старших офицеров и генералов войск МВД — МГБ в Московской и прилегающей к ней областях РСФСР, «зондер-командам» маршала Жукова в отдельных местах было оказано вооруженное сопротивление, повлекшее жертвы с обеих сторон.

И даже когда с 1992 г. для некоторых российских исследователей открылись, наконец, архивы КГБ, МВД, Главной военной прокуратуры и, особенно, Архива Президента РФ (бывший архив Политбюро ЦК КПСС) и появилась возможность объективно осветить «сто дней» Берии, эти исследователи побоялись пойти на широкие обобщения.

А ведь «нашими гиммлерами» в еще большей степени и много раньше Берии являлись все сталинские сатрапы — Молотов, Микоян, Ворошилов, Каганович, Маленков и сам главный разоблачитель «культа личности» Никита Хрущев.

И далеко не случайно, что Маленков окончательно переметнулся на сторону Хрущева *всего за день до ареста Берии*, когда последний 25 июня 1953 г. прислал ему для ознакомления протоколы допроса Рюмина, в которых он все валил на своего непосредственного начальника бывшего министра госбезопасности С. П. Игнатьева. Из показаний Рюмина следовало, что бывший министр выполнял чьи-то «высочайшие указания» по фабрикации «дела» о Еврейском антифашистском комитете и «дела» о «врачах-вредителях».

А поскольку «бюро» (Президиум) ЦК КПСС еще 3 апреля 1953 г. санкционировало по докладу Берии полную реабилитацию «врачей-вредителей» (и 4 апреля в газетах об этом появилось соответствующее коммюнике МВД), одновременно обвинив С. Д. Игнатьева как бывшего министра в «серьезных ошибках» и предложив снять его и с поста секретаря ЦК (6 апреля Пленум ЦК сделал это — Игнатьева сняли), Маленков понял — если протоколы допросов Рюмина пойдут дальше, арест Игнатьева неизбежен, но он молчать не будет, и в его протоколах уже будет фигурировать имя *Маленкова* во всей красе — и с «пыточной комнатой» на

---

[1] Дело Берии. Пленум ЦК КПСС, 2—7 июля 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС, 1991, № 1, 2; Берия. Конец карьеры. М., 1991 (воспоминания Н. С. Хрущева, Анат. А. Громыко, А. А. Аджубея, Г. К. Жукова, К. С. Москаленко, Константина Симонова и др.).

[2] См.: *Кокурин А. И., Пожаров А. И.* «Новый курс» Л. П. Берии // Исторический архив, 1996, №4, с. 137—156.

пятом этаже здания ЦК на Старой площади, и с его секретарями-«гестаповцами», переодевающимися в своих кабинетах в мундиры офицеров МГБ, и «особой тюрьмой» в Матросской тишине, и ее «партийным филиалом» в Суханове. И премьер «сдал» своего первого зама и бывшего «друга» Берию Хрущеву и его заговорщикам из числа армейских генералов.

Но фигура Берии в советской, да и мировой историографиях и полвека спустя после его ареста, закрытого «суда» и расстрела остается демонической, зловещей и нераскрытой. Сначала в стенографическом отчете пленума ЦК КПСС в июле 1957 г., где на него (как и в «закрытом» докладе Хрущева на XX съезде партии) «повесили всех собак» за преступления Сталина. Затем этих «собак» уже во времена горбачевской перестройки (1988 г.) закрепили в общественном сознании сенсационным по тем временам кинофильмом грузинского кинорежиссера Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (идеологи перестройки так спешили с показом картины накануне открытия XIX партконференции в мае 1988 г., что выпустили фильм на экраны кино и телевидения не дублированным на русский язык — он так и прошел с закадровым дикторским голосом по-русски: из фильма вышла и пошла гулять по СССР знаменитая фраза — «зачем нужна дорога, если она не ведет к Храму?»), где главный герой карикатурно наделен чертами Берии (пенсне, шляпа и т. п.). И, наконец, на излете перестройки, в 1991 г., образ «изверга» закрепили публикацией стенограммы пленума ЦК КПСС 2—7 июля 1953 г., где одним из пунктов повестки дня был пункт «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии».

Конечно, многое из того, что говорилось на пленумах 1953 г. и 1957 гг., а так же в мемуарах о тех зловещих временах «сумерек сталинизма» было справедливым — деяния Берии никакого сочувствия не вызывают и зловещее определение Хозяина в Ялте в 1945 г. на вопрос Рузвельта — кто это? — а, это «наш Гиммлер» — полностью к нему подходит.

Да, у «нашего Гиммлера» было очень много от его Хозяина. Но явным плюсом было одно — Лаврентий Павлович «падучей» не страдал и, по-видимому, много раньше своих соратников понял, что Сталин давно и тяжело психически болен.

Сохранилось свидетельство истинного отношения Берии к Сталину, донесенное до потомков еще одним грузином, знаменитым в сталинские времена кинорежиссером *Михаилом Чиаурели* (1894—1974), создателем помпезных просталинских фильмов «Клятва», «Падение Берлина» и других. Кинорежиссер пользовался благосклонностью «вождя», не раз бывал на его дачах и был уверен — и после смерти Сталина его соратники не забудут его своими милостями. Но когда он пришел к Берии после похорон Хозяина с очередным восхваляющим «зодчего социализма» киносценарием, «наш Гиммлер» не только не стал читать текст, а бросил его с ругательствами на пол. То, что услышал Чиаурели от Берии затем, повергло его в ужас: «Забудь об этом сукине сыне! Сталин был негодяем, мерзавцем, тираном! Он всех нас держал в страхе. Кровопиец! Он весь народ угнетал страхом! Только в этом была его сила. К счастью, мы от него избавились. Царство небесное этому гаду!» (цит. по: «Берия: конец карьеры», с. 257).

И, может быть, есть свой смысл в попытках некоторых современных историков Грузии найти более взвешенную оценку «ста дням» зловещего «лубянского маршала», когда они воздвигают Берию в иконостас одного из первых послевоенных «коммунистических еретиков», за которым уже пошли Милован Джилас в Югославии, Имре Надь (который ведь был тайным агентом НКВД под кличкой Володя), Александр Дубчек и другие «еврокоммунисты»? «Московская весна» 1953 г., — пишет автор документальной повести Г. Безиргани «Жизнь и смерть Лаврентия

Берия» (Тбилиси, 1998, на груз. яз.) — расцвела в марте и была вырезана руками хрущевских палачей в июне 1953 года»[1].

Феномен Берии и его «нового курса» интересен не фигурой его автора — здесь все ясно: заплечных дел мастер, сталинский Малюта Скуратов. Интересно другое: даже такие «заплечные мастера» (помимо животного страха за свою жизнь) поняли — Сталин в самые последние годы своей жизни завел СССР в тупик, а если он еще и осуществит две свои бредовые идеи — высылку всех советских евреев в Сибирь и военную атаку на Аляску — это неминуемо приведет к третьей мировой атомной войне, в которой уж наверняка погибнет весь мир!

Понимал Берия и другое: нельзя два раза войти в одну и ту же реку и повторить в 1952—1953 гг. ситуацию 1936—1938 гг., т. е. путем показательных процессов над «врагами народа» вновь стравить партаппарат и интеллигенцию при организованном *одобрямсе* «народа». Кто-кто, а уже он-то знал, чего стоит после такой войны этот *одобрямс* не только интеллигенции, но и генералитета: хотя он и был отстранен с 1946 г. Хозяином от непосредственного руководства МГБ, обзор телефонных «прослушек» как член Политбюро получал регулярно, да и с учеными-атомщиками контакта не прерывал.

А они — не какие-то там литераторы-лизоблюды типа «красного графа» Алексея Толстого, придворного писателя Сталина. Они понимают, что поддержка «народного академика» Лысенко и шельмование «вейсманистов-морганистов», генетиков, игнорирование кибернетики и т. д. — это отставание от мировой науки, которое дорого обойдется СССР.

И «второй» Великой Отечественной войны (если Сталин все-таки полезет на Америку с войной из-за Аляски) СССР больше не выдержит, корейская война 1950—1953 гг. это уже показала.

Подобные размышления Берии имели под собой реальные основания. «Красный граф» еще в 1937 г., посетив Всемирную выставку в Париже, цинично «излил душу» другу юности и художнику-эмигранту Юрию Анненкову (1889—1874 гг.), оставившему, кстати, целую галерею рисунков-портретов большевистских вождей начала 20-х гг.

В доверительном разговоре с глазу на глаз граф заявил: «Я циник, мне на все наплевать! Я — простой смертный, который хочет жить, хорошо жить, и все тут. Мое литературное творчество? Мне и на него наплевать! Нужно писать пропагандные пьесы? Черт с ним, я и их напишу!» Далее граф повествует, как он три раза переписывал роман о Петре I, пока «Петр Великий [не] стал без моего ведома «пролетарским царем» и прототипом нашего Иосифа!». «Мне наплевать! — снова предельно цинично завершал Толстой свою исповедь. — Эта гимнастика меня даже забавляет! Приходится, действительно, быть акробатом. Мишка Шолохов, Сашка Фадеев, Илья Эренбрюки — все они акробаты. Но они — не графы. А я — граф, черт подери!»[2]

Алексей Толстой умер в 1945 г. в славе и почете, но его эстафету «акробата» подхватили другие советские писатели и куплетисты. Один из них — известный «раешник» Илья Набатов, заслуженный артист Украинской ССР, лауреат Сталинской премии (тот самый, который пел злободневные беззубые куплеты «с братом»), сразу после свержения Берии говорил в узком кругу на кухне (было зафиксировано «прослушкой» и отражено в справке МВД в «инстанцию» осенью 1953 г.): «Для нас

---

[1] Цит. по: *Константинов С. В., Ушаков А. И.* История после истории: образы России на постсоветском пространстве. М., 2001, с. 67.

[2] *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 2. М., 1991, с. 128—129. Впервые «Дневник» вышел по-русски в Париже в 1966 г. и сразу был запрещен к распространению в СССР.

совершенно безразлично, кто будет держать палку. От смены руководства режим у нас не меняется. Он был и есть, по существу, полицейский. Я не верю ни в какие идейные мотивы в поступках не только Берии, но и других. Это откровенная борьба за власть. Между прочим, Берия оказался бездарным подражателем Сталина. По-моему, дележка власти, если только Берия этого хотел, только началась.

Так или иначе, крах этой структуры рано или поздно неизбежен. Любые перевороты внутри для народа ничего не изменят — система остается той же. Настоящий крах системы может прийти с Запада» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 127).

Для отнюдь не политолога-аналитика, а эстрадного куплетиста, прогноз оказался на удивление точным. Хотя и с поправкой на почти 50 лет — крах пришел только в декабре 1991 г., но именно с Запада.

Глава 4

ВОЗВЫШЕНИЕ ХРУЩЕВА: БЕЛО-ЧЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

На Новодевичьем кладбище в Москве на могиле Никиты Хрущева (1894—1971) установлен символический памятник, выполненный бывшим диссидентом скульптором Эрнстом Неизвестным, некогда вытесненным тем же Хрущевым в вынужденную эмиграцию: в квадрате из белого и черного мрамора помещена лысая позолоченная голова улыбающегося Никиты Сергеевича Хрущева.

Относительно головы, да еще золоченой, можно еще спорить, но бело-черный мрамор — это гениальная находка талантливого скульптора. Все его семилетнее единоличное правление в КПСС и СССР — с июня 1957 г по октябрь 1964 г. — сплошные контрасты от «черного» к «белому» и обратно.

По существу, это была первая крупная попытка *реформировать* советский режим «сверху» в условиях распада мировой колониальной системы и возникновения новых государств т. н. «третьего мира» при продолжающейся конфронтации двух «лагерей» и гонке вооружений, модернизировать советскую «сталинскую» экономику и *восстановить* с[illegible]ую» демократию в партии и в стране, что сопровождалось [illegible]ционными перестройками (создание совнархозов, разделение обком[illegible]ышленные» и «сельские» и т. п.).

В этом смысле Хрущев был прямым предшественником Михаила Горбачева, который через 20 лет пошел тем же путем и пришел к тому же, хотя и гораздо более трагическому (распад СССР) финалу.

Однако Хрущев, как и Сталин, не сразу пришел к единоличной диктатуре в партии и государстве, хотя и на два года быстрее «чудесного грузина»: тому потребовалось на устранение соперников шесть лет, Хрущеву — четыре года.

После временного сплочения послесталинского Президиума ЦК КПСС и Совмина СССР в марте — июне 1953 г. в борьбе за свержение Берии, война «пауков в банке» за лидерство вспыхнула с новой силой.

Первоначально, после ареста Берии, на «кафтан Сталина» нацелились два претендента — *Маленков* и *Молотов.* В официальном «иконостасе», объявленном в день смерти Сталина, 5 марта 1953 г., Хрущев стоял всего лишь пятым — после Маленкова, Берии, Молотова и Ворошилова.

Однако менее чем за два года, к февралю 1955 г., когда на Пленуме ЦК КПСС Хрущев руками Молотова снял Маленкова с поста председателя Совмина СССР и

ведущего заседания Президиума ЦК КПСС (бывшего Политбюро), «наш Никита Сергеевич» пробился на первое место в партии, а после июньского Пленума 1957 г. — и в государстве.

Как же ему удалось такое стремительное *возвышение*? Как это ни покажется странным, благодаря уже мертвому Сталину, точнее, его последней радикальной реорганизации верхушки партаппарата — упразднению на XIX съезде КПСС Политбюро и Оргбюро и созданию «рабкриновского» Президиума ЦК КПСС из 46 человек — 25 членов и 11 кандидатов и 10 секретарей ЦК. И хотя Сталину не удалось на практике осуществить свой замысел натравить молодых провинциальных «партийных волков» на старую гвардию своих кровавых соратников, а совещание 5 марта 1953 г. вновь вернуло более половины этих «волков» (28 человек) в «первобытное состояние» (т. е. лишили постов в Президиуме и Секретариате ЦК), аппетит, как известно, приходит во время еды.

Конечно, никаких «платформ» типа 46 «самураев» в 1923 г. в ЦК они уже не подписывали, но Хрущев как опытный партаппаратчик чутко уловил глухое недовольство обиженных, расценивших такое «сокращение штатов» в верхушке партии как отступление от «заветов вождя» (Сталина) и решений XIX съезда партии (тем более, что это «сокращение» было проведено даже не на Пленуме ЦК, а на каком-то непонятном «совещании» и поспешно — Сталин, напомним, еще был жив).

Конечно, «молодых волков» высокие рассуждения мало интересовали — в отличие от квартиры в Москве и казенной дачи где-нибудь в Подмосковье. Но они сразу поняли — защитником их московских привилегий может быть не предсовмина Маленков, а «верный сталинец» Хрущев, с 14 марта 1953 г. (Пленум ЦК, освободивший Маленкова от должности секретаря ЦК) взявший контроль над партаппаратом в свои руки.

Парадокс внутрипартийной ситуации состоял в том, что первоначально на роль первого десталинизатора еще в апреле 1953 г. заявил себя вовсе не Хрущев, а... Маленков. Именно он первым предложил уже в апреле — мае 1953 г. провести закрытый Пленум ЦК КПСС по «культу личности» и даже подготовил «тезисы» своего доклада на этом пленуме (их сравнительно недавно обнаружил в бывшем Архиве Политбюро и опубликовал Ю. Н. Жуков).

В порядке подготовки к этому Пленуму Маленков, дабы заранее подготовить общественное мнение партноменклатуры к резкой «смене вех» в оценках личности Сталина сразу после его смерти, запустил несколько пробных шаров.

Умевшие читать «Правду» между строк столичные и провинциальные «Сусловы» (а прородителя этого термина — М. А. Суслова, с подачи Маленкова Сталин еще при жизни, 23 июня 1950 г., неожиданно снял с поста главного редактора «Правды», назначив более гибкого Л. Ф. Ильичева) с неподдельным изумлением обнаружили, что через две недели после торжественных похорон «вождя» и помещения его мумии в Мавзолей рядом с Лениным сталинские цитаты вдруг разом исчезли буквально из всех статей «Правды»; она же ни строчки не напечатала во второй половине марта 1953 г. о только что вышедшем из печати многомиллионным тиражом последнем, 13-м, томе «Собрания сочинений И. В. Сталина» (?!).

В еще большее изумление партийные «сусловы» были повергнуты 22 апреля 1953 г., когда, открыв «Правду» с традиционными «Призывами ЦК КПСС к 1 мая», не нашли в них ни одного упоминания имени Сталина.

И уж совсем доконало узкий круг идеологических партфункционеров закрытое постановление «бюро» ЦК КПСС от 9 мая 1953 г., запрещавшее вывешивать и нести на демонстрациях любые портреты мертвых (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин) и живых (члены Политбюро — Президиума) «вождей» (правда, сами послесталинские бонзы

через два месяца испугались своей «смелости» и отменили это постановление. — *Жуков Ю. Н.* Указ. соч., с. 621).

Вся эта пропагандистская и явно антисталинская эквилибристика Маленкова в марте-мае 1953 г. проходила параллельно с заклинаниями других «вождей» в вечной верности «заветам Сталина».

И больше всех вопил об этом... Н. С. Хрущев.

Напомним, что сразу после смерти Хозяина Хрущев громче всех из «оскопленного» Президиума ЦК кричал о необходимости увековечить память «Великого вождя»: не только положить его временно рядом с Лениным в Мавзолей, но построить вскоре для него специальный Пантеон-усыпальницу в Москве (по типу усыпальницы Чан Кайши, что была построена после его смерти в 1975 г. на о. Тайвань и стоит по сию пору). Более того, Хрущеву же тогда принадлежала идея, в дополнение к уже существовавшим Сталинграду, Сталино, Сталинабаду и др. переименовать еще два десятка городов в СССР в честь почившего в бозе «вождя».

Как пишет один из весьма информированных исследователей эпохи Хрущева *Владимир Наумов*, «может быть, он (Хрущев. — *Авт.*) и действительно (в 1953 г. — *Авт.*) верил в его величие. Трудно судить Хрущева за это. Многие заблуждались в то время. Тогда Хрущев не считал преступления Сталина преступлениями. Он и сам участвовал в них и видел в таких делах только высокое историческое предназначение»[1].

Более того, Хрущев оказался в числе тех будущих членов «антипартийной группы» 1957 г. (Молотов, Каганович, Ворошилов и др.) и «примкнувшим к ним» весной 1953 г. Берии, Микояна, Суслова и др., которые решительно заблокировали идею Маленкова провести уже в 1953 г. закрытый Пленум ЦК с осуждением «культа личности».

И тем не менее именно на «разоблачении» культа Сталина взошла в партии политическая звезда Н. С. Хрущева, а Маленков проиграл эту политическую карту, когда в сентябре 1953 г. отнюдь не анти-, а просталинский Пленум ввел должность Первого секретаря ЦК КПСС и избрал на нее Н. С. Хрущева.

Почему же Маленков проиграл, а Хрущев возвысился?

Ведь в 1953—1954 гг. в СССР каждый колхозник боготворил Маленкова, а деревенские девки даже зимой 1955 г. распевали на посиделках такие вот частушки:

Ах, предатель Берия,
Нет тебе доверия,
А товарищ Маленков
Напечет нам всем блинков.

А дело объяснялось тем, что уже в августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР Маленков как премьер-министр фактически объявил об окончании сталинского «закручивания гаек» в колхозной деревне и заметном сокращении налогов на крестьян, особенно выплат за приусадебные участки.

В следующем месяце уже Хрущев на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС ослабил «гайки» еще больше — он объявил о существенном повышении государственных закупочных цен на колхозную и «частную» (с приусадебных участков) сельхозпродукцию и продукцию животноводства. Для «укрупненных» сталинских колхозов (в 1950—1952 гг. Сталин более чем вдвое сократил количество колхозов в СССР, доведя их число до 94 тыс. против 252 тыс. до 1950 г.) больших перемен эта «оттепель» не принесла, а вот для «частника» — того же колхозника, кормившего себя

---

[1] *Наумов В. П.* Борьба Н. С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история, 1996, № 2, с. 14.

и страну с пресловутых «шести соток» (приусадебного огорода, от птицы и домашней живности) — эти меры принесли существенное облегчение. Заметно оживилась торговля на колхозных рынках в городах, цены на них стали снижаться, но при этом деревня приписывала эту либерализацию не Хрущеву, а Маленкову. Популярность его в СССР в 1953 г. — феврале 1955 гг. заметно возросла. И тем не менее в феврале 1955 г. Маленкова сняли с поста премьера, причем смехотворной формулой: за провал его политики именно в сельском хозяйстве (?!).

На самом же деле (как и с Троцким после смерти Ленина) суть заключалась в другом: в борьбе за власть новых «пауков в банке».

К «рулю» в партии и государстве рвались все — «сталинские гвардейцы» Молотов, Каганович, Микоян, «молодые волки» Сабуров и Первухин, но больше всех — Хрущев, благо в его руках с сентября 1953 г. оказался весь партийный аппарат. Он-то и помог «Никитке-кукурузнику» взять верх над премьером Маленковым.

Большой знаток истории возвышения Хрущева В. П. Наумов, научный сотрудник аппарата Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ (председатель Комиссии акад. А. Н. Яковлев), странным образом обошел в своих ценных публикациях роль «партийных конвертов» в победе Хрущева над Маленковым.

Дело в том, что Сталин, по существу полностью заменяя в 1935—1938 гг. весь старый партийный и советский аппараты, не только расстреливал «коминтерновцев», «уклонистов» или «буржуазных националистов» — он набирал в партию совершенно новый тип партийцев — уже не идейных борцов, а чиновников (как это исстари было в царской России), стимулируя их «труд» конвертами — еще по три-четыре «зарплаты» в добавление к основной (и это не считая «привилегий» — казенных дач, пайков и т. п.).

Маленков же, в интересах борьбы за власть, а также продолжая линию XIX съезда на подчинение партаппарата государству («отрыв партийных органов от масс», превращение их в «бюрократические конторы» и т. п. — из отчетного доклада Маленкова съезду), возьми в мае 1953 г. да и лиши партноменклатуру этой халявы. Мало того, одновременно он в три-четыре раза поднял официальную зарплату советскому (государственному) аппарату, и председатели облисполкомов и райисполкомов (а последних не везде даже пускали пообедать в обкомовскую столовую) стали сразу получать больше, чем «первые» в обкомах или райкомах КПСС.

Надо было совсем плохо знать «сталинскую пехоту» (что удивительно для Маленкова — ведь он с 1938 г. «сидел» в ЦК на кадрах), чтобы допустить такой прокол.

Ясное дело — партийная номенклатура «за так», на «ленинском» энтузиазме с его «бревном» на коммунистическом субботнике, работать больше не хотела: не для того она в 1935—1938 гг. строчила доносы в НКВД на соседа-«троцкиста» (нужна была его квартира), чтобы так вот запросто потерять «халявные деньги».

И секретарь ЦК КПСС Хрущев это отлично понял. Буквально накануне сентябрьского Пленума 1953 г. он из кассы партии (ведь не бюджетные же деньги!) взял и «доплатил» всем освобожденным партфункционерам (но в первую очередь — членам ЦК, которые уже собирались на Пленум) «недостачу» — все «конверты» с мая по сентябрь 1953 г. (из интервью Ю. Н. Жукова обозревателю «Российской газеты» А. Сабову, июль 2002 г. — личный архив автора).

И все — «Никитку» на Пленуме едва ли не единогласно выбрали Первым секретарем ЦК КПСС.

Одним словом, какие уж тут идеи, мировая революция, благо трудящихся: в период «строительства коммунизма» уже не идеи, а «конверты» решают все?!

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ ПО ХРУЩЕВУ

Но Хрущев, разумеется, понимал: большую политику на одних «конвертах» не сделаешь — нужны крупные внутри- и внешнеполитические инициативы, ибо наследие сталинизма — это не одни номенклатурные партийные привилегии.

Для начала надо было встряхнуть страну, особенно ее молодежь, костеневшую в узких рамках сталинских послевоенных «охранительных» регламентации — раздельное обучение мальчиков и девочек, школьная форма, «каждый сверчок знай свой шесток»— словом: веруй, а не умствуй!

Первым толчком стал призыв к освоению целинных и залежных земель. Как потом, уже после снятия Хрущева, доказали специалисты-аграрники, экономический эффект от этого мероприятия (прирост сбора зерна) оказался минимальным, а экологические потери (эрозия почв) — чудовищными.

Но Хрущев, который, как известно, подобно Сталину поддержал шарлатана Лысенко, мало что понимал в агротехнике, да и не для того он затевал этот «целинный эксперимент» — нужна была абсолютная власть в стране, «не боги горшки обжигают» и... чем я хуже Сталина, а?

И первой крупной внутриполитической акцией недавно избранного Пленумом Первого секретаря ЦК КПСС становится постановление Президиума ЦК 4 января 1954 г. — «даешь целину!».

Что там лопочет премьер Маленков? Какая-то интенсификация сельского хозяйства, химудобрения, мелиорация, подъем на этой основе легкой промышленности, чтобы народу стало полегче... А когда это «полегче» наступит? Ах через две-три пятилетки! Так Хрущеву в 1954 г. уже было 60 лет, а через три пятилетки стукнет 75. Этак и до коммунизма не доживешь! Поэтому осторожность Маленкова — к черту! Даешь подъем урожая на целине за один-два года — вот и станет полегче! «Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики!» И на сессии Верховного Совета СССР в апреле 1954 г. Хрущев «продавил» свой авантюрный целинный план, забраковав умеренную программу роста благосостояния трудящихся премьера Маленкова.

Более того, в феврале 1955 г. он вообще вытеснит Маленкова из премьеров, но осторожные «старики» из Президиума ЦК все же не отдадут «Никитке» кресло предсовмина, посадят в него бесцветного, но управляемого маршала Н. А. Булганина — в начале 30-х директора московского электрозавода (быв. братьев Рябушинских).

Поражение Маленкова на пленуме в январе и на сессии ВС СССР в апреле 1954 г. по «целинному вопросу» означало нечто большее, чем поражение одного «паука» и победу другого.

Речь шла о большем — о «банке». Или будет продолжена линия Хозяина на приоритет госаппарата («банка казенная»), или партаппарат вернет себе контроль над государством («банка партийная») при сохранении всех сталинских привилегий, включая «конверты».

Понятно, на какую из двух «банок» делал ставку Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

При этом он недолго оставался «верным учеником Сталина», ибо разоблачение культа личности учителя — верный путь к партийно-государственному Олимпу.

После своего избрания на Пленуме ЦК в сентябре 1953 г. первым лицом в партаппарате Хрущев ввел новую, с довоенных времен не осуществлявшуюся практику

— он начал много ездить по стране, встречаться с партийными активами союзных республик и областей, посещать заводы и фабрики, совхозы и колхозы.

Это «хождение в народ», давно забытое при Сталине, принесло ему популярность среди провинциальной партхозноменклатуры. Но вместе с тем Хрущев убедился: «молодые волки» восприняли первые, еще пока робкие реформы во внутренней и внешней политике как начало восстановления роли партаппарата в жизни СССР, как «ленинский» переход к партийному контролю за ранее бесконтрольными сталинскими спецслужбами.

Но Сталин, неожиданно резко выдвинув на XIX съезде партии многих провинциальных партфункционеров на самый «верх», в расширенные Президиум и Секретариат ЦК, не успел довести эту реформу партаппарата до конца. И его эстафету подхватил Хрущев, так как увидел в местной партбюрократии ту «пехоту», которая (как когда-то Сталину в 20-х гг. в борьбе за власть в партии против «троцкистов») могла помочь ему отодвинуть в сторону старую сталинскую гвардию — Маленкова, Молотова, Кагановича, Ворошилова и других.

Сделать это Хрущев мог только одним путем — пристегнуть членов сталинского Политбюро к кровавым преступлениям Хозяина, что предопределяло хрущевскую линию 1956—1962 гг. на *десталинизацию.*

Как и Сталин, Хрущев, однако, хорошо понимал, что провинциальные «партийные пехотинцы» — это все-таки *массовка*. Нужен еще и жесткий партийный контроль за органами госбезопасности и генералитетом армии.

После расстрела в декабре 1953 г. Берии с группой его сообщников, а год спустя — в декабре 1954 г. в Ленинграде — Абакумова и его «подельников» Хрущев «посадил на хозяйство» в КГБ СССР в 1954 г. своего старого соратника по работе на Украине в довоенные годы *Ивана Серова* (1902—1990 гг.) по прозвищу *мясник.* Прозвище свое Серов полностью оправдал: в 1939—1940 гг. как замнаркома НКВД СССР насильственно выселял финнов и карелов из прифронтовой полосы, весной — летом 1940 г. — жителей Прибалтики (175 тыс. эстонцев, 170 тыс. латышей, 320 тыс. литовцев) и Бесарабии, в июне — июле 1941 г. — немцев Поволжья, в 1944 г. — крымских татар и «кавказцев» (чеченцев, ингушей, балкарцев и др.). С 1945 г. командовал СМЕРШем в Восточной Германии. 26 июня 1953 г. лично участвовал в аресте Берии, летом 1957 г. помогал Хрущеву свергнуть «антипартийную группу»[1].

Но пока, в 1954—1958 гг., новый шеф КГБ Серов активно помогал Хрущеву уничтожать документальные следы его участия в сталинских репрессиях на Украине в предвоенные годы. Помните, еще 5 марта 1953 г. Хрущев попал в «тройку» Президиума ЦК КПСС (Берия — Маленков — Хрущев) по «приведению в должный порядок» текущего архива Сталина. На практике Хрущев остался *один* из этой «тройки» — 15 марта 1953 г. Маленков ушел с поста секретаря ЦК, а Берия 26 июня того же года был арестован. «Досье» Берии после его ареста, как и весь личный архив Сталина полностью попали в руки Хрущева. И он, судя по телевизионному выступлению генерала *Дмитрия Волкогонова* в августе 1995 г., умело воспользовался этим обстоятельством: в 1955 г. как глава партийной комиссии по «бумагам Сталина» он подписал акт об уничтожении 11 бумажных мешков с протоколами Политбюро и отчетами ЦК КП Украины об арестах «врагов народа» — на всех этих документах была его личная подпись[2]. Отныне Хрущев

---

[1] В декабре 1958 г. Хрущев все же выгонит Серова из КГБ и заменит его на «железного Шурика» — А. Н. Шелепина. В 1963 г. Серов покатится еще ниже: за связь со шпионом Пеньковским будет разжалован из генералов армии в генерал-майоры, в 1965 г. исключен из КПСС и лишен всех наград (см.: «Берия: конец карьеры», с. 80—85).

[2] См. также: *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. Кн. 1. М., 1995, с. 260.

мог смело разоблачать преступления Сталина, не боясь вопроса «а ты где был?»: его личное участие в репрессиях документально, полагал он, уже нельзя было доказать.

Второй важной опорой Хрущева в борьбе за лидерство в партии и в стране в 1953—1957 гг. стал *генералитет армии.* Роль Серова в КГБ в армии сыграл маршал *Георгий Жуков.*

Смерть Сталина застала Жукова в Свердловске, на посту командующего Уральским военным округом. Хрущев немедленно вызвал маршала в Москву, и 26 июня 1953 г. он сыграл решающую роль в организации ареста Берии группой армейских генералов и офицеров. Хрущев содействовал возвращению Жукова в Москву — в том же 1953 г. он стал заместителем министра обороны, а с 1955 г. — министром обороны СССР. В 1956 г. Хрущев сделал Жукова кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, а с 1957 г. — полным членом Президиума.

Жукову принадлежит решающая роль в спасении Хрущева как политического лидера партии в 1957 г. — именно он организовал «челночные рейсы» военно-транспортной авиации ВВС Минобороны СССР, доставившей членов ЦК на судьбоносный Пленум в июне 1957 г., переломивших настроения его участников и восстановивших Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС, что означало поражение «антипартийной группы».

Но Хрущев не был бы верным выкормышем сталинского отбора партийных кадров, если бы испытывал к Жукову чувство элементарной порядочности и благодарности за то, что он ему сделал в 1953—1957 гг. Едва Пленум ЦК в июле 1957 г. отстранил от руководства «антипартийную группу», как в октябре того же года Хрущев расправился с Жуковым так же, как и с Серовым год спустя: министр обороны не успел приплыть на военном корабле из Крыма в Югославию, куда он отправился с официальным визитом, как Октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС заочно вывел его из состава этого высшего партийного органа и снял с поста министра обороны. Жуков был обвинен в «бонапартизме», попытке принизить роль политорганов в армии и т. п.

На место Жукова был назначен давний приятель Хрущева *Родион Малиновский* (но в октябре 1964 г. он предаст своего благодетеля и примкнет к антихрущевскому заговору в Кремле), а начальником ГлавПУРа — полное интеллектуальное убожество *Филипп Голиков* (1900—1980), которому Хрущев немедленно присвоит звание маршала.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КОЛЛЕКТИВНОГО РУКОВОДСТВА»

Важнейшим элементом возвышения Хрущева в 1954—1955 гг. стала новая внешняя политика послесталинского руководства СССР. Первый секретарь хорошо понимал, что участие в многочисленных тогда «саммитах» (как много лет спустя и для М. С. Горбачева) укрепляет ее престиж, особенно в отечественном партаппарате, поскольку демонстрирует конкретное партийное руководство советской дипломатией.

И хотя лично Хрущев меньше всего подходил на роль дипломата и нередко ляпал за границей такое, после чего МИД СССР выпускал «разъяснения» (да и одеваться «по-дипломатически» он никогда не умел[1]), неподдельный напор, раскованность, жестикуляция выгодно отличали Хрущева в глазах западных журналистов от застегнутых на все пуговицы «сталинских» дипломатов — Молотова, Громыко и др.

Следует учитывать и тот факт, что все разговорные «перлы» Хрущева (как много позднее и Ельцина) типа «кузькиной матери» при переводе на иностранные литературные языки заметно смягчались, а то и теряли понятный только русским

[1] Никогда не забуду, как во время первого визита Хрущева во Францию влиятельная газета «Фигаро» вышла с фотографией… ног первого секретаря с подписью: «Хрущев «голубой»?» (на ногах Хрущева были надеты плетеные советские сандалии, такую «обувку» во Франции обычно носят гомосексуалисты).

специфический подтекст (та же «мать Кузьмы»). Поэтому воспринимался преимущественно видеоряд: мимика, жестикуляция (размахивание руками) и т. п.

Такой необычный «хрущевский» стиль раскованного поведения как нельзя кстати ложился на détente — начавшуюся в мире после смерти Сталина *разрядку*.

Не забудем, что Сталин умер не только в разгар холодной, но и «горячей» войны в Корее, которая к моменту смерти вождя унесла жизни 4 млн. корейцев и китайцев и 142 тыс. американцев (СССР потерял в этой войне 335 самолетов и 120 летчиков)[1].

Смерть Сталина и избрание «американского Жукова» — героя Второй мировой войны *Дуайта Эйзенхауэра* президентом США позволили уже 27 июля 1953 г. подписать соглашение о прекращении огня и заключении геополитического компромисса на принципах «двух Корей» — Северной коммунистической и Южной капиталистической.

Это позволило Маленкову уже в августе 1953 г. произнести с трибуны Верховного Совета СССР немыслимое при Сталине слово *разрядка* (détente). Более того, 12 марта 1954 г. он пошел еще дальше, заявив: «Советское правительство… решительно выступает против политики «холодной войны», ибо эта политика есть политика новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации»[2].

Вообще, период 1954—1955 гг. был отмечен большой активностью советской дипломатии в плане *détente'a*. Эта активность началась с многодневной встречи (25 января — 18 февраля 1954 г.) министров иностранных дел четырех бывших союзников по антигитлеровской коалиции в Берлине по вопросам уменьшения международной напряженности в Европе и мире. Фактически, это была первая после смерти Сталина встреча четырех постоянных членов Совета Безопасности ООН, носившая характер взаимозондажа. И хотя СССР представлял верный соратник Сталина Молотов как министр иностранных дел, Запад с напряжением вслушивался — что *нового* вносит советская дипломатия в свои декларации о *разрядке*?

Нового оказалось немало. В Берлине прежде всего договорились о дипломатическом формате будущих встреч Запад — Восток: отныне и на все последующие 50 лет они принимали форму *саммитов* на уровне министров иностранных дел или глав государств (премьер-министров). Важнейшими из этих саммитов стали Женевские (два) и Венский в 1954—1955 гг.

На первой Женевской встрече министров иностранных дел СССР, КНР, США, Великобритании, Франции и других, затянувшейся почти на четыре месяца (с 26 апреля по 21 июля 1954 г.) удалось найти компромисс по корейскому и индокитайскому вопросам (в Индокитае с 1946 г. воевала Франция, пытаясь сохранить эту дальневосточную колонию).

Менее успешным был второй Женевский саммит 18—23 июля 1955 г. глав государств «четверки» — СССР, США, Англии и Франции, являвшийся как бы продолжением Берлинской встречи в начале 1954 г. Единственным практическим результатом этой встречи на высшем уровне стало признание суверенитета Западной Германии и установление 14 сентября 1955 г. дипломатических отношений между СССР и ФРГ, которые, впрочем, через шесть дней, 20 сентября 1955 г., были уравновешены договором о дружбе между СССР и ГДР.

Гораздо более результативным оказался *Венский саммит* 15 мая 1955 г. о нейтральном статусе Австрии. Как составная часть III рейха Гитлера Австрия после аншлюса в 1938 г. рассматривалась как часть Германии и была оккупирована войсками

---

[1] Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945—1985): новое прочтение. С. 210.
[2] Цит. по: СССР и холодная война. С. 53.

четырех держав-победительниц. В обмен на согласие антифашистских политических кругов Австрии объявить «вечный нейтралитет» по образцу Швейцарии и Швеции, бывшие союзники согласились подписать в Вене Государственный договор и вывести свои оккупационные войска из страны. Позиция западных партнеров по государственному австрийскому договору более или менее понятна — в конце концов аналогичную политику после войны США проводили, например, в Италии, союзнице Гитлера, хотя нейтральный статус она и не получила, а вошла с 1949 г. в НАТО.

Сложнее обстоит дело с позицией СССР, что вызывает недоумение у многих российских и зарубежных исследователей. В конце концов, Запад вряд ли в 1955 г. мог бы помешать СССР разделить Австрию на две части, как Корею или Германию, и создать в советской зоне оккупации… Австрийскую демократическую республику по образцу ГДР.

И тем не менее в 1954—1955 г. Москва почему-то на это не пошла. Почему?

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС: ОТ СТАЛИНА ДО ГОРБАЧЕВА

Крушение Берлинской стены в 1989 г. и неожиданное объединение двух Германий при Горбачеве породило устойчивую легенду, что «немец № 1» чуть ли не единолично решил сделать личный подарок «другу Колю» и «подарить» ему ГДР, как шубу с барского плеча.

Между тем предшественником Горбачева в деле объединения Германии еще в 1951 г. выступил… сам СТАЛИН[1].

Дело в том, к 1951 г. «вождю» стало окончательно ясно — конфронтация с Западом делает Германию самым опасным участком в центре Европы, напичканным оружием и войсками. Фактически в обеих частях Германии с мая 1945 г. сохранялся режим военной оккупации, а политические режимы — ФРГ и ГДР — обе противоборствующие стороны рассматривали как марионеточные и дипломатически до 1955 г. взаимно не признавали (а ФРГ и ГДР установили двусторонние дипотношения только в 1972 г., когда оба государства были наконец приняты в ООН).

Содержание СВАГ (Советская военная администрация в Германии) и огромной оккупационной армии в ГДР (ЗГВ — Западная группа войск со времен Брежнева) тяжелым бременем ложилась на бюджет СССР, тем более что в августе 1953 г. Москва по идеологическим соображениям официально отказалась взимать с ГДР военные репарации. Фактически ГДР оказалась для СССР нечто вроде «русской» Польши вместе с Варшавой, на включении которой в 1814—1815 гг. на Венском конгрессе в состав Российской империи на правах автономного, по типу Финляндии, княжества (со своей конституцией, парламентом и полицейской армией) настоял Александр I (о чем он позднее очень пожалеет). На протяжении всего XIX в. поляки будут постоянно бороться за свою независимость (восстания 1830—1831 гг., 1848 г., 1863 г.) и в конце концов в 1918 г. с помощью немцев вновь отделятся от России.

Сталин, непосредственный участник советско-польской войны 1920 г. и четвертого раздела Польши в 1939 г. между ним и Гитлером, понимал, что «полонизация» Германии чревата уже не идеологическим, а новым открытым военным конфликтом СССР с НАТО.

---

[1] Впервые в деталях эта история стала известна из мемуаров Павла Судоплатова («Спецоперации». М., 2001, с. 560—565), принимавшего в 1951—1953 гг. в ней непосредственное участие.

Судоплатов был подключен к этому сверхсекретному сталинскому плану еще в 1951 г. Особенностью его реализации было то, что все предварительное зондирование за рубежом шло по каналам спецслужб — не был информирован даже МИД СССР.

Что же замышлял Сталин? Он хотел создать объединенную «буферную» Германию с коалиционным правительством во главе, но непременно с *нейтральным статусом* и при условии, что ГДР войдет в эту «новую Германию» на правах *автономии*; при этом Хозяин мыслил, что Запад выплатит за такую уступку солидные отступные в твердой валюте (в 1952 г. фигурировала неофициальная цифра в 600 млн. долл. США, выплатить которую якобы соглашался тогдашний канцлер ФРГ *Конрад Аденауэр*)[1].

Смерть Сталина не похоронила эту идею. Эстафету подхватил Берия. В мае 1953 г. Берия вызвал Судоплатова и поручил ему подготовить обобщенную справку из резидентур МГБ в Европе по итогам зондажа 1951—1953 гг., а также задействовать старых агентов НКВД, в частности, актрису *Ольгу Чехову.* Для связи с ней в ГДР была в мае 1953 г. отправлена полковник МГБ *Зоя Рыбкина*, начальник германского направления разведуправления объединенного МВД и МГБ. Более того, Берия представил в мае 1953 г. в Президиум ЦК КПСС записку с конкретным планом создания «объединенной и нейтральной Германии». Именно из этой записки Молотов с удивлением узнал, что, оказывается, «эмгэбешники» уже два с половиной года ведут тайную операцию по объединению Германии за спиной МИДа, даже не информируя его. И хотя Берия в своей записке ссылался на положительный опыт МИДа по нейтрализации в 1944 г. Финляндии и создании в ней коалиционного правительства, Молотов взорвался и категорически выступил против предложения Берии.

Но он еще был силен, и так просто «железной заднице» отмахнуться от «нашего Гиммлера» не удалось — Маленков предложил на Президиуме ЦК, как обычно, создать комиссию (Маленков — Берия — Молотов). Комиссия подготовила «компромиссный» проект решения германской проблемы для Президиума ЦК. Проект в принципе не отвергал бериевскую идею «объединенной и нейтральной Германии» во главе с коалиционным правительством а ля Финляндия 1944 г., но в гигантской степени увеличивал *дань* с ФРГ — ГДР за это объединение «сверху» — до *10 млрд. долл.* С рассрочкой выплаты на *десять лет*, т. е. до 1963 г.[2].

Большую часть этой суммы СССР рассчитывал взять традиционным репарационным «бартером» — в виде оборудования, станков, дорожных машин, паровозов, вагонов и т. д. При этом мыслилось, что до 80% этих новых репараций (т. е. не только с ГДР, но и с ФРГ) пойдет на модернизацию военных заводов в СССР и строительство стратегических железных и шоссейных дорог из европейской России через Польшу в «объединенную и нейтральную Германию»: советские войска из нее выводились, но по этим новым путям их легко можно было бы перебросить обратно в случае обострения международной обстановки в Центральной Европе.

Самое удивительное состояло в другом — 12 июня 1953 г. Президиум ЦК КПСС *утвердил этот план как практическую директиву.*

Более того, за неделю до принятия этого постановления Президиума ЦК в Берлин был направлен новый советский посол в ГДР и по совместительству верховный комиссар СССР в Союзной контрольной комиссии в Германии *Владимир Семенов*, который ошарашил лидера ГДР *Вальтера Ульбрихта* требованием прекратить форсированное

---

[1] Не лишне отметить, что аналогичный «сталинский» план решения германской проблемы предлагался и Горбачеву, но он предпочел по-ленински «пойти своим путем».

[2] Цифра в 10 млрд. долл. была взята не с потолка: именно она фигурировала при обсуждении «германского вопроса» в рамках исторического компромисса на переговорах Сталина и Рузвельта в Тегеране в 1943 г. и в Ялте в 1945-м. Ту же сумму вождь хотел сорвать с еврейской общины в США за «Израиль в Крыму».

строительства социализма в Восточной Германии и готовиться к «объединению» ГДР с ФРГ.

Однако этот первый советский проект объединения Германии на гораздо более выгодных экономически для СССР условиях, чем 37 лет спустя у Горбачева, тогда, в июне 1953 г., сорвался.

Во-первых, он оказался тесно связанным с арестом Берии 26 июня 1953 г., и те же самые члены Президиума ЦК КПСС, которые 12 июня проголосовали за его проект «объединенной и нейтральной Германии», на июльском пленуме ЦК 1953 г. уже принимали резолюцию «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии», приговаривая: этот «иностранный шпион» якобы предлагал «отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию» (Маленков). И неудивительно, что через три дня после ареста Берии тот же Президиум ЦК КПСС отменил 29 июня свое же постановление от 12 июня об «объединении Германии».

Во-вторых, сами тогдашние вожди ГДР — Ульбрихт и Вильгельм Пик — оказались не менее опытными интриганами, чем их партайгеноссен в Москве. Дело в том, что еще до принятия решения 12 июня «вожди» ГДР были вызваны в Москву «на ковер», и там их ознакомили с другим решением, принятым накануне, — «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». Указанные «меры» предлагали старому коминтерновцу Ульбрихту срочно развернуться на 180° — во имя «объединения» Германии в геополитических интересах СССР строить в ГДР не социализм, а капитализм.

Однако немецкие партайгеноссен оказались не советскими секретарями обкомов. Они не взяли под козырек, а вступили с Берией, Маленковым, Молотовым, Хрущевым, а также с Семеновым и командующим советскими оккупационными войсками в ГДР А. А. Гречко, вызванными в Москву, в жесткую полемику. Для воспитанного Сталиным «коллективного руководства» такой «бунт на коммунистическом корабле» был недопустимой дерзостью со стороны «обкомовцев» из ГДР. Как сообщает Судоплатов, «тройка» (Берия — Маленков — Хрущев), отправив Ульбрихта и К° домой, тут же приказали Семенову и Гречко немедленно выгнать Ульбрихта, Пика и всю их державшуюся на советских штыках гоп-компанию взашей.

Но не тут-то было. Вернувшись в Берлин, Ульбрихт спровоцировал в столице ГДР 17 июня 1953 г. рабочие беспорядки, которые Гречко по команде из Москвы жестоко подавил танками: «Результат был трагическим — тысячи людей погибли» (*Судоплатов П.* Указ. соч., с. 564).

Но ценой этой безвинной крови своих соотечественников Ульбрихт сохранил свое кресло лидера ГДР и раскол Германии, хотя сама идея объединить два германских государства на позиции постоянного нейтралитета в советских правящих сферах не исчезла — она обсуждалась вплоть до 1961 г., когда Хрущев, построив Берлинскую стену, окончательно разделил Германию на два государства.

Но до этого волюнтаристского решения Хрущева СССР не раз возвращался к проблеме объединения Германии — в ноте 4 августа 1953 г. бывшим союзникам, на Московском совещании европейских государств 29 ноября — 2 декабря 1954 г., в указе Президиума Верховного Совета от 25 января 1955 г. о прекращении состояния войны между СССР и Германией и др.[1].

Подписание Государственного договора с Австрией о ее постоянном нейтралитете шло в том же русле — отрабатывалась «площадка» нейтралитета в Центральной Европе, геополитически выгодного СССР.

XX СЪЕЗД в 1956 г.

---

[1] Подробней см. Владлен Сироткин. Два мира — две системы // Сенатор, 2002, ноябрь — декабрь, с. 76—77.

В послесталинской и, шире, во всей истории СССР после Октябрьской революции 17-го года XX съезд КПСС сыграл такую же роль, как X съезд РКП(б) в марте 1921 г. с его решениями отказаться от «военного коммунизма» и перейти к нэпу.

И как при Ленине через год, к XI съезду партии, выяснилось, что «машина едет не туда», так и после секретного доклада Хрущева 25 февраля 1956 г. партаппарат с удивлением обнаружил — «машина» снова поехала «даже совсем не туда».

Как Ленин через год обнаружил, что «товарообмен» между городом и деревней сорвался, а все сразу выродилось в банальную «куплю — продажу», так и Хрущев и его команда даже раньше, чем через год (обсуждение «секретного доклада» в начале марта на партактиве Академии общественных наук при ЦК КПСС, когда два преподавателя-коммуниста начали требовать от докладчика — секретаря ЦК Дм. Шепилова «разъяснений», за что один — крупный философ *Бонифаций Кедров* был немедленно уволен, а второй — участник войны *И. С. Шариков* вообще посажен в тюрьму; 23 и 26 марта 1956 г. в теплотехнической лаборатории АН СССР в Москве, где за требование аналогичный «разъяснений» парторганизацию лаборатории распустили, а нескольких не в меру ретивых «активистов» исключили из партии; обострение обстановки в Польше в августе и восстание в Будапеште в октябре — ноябре 1956 г.; кровавые события в Тбилиси 5 марта 1956 г., когда войска открыли огонь по митингующим у памятника Сталину в день его третьей годовщины со дня смерти — десятки людей были убиты, сотни ранены, а зачинщики посажены на десять лет в тюрьму и др.) обнаружили — они выпустили такого «джинна» (разоблачили преступления Сталина) из бутылки, которого уже невозможно загнать обратно.

И это при том, что первоначальный, произнесенный Хрущевым 25 февраля 1956 г. текст доклада «О культе личности и его последствиях» был отброшен и 5 марта Президиум ЦК КПСС *утвердил новый, весьма приглаженный текст*, существенно отличавшийся в конкретных деталях от оригинала. Поэтому по местным парторганизациям и комсомольским собраниям для ознакомления, с грифом «не для печати», был разослан совсем другой, заново написанный и «приглаженный» текст (именно он был опубликован при Горбачеве — см. «Известия ЦК КПСС», 1989). Как справедливо отмечает большой знаток партийных архивов *Рудольф Пихоя*, «в партийных организациях СССР читался уже отредактированный, правленый вариант доклада Хрущева».

Что читал и что говорил Хрущев делегатам XX съезда партии, достоверно не известно. «Установить степень соответствия печатного текста доклада Хрущева и его устного выступления пока не представляется возможным, т. к. еще не найдена магнитофонная запись выступления (перед выступлением Хрущева 25 февраля 1956 г. президиум съезда запретил делегатам не только стенографировать, но и делать даже краткие записи его речи. — *Авт.*); учитывая склонность Хрущева к импровизации, можно допустить, что его выступление содержало и другие дополнительные сведения» (*Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 146).

Но и в этом «приглаженном» виде тогда, в марте — апреле 1956 г., «секретный доклад» Хрущева с разоблачением культа личности Сталина произвел оглушительное впечатление на всех, кто слушал его чтение на закрытых партийных и комсомольских собраниях.

Авторское отступление

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Я слушал этот доклад «не для печати» вместе со всем пятым курсом истфака МГУ в большой, амфитеатром, лекционной аудитории на тогдашней улице Герцена в старом здании университета где-то в конце марта 1956 г. Тишина стояла кладбищенская — лишь монотонно, временами с сильным чувашским акцентом, звучал голос *Коли Сивачева*, читавшего доклад Хрущева за кафедрой (Николай Васильевич Сивачев, отработав сельским учителем в Чувашии, позднее окончит аспирантуру и станет заведующим кафедрой новой и новейшей истории истфака и даже секретарем парткома МГУ; увы, как и многие талантливые выходцы из малых народов Поволжья, он рано умрет, не дожив до 50 лет).

Для нас, недавних школьников, потрясения от хрущевских разоблачений Сталина было не таким трагическим, как для «старослужащих» — наших однокурсников, прошедших войну с лозунгом — «За Родину! За Сталина!». Мне, например, больше всего запомнились вмонтированные в хрущевский доклад документы «ленинского завещания», которые мы тогда услышали впервые — «Письмо к съезду» о желательности смещения Сталина с поста генсека (текст этого письма в копиях был вручен каждому делегату XX съезда перед выступлением Хрущева. — *Авт.*) и письмо 5 марта 1923 г. с угрозой порвать со Сталиным всякие отношения, если тот не извинится перед Крупской за телефонную грубость.

Как и требовала партийная инструкция, никакого обсуждения «секретного доклада» сразу после его зачтения в аудитории не было, но дискуссия все же состоялась в тот же вечер, но уже в общежитии МГУ на Ленинских горах, где многие из нас, немосквичей, проживали в весьма комфортных условиях (отдельные комнаты на двоих в блоках с душем и туалетом), в отличие от подавляющего большинства студентов других московских вузов.

Дискуссия носила явно студенческий характер — с водкой и пивом при минимуме закуски (ее обычно брали бесплатно в столовых комбината питания на Ленгорах, где «хрущевская оттепель» проявилась в том, что хлеб, квашеная капуста, иногда соленые огурцы, бесплатно лежали на столах). Особенно тяжело было смотреть на наших ветеранов — почти все они «приняли на грудь» сверх нормы, и общим рефреном наших старших товарищей был один — «за кого сражались на войне, за этого зверя?». Личной трагедией для многих из них обернулся девиз — «Веруй, а не умствуй…».

ХРУЩЕВ: МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ И ХАРИБДОЙ КРУШЕНИЯ РЕЖИМА

Не подлежит сомнению тот факт, что лично для Хрущева десталинизация была средством борьбы за единоличную власть в партии и государстве. Поэтому он хотел бы провести ее под жестким партийным контролем, дозированно. Первым признаком такой «дозировки» стала выборочная реабилитация.

Еще летом 1953 г. были выпущены арестованные по «делу авиаторов». Освободили и «убийц в белых халатах» — кремлевских врачей. Весной 1954 г. наступила очередь посмертной реабилитации расстрелянных по «ленинградскому делу» — Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и других, а также освобождению из тюрем арестованных по этому целиком сфальсифицированному Абакумовым и его подручными «делу».

Но ситуация начала явно выходить из-под контроля. И если бунт немецких рабочих 17 июня 1953 г. в Берлине можно было еще списать на «происки ЦРУ», то восстания в советском ГУЛАГе, мощной волной прокатившиеся в 1953—1955 гг. по всему СССР,

угрожали самому послесталинскому режиму. Летом 1953 г. восстали зэки в Воркуте и Норильске. В конце того же года — в Унжлаге и Вятлаге. Весной 1954 г. 42 дня длилось небывалое по силе восстание заключенных в Кенгури (Джезказгане) в Северном Казахстане под руководством зэка Кузнецова: для его подавления властям пришлось применять авиацию, танки и армейские части.

Очередной ставленник Хрущева — его министр внутренних дел в июле 1953 г. — феврале 1956 г. *Сергей Круглов* (1907—1977 гг.) почти за два года до «секретного доклада» Хрущева на XX съезде представил ему 26 мая 1954 г. свой «секретный доклад» — записку о положении дел в ГУЛАГе. Сталин два года как умер, но число заключенных в лагерях (даже после «бериевской» амнистии уголовников в июле 1953 г.) не сокращалось. На 1 апреля 1954 г. в ГУЛАГе все еще сидело 1 млн. 360 тыс. заключенных, из которых 448 тыс. были «политическими» (осужденные по пресловутой 58-й статье УК РСФСР) и 680 тыс. уголовников. При этом до 30% зэков являлись молодыми людьми до 25 лет[1].

Однако Хрущев ход записке Круглова не дал, спрятал ее в свой личный архив в ЦК. Зато он поощрял на Президиуме ЦК обсуждение другой проблемы — необоснованных сталинских репрессий против верхушки партийных кадров в 30-х гг., начиная с убийства Кирова (в декабре 1955 г. была даже создана специальная комиссия во главе с секретарем ЦК *Петром Поспеловым* по реабилитации репрессированных делегатов XVII съезда партии).

Проблема реабилитации жертв сталинских репрессий все более и более захлестывала высший партийный ареопаг. Например, 8 декабря 1955 г. Президиуму ЦК КПСС пришлось обсуждать просьбу зарубежных компартий о реабилитации их бывших лидеров, в частности, руководителей польской компартии, репрессированных в 1938 г., и удовлетворил эти просьбы.

В том же декабре 1955 г. граждане СССР впервые стали свидетелями необычного явления — впервые после войны очередной день рождения Сталина — 21 декабря — не был отмечен торжественным заседанием в Большом театре. Ограничились лишь публикацией соответствующих юбилейных статей в «Правде» и других партийных изданиях.

Однако антисталинский вал разоблачений нарастал, и сохранить прежнюю установку Июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС — вали все на Берию — уже не представлялось возможным. Начиная с 1 февраля 1956 г., на заседаниях Президиума ЦК КПСС остро встал вопрос — что делать со Сталиным и в какой форме объяснить членам партии его чудовищные преступления?

Несколько заседаний Президиума было посвящено дискуссии в ответ на поставленный 1 февраля Хрущевым вопрос: «Хватит ли у нас мужества сказать правду?». Первоначально Хрущев предложил дать оценку деятельности Сталина в его отчетном докладе очередному съезду партии по принципу «двух Сталиных» (помните — «два Ленина»: до нэпа и после нэпа!). 1 февраля 1956 г. Хрущев так и заявил: «Сталин [был] предан делу социализма, но все [делал] варварским способом. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил» (цит. по: *Наумов В. П.* Указ. статья, с. 157).

Большинство членов Президиума согласились с Хрущевым, но были и оппоненты. *Молотов*, например, не согласился с Хрущевым и предложил обязательно отметить в отчетном докладе съезду роль Сталина как великого руководителя партии и государства и продолжателя дела Ленина. Молотова поддержали *Ворошилов* и (с небольшими

---

[1] *Наумов В. П.* К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история, 1996, № 4, с. 154.

оговорками) *Каганович.* Всех троих очень беспокоили выводы комиссии Поспелова по реабилитации делегатов XVII съезда партии, и они предлагали не включать обнаруженные комиссией факты необоснованных репрессий 30-х гг. в отчетный доклад Хрущева (к началу февраля комиссия Поспелова подготовила 70-страничный доклад, содержавший жуткие факты физических истязаний арестованных делегатов XVII съезда).

Вначале и Хрущев склонялся к версии о «двух Сталиных». Он так суммировал итоги дискуссии 1 февраля на Президиуме ЦК: «На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию — отвести Сталину свое место», но не форсировать тему культа личности на конкретных примерах. «Обстрел культа личности», по Хрущеву, должен пойти по внешним признакам — «почистить плакаты, литературу, взять за образец Маркса и Ленина».

Но 9 февраля 1956 г. наступил резкий перелом. Президиум ЦК, наконец, заслушал доклад Поспелова по справке его комиссии. В архиве Политбюро сохранились воспоминания Микояна об этом докладе: «Факты были настолько ужасающими, что когда он (Поспелов. — *Авт.*) говорил, у него на глазах появились слезы и дрожь в голосе».

После выступления Поспелова и Хрущев стал более радикальным: «Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожил? Надо проявить мужество сказать правду…» (там же). Хрущев предложил сделать на съезде два доклада — открытый, «для печати» отчетный политический доклад ЦК, и закрытый, «секретный» — о культе личности Сталина, причем второй поручить сделать Поспелову.

Однако на этот раз Хрущев встретился с еще более мощной оппозицией. Помимо Молотова и Кагановича, продолжавших дудеть в дуду, что «Сталин есть продолжатель дела Ленина» и предлагавших не делать никакого отдельного «секретного» доклада о сталинских репрессиях, неожиданно их поддержал Булганин, вновь вытащивший идейку о «двух Сталиных» — до 1935 г. как «правоверном марксисте» и после 1935 г. — «антимарксисте». Его поддержали Микоян и Суслов, а Маленков, как и Молотов, предложил «не делать доклад о Сталине вообще».

Фактически Хрущева открыто поддержали только два члена Президиума ЦК — *Максим Сабуров* и *Дмитрий Шепилов.* Первый прямо сказал: «Молотов, Каганович и Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят. Один Сталин (а не два). Сущность его раскрыта за последние 15 лет. Это не недостатки (как говорит т. Каганович), а преступления» (*Наумов В. П.*. Указ. статья, с. 159). Второй выступил более осторожно, но отметил: «Надо сказать партии, иначе нам не простят».

Хрущев понял — большинство членов Президиума ЦК, даже если Поспелов или кто-нибудь другой из секретарей ЦК представят текст доклада о культе личности Сталина, его замотают поправками, дополнениями и т. д. Аналогичная процедура случилась бы и с политическим отчетом ЦК, будь он представлен на обсуждение в Президиум. Поэтому вначале, пока до января 1956 г., когда мыслилось о культе личности Сталина сказать именно в отчетном докладе ЦК, Хрущев держал наготове «эмоциональный резерв».

Этот «резерв» состоял в том, что сразу после своего отчетного доклада от имени ЦК Хрущев намеревался выпустить на трибуну нескольких «пианистов» от «рояля в кустах». На роль таких «пианистов» Хрущев назначил несколько старых большевиков, выпущенных из тюрем, реабилитированных и восстановленных в партии. Ключевая роль отводилась двум из них — *А. В. Снегову* и *Л. Г. Шатуновской.* Снегов даже прислал Хрущеву 1 февраля 1956 г. письменный текст своего резко антисталинского выступления, а также список незаконно репрессированных, но освобожденных и

восстановленных в партии «старых коммунистов» человек на 30, которых предполагалось пригласить на XX съезд, а некоторыми дать выступить с трибуны[1].

Но личную позицию Хрущева в деле разоблачения культа личности Сталина можно выразить русской поговоркой — «и хочется, и колется». «Хочется» добить монстра Сталина, но «колется» — поднимется буря протеста в партии и стране с неизменным вопросом — «а где вы были?». Поэтому в последний момент Хрущев отказался от «роялей в кустах», сократил «снеговский список» до четырех человек (включая Снегова и Шатуновскую), да и им дали только разовые пропуска на два первых заседания съезда.

В результате всех этих колебаний и непоследовательности Хрущева — в какой форме делать доклад о культе личности Сталина (в отчетном докладе или отдельно, в «секретном»), какие факты сталинских репрессий в нем упоминать и т. д. — сложилась совершенно необычная для партаппарата ситуация: 14 февраля 1956 г. открывался XX съезд, а у Хрущева не было ни текста «секретного» доклада, ни ясности, на каком заседании его делать — открытом или закрытом — и кому?

Только утром 13 февраля Президиум ЦК, наконец, принял решение делать «секретный» доклад отдельно от «отчетного» и на специальном закрытом заседании съезда, причем *после выборов* руководящих органов партии (ЦК, президиума, секретариата). Докладчиком по обоим докладам был утвержден Хрущев. Вечером того же дня Пленум ЦК КПСС, выбранный еще XIX съездом при Сталине, проштамповал это решение.

Р. Г. Пихоя справедливо замечает: такого в практике РКП(б) — ВКП(б) — КПСС еще никогда не было — «утверждался доклад («секретный» о культе личности Сталина. — *Авт.*), текста которого в это время вообще не существовало; его еще предстояло написать» (*Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 142)[2].

Но соображения остаться в руководящих креслах перевесили все формальности т. н. *партийной демократии.* Недалекий луганский слесарь Ворошилов на заседании президиума ЦК 13 февраля откровенней всего выразил скрытое настроение и самого Хрущева — если делегаты XX съезда услышат доклад о культе *до* голосования в члены ЦК, они никого из нас туда не выберут. Поэтому надо сначала избираться, а затем лишь делать доклад, причем на закрытом заседании, без гостей, после официального закрытия съезда и безо всяких прений (*Наумов В. П.* Указ. статья, с. 162.).

Так и поступили, хотя и в день открытия съезда 14 февраля никакого текста «секретного» доклада у Хрущева все равно не было — две бригады секретарей ЦК (Петра Поспелова — Аверкия Аристова и Дмитрия Шепилова) со штатами цековских референтов трудились день и ночь, но только первая из них выдала «на-гора» проект доклада «О культе личности Сталина и его последствиях» на пятый день работы съезда, к 18 февраля 1956 г.

Вариант Поспелова — Аристова Хрущева совершенно не удовлетворил. В нем было слишком много теории, формулировок типа «с одной стороны», но «с другой стороны» и т. п. Хрущев решил сам составить текст своего «секретного» доклада. Но еще раньше, на второй день работы съезда, 15 февраля, он решил напрямую подключить к составлению «своего» текста уже не «бригаду Шепилова», а только *лично его одного.* Вместе с Шепиловым Хрущев в перерыве заседания приехал на Старую площадь в здание ЦК и фактически запер Шепилова в его кабинете.

---

[1] Такая операция будет проведена только на XXII съезде КПСС, когда на трибуну будет выпущена старая большевичка Д. А. Лазуркина, долгие годы отсидевшая в сталинских тюрьмах и лагерях.

[2] Такая практика вскоре станет типичной для стиля работы Хрущева, что после его снятия 14 октября 1964 г. вызовет к жизни термин «волюнтаризм». Например, когда в 1962 г. на очередном митинге в Волгограде во время его выступления народ закричал: «Где хлеб? Где мясо?» (Хрущев только что поднял цены на продукты) — он бросил читать текст и сбежал с трибуны, бросив микрофон: «Завтра все прочтете в газетах». И действительно, назавтра «Правда» и «Известия» опубликовали полный текст.

Много лет спустя в интервью московскому журналисту *Николаю Барсукову* 23 февраля 1989 г. Шепилов так рассказывал о своем участии в написании «секретного» доклада Хрущева: «Никита Сергеевич оставил меня в моем кабинете, где я два с половиной дня сидел и писал. При этом, когда я спросил, что он считает нужным написать, коротко бросил: «Мы все с вами обговорили. Действуйте!..» Так вот, я написал текст на листах бумаги. При этом никаких особых материалов у меня под рукой не было, только текст Поспелова. Рукопись отдал Хрущеву (17 февраля. — *Авт.*), а сам поехал на съезд. Когда он потом читал доклад, я находил в нем целые абзацы. Но текст кто-то перелопатил…»[1]

Другим «соавтором» Хрущева оказался старый большевик Снегов — его большая цитата о Берии из письма 1 февраля целиком вошла в «секретный» доклад Хрущева. Из этих «трех источников, трех составных частей» — первого доклада Поспелова, листков Шепилова и письма Снегова — Хрущев 19 февраля скомпоновал и продиктовал стенографисткам ЦК свой текст, который и лег в основу его выступления 25 февраля 1956 г.

Но Первый секретарь ЦК КПСС по-своему расставил акценты, отнюдь не считаясь с мнением своих фактических «соавторов». Так, он сузил «репрессивную тему»: в материале Поспелова- говорилось о «массовом терроре против многих честных советских граждан», но Хрущев оставил из этих «граждан» только *коммунистов.*

По-своему переписал Хрущев и роль Сталина в войне. От прежнего ореола гениального генералиссимуса он не оставил камня на камне. «Струсил, испугался», руководил военными операциями «по глобусу» и т. п. — такими оценками пестрел весь доклад Хрущева, явно стремившегося свести личность Сталина до уровня «бесноватого ефрейтора», что, конечно, не делало Первому секретарю чести.

Однако основная мысль доклада Хрущева — соратники кровавых репрессий вождя все еще живы и сидят, товарищи делегаты, в этом же зале, что и вы, — была запрятана глубоко в довольно сумбурный и нелогичный текст хрущевского доклада. Как установили исследователи истории создания текста «секретного» доклада *Р. Г. Пихоя* и *В. П. Наумов*, Хрущев начисто вычеркнул осторожные формулировки Поспелова об отделении Сталина — Берии от будущей «антипартийной группы» (Молотов, Маленков, Каганович и др.), довольно прозрачно намекнув (особенно, когда на трибуне он «заводился» и отходил от текста доклада), что сталинско-бериевские сподвижники-палачи и сейчас сидят за его спиной в президиуме XX съезда (при редактировании доклада 1—5 марта 1956 г. уже после съезда для его рассылки для закрытых чтений по парторганизациям все эти пассажи были выкинуты).

Но резонанс от секретного доклада «О культе личности и его последствиях» Хрущева на XX съезде оказался по своим глобальным последствиям совершенно несоизмерим с мелкими партийными дрязгами и борьбой за власть в ЦК и правительстве — «машина» в результате «поехала совсем не туда».

ПОСЛЕДСТВИЯ ХРУЩЕВСКИХ РАЗОБЛАЧЕНИЙ СТАЛИНА

Одним из первых откликов на доклад 25 февраля сразу после его окончания в гробовой тишине стала записка, посланная кем-то из делегатов в президиум заседания в Большом зале Кремлевского дворца на имя Хрущева: «После Вашего выступления достоин ли тов. Сталин лежать (в Мавзолее. — *Авт.*) вместе с Лениным?» В 1961 г.

---

[1] «И примкнувший к ним Шепилов». Правда о человеке, ученом, воине, политике. Сб. воспоминаний и материалов. М., 1998, с. 126.

Хрущев даст ответ на эту записку — он уберет Сталина из Мавзолея и захоронит его тело рядом, у Кремлевской стены в могилу.

Но перезахоронение стало самым простым делом — гораздо более трудным оказалось «перезахоронить» (т. е. посмертно реабилитировать) миллионы жертв «отца народов», особенно иностранцев (тело шведского дипломата Рауля Валленберга ищут до сих пор).

Как только 28 марта 1956 г. секретариат ЦК разослал по «братским компартиям» текст секретного доклада Хрущева, на Кремль и ЦК обрушилась лавина просьб о реабилитации. IV «троцкистский» Интернационал требовал реабилитировать Троцкого, Зиновьева, Каменева, Раковского и других «троцкистов». Еще живая вдова Троцкого Наталья Седова писала на XXI и XXII съезды КПСС, прося реабилитировать ее мужа, убитого агентами Сталина.

Волны от разоблачений в феврале 1956 г. распространялись все шире и шире, и уже по всему миру. Посланный 28 марта «братской» Польской объединенной рабочей партии «не для печати» текст доклада попал «во вражеские руки» и уже 4 июня 1956 г. был опубликован американской газетой «Нью-Йорк таймс». Эта публикация, в свою очередь, вызвала требования рядовых членов компартий Западной Европы о «разъяснениях», брожении в их рядах и, после подавления советскими танками осенью 1956 г. восстания в Венгрии, первую массовую волну выхода из компартий Запада главным образом интеллигенции. Более того, позднее XX съезд КПСС породил такое опасное для Москвы явление, как *еврокоммунизм*, с которым партидеологи со Старой площади тщетно будут бороться все 70-е и начало 80-х годов.

Попытка напугавшегося такой реакции Хрущева и его «заклятых друзей» в Президиуме ЦК скорректировать негативный резонанс от «секретного» доклада путем издания 30 июня 1956 г. постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», выдержанного в духе «двух Сталиных» — хорошем и плохом — успеха не имела.

Самым опасным для Москвы стал *геополитический кризис* в Восточной Европе, где под флагом десталинизации участились попытки пересмотреть Ялтинско-Потсдамскую систему раздела Европы на два лагеря и выйти из-под военно-политической опеки СССР. Одновременно доклад Хрущева стал разменной монетой различных группировок в компартиях Восточной Европы в борьбе за власть.

Еще в 1949 г. США и их союзники создали НАТО. В 1955 г. в него приняли ФРГ. В ответ в том же году СССР образовал ОВД — Организацию Варшавского Договора (СССР, ГДР, Польша, Чехословакия, Румыния, Албания). Но «тылы» этого «социалистического НАТО» оказались непрочными.

Еще в июне 1953 г. возник кризис в отношениях Венгерской партии труда и КПСС. В Будапеште продолжал и после смерти «зодчего социализма» свирепствовать «венгерский Сталин» — *Матиас Ракоши*, объединивший в одних руках, как и Джугашвили, посты генсека и премьера. В июне 1953 г. Ракоши вызвали в Москву «на ковер» и потребовали прекратить необоснованные репрессии, а также отказаться от поста премьера, передав его *Имре Надю.* Ракоши уступил, но в январе 1955 г., следуя примеру Хрущева в критике и смещении Маленкова, снова выгнал Надя и даже исключил его из партии. Начавшиеся было реформы были остановлены, и в Венгрии снова начался острый политико-экономический кризис, завершившийся в октябре 1956 г. антикоммунистическим националистическим восстанием, которое 4 ноября СССР вынужден был подавлять с помощью 12 танковых и пехотных дивизий (2500 убитых будапештцев, 720 убитых советских солдат и офицеров, 200 тыс. бежавших за границу венгров).

На такое кровавое решение Москву толкнула опять же *геополитика* — 31 октября 1956 г. началась агрессия Израиля, Англии и Франции против Египта из-за Суэцкого

канала: «Если мы уйдем из Венгрии, — заявил Хрущев на Президиуме, — это подбодрит американцев, англичан и французов — империалистов. Они поймут (уход из Венгрии. — *Авт.*) как нашу слабость и будут наступать» (цит. по: «Исторический архив», 1996, № 3, с. 89).

По венгерскому сценарию едва не пошли и события в Польше. Там тоже давно назревал кризис, углубленный расстрелом 28—29 июня 1956 г. в Познани голодных демонстрантов польской полицией и войсками (70 убитых, более 500 раненых). Москве с большим трудом удалось удержать контроль за польскими событиями — в марте в Польшу выезжал сам Хрущев, которому с нажимом удалось провести на пост Первого секретаря ПОРП умеренного *Эдвара Охаба.* В немалой степени брожению в Польше содействовал «секретный» доклад Хрущева, стимулировавший обсуждение болевых точек советско-польских отношений: событий в Катыни — расстрел польских офицеров НКВД в 1940 г., отказа Красной Армии в помощи варшавскому восстанию в 1944 г. и др.

Авторское отступление

МГУ: СТУДЕНЧЕСКИЕ БРОЖЕНИЯ

Брожения в Польше, Югославии и Венгрии рикошетом — через учившихся в вузах СССР «демократов» (так называли тогда студентов из братских «стран народной демократии» в Восточной Европе) отразились и в студенческой среде родины «культа личности», особенно в Москве и Ленинграде.

Не следует забывать, что в те времена в вузах страны находилось много студентов из социалистического лагеря и через них к нам, советским студентам, стала поступать «ревизионистская» литература. Скажем, в Польше с 1956 г. существенно ослабли цензурные рогатки, и мы, студенты МГУ (те, кто владел польским) запоем читали польские газеты и журналы, которые к тому же до ноября 1956 г. свободно продавались в газетных киосках Дома студентов на Ленгорах (еще более смелыми были югославские газеты, и я, выпускник кафедры южных и западных славян истфака МГУ, владевший сербо-хорватским языком, был главным публичным «читчиком» газет «Борба» и «Политика» в общежитии — очень скоро это мне выйдет боком). Через поляков к нам в общежитие попадали разные «запрещенные» книги, например, Троцкого — на европейских и даже на русском языках. Да и сам «секретный» доклад Хрущева по-польски, отпечатанный в Варшаве, я впервые прочитал в сентябре 1956 г., когда после каникул в университет вернулись мои польские друзья-студенты.

И немудрено, что именно поляки стали наряду с советскими студентами участниками возникшего после XX съезда семинара-кружка аспирантов истфака *Краснопевцева — Обушенкова*, позднее известного в диссидентском движении СССР как «Союз патриотов России». «Кружковцы» вознамерились сначала обсудить, а затем написать и издать в Польше подлинную историю партии большевиков — антитезу сталинскому «Краткому курсу».

Но «кружковцы» еще не знали, что события в Польше и Венгрии и отклики на них в СССР сильно напугали высшее советское партийное руководство: 4 ноября 1956 г., сразу после введения советских танков в Будапешт, на Президиуме ЦК КПСС было принято драконовское постановление — «Об очищении (?! — *Авт.*) вузов от нездоровых элементов» (опубл. «Исторический архив», 1996, № 3, с. 111—112). Для «нездоровых элементов» из безобидного кружка Краснопевцева — Обушенкова это «очищение» стоило в начале 1957 г. ареста, суда и от 3 до 10 лет тюрьмы (и еще десяти лет поражения в правах обоим руководителям — запрета жить и преподавать в Москве; оба потом долго работали в Подмосковье).

Заодно разгромили и истфак МГУ — многие талантливые профессора из университета вынуждены были уйти. Репрессии против «кружковцев» Краснопевцева — Обушенкова были связаны и еще с одним важным партийным документом — закрытым письмом Президиума ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», утвержденным к рассылке 19 декабря 1956 г.

В письме звучала неподдельная тревога: интеллигенция и, особенно, студенческая молодежь, «расширительно» толкует закрытый доклад Хрущева, явно переходя к критике коммунистического режима. К чему это может привести, отмечалось в письме, показали события в Венгрии.

Два новых момента прозвучали в этом *третьем* за 1956 г. по итогам XX съезда письме ЦК:

— страх перед выпущенными из ГУЛАГа и реабилитированными *старыми большевиками*, среди которых, оказывается, немало людей, «злобно настроенных против Советской власти, особенно из числа бывших троцкистов, правых и буржуазных националистов»;

— возврат к сталинской практике давать «расширительное» толкование понятия культа личности с помощью КГБ: славные советские «органы» должны вновь, как и прежде, «быть бдительными к проискам враждебных элементов» и, разумеется» «своевременно пресекать преступные действия»[1] (вот «кружковцев» из МГУ в начале 1957 г. «своевременно» и «пресекли» — арестовали).

Однако страх хрущевских «вождей» перед столичной студенческой молодежью после XX съезда партии обострил другую проблему — *политический карьеризм* молодых беспринципных членов партии, особенно из среды номенклатуры ЦК ВЛКСМ (Шелепин, Семичастный, Романовский и другие «хрущевские комсомолята»).

Самозванство вообще было застарелым бичом в светской (вспомним безграмотного сына конюха и торговца пирожками Алексашку Меньшикова, ставшего при Петре I «святейшим князем» и «генералиссимусом») и церковной («пророк» протопоп Аваакум в XVII в.) жизни, особенно в периоды крутых ломок устоявшихся структур.

Заметил этот карьеризм и «беспринципное делячество» еще Сталин и, как мы отмечали выше, не раз ориентировал в 1938—1940 гг. Маленкова на обличение этого порока в партийной среде, хотя и безуспешно (даже «временные» в 1917 г., по словам «октябриста» и «олигарха» *А. И. Гучкова,* ничего не могли поделать со своими «демократическими карьеристами»).

Хрущев в борьбе за единоличную власть в партии и государстве сознательно натравливал этих «комсомольских опричников» на старую сталинскую гвардию. Но, прорвавшись с его помощью к рычагам власти в КГБ, Шелепин, Семичастный и другие «комсомолята» пытались тянуть и свою «арию» — в 1956—1962 гг. за Хрущева, а затем и против (это хорошо показано в кинофильме «Серые волки»). Дело «кружка Краснопевцева — Обушенкова» — типичный пример фабрикации такой сознательной провакации в интересах личной карьеры, которая первоначально вроде бы удавалась «комсомолятам» (хотя в конечном итоге кончилась крахом).

---

[1] Даже либеральные издатели горбачевских «Известий ЦК КПСС», опубликовав только в 1989 г. закрытый доклад Хрущева на XX съезде, постеснялись напечатать это письмо 19 декабря 1956 г., свидетельствующее: никакой реальной десталинизации партия тогда не проводила. Впервые это письмо и результаты его обсуждения изложены у Р. Г. Пихоя (указ. соч., с. 165—171).

Все как бы повторялось при втором Хрущеве — «царе Борисе» в 1990—1993 гг. Только на этот раз роль комсомольских самозванцев сыграли два «Остапа Бендера» — Эдуард Бурбулис из Свердловска и Сергей Шахрай из Ростова-на-Дону. Оба играли ключевую роль в «суде над КПСС» в 1992 г. и сочинении «царской» конституции 1993 г. под Ельцина.

Но поучительно: все эти и прочие самозванцы XVIII—XX вв. кончили плохо. Торговца пирожками после смерти Петра I и Екатерины I в конце концов лишили всех государственных должностей и сослали в Сибирь (знаменитая картина великого русского художника Василия Сурикова «Меньшиков в Березове», 1883 г.), где он и умер в 1729 г., всеми забытый.

Свои «Березовы» получили Шелепин, Семичастный и Романовский уже от Л. И. Брежнева после октября 1964 г.

Отстранены были от «тела» с 1995 г. и Бурбулис с Шахраем, не выдершившие напора самозваных «олигархов» во главе с *А. Б. Чубайсом*, хотя и пытаются до сих пор сохраниться на «политическом плаву»: один (Бурбулис) — как представитель Новгородской области (к которой он никакого отношения никогда не имел) в Совете Федерации, другой (Шахрай) — как «проникнувший» в 2002 г. в Счетную Палату на должность «завхоза» и тут же начавший очередную интригу против официального председателя Палаты Сергея Степашина (метя на его место), для чего создал некий Экспертный совет при Счетной Палате (а во главе его поставил еще одного «духовного самозванца» — Алексея Подберезкина), и они вместе соорудили «вторую» Счетную Палату в виде некоего НИИ — т. н. Государственной научно-исследовательский институт системного анализа Счетной Палаты РФ («Парламентская газета», № 33, 21.02.2004 г.)[1].

Косвенно и «очищение» и «пресечение»в 1956 г. коснулось и нас, выпускников истфака в июне 1956 г. Дело в том, что на волне XX съезда Минвуз СССР значительно увеличил квоты приема в аспирантуру: к вступительным экзаменам в сентябре — октябре нас таких, рекомендованных, по всему факультету набралось более 30 человек. Мы успешно сдали экзамены по своим кафедрам, немосквичи получили комнаты в общежитии на Ленгорах и оставалась пустая формальность — утверждение в Минвузе, которое ранее штамповалось автоматически (еще бы — сам «имени Ломоносова» к себе принял!). Но на этот раз все произошло по-другому. Почти 90% из уже зачисленных факультетом в аспирантуру (включая и будущего секретаря парткома МГУ Колю Сивачева) не были утверждены в министерстве, хотя никто из нас в кружке Краснопевцева — Обушенкова на участвовал.

Разумеется, никто нам о закрытом постановлении Президиума ЦК об «очищении» не сказал ни слова — нашли новую формулировку. Оказывается, мы, «мальцы», не имеем необходимого для обучения в очной аспирантуре двухгодичного трудового стажа (взяли только двух или трех из числа участников войны — им стаж на войне засчитали). Остальным — от ворот поворот, и это при том, что мы как очные аспиранты распределения на работу не получили. Иди теперь куда хочешь, сам трудоустраивайся. Большинство немосквичей, не имевших московской прописки, вернулись в свои деревни или города (как тот же Коля Сивачев в Чувашию), но через два-три года, заработав стаж, многие вернулись и поступили в аспирантуру МГУ заново.

---

[1] Подробней об этой очередной интриге двух бывших «думцев» и остапов бендеров уже в XX веке см. в моем интервью журналу «Российская Федерация сегодня», № 4, март 2004 г., с. 58 (рубрика «Прошу слова!»).

ДВА ХРУЩЕВЫХ

В соответствии со сложившейся в СССР (СНГ) историгрфической традицией о «двух Лениных» (до нэпа и после него) и «двух Сталиных» (до и после 1935 г.) попробуем и мы условно разделить Никиту Кукурузника на две «половинки» — белую и черную. Тем более что в оценках политической деятельности Хрущева и его эпохи до сих пор присутствуют два диаметрально противоположных мнения. Для одних — это «те десять лет» (так назвал свои воспоминания его зять *Алексей Аджубей*, 1988), для других — это «веселый хулиган» (*Светлана Аллилуева*), для третьих — «антимарксист» и «волюнтарист» (*Чуев Ф*. 140 бесед с Молотовым, 1991).

Как это не покажется парадоксальным, правы и те и другие и третьи — в личности и деятельности Хрущева, как в Греции, — *все есть:* и полет Гагарина в космос, и кукуруза за Полярным кругом.

Известный антикоммунист-эмигрант чеченец *Абдурахман Авторханов* (1908—1997 гг.) пытался покрасить «черно-белого» Хрущева одной краской: «десять лет правил великим государством с репутацией *«*Иванушки-дурачка*»*, но с головой гениального мужика» («Загадка смерти Сталина», 1979).

Но, пожалуй, ближе всех к объективной оценки деятельности Хрущева в 1953—1964 гг. приблизился человек, которого он больше всех обидел, хотя когда-то они были личными друзьями и дружили семьями — «и примкнувший к ним» *Дмитрий Шепилов*. 23 ноября 1988 г., участвуя в «круглом столе» журнала «Вопросы истории КПСС» в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на просьбу *«расскажите подробнее о Н. С. Хрущеве»* он ответил так: Хрущев «допустил по отношению ко мне много несправедливостей, причинил много горя мне и моей семье. Но я старался и стараюсь быть объективным при оценке этой личности. В деятельности Н. С. Хрущева отчетливо проступают две черты: творческая, разумно-необходимая и импровизированная, имевшая очень отрицательные последствия» («И примкнувший к ним Шепилов», с. 117).

Последуем оценке Шепилова и попробуем кратко проследить итоги деятельности Хрущева по этим «двум чертам».

ХРУЩЕВ РАЗУМНО-НЕОБХОДИМЫЙ («БЕЛЫЙ»)

Безусловно, для послесталинского периода самая большая заслуга Хрущева — освобождение сотен тысяч заключенных из ГУЛАГа: «Все двери открыть к чертовой матери и всех невиновных освободить» — так цитирует Шепилов слова Хрущева, сказанные при нем. «Я считаю, — говорил Шепилов в 1988 г., — что Хрущев принес покаяние своим делом — освобождением многих тысяч невиновных людей. Но сделал он это не до конца, со всякими отступлениями, противоречиями, импульсивными порывами» (*там же, с. 118*).

Одним из таких первых заметных «противоречий» стало выступление Хрущева на дипломатическом приеме в посольстве КНР в Москве 17 января 1957 г., подробно изложенное в «Правде» 19 января. Те рядовые коммунисты и комсомольцы, которые еще год назад слушали чтение «секретного доклада» Первого секретаря «О культе личности и его последствиях», теперь с недоумением (а многие — и с негодованием) читали в «Правде» совершенно другое: «Дай бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин», а его «ошибки и недостатки» якобы проистекали из его «плохого характера», что было отнюдь не преступлением, а «личной трагедией Сталина».

Публикация в «Правде» вызвала волну возмущенных писем в редакцию и в ЦК — «Выступление Н. С. Хрущева внесло сейчас разброд в наши умы», писал рядовой инженер-коммунист из г. Туапсе Краснодарского края.

Надо отдать должное созданному Сталиным и вышколенному им партаппарату — он скрупулезно регистрировал и обобщал всю информацию, приходившую в ЦК из местных парторганизаций (отсюда легенда — Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев — «не знали», что творится в партии и стране — полная чушь!). Так, в феврале 1957 г. отдел партийных органов ЦК по РСФСР, обобщив «сигналы с мест», сотворил потрясающий документ о настроениях, царивших среди рядовых членов КПСС на местах. Характерен сам заголовок этой аналитической записки от 12 февраля 1957 г. (дополнение к ней от 21 февраля) — «Об антипартийных выступлениях отдельных коммунистов на собраниях некоторых партийных организаций при обсуждении письма ЦК КПСС» (от 19.XII 1956 г. — *Авт.*)

Читая эту записку через почти 50 лет, нельзя отделаться от жуткого впечатления: «жрецы партии» и ее «митрополиты» никак не могли понять — а что надо им, этим «церковноприходским батюшкам» — секретарям «первичек», а также их «пастве» — рядовым членам КПСС? Ясно, что на всех членов партии «ЗИЛов» с мигалками и казенных дач Управления делами ЦК КПСС не хватит. Не хватит и конвертов с деньгами как «второй зарплаты». Иными словами, провозглашенный на XX съезде Хрущевым возврат к «ленинским принципам» партийной жизни и его реализация в виде «закрытых писем ЦК» привел к прямо противоположным результатам — партийная масса забурлила.

И уже не 46 «самураев» из далекого 1923 г., а тысячи писем «отдельных коммунистов» из сотен «некоторых парторганизаций» полетели в ЦК и в Москву в редакции центральных газет. А на самих партсобраниях все те же «партинформаторы» (институт «партийных стукачей», введенный Сталиным с 1924 г. — *Авт.*) фиксировали: «В ЦК имеется два Хрущева» (по поводу его выступления в китайском посольстве 17 января 1957 г.), «Что-то неладное с вопросом о культе личности Сталина — сначала его осудили, а сейчас снова начали восхвалять» (инженеры и рабочие, Куйбышевская ГЭС), ЦК в своих закрытых письмах никакой «ленинской линии» не проводит, а угрожает — «или замолчите, или будем сажать» (конструктор Киселев, Ярославский автозавод), «До революции крестьяне ели белый хлеб, а сейчас и черного не хватает» (студенты-лесники на семинаре по марксистско-ленинской философии, Брянский лесотехнический институт) и т. д.

Но Шепилов был прав: «После XX съезда партии в стране создалась новая обстановка. Уже нельзя было, как раньше, сажать в тюрьму или расстреливать «фракционеров», поэтому недовольные могли более свободно обмениваться мнениями…» (*Шепилов Д. Т.* Указ. соч., с. 129).

Таковы были *объективные* последствия разоблачения кровавой деятельности Сталина, сделанные Хрущевым на XX съезде партии.

Но *субъективно* Хрущев вовсе не был таким антисталинистом, каким его изображали его прихвостни, когда он был у власти, и он сам себя в своих первоначально вышедших за границей мемуарах, продиктованных им в период опалы. Прав наиболее серьезный современный исследователь истории власти в СССР в 1945—1991 гг. Р. Г. Пихоя: «Вся дальнейшая деятельность Хрущева — это попытки всеми средствами ограничить широкое толкование доклада» (на XX съезде; *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 186). Тот же Шепилов приводит несколько фактов истинного, а не показного, «трибунного», отношения Хрущева к личности Сталина. Так, вначале он был против переименования

«сталинских» премий в «государственные». «Зачем? — возмутился Хрущев, когда Шепилов как секретарь ЦК по идеологии внес такое предложение на одном из заседаний Секретариата вскоре после XX съезда. — Да если б я имел Сталинскую премию, я бы с гордостью носил это звание» (цит. по: *Шепилов Д. Т.* Указ. соч., с. 118).

Характерно и заключительное слово Хрущева на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, где, казалось бы, ярые сталинисты из «антипартийной группы» были разгромлены и навсегда отстранены от руководства партии и государства: «Что вы все о Сталине да о Сталине! Да все мы вместе не стоим сталинского г[овна]» (там же, с. 133).

Справедливости ради следует отметить, что и сам «примкнувший к ним» на том же пленуме отнюдь не отмежевался от Сталина, как это он потом делал в своих выступлениях 1988—1989 гг. в период долгой опалы. «… При всей тяжести злодеяний, которые совершил Сталин в определенный период его жизни и которые история ему не простит, Сталин внес огромный вклад в дело социализма…» — говорил Шепилов на июньском Пленуме 1957 г., он же на долгие годы вперед, вплоть до запрета и суда над КПСС в 1992 г., определил *суть* отношения партномерклатуры к сталинизму, публично, однако, никогда не «озвучивая» эту позицию в партийной печати: «… Вы предлагаете (речь идет о противниках «антипартийной группы». — *Авт.*), чтобы мы сейчас перед коммунистическими партиями, перед нашим народом сказали: во главе нашей партии столько-то лет стояли и руководили люди, которые являются убийцами, которых надо посадить на скамью подсудимых. Скажут: какая же вы марксистская партия?.. Самое важное, что партия практически уже устранила беззакония, исправила допущенные нарушения. Сейчас историю надо не писать, а делать.» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 181).

Наглядней всего истинное отношение к *сталинизму* (как много позднее у Ельцина — к коммунизму) Хрущев продемонстрировал на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, где и он сам, и поддержавшие его участники пленума (маршал Жуков, Аристов, Брежнев и др.) не столько разоблачали Сталина, сколько зачитывали отрывки из документов 30—40-х гг. о Молотове, Маленкове, Кагановиче и других и их *личном участии* в репрессиях против военных и партийных кадров[1]. И если предположить, что Сталина в истории России не было бы вообще, Хрущев и его сторонники точно так же припаяли бы Молотову, Маленкову и Кагановичу, например, поджог Москвы в октябре 1812 года или «шпионаж» в пользу Наполеона. Ибо уже давно, со времен сталинского февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 г., на котором точно также была осуждена и устранена (но не только из политики, а и из жизни) первая «антипартийная группа» Бухарина, Рыкова, Раковского и других «правых», т. к. в борьбе за власть Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева совершенно не интересовала *суть* обвинений, а важна была *форма*, да еще «машина голосования» на пленуме: есть у тебя большинство голосов членов ЦК, значит, твои политические противники могут быть объявлены «шпионами», «террористами», «сталинистами», «людоедами» и т. д.

Июньский Пленум (1957 г.) лишний раз подтвердил оценку Дзержинского из его письма 1925 г. к Сталину и Орджоникидзе не о форумах партии, а о «пауках в банке». Ведь и *Молотов* много позднее в своих беседах с поэтом Феликсом Чуевым проговорился: в этой драке «пауков», в которой они при Сталине перестреляли друг друга, «конечно, переборщили, но я считаю, что все это допустимо ради основного:

---

[1] Эту тактику позднее применял постоянно и лично Н. С. Хрущев. Его супруга в посмертно опубликованных ее зятем А. Аджубеем воспоминаниях рассказала, что когда жена В. М. Молотова (а его после XXII съезда КПСС, в 1962 г., исключили из партии) Полина Жемчужина-Молотова пришла к Хрущеву хлопотать за мужа, тот показал ей документы Политбюро за 1938 г.: список НКВД с Украины на жен «врагов народа» — Косиора, Постышева и других, и на списке — резолюция Молотова: «всех расстрелять» (*Аджубей А.* Те десять лет // Знамя, 1988, июнь, с. 96).

только бы удержать власть» (цит. по: *Чуев Ф.* 140 бесед с Молотовым, с. 475; выделено мной. — *Авт.*).

Однако парадоксальность ситуации в СССР после июньского пленума в 1957 г. состояла в том, что в реальной обстановке не Хрущев победил, а Молотов проиграл — *проиграли они оба*, только Молотов в июне 1957 г., а Хрущев — семь лет спустя, в октябре 1964 г. А кто же выиграл?

А выиграл номенклатурный аппарат КПСС в центре (ЦК) и на местах (обкомы). Именно к *партийной номенклатуре* с июня 1957 г. и до краха КПСС и СССР в конце 1991 г. перешла *вся реальная власть*, и отныне только она (в отличие от сталинских времен) контролировала госаппарат, армию и спецслужбы. Именно этот номенклатурный партаппарат с июня 1957 г. «нанимал» себе во временные управители (по-современному в *топ-менеджеры*) первых (генеральных) секретарей ЦК КПСС, а когда они этой новой расстановки сил не понимали, этих топ-менеджеров тот же аппарат изгонял, как впервые случилось с Хрущевым на пленуме ЦК 14 октября 1964 г.

Именно в этом и состояла *суть* аппаратной перестройки после смерти Сталина в 1953—1957 гг. и всей десталинизации — вождь номенклатуре больше был не нужен, своим «колхозом» — СССР — секретари обкомов отныне управляли сообща.

Первый сценарий новых аппаратных игр был проигран именно на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС. Долгое время об этом Пленуме не было объективных документальных данных. Изданный еще в 1958 г. его «Стенографический отчет» был, как и антибериевский о пленуме в июле 1953 г., подчищен и носил явно «антипартийный» уклон (характерно, что через сорок лет вышел другой стенографический отчет о пленуме 1957 г., и он уже носил явно промолотовско-маленковский уклон[1]). Кроме того, обе фракции «пауков» замолчали самое главное — решение Президиума ЦК КПСС по итогам его бурных заседаний 18—21 июня 1957 г. о том, что большинством голосов уже в первый день заседания, 18 июня, прошло предложение Маленкова о *смещении Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС* (при этом раздавались голоса об упразднении вообще поста Первого секретаря ЦК партии). Однако *технически* — выпиской из протокола — 18 июня оно не было оформлено.

Поскольку стенограммы этого заседания Президиума ЦК по сталинской традиции не велось, позднее его участники по-разному характеризовали суть возникшей дискуссии и саму расстановку сил в «банке». Поэтому, скажем, даже *Шепилов* в 1988 г. изображает весь этот якобы «заговор» против Хрущева как недоразумение, как следствие «дремучей необразованности» Хрущева (хотя он «имел хорошую голову»). В изложении Шепилова через тридцать с лишним лет вся эта история с «антипартийной группой» и «примкнувшим к ней» выглядит как дурная шутка Хрущева, т. к., по мнению Шепилова, никакой «группы» с какой-то особой *платформой* не существовало вообще — «как мне казалось, ничего организованного против Хрущева в то время не было» (*Шепилов Д. Т.* Указ. соч., с. 129).

А что было? А были, по Шепилову, обычные разговоры между московскими членами ЦК о том, что «Хрущев забрал всю полноту власти, от коллегиальности ничего не осталось» (Жуков — Шепилову на дачной прогулке весной 1957 г.), боязнь за развал централизованной экономики СССР в связи с хрущевской идеей ввести совнархозы — неосознанная попытка Хрущева, осуществленная затем Ельциным, создать «субъекты РСФСР» («Фурцева прибежала: «Что делать? Во главе совнархозов — случайные люди!

---

[1] См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие материалы / Состав. Н. Ковалева, А. Коротков и др. М., 1998.

Все решения импульсивны, необдуманны» (*Там же*). Возмущается и Ворошилов: «Да он же всех оскорбляет!..»

Нарочитый подбор фамилий участников Пленума, из которых одни выступили против Хрущева (Шепилов) или колебались (Ворошилов), а другие критиканы (Жуков, Фурцева) активно его защищали, должен был убедить потомков — «ничего организованного… не было». И хотелось бы поверить этому образовеннейшему ученому, доктору экономических наук и члену-корреспонденту АН СССР, культурнейшему человеку и музыканту, но, увы, Шепилов, как и очень многие мемуаристы (не исключая и его гонителя Хрущева), *лукавит.*

Заговор был, и очень мощный. И возник он именно в Секретариате ЦК, где одним из секретарей был тот же Шепилов. И он явно *лукавит* еще раз, когда и через 32 года утверждает: «Может быть, что-то где-то и было, но я не знал об этом». Знали, Дмитрий Трофимович, и еще как знали — и с Хрущевым постоянно были в контакте, и со своим другом маршалом Жуковым, который обеспечивал самолетами военно-транспортной авиации срочную доставку членов ЦК из провинции к 22 июня 1957 г. якобы на давно запланированное Секретариатом ЦК совещание секретарей обкомов по сельскому хозяйству. И Екатерина Фурцева с вами снова советовалась, прежде чем на таком вот военно-транспортном «Дугласе» 19—20 июня облетела ряд близлежащих к Москве областей РСФСР, чтобы обработать их секретарей обкомов в пользу Хрущева.

А кто, Дмитрий Трофимович, организовал семь заявлений (из них — два коллективных: 47 и 27 подписей членов ЦК, среди которых секретари обкомов, генералитет армии и КГБ, министры и замминистров, тогдашние «хрущевские комсомольцы» — секретари ЦК ВЛКСМ Шелепин, Семичастный, Романовский, и, главное, вручил их Хрущеву, а тот «озвучил» бумагу на Президиуме ЦК как всеобщий вопль — «требуем созыва Пленума»?

И, наконец, кто организовал приход на заседание Президиума 21 июня 1957 г. большой группы военных и гражданских лиц во главе с маршалом *Иваном Коневым*, живо воскресивший события четырехлетней давности — арест Берии именно во время заседания 26 июня 1953 г. и Москаленко с офицерами и пистолетами в руках, Дмитрий Трофимович?

Но на этот раз военные никого не арестовали (хотя Сабуров в это время кричал — «сегодня военные, а завтра танки»; да и вы, Дмитрий Трофимович, по воспоминаниям Поспелова, якобы сказали — «а потом будут арестовывать», правда, не уточняя, кого?). Зато «интервенты» снова «озвучили» требование из организованных Секретариатом ЦК «коллективных писем» — «Даешь Пленум!».

АВТОРСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ШЕПИЛОВ

В 1989 г. в редакции газеты «Неделя» я случайно ознакомился с машинописным вариантом «Записок» Д. Т. Шепилова об июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС. Они меня потрясли, ибо из этих «Записок» опального при Хрущеве и Брежневе «и примкнувшего к ним» партийного деятеля следовало, что накануне заседания Президиума ЦК 18—21 июня, а затем и Пленума ЦК 22, 25—30 июня 1957 г. в недрах партийной верхушки сформировались не две — Молотов, Маленков, Каганович и др. и Хрущев, Суслов, Брежнев и др., — а три группировки: «буферную» роль играла группа Шепилова, Жукова и Фурцевой (с некоторыми оговорками к ним вначале примыкал Булганин и, возможно, Микоян), которая, собственно, и организовала все эти «коллективные письма», доставку членов ЦК в Москву и их поход во главе с

маршалом И. Коневым с угрозами на заседание Президиума ЦК 21 июня — словом, созыв Пленума ЦК.

У этого «буфера» были свои претензии к бывшим сталинским соратникам. Молотов и Каганович их явно не устраивали как слишком одиозные фигуры, на которых постоянно бы лежала тень сталинских репрессий, которая высвечивалась бы все ярче и ярче по мере реабилитации уцелевших жертв этих репрессий и мешала бы шепиловской программе «не писать историю, а делать». А на Маленкове отпечаталось несмываемое пятно по «ленинградскому делу», жертвы которого после смерти Сталина были полностью реабилитированы.

Но у «буферовцев» были серьезные претензии и к Хрущеву. Его самодурство и всезнайство при «дремучей необразованности», которую он заменял крестьянской интуицией — «я нюхом чую», — грозили серьезными осложнениями, особенно во внешней политике: карибский кризис 1962 г. из-за советских ракет на Кубе, едва не спровоцировавший третью мировую термоядерную войну, полностью подтвердил опасения Шепилова из его «Записок». Совершенно с других позиций не был доволен Хрущевым Жуков — он не мог простить ему развенчания Сталина как политического лидера и полководца.

И в третий раз лукавил Шепилов, когда в 1989 г. говорил: «Впечатление от всего, что тогда (на Пленуме. — *Авт.*) произошло — все было экспромтом, без строго подготовленного плана» (*Шепилов Д. Т.* Указ. соч., с. 130).

Да как же «без строгого плана», Дмитрий Трофимович, когда даже Жуков вел за спиной Хрущева строго секретные переговоры, соглашаясь с «антипартийной группой» на то, чтобы упразднить пост Первого секретаря, заменив его на «секретаря по общим вопросам»? Молотов, увидев на Пленуме, как теперь Жуков с пеной у рта безоговорочно защищает Хрущева, не стерпел и публично поведал о «предательстве» Жукова («Пленум ЦК КПСС /июнь 1957 г./. Стенографический отчет», с. 44).

А ведь в своих «Записках», присланных в 1989 г. в «Неделю», вы упоминали и другие демарши «буферной группы». Например, обсуждение персональных изменений в госаппарате и секретариате ЦК. Так, Жуков и вы, Дмитрий Трофимович, отнюдь не возражали еще до первого заседания Президиума 18 июня в разговорах с Маленковым и Молотовым против того, чтобы заменить верного ставленника Хрущева председателя КГБ Ивана Серова на Булганина или первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Николая Патоличева. И разве Фурцева тогда же не слышала от тех же «антипартийцев», что Хрущева надо снять и отправить министром сельского хозяйства, а Суслова «посадить на культуру»? Но почему-то, аналогично Жукову, «не стукнула» тогда Хрущеву — «Никита, тебе тут плетут лапти…» (в конце концов Хрущев «посадит на культуру» саму Фурцеву).

И если вся эта история с «антипартийной группой» была «экспромтом» и «строго подготовленного плана» не было, то почему тогда Шепилов взял все «дирижирование» по созыву заседания Президиума ЦК на себя и настаивал на том, чтобы без Жукова (он был в это время на военных маневрах в Подмосковье) заседание Президиума не начинать?

По-видимому, Хрущев, прознав про «буфер» заранее («разговаривали мы на прогулке: дачи, квартиры, машины — все круглосуточно прослушивалось, и все это знали»; *Шепилов Д. Т.* Указ. соч., с. 129), сумел расколоть «буферную группу» буквально накануне Пленума и перетянуть Жукова, Фурцеву и других на свою сторону. От «буфера» выступил один Шепилов, с которым, очевидно, Хрущеву не удалось полюбовно договориться.

Выступление Шепилова заметно отличалось от «спичей» лидеров «антипартийной группы». В 1989 г. Шепилов так процитировал сам себя: «В первое время вы, Никита

Сергеевич, взяли правильный курс: раскрепостили людей, вернули честное имя тысячам ни в чем не повинных людей; создалась новая обстановка в ЦК и Президиуме. Обсуждение специальных вопросов квалифицированно, компетентно, с приглашением специалистов. Но теперь вы «знаток» по всем вопросам — и по сельскому хозяйству, и по науке, и по культуре!».

Хрущев воспринял эту в целом вполне лояльную критику — ни смещать его с поста Первого секретаря, ни отправлять министром сельского хозяйства Шепилов не требовал — как личный оскорбительный выпад и намек на его «дремучую необразованность» в противовес «ученой высоколобости» недавнего приятеля. Ответ Хрущева — типичная реакция «сталинского пехотинца», он же — русский дореволюционный кулак, своим горбом, ценой неимоверного труда, затиранив всю родню и унижаясь перед любым городовым, «выбившимся в люди» и заведшим «торговлишку». «А я учился всего две зимы у попа за пуд картошки!» — воскликнул Хрущев. Иными словами — «хоша гимназиев мы не кончали, но часы с цепкой и сапоги бутылками носим, а до всего прочего своим умом доходим-с, нюхом чуем-с…».

И последнее. Почему-то Шепилов отозвал свои «Записки» из «Недели» «для доработки». Более того, он не разрешил другому интервьюеру — Николаю Барсукову — опубликовать их беседу в том же 1989 г. в сб. «Неизвестная Россия» (вып. 1. М., 1992 г.), в последний момент сняв ее также «для доработки» (она вышла только в 1998 г. в сборнике воспоминаний об «и примкнувшем», после смерти Шепилова в 1995 г.). Куда делись отозванные «для доработки» из «Недели» его «Записки», осталось неизвестным.

Судя по примечанию Н. Барсукова к его беседе с Шепиловым 23 февраля 1989 г., «это говорил он сам…», Шепилов не хотел идти путем «диктованных» мемуаров Хрущева по памяти, ибо надо все строго документировать и «проверить фактуру». «Именно поэтому я сейчас работаю над документированностью своих воспоминаний по личному архиву» (там же, с. 135).

Успел ли Шепилов до смерти завершить эти «воспоминания» и где теперь его «личный архив», нам осталось неизвестным.

ПЛЕНУМ 1957 г. ХРУЩЕВ — ПИРРОВА ПОБЕДА

В плане расстановки сил в высшем руководящем эшелоне власти — ЦК партии — внешне XX съезд не внес кардинальных изменений. Напомним, что выборы в ЦК на нем проводились *до* «секретного» доклада Хрущева о развенчании Сталина. Поэтому ЦК к 22 июня 1957 г. представлял собой нечто вроде «слоеного пирога»: в членах Президиума почти целиком осталась старая сталинская гвардия — Молотов, Маленков, Каганович, Микоян; к ним примыкали впервые введенные в высший партийный ареопаг еще 5 марта 1953 г. Первухин и Сабуров. Здесь Хрущев, сам член Президиума, мог рассчитывать лишь на вечно колеблющегося, несамостоятельного премьера Булганина, за которым охотилась и «буферная группа», а также на Суслова и Кириченко (их ввели в Президиум в июле 1955 г.).

Гораздо больше сторонников у Хрущева имелось среди кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК, число которых на XX съезде было заметно увеличено (возрождена была сталинская традиция XIX съезда). Это, прежде всего, Секретариат самого Первого секретаря Хрущева — Аристов, Беляев, Брежнев, Суслов. Но здесь же гнездились и члены тайной «буферной группы» — Шепилов и Фурцева.

Большую «массовку» этого «пирога» составляли члены и кандидаты в члены ЦК, избранные на XX съезде и почти сплошь представлявшие секретарей обкомов из

провинции. Некоторые из них уже вкусили блага московской жизни, побывав после XIX съезда короткое время секретарями ЦК.

Характерным представителем такой обкомовской номенклатуры был энергичный провинциал *Николай Игнатов* (1901—1966 гг.), дважды — в 1957 г. и 1964 г. — сыгравший ключевую роль в политической судьбе Хрущева (только в 1957 г. «за», а в 1964 г. — «против»). Это был типичный «сталинский кадр» провинциального партийного руководителя: выдвинутый в номенклатуру после кровавых чисток 30-х гг., он за четыре года (с 1938-го по 1952-й) умудрился побывать первым секретарем обкома и крайкома в Куйбышеве, Орле, Краснодаре и Воронеже. На XIX съезде попал в обойму сталинских «молодых волков» и был избран секретарем ЦК, но после смерти вождя вновь сброшен на «низовку» — направлен первым секретарем обкома в Горький. За активную поддержку Хрущева на июньском пленуме 1957 г. снова был возвращен в секретари ЦК (1957—1960 гг.), затем переброшен на советскую работу в Верховные Советы РСФСР и СССР (в 1961 г. стал при Хрущеве и Героем Социалистического Труда).

Именно на эту «цековскую пехоту» и сделал Первый секретарь ЦК основную ставку, полностью переиграв сталинских маразматиков из Президиума ЦК, давно не выезжавших в провинцию и потерявшим нюх к аппаратным играм.

Конечно, сегодня, после полного краха системы власти КПСС на постсоветском пространстве, эти аппаратные интриги представляют лишь академический интерес для узкого круга специалистов-историков в СНГ и за рубежом. Но без их анализа трудно понять всю коммунистическую систему управления в СССР, длившуюся более 70 лет. Тем более что не кто иной, как Ленин, с младых ногтей и буквально до кануна своей смерти действовал в партии по той же *методе* — начиная с исключения в 1908 г. из ЦК «и примкнувшим к ним» (меньшевикам) Богданова, Красина и Луначарского («Шепиловых» тех времен) и кончая своим «Завещанием», где он ни одному из наследников его «кафтана» не дал стопроцентную позитивную оценку, а у всех — Троцкого, Сталина, Бухарина, Пятакова и др. — нашел изъяны.

То-то Шепилов в 1989 г. вспоминал, что в канун июньского (1957 г.) Пленума он «перечитывал завещание Ленина» и пришел к выводу: «значит, стоял он [Ленин] за коллективное руководство» (*Шепилов Д. Т.* Указ. соч., с.129). По-видимому, «буферная группа» во главе с Шепиловым и хотела проиграть на Пленуме ленинский сценарий 1922/23 гг., ни одному из «вождей» — ни Молотову и К°, ни Хрущеву и К° — не дав преимущества.

Вот как этот «ленинский сценарий» Шепилова выглядел на практике.

После 20 мая 1957 г. будущая «антипартийная группа» начинает интенсивные переговоры между собой и с «буфером» о смещении Хрущева с поста Первого секретаря; ключевую роль здесь играют тайные консультации между Жуковым и Шепиловым; по-видимому, первоначально Молотов и К° находят временный консенсус с «буфером», иначе бы они не стали назначать на 18 июня экстренное заседание Президиума (формальный повод для отвода глаз — утверждение директив делегации от Президиума и Секретариата ЦК для поездки в Ленинград на празднование 250-летия города).

Утром 18 июня от Хрущева как Первого секретаря, Молотова и Маленкова «буферовцы» потребовали срочно созвать «рабочее заседание» Президиума в узком составе: зачем огород городить, звать всех членов и кандидатов в члены — вопрос-то пустяковый, проштампуем и дело с концом; «нюх» Хрущеву изменил, и он согласился.

После обеда 18 июня в Кремле собрался «узкий состав» — 8 «полных» членов и три кандидата в члены Президиума (Шепилов, Фурцева, Жуков — все лидеры «буфера»); характерная деталь (организовывал сбор технически Шепилов) — «хрущевцев» не

позвали: 9 человек («полные» члены Суслов, Кириченко, Сабуров и кандидаты в члены Президиума (секретари ЦК Аристов, Беляев, Поспелов и др.) отсутствовали. Еще одна важная деталь — запаздывавшего на заседание (он ехал из Подмосковья с военных маневров) Жукова буквально у дверей перехватил Маленков, увлек в соседний кабинет и, очевидно, предложил примкнуть к будущей «антипартийной группе», обеспечив поддержку армии; судя по тому, что Жуков не отказался беседовать с заклятым врагом Хрущева, у него явно были тогда большие колебания — на чью сторону встать? То, что Шепилов не давал начинать заседание Президиума без Жукова и Маленкова, свидетельствовало — он был в курсе этой «тайной вечери».

Дальше начались типичные «ленинские партийные игры» — кто будет вести это «рабочее заседание» Президиума? Казалось бы, ясно кто, Первый секретарь Хрущев. Но не тут-то было — неожиданно большинство присутствовавших, включая и Шепилова, запротестовали: Первухин предложил вести по очереди, но прошло предложение Маленкова — пусть ведет Булганин, он «нейтрален» («буфер» согласился — и он тянул премьер-министра в свою сторону); в конце концов председателем заседания избрали Булганина.

Затем первым выступил Маленков, и Хрущев наконец понял — его обманули, заманили и вот-вот снимут с Первых секретарей: Маленков полностью отыгрался за Пленум в январе 1955 г., на котором его громил Хрущев и в конце концов снял в феврале того же года с поста Предсовмина СССР.

Хрущев, однако, решил биться до конца: внешне он как бы согласился подчиниться мнению большинства, но обратил внимание на нелегитимность такого решения — нет кворума, ибо три члена и шесть кандидатов в члены Президиума на данном заседании отсутствуют (14 октября 1964 г. этот «прокол» Молотова и К^{о} бывшие его соратники учтут и выгонят Хрущева при полном кворуме Президиума ЦК). И здесь решающую роль сыграет Булганин как председатель заседания — он мог бы и игнорировать выступление Хрущева, ссылаясь на сталинскую практику: из 11 «полных» членов 8 присутствуют, кворум есть, и решение по кадровым вопросам принимать можно. Но он колебался. По некоторым сведениям, столь быстрой расправы над Хрущевым не хотели и участники «буферной группы» — им важно было не выгнать его, а *осадить*. Крупную и, как вскоре оказалось, *стратегическую* ошибку совершили и сталинские аппаратчики — Маленков, Молотов и Каганович: они тоже в конце концов согласились перенести продолжение заседания на завтра — утро 19 июня, чтобы собрать полный кворум Президиума и оформить снятие Хрущева протоколом.

19 июня заседание Президиума с «полным кворумом» (на этот раз были все члены и кандидаты в члены Президиума, а также секретари ЦК — всего 20 человек) началось уже в другой атмосфере — эффект внезапности был утерян, Хрущеву за вечер и ночь удалось переговорить со своими сторонниками, перетянуть на свою сторону большую часть «буфера» (Жукова, Фурцеву), получить «коллективные письма» и подготовить «группу захвата» во главе с Коневым. Главное было — выиграть время и срочно собрать Пленум ЦК.

Второй день заседания вылился в бурную дискуссию, затянувшуюся на три дня (председательствовал все тот же Булганин). От оппонентов Хрущева снова выступил Маленков — на этот раз он изложил целую антихрущевскую платформу: Хрущев зарвался, вместо Сталина формирует в партии собственный культ личности, становится на позиции Зиновьева с его концепцией «диктатуры партии» и т. п. Особенно досталось Хрущеву за его глупый лозунг «Догнать и перегнать Америку» по мясу и молоку (об этой глупости Хрущева говорил также и Каганович). Маленкова поддержали Молотов, Ворошилов, Каганович, Сабуров, Первухин. Они много говорили о дешевом популизме

Хрущева — «мотается по стране». Каганович прямо предложил ликвидировать должность Первого секретаря партии. Шепилов, как уже отмечалось выше, тоже выступил с критикой Хрущева, но с позиций «буферной группы»: у Хрущева много хорошего, но он зарвался и его следует *осадить*. Увы, Жуков и Фурцева на этот раз Шепилова не поддержали. Как и другие «хрущевисты» — Кириченко, Суслов, Брежнев, Аристов, Поспелов и даже Микоян, — они безоговорочно бросились на защиту *нашего Никиты Сергеевича* (заголовок телевизионного фильма начала 60-х гг., восхваляющего Хрущева).

Группа захвата из членов ЦК во главе с Коневым, ворвавшаяся 21 июня в разгар бурных дебатов (такого *инструмента* у Ильича не было), наглядно показала: Хрущев пойдет на все, *вплоть до расстрела оппозиционных ему членов и кандидатов в члены Президиума, как сделал бы, будь он информирован заранее, Берия, на месте, прямо в зале заседаний, но свои «сапоги бутылками» и «золотую цепку» Первого секретаря не отдаст (точно также в 1992—1993 гг. поступит Б. Н. Ельцин, но за свою «цепку» парламент он уже расстреляет).*

Последняя крупная ошибка оппонентов Хрущева даже после угроз «группы захвата» была допущена уже на самом Пленуме, собравшемся в Большом Кремлевском дворце 22 июня 1957 г. Пленум явился продолжением четырехдневных дебатов на Президиуме, но на этот раз Хрущев подготовился обстоятельней. Как первый секретарь ЦК, он полностью взял в свои руки руководство партийным форумом. Первым выпустил Суслова (характерно, что семь лет спустя, 14 октября 1964 г., он тоже будет выступать первым, но уже против Хрущева), и как бы объективно изложил перед участниками Пленума суть разногласий между членами Президиума. Затем с самооправданием эмоциональную речь произнес сам Хрущев, но перелом в настроения участников внес *Жуков*. Его основанный на архивах НКВД доклад о репрессиях в РККА (особенно зачитанное им письмо командарма Ионы Якира к Сталину перед расстрелом и резолюция вождя — «подлец и проститутка», а также приписка Кагановича — «мерзавцу, сволочи и бляди одна кара — смертная казнь») произвел огромное впечатление. Но и это не все. Хрущев (вот когда пригодилась ему должность председателя комиссии по «бумагам Сталина») вооружил Жукова документами из секретного архива (сейфа) Маленкова. И на Пленуме с трибуны из уст маршала впервые прозвучала информация о «партийных тюрьмах» в «Матросской тишине» и в Суханове, о «пыточной» в здании ЦК, «озвучены» стандартные, заранее отпечатанные, бланки протоколов допросов с готовыми ответами арестованных и т. д. Как опытный дирижер, Хрущев не дал сразу разбушеваться страстям, а взял «тайм-аут» — объявил в работе Пленума перерыв на два выходных дня, субботу и воскресенье. Попытка Маленкова сорвать этот сценарий успеха не имела. Хрущев и К^{о} получили двое суток на обработку рядовых участников Пленума и некоторых участников «антипартийной группы», что они успешно и провели.

Когда 25 июня, в понедельник, Пленум возобновил свою работу, обстановка была уже совершенно другой. Заседание началось с «покаянных» речей оппонентов Хрущева — членов Президиума Сабурова, Первухина и даже Булганина. Как некогда, в 1928—1929 гг., «разоружившиеся троцкисты» Зиновьев, Каменев, Радек и др. «разоблачали» Троцкого, так теперь эта троица «разоблачала» Маленкова, Молотова, Кагановича — они-де хотели выгнать Никиту из Первых секретарей, Суслова — из секретарей ЦК и т. д. Затем, как когда-то на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. (Рудзутак, Мих. Рютин и др.), против новоявленных «троцкистов» была выпущена «массовка»: секретари ЦК Аристов, Брежнев, первый секретарь Горьковского обкома Игнатов и даже бывший министр МГБ и секретарь ЦК Игнатьев. Аргументации не было никакой — сплошная ругань и

оскорбительные эпитеты. Все это перемежалось «покаянными речами» — голову пеплом на Пленуме посыпали очередные «троцкисты» — Первухин и Поспелов.

Только два оппонента Хрущева — *Молотов* и *Шепилов* — сумели сохранить достоинство и, несмотря на грубые личные оскорбления, тем не менее и на Пленуме выступили с аргументированной критикой хрущевской внутренней и внешней политики (характерно, что 14 октября 1964 г. она прозвучит вновь, но уже из других уст).

* * *

В итоге Пленум ЦК 22—30 июня 1957 г. закончился внешне полной победой Хрущева. Его главные оппоненты: Молотов, Маленков и Каганович — были выведены из состава членов Президиума (Политбюро) и позднее, на последующих съездах партии, окончательно добиты вплоть до исключения из партии.

«Разоружившиеся троцкисты», покаявшиеся члены Президиума Булганин и Ворошилов, будут временно, до 1958—1960 гг., оставлены в его составе, другие — Первухин и Поспелов — понижены до кандидатов в члены. Зато мощной колонной в состав «полных» членов Президиума вошли все хрущевские прихвостни — Аристов, Беляев, Брежнев, Игнатов, Козлов, Микоян, Суслов и др.

Не обижены были и предавшие Шепилова члены «буфера» — Жуков и Фурцева тоже стали «полными» членами Президиума. Но не случайно Шепилов много лет спустя, в 1989 г., говорил: «Вообще Хрущев был злобным и мстительным человеком» (*Шепилов Д. Т.* Указ. соч., с. 134). С Шепиловым Хрущев расправился прямо на июньском Пленуме — объявил его «примкнувшим» и вычеркнул навсегда из партийной и государственной жизни.

С Жуковым расправа за его «буфер» и славу военачальника наступит через три месяца — 19 октября 1957 г. Президиум ЦК снимет его со всех постов, и никакое предательство Шепилова (а он успел еще 30 июня, в последний день работы Пленума, уходя из зала оплеванным, сказать Жукову — «смотри, следующим будешь ты») его не спасло. Как только Жуков вернется из Югославии в Москву, на очередном октябрьском (1957 г.) Пленуме ЦК над ним устроят такое же судилище, как над Шепиловым тремя месяцами ранее. На маршала навешали всех собак, причем громили его все те же прихвостни Хрущева — Суслов и Брежнев, да еще предавшие Жукова боевые друзья — маршалы Малиновский, Соколовский и «буферный» Конев.

Можно предположить, что даже если бы Шепилов и не выступил на июньском Пленуме с критикой Хрущева, его бы все равно через три месяца «примкнули» к Жукову, сфабриковали какое-нибудь персональное «антипартийное дело» и все равно бы выгнали из верхнего эшелона КПСС.

Сталин не случайно через «ленинские призывы» набирал в партию «семинаристов», людишек от биллиарда, а не от станка (и уж тем более, как в случае Шепилова, не от рояля) — образованные интеллигенты в высшем руководстве КПСС вплоть до Горбачева всегда были «белыми воронами» — вспомним судьбу Красина, Чичерина, Сокольникова, Вознесенского и многих других.

Гениальным оказалось пророчество академика Ивана Павлова из 1918 г.: «Мозг, голову [большевики] поставили вниз, а ноги вверх». Да еще и хвастались на весь мир такой «раскорякой», выдавая ее за образец «мирового социализма». Показательно здесь хамское выступление Д. З. Мануильского (из бывших меньшевиков, а затем ярого сталиниста типа А. Я. Вышинского, который тоже из меньшевиков) на XVI съезде партии в 1930 г., прямо с трибуны партийного форума (на нем Сталин был впервые объявлен «корифеем» марксизма-ленинизма и поставлен в один ряд с Марксом, Энгельсом и

Лениным). Оказывается, вещал сей лидер Коминтерна, союз «ног» (партии) и «мозгов» (интеллигенции, «спецов») — это союз всадника и лошади, где роль последней играет, конечно же, интеллигентская «голова», для которой (это уже из М. Н. Покровского) «дверь ЧК должна быть всегда гостеприимно открыта».

Конечно, в случае с Хрущевым на Пленуме ЦК в июне 1957 г. сыграло роль и то обстоятельство, что он свой, «обкомовский»: и с народом говорить умеет, и рюмку-другую пропустить может, и гопака на публике тоже, да и сталинские «конверты» сохранит. А то, что малограмотен и на официальной бумаге может написать «Азнакомица» (свидетельство Шепилова) да еще и самодур (какому-то аксакалу в Средней Азии за то, что тот сплясал перед ним восточный танец, дал сразу в поле звезду Героя Соцтруда — «указ пришлю из Москвы») — так это свои посконные купеческие «ндравы» — *хозяин: куды хочу, туды и ворочу.*

Главное, что поняла обкомовская номенклатура после июньского пленума —отныне хозяин положения в партии и стране она одна, без нее эти «никитки-кукурузники» власть не удержат. В исторической ретроспективе все это напоминало польский сейм XVII в. И заносчивых шляхтичей с их *либерум вето* или *не позволям* — и короля Польши не избирали.

Но спасение «обкомовской шляхты» в СССР после 1957 г. было в другом — заложенная Сталиным СИСТЕМА ВЛАСТИ (аппарат) успешно функционировала, и это позволяло безболезненно менять фигуры наверху, не боясь развала всей системы.

* * *

Конечно, вся эта грызня «пауков в банке» тогда доходила в виде слухов разве что до обкомовско-райкомовского уровня — основная масса населения о ней ничего не знала (разумеется, по итогам Пленума было разослано очередное закрытое письмо ЦК, но только для партаппаратчиков не ниже райкома партии — на партсобраниях заводов и колхозов его уже не читали). Характерная деталь — даже от аппаратчиков суть споров в Президиуме ЦК была скрыта, а все конкретные примеры участия Молотова, Маленкова и Кагановича в сталинских репрессиях из текста этого письма изъяли.

Зато масса знала другое: сначала Маленков — Хрущев (сентябрь 1953 — февраль 1955 г.), а затем и один Хрущев дают «послабленьице» по огородам и налогам — жить стало полегче. Затем оживилась молодежь — началось «великое переселение народов» на целину в 1954—1955 гг., затем — «стройки коммунизма». Молодежь, истосковавшаяся по романтике, — помните, в песне: «А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги»? — тысячами поехала на целину, на строительство сибирских ГЭС.

Были отменены сталинские «проходные свидетельства», колхозникам, наконец, были выданы паспорта, и эта вторая отмена крепостного права делала из Хрущева едва ли не царя-освободителя Александра II.

В городах развертывалось жилищное строительство — знаменитые московские «Черемушки» стали названием нарицательным. Ныне проклинаемые «хрущобы»-пятиэтажки тогда абсолютным большинством горожан рассматривались после десятилетий коммуналок как царские хоромы.

При Хрущеве, как и на Западе, впервые в СССР были введены два выходных дня — суббота и воскресенье.

Конечно, ничего «коммунистического» во всем этом не было — страна после сталинской регламентации и ГУЛАГа возвращалась к нормальной жизни.

Но Хрущеву этого было мало: ему непременно хотелось, чтобы «нынешнее поколение советских людей» жило при коммунизме (и даже дата была определена — 1980 год!).

ХРУЩЕВ-ИМПРОВИЗАТОР («ЧЕРНЫЙ»)

В отличие от июньского Пленума 1957 г. и предшествовавшего ему четырехдневного заседания Президиума ЦК, на котором была предпринята первая и неудачная попытка сместить Хрущева, когда основное внимание его оппонентов было обращено на аппаратные игры и подсчет голосов, вторая попытка в 1964 г. готовилась гораздо обстоятельней, в том числе — и в теоретическом плане.

Свидетельством тому служит обширный, в 70 машинописных страниц, аналитический доклад, который в позднейшей литературе назван «докладом Полянского»,[1] хотя вряд ли он работал над ним в одиночку — скорее всего, тайно, через Шелепина и Семичастного, была задействована большая группа аналитиков из Комитета партийно-государственного контроля и КГБ СССР, а также (без указания — для кого?) привлечены ученые АН СССР и отраслевых НИИ (впервые этот доклад был изложен *Р. Г. Пихоя.* Указ. соч., с. 258—261; см. также: Как снимали Хрущева: материалы Пленума ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) // Исторический архив, 1993, № 1).

Надо сказать, что перед самими собой хрущевские соратники в прятки не играли и составили действительно объективный документ убойной силы. Конечно, сегодня он интересен не только как документ хрущевской эпохи, а как, прежде всего, свидетельство провала реформ послесталинской экономической и социальной системы, вину за который авторы пытались свалить на одного Хрущева.

Вот некоторые моменты из этого доклада:

— Несмотря на все импровизации Хрущева — освоение целинных и залежных земель, попытку провести децентрализацию управления экономикой (совнархозы), строительство ГЭС, «агрогорода» в деревне и запрет держать скот в малых городах и поселках и т.д. — темпы прироста в экономике с 11,1% в сталинские времена (1950 г.) упали до 5% в хрущевские (1963 г.), т. е. более чем в два раза.

— Полная катастрофа в сельском хозяйстве: несмотря на кукурузу, разделение обкомов (1962 г.) на промышленные и сельские и т. п.; дело дошло до всемирного позора — с 1961 г. начали закупать зерно за границей, на что было выделено 860 т чистого золота в слитках; даже при Сталине в 1940 г. на один двор из колхоза за трудодни выдавалось 8,2 центнера зерна, а при Хрущеве в 1963 г. — всего 3,7 центнера; в результате в 1961 г. пришлось проводить конфискационную денежную реформу, а с 1962 г. — повышать цены на мясо и молоко, что вызвало социальные беспорядки (расстрел демонстрации рабочих в 1962 г. в Новочеркасске).

— Полный провал во внешней политике: трижды СССР был на волосок от втягивания в третью мировую войну: в 1956 г. из-за Египта, в 1961 г. из-за ГДР и в 1962 г. — из-за Кубы; и во всех трех случаях Хрущев игнорировал мнение специалистов — военных и дипломатов, решая вопрос с ближним окружением — Суслов впервые употребил на Президиуме 12 октября термин «семья».

Весомость аргументов из «доклада Полянского» сорок лет спустя, в дни празднования в начале 2004 г. 100-летия со дня рождения А. Н Косыгина (торжественное заседание в Москве, публикации в СМИ и телевизионные документальные передачи), подтвердило и участие Косыгина в октябрьском Пленуме 1964 г., на котором, как уже отмечалось, он выступил против «кукурузника». Для хозяйственников — членов ЦК, это был знаковый момент: Косыгин всегда чурался партийных интриг, имея репутацию советского технократа, и уж если и он поддержал предложение о снятии Хрущева — значит, дела действительно плохи.

---

[1] Дмитрий Полянский был заместителем Хрущева по правительству и членом Президиума ЦК КПСС. Судя по тому, что в своих выступлениях на Президиуме 12 октября 1964 г. материалы этого доклада использовали Шелепин и частично Косыгин, они также имели отношение к подготовке этого документа.

И не случайно, что именно А. Н. Косыгин сразу после отставки Хрущева станет премьером правительства СССР, сохранив этот пост при Брежневе на целых 16 лет.

МАШИНА ЕДЕТ НЕ ТУДА

По большому же счету речь, конечно, шла не только о Хрущеве. Да, он своим импровизаторством и «дремучей необразованностью» — заявлениями типа «мы вас (американцев. — *Авт.*) закопаем», стучанием ботинком по пюпитру в ООН, хамством в отношении президента Франции де Голля в 1960 г. (отказался встретиться и демонстративно уехал из Парижа в провинцию), пьяными выступлениями по телевидению на «встречах с трудящимися» во Дворце спорта в Лужниках после очередной поездки за границу, где он пропадал в 1963—1964 гг. до 150—170 дней в году (в 1962 г. Суслов приказал даже выключить телетрансляцию) и т. п. — Хрущев мало соответствовал цивилизованному типу руководителя сверхдержавы — не по Сеньке оказалась шапка.

А то, что Хрущев после XXII съезда КПСС в 1961 г. все более и более игнорировал официальные учреждения государства: МИД, КГБ, Минобороны, Внешторг и др., — а опирался на «семью» (официально называлась «Пресс-группа при Председателе Совета Министров СССР» во главе с зятем Хрущева *Алексеем Аджубеем*, главным редактором «Известий»[1]), вызывало глухое недовольство бюрократии и ассоциации с «семьей» Николая II и Гришкой Распутиным.

За чехардой административных реорганизаций Хрущев просто не заметил, как в ноябре 1962 г. на пленуме ЦК он создал *инструмент* для технической подготовки своего свержения — Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совмина СССР[2], и поставил во главе его *главного организатора* — «железного Шурика» — *Шелепина.* Этот честолюбивый комсомолец, полностью обязанный Хрущеву своим выдвижением из руководителя ВЛКСМ в председатели КГБ и одновременно в секретари ЦК, а теперь еще и зампреда Совмина — председателя Комитета, к 1963 г. контролировал практически весь госаппарат страны и рассчитывал в «благодарность» за свержение Хрущева на свое скорое лидерство в стране.

Увы, он разделил судьбу всех предыдущих «дворцовых мавров» — севший на место Хрущева Брежнев довольно быстро устранил его от власти, «бросив на профсоюзы» — председателем ВЦСПС, а помогавшего ему Семичастного на 16 лет еще дальше — в Киев. Но главным во «второй октябрьской революции» (смещение Хрущева 14 октября 1964 г.), как метко окрестили тогда в народе этот очередной партийный «дворцовый переворот», было другое — очевидный кризис советской экономики на фоне успехов к середине 60-х гг. стран Западной Европы («германское чудо», «итальянское чудо» и т. д.).

«Доклад Полянского» явно отражал наметившееся экономическое отставание СССР и соцлагеря от Запада, что беспокоило прежде всего военных и «генералов» ВПК — Советский Союз рисковал вновь, как и во времена Николая I (Крымская война), стать «потемкинской деревней», а не реальной военной супердержавой с новой технологией

---

[1] В эту «семью», как и при Ельцине, входили не только родственники. Хрущевская «семья» помимо Аджубея включала главного редактора «Правды» П. Сатюкова, секретаря ЦК по идеологии Л. Ильичева, главного редактора журнала «Огонек» писателя Н. Грибачева, помощника Хрущева Г. Шуйского и др. В 1960 г. все члены этой «семьи» получили Ленинскую премию за апологетическую книгу-репортаж «Лицом к лицу с Америкой» о визите Хрущева в США 15—27 сентября 1959 г.

[2] Формальным поводом к учреждению такого суперконтрольного органа стали повальные приписки и очковтирательство госорганов, лишь на бумаге выполнявших указания Хрущева. См., например, постановление ЦК и Совмина от 19 мая 1961 г. «О мерах по предотвращению фактов обмана государства и по усилению контроля за достоверностью отчетов о выполнении планов и обязательств».

(не забудем, что начиналась уже компьютерная революция, которую Хрущев с его «лысенками» и кукурузой явно проморгал).

И то, что в первые годы правления Брежнева, в 1964—1966 гг., в СССР начала осуществляться т. н. «косыгинская экономическая реформа», свидетельствовало: часть постхрущевской бюрократии (Косыгин, Полянский, даже Шелепин) начала реально искать выход из кризиса, в который загнали страну импровизации и пресловутый «нюх» Хрущева.

Не самым главным, но все же дополнительным фактором к потере популярности Хрущева в стране стала его ссора с художественной и научной интеллигенцией в 1962—1963 гг.

Художников и скульпторов он разгромил на выставке в Манеже в Москве, обозвав «пидерасами» (включая и Эрнста Неизвестного, будущего автора его надгробного памятника).

Писателей и поэтов (Агнию Барто, Андрея Вознесенского и др.) — аналогично на пресловутых встречах с творческой интеллигенцией на дачах ЦК в Подмосковье.

Ученых — своей попыткой в 1963 г. разогнать АН СССР (я тоже попал из-за интриг завистливых коллег, среди которых, между прочим, был и будущий знаменитый историк-диссидент Александр Некрич, в список на сокращение как «пенсионер» в 29 лет в число увольняемых накануне защиты кандидатской диссертации).

Показателем катастрофического упадка авторитета «кукурузника» стало немыслимое до его «десталинизации» количество анекдотов о «нашем Никите Сергеевиче», которое могло позднее соперничать разве что с анекдотами о «загогулинах» и «рокировочках» другого малограмотного обкомовского дуролома — «царя Бориса».

Поэтому подавляющее большинство столичной интеллигенции в октябре 1964 г. на своих домашних кухнях приветствовало смещение Хрущева, все еще наивно полагая, что вся проблема — в «плохом» или «хорошем» царе!

И лишь много позднее, через 36 лет (!), пройдя через «царствования» Брежнева, Горбачева и Ельцина, к большинству этих «кухонных интеллигентов» пришло прозрение: система выдвижения лидеров правящих элит на Руси (генеральный ли он секретарь или президент) весь XX в. оставалась в СССР — СНГ — РФ неизменной, и в любом варианте интеллигенция была лошадью, а очередной «царь» — всадником вместе с оравой своих «конюшенных».

Хрущевские импровизации с реформированием сталинской системы «сверху», путем административных мер (совнархозы, разделение обкомов, создание «шелепинской конторы» — КПК) или кадровых перестановок впервые высветила бесперспективность таких попыток. В этом коренились глубинные причины снятия Хрущева 14 октября 1964 г. с поста Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совмина СССР. Ведь даже в «докладе Полянского» содержались намеки на то, что сталинская «машина едет не туда», но в конечном итоге ее «машинисты» свалили все конструктивные недоделки на одного Хрущева: все дело-де в «плохом царе» — вот сменим «царя», и «машина» снова заработает.

Не заработала. Ни при сменившем Хрущева Брежневе (хотя его премьер Косыгин в 1965—1968 гг. и попытался заменить некоторые узлы этой «сталинской машины»), ни даже при Горбачеве, хотя в своих реформах (перестройке) тот пошел гораздо дальше Хрущева.

Но сначала был брежневский застой...

Глава 5

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ: ЗАСТОЙ, или КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Брежневское двадцатилетие» (1965—1985 гг.) стараниями публицистов горбачевской *перестройки* ныне и в СНГ, и за рубежом прочно ассоциируется с терминой *застой.*

Между тем это верно лишь частично: в октябре 1964 — августе 1968 г., до вторжения войск ОВД (а фактически Советской Армии) в Чехословакию, в СССР продолжался процесс реформ «сверху», начатый еще Хрущевым. Правда, при нем он проходил под флагом *десталинизации,* а при Брежневе в первый период его правления — *дехрущевизации.* Но в том или другом случае под пропагандистскую трескотню «подручных партии» (хрущевское определение журналистов типа его затя А. Аджубея) о культе личности Сталина или «волюнтаризме» Хрущева действительно были *сделаны попытки реформировать сталинскую модель социализма*, причем не только в СССР, но и в европейском соцлагере (Венгрии, Польше, Чехословакии).

ЗАСТАВИТЬ ЛЮДЕЙ РАБОТАТЬ

Эта фраза Сталина, сказанная в декабре 1949 г. в беседе с Мао Цзэдуном в Москве накануне торжественного празднования 70-летия «зодчего коммунизма», свидетельствует: даже этот кровавый тиран к концу жизни понял — его *система ГУЛАГа и страха* уже исчерпала себя и не работает.

«Раздача» крупных сырьевых отраслей «империи ГУЛАГ» по гражданским министерствам и ведомствам, осуществленная в период «ста дней» Берии, но задуманная еще в 1950—1953 гг. при Сталине, свидетельствовала о кризисе сталинской модели экономики в СССР.

Хрущев под флагом возврата к «ленинским нормам жизни» пытался заменить *страх* на *энтузиазм*, прежде всего молодежи. В 1954—1957 гг. это дало известный экономический эффект при освоении целинных и залежных земель, на «стройках коммунизма» в Сибири и т.д., главным образом за счет экономии на «социалке»: молодежь в трескучие морозы и бураны жила в палатках при минимуме бытовых удобст, во временных целинных или таежных поселках без электричества, школ, больниц и т. п. Этот аскетизм времен Павки Корчагина из романа Николая Островского «Как закалялась сталь» официально поощрялся хрущевской пропагандой (типичный пример — кинофильм «Коммунист», где главный герой в исполнении талантливого актера *Евгения Урбанского* едва ли не в одиночку пилит и рубит лес, чтобы символический «паровоз» — хрущевские реформы — мог отправиться в дальнейший путь).

Однако довольно быстро партхозномеклатуре стало ясно: два раза в одну и ту же «реку» времен первых лет революции и Гражданской войны с их лозунгом «Дае-е-шь!» войти нельзя.

Хрущев, никудышный марксист, не чета Ленину, своего «нэпа» не придумал, а начал *дергать аппарат* административными реформами «сверху» — созданием совнархозов, разделением обкомов, изменением Устава КПСС (требование обновления составов парткомов, райкомов и обкомов) и т. п.

Все это не улучшило положения и не *заставило людей работать*, а лишь породило с 1959 г. волну очковтирательства (приписок) и явный саботаж «указивок сверху». Вместо того чтобы серьезно проанализировать *нежелание людей работать* (отсутствие экономических стимулов, опора на голый энтузиазм и т. д.), Хрущев пошел еще дальше по пути администрирования: создал в ноябре 1962 г. «вотчину» А. Н. Шелепина — КПК

(Комитет партийно-государственного контроля) и наделил его председателя полномочиями секретаря ЦК и зампреда Совмина СССР, что вызывало внешне ассоциации с постом Дзержинского в 1920—1926 гг. — председатель ВЧК — ОГПУ, ВСНХ, наркомпути (само собой, как и Шелепин, член Политбюро).

Как «погоняло» и орган контроля КПК в экономической сфере не дал ничего эффективного (народ работать не заставил), но наряду с партаппаратом (к тому же расколотым на две «партии» с 1962 г. — сельские и промышленные обкомы) Хрущев фактически учредил еще и третью «партию», насчитывавшую к апрелю 1963 г. 2 млн. 400 тыс. «членов-контролеров». Внешне все это напоминало реформу Ленина из его статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», но на практике сделало из КПК нечто вроде собственной его императорского величества III канцелярии («ведомство» графа Бенкендорфа времен Николая I). Только вместо 37 «голубых мундиров» у царя-фельфебеля — у «Никитки-кукурузника» их оказалось 3270 (по числу председателей союзного, республиканских, областных, городских и районных комитетов), и «народом» они ни у Николая I, ни у Хрущева не занимались — объектом их слежки и санкций стали генерал-губернаторы-взяточники у царя[1], секретари обкомов и крайкомов — у первого секретаря.

Пытаясь войти в образ Ленина, Хрущев по его модели (помните, Троцкому и Красину в 1918—1922 гг.) начал выдавать Шелепину чистые бланки председателя правительства за своей подписью — вписывай любую фамилию и снимай: хочешь — министра, хочешь — секретаря обкома.

Понятно, что столичная и провинциальная бюрократия отнюдь не приветствовала такой возврат к «сталинизму», хотя и без расстрелов. Поэтому первое, что сделали «победители», это на двух подряд следовавших пленумах ЦК — в ноябре и декабре 1964 г. — отменили хрущевские реорганизации партаппарата: вначале снова слили два обкома в один, а затем, под видом реорганизации КПК в «народный» контроль, и «вотчину» Шелепина, заодно сместив его самого (до 1967 г. оставался секретарем ЦК, с 1967 г. — председатель ВЦСПС, до 1975 г. — член Политбюро; в 1975 г. изгнан окончательно, умер в 1994 г.).

Затем на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК были ликвидированы хрущевские совнархозы и восстановлены сталинские методы управления экономикой через отраслевые общесоюзные (11) и союзно-республиканские (17) министерства.

Вместе с тем хрущевский принцип «партейного» руководства экономикой был не только сохранен, но и усилен, и к концу правления впавшего уже в полный маразм Брежнева доведен до абсурда: чего стоит его руководящая «указивка» — «экономика должна быть экономной».

Партаппарат отныне должен был не косвенно, через «приводные ремни»: госаппарат, профсоюзы, комсомол — управлять экономикой, а *руководить* ею непосредственно. Зафиксированное Сталиным в переименовании ВКП(б) в КПСС на XIX съезде партии в 1952 г. *слияние* аппаратов партии и государства при Брежневе свершилось до конца: отныне не только директор крупного оборонного завода утверждался на Политбюро, но и директор коммунальной бани где-нибудь в Царево-Пропойске — на бюро райкома.

К концу брежневского застоя его верный ландскнехт *Виктор Гришин*, член Политбюро и первый секретарь МГК, спустил директиву: после Олимпиады 1980 г. в Москве отныне и навсегда один из трех секретарей любого московского райкома партбилетом отвечал за регулярное снабжение населения своего района хлебом, колбасой и… водкой.

---

[1] Именно николаевские «голубые мундиры» в 40-х гг. XIX в. установили, что только два из 50 губернаторов не берут взяток. См.: *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989, с. 117.

Следует, однако, признать, что на первых порах новое брежневское «коллективное руководство», в отличие от Хрущева, не ограничилось административными реформами (усиление роли министерств и ведомств в экономике), а попыталось *реально* реформировать основанную на страхе и ГУЛАГе систему Сталина. Уже через год после смещения Хрущева в докладе председателя Совета министров СССР и члена Политбюро *А. Н. Косыгина* на сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС зазвучали не слышанные за предыдущие 40 лет «нэповские термины» — *хозрасчет, социалистический рынок, прибыль, рентабельность, эффективность капитальных вложений* и т. д. И не только зазвучали — начали практически воплощаться, причем, что особенно любопытно, в сельском хозяйстве. Там, не называя имен, была продолжена хрущевская установка от февраля 1964 г. на *бригады* и *звенья* как основные формы работы в колхозно-совхозной системе. Важнейшим же нововведением стало приравнивание *колхозников* к *рабочим совхозов* и введение для первых гарантированного минимума *зарплаты*, как и в совхозах, с 1 июля 1966 г. А это автоматически означало, что колхозники отныне станут получать и пенсию — мужчины с 60 лет, женщины с 55.

Был пересмотрен и хрущевский «коммунистический» подход к приусадебным участкам колхозников и подсобным хозяйствам рабочих и служащих сначала малых, а затем — и крупных городов. Именно с середины 60-х гг. началось массовое наделение горожан пресловутыми «шестью сотками» и создание т. н. садово-огородных товариществ, правда, пока только через крупные заводы и фабрики, министерства и ведомства, творческие объединения типа союзов писателей, композиторов, архитекторов и т. п. Одновременно стали сниматься нелепые хрущевские ограничения для построек на этой «земле-кормилице»: запреты ставить стационарные щитовые дома с печкой, обязательная посадка фруктово-ягодных деревьев и кустов и т. п.

Весь этот «новый курс» на стабилизацию и конец хрущевских «перетрясок» закрепил XXIII съезд КПСС в 1966 г. Впоследствии горбачевские публицисты назовут его первым «съездом застоя»[1], но это неверно. Скорее это был съезд продолжения разумно-необходимых реформ Хрущева.

Один из непосредственных участников реформ Косыгина Гавриил Попов (в 1965—1967 гг. он возглавлял лабораторию проблем управления МГУ, работавшую по заданию косыгинской команды) спустя много лет, к 100-летию со дня рождения А. Н. Косыгина, вспоминал: их работа менее всего походила на «застой», ибо все предлагаемые меры были направлены на повышение экономической заинтересованности как «начальников», так и работяг в СССР. «Это был путь, — пишет сегодня Попов, — по которому впоследствии пошла КНР» («МК», № 39, 20.02.2004).

И действительно, предложенные Косыгиным экономические меры, первоначально, в 1966—1970 гг., принесли ощутимый результат: производительность труда выросла на 37%, а реальные доходы советских трудящихся увеличились на 30%. В немалой степени это было связано и с тем, что Косыгин отказался от жесткой сталинской централизации — часть прибыли стали оставлять на местах в виде фонда развития предприятий.

Характерно, однако, что гуманитарная «российская деспотическая интеллигенция» (*Бакунин М.* Государство и анархия, 1875), как обычно, участия в этом позитивном процессе, инициированном властью (реформы Александра II, графа Витте, Петра Столыпина, А. Н. Косыгина), не принимала, а только «хихикала» (Ф. М. Достоевский), но зато обращала повышенное внимание на внешние признаки «возвращения к Сталину» — восстановление названия *Политбюро* (вместо *Президиума*, хотя Политбюро началось не при Сталине, а при Ленине), *генеральный секретарь* (вместо *первый*,

---

[1] См.: Миф о застое. Сб. статей. М., 1991.

который, впрочем, сохранился в ЦК союзных республик, в крайкомах, обкомах и райкомах) и т. п.

То, что позднее будет названо «косыгинской реформой 1965—1970 гг.», поначалу действительно принесет ощутимый экономический и социальный результат:

— впервые за долгие послевоенные годы была выполнена 8-я пятилетка (1965—1970 гг.);

— в 1966—1967 гг. СССР сумел резко сократить закупки зерна за рубежом за счет собственного возросшего сельскохозяйственного производства, что сэкономило государству значительные золотовалютные средства;

— началась гигантская, на 10 млрд. руб., государственная программа *мелиорации* (пленум в мае 1966 г.), прежде всего в засушливых районах юга РСФСР и в республиках Средней Азии, составной частью которой стал циклопический проект «поворота рек» — из Сибири в среднеазиатские пустыни (при Горбачеве из-за неких малопонятных «экономических» амбиций группы писателей во главе с главным редактором журнала «Новый мир» *Сергеем Залыгиным* проект был ошельмован и отброшен; с позиций нынешнего СНГ еще неясно, как бы повели себя сегодняшние «среднеазиатские ханы», если бы у РСФСР был в руках не только энергетический, но и водно-мелиоративный «ключ»; впрочем, в 2003 г. усилиями мэра Москвы Ю. М. Лужкова «проект поворота» возродился вновь).

— началась ускоренная разведка и добыча газа и нефти в Западной Сибири и строительство газопроводов не только в СССР, но и в Восточной и Западной Европе, что, с началом мирового нефтяного кризиса 1973 г., принесет СССР миллиарды «нефтедолларов» и позволит маразматикам Брежнева просидеть во власти лишние десять лет.

И тем не менее *заставить людей работать* все эти экономические и социальные меры «раннего застоя» так и не смогли.

Две главные группы причин мешали этому.

Первая. За время семилетнего правления «Никитки-кукурузника» и одновременного «развенчания» культа личности Сталина произошла *десакрализация образа власти в целом.*

Сталина могли не любить и даже тайно ненавидеть, но его БОЯЛИСЬ (в России это всегда было синонимом *уважали*). Кроме того, абсолютным большинством граждан СССР именно с его именем связывалась победа над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. И не случайно, что когда в 1965 г. в порядке «дехрущевизации» после долгого перерыва вновь решили отметить День Победы 9 мая, а доклад «Двадцать лет победы» сделал будущий герой «Малой земли» *Брежнев*, упоминание имени Сталина как Верховного Главнокомандующего вызвало такие бурные аплодисменты стоя всех присутствующих, что наша «кухонная интеллигенция» немедленно отреагировала на эту реакцию ветеранов «Письмом 25» (академики-физики А. Д. Сахаров, П. Л. Капица, И. Е. Тамм, Л. А. Арцимович и др.).

Сталин в послевоенные годы редко появлялся на публике, простые москвичи видели его разве что во время многочасовых демонстраций 1 мая и 7 ноября издали на трибуне Мавзолея, да и телевидение при нем делало еще только первые робкие шаги.

Хрущев же не понимал, что телевизор — это его *политическая смерть*, и со своими якобы народными поговорками типа знаменитой «кузькиной матери» или менее известной — «А вы, что думали, мы тут ноздрями мух давили?» — лез на экран очертя голову. В итоге этот экран крупным планом показывал всем (но особенно интеллигенции) маленького малокультурного человечка-самодура, никак не соответствующего традиционному представлению русского мужика о «царе-батюшке»,

а скорее опровергавшего ленинский тезис о том, что «каждую кухарку можно научить управлять государством».

Понятно, что под руководством такого «вождя» народ всерьез *работать не хотел*. Именно при Хрущеве началось ускоренное *отчуждение* власти КПСС и *народа. Народ*, освободившийся от палки Сталина, на хрущевском *энтузиазме* на державу работать *не хотел*, но зато охотно вкалывал на «шести сотках» на себя и свою семью. Но ведь «шесть соток» — это не фермерское хозяйство, их ни Хрущеву, ни Брежневу в государственный экономический оборот включить не удалось. Зато *народ* охотно воспользовался послаблениями от властей: фактически бесплатными «хрущобами», пенсиями и зарплатой в колхозах (при том, что производительность труда там все равно не росла), бесплатной землей в садово-огородных товариществах и т.д. — и ревниво их защищал пассивным сопротивлением «молчаливого большинства».

Эти «социалистические завоевания трудящихся» настолько укоренились в советском обществе, что их, например, в РСФСР не удалось упразднить ни второму самодуру несчастной России — Ельцину, ни его «дофину» *В. В. Путину*, при внедрении «капитализма сверху» в 1992—1999 гг. Летом 2001 г. правительство экс-премьера М. М. Касьянова отказалось от очередной попытки протолкнуть через Думу закон о «западной методе» оплаты коммунальных услуг. Точно так же мэру Москвы Лужкову много лет не удается ввести для москвичей повременную оплату за внутригородские телефонные разговоры, типичную для городов Запада вот уже более ста лет.

Вторая группа причин — это то, что много позднее сначала «косыгинец», а затем один из «отцов» перестройки экономист *Гавриил Попов* назовет *командно-административной системой.*

Традиционно, много столетий, отсутствие *стоимостной оценки* не только *основных фондов* (зданий, сооружений и т. п.), но и *земли* и *недр*, над которыми эта недвижимость расположена, привела к тому, что в СССР укрепился и развился *азиатский способ производства,* при котором *власть* и *собственность*, в отличие от Запада, оказались *не разделены.*

В результате в царской и советской России — СССР пирамида экономики, по сравнению с Западом (*капитализмом*), оказалась перевернутой: не экономика диктовала свои законы политике, а наоборот. Поэтому большевики и их сталинские преемники довели формулу историка *Василия Ключевского — государство пухло, а народ хирел* — до абсурда. Развитие экономики определялось не объективными закономерностями, а решениями пленумов и съездов КПСС.

Начатые Сталиным после войны большие *геополитические игры* — соревнования с США и НАТО в гонке вооружений, хрущевские *игры* в «третьем мире» и т. п. — были продолжены и даже усилены при Брежневе. Но производить одновременно и *пушки*, и *масло* советская экономика не могла: начавшиеся еще на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС споры о пропорциональном развитии промышленных групп А («пушки») и Б («масло») очень быстро закончились в пользу «ашников».

Не всегда приоритет «пушек», как при Сталине, устанавливался грубым администрированием. В эпоху «косыгинских реформ» 1965—1967 гг. вдруг выяснилось (статьи экономистов в журнале «Коммунист» в 1966 г.), что «ашники» давят «бешников» путем «волюнтаристского» ценообразования, что делает совершенно иллюзорными всякие надежды на хозрасчет, бригадный подряд, рентабельность и т. п. Устанавливаемые произвольно Госпланом и Госкомцен СССР по командам из Политбюро цены и уровень рентабельности оказались совершенно разными в разных отраслях экономики. Например, на предприятиях министерства приборостроения, связанных с ВПК, уровень рентабельности «спускался» настолько заниженным, что

позволял без особых хлопот достигать 50% прибыли, а, значит, и премий, надбавок к зарплате, помощи садово-огородным товариществам (техника, дороги, электричество) и т. п. Наоборот, цены и рентабельность в «бешной» мясомолочной промышленности был таким, что ее мясо- и молокозаводы выпускали продукцию себе в убыток, как и рыбоперерабатывающие заводы.

На дотациях из бюджета держалась вся угольная промышленность и черная металлургия, хотя нефтяная и газовая за счет тех же манипуляций с ценами и рентабельностью процветали. Убыточными — дотационными — были железные дороги и все коммунальное хозяйство.

Напуганные социальными беспорядками начала 60-х гг. в связи с денежной реформой и повышением цен на продовольствие (пиком напряженности стал расстрел в 1962 г. рабочих в Новочеркасске), наследники Хрущева вначале старались цены и налоговые выплаты не повышать, но и кардинальную реформу — находить оптимальную дозу соотношения между производством «пушек» и «масла» — не проводить.

В результате такой страусовой политики, с обострением международной обстановки и вводом войск ОВД в Чехословакию в августе 1968 г., «косыгинская реформа» захлебнулась. Самого Косыгина, по воспоминаниям все того же Г. Х. Попова, отодвинули чисто бюрократическим путем — отобрали «пушки» (весь огромный комплекс ВПК) из-под его подчинения, передав «ашников» под Брежнева. И сидел такой «вэпэкашный министр» на заседании правительства у Косыгина и откровенно клевал носом (что видно было даже по телевидению при официальных съемках): ведь все равно премьер ему не указ, его «хозяин» — бровастый.

А брежневское руководство предпочло решать проблему прежним административно-командным путем. Для группы А (ВПК) развернули программу строительства «закрытых городов», главным образом на Урале и в Сибири.

В европейской части — РСФСР, Белоруссия, на Украине и частично в Прибалтике — стали навешивать коммунальную «социалку» на отдельные промышленные предприятия (например, в г. Угличе Ярославской области — на часовой завод «Чайка», выпускавший также приборы для военных подлодок).

БУНТ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА ВОСТОКА И ЗАПАДА

Выпущенного в 1956 г. на XX съезде «антисталинского джинна» остановить, между тем, не удалось ни Хрущеву, ни его наследникам. Последние вначале попытались применить к московской и ленинградской интеллигенции старую как мир «ленинскую» политику пряника и кнута.

В 1966 г. в журнале «Коммунист» в рамках «дехрущевизации» появилась уважительная «пряничная» статья, в которой автор отмежевывался от эскапад Хрущева в адрес интеллигенции на его встречах в 1957—1962 гг., в частности, положительно отозвавшись о творчестве модного тогда писателя *Василия Аксенова*, поэта *Андрея Вознесенского*, кинорежиссера *Сергея Параджанова*, художников *Т. Мосина* и *М. Брусиловского* и др.

В том же году были приняты негласные меры по смягчению воинствующего атеизма хрущевской эпохи. В частности, разрешено было выпустить из спецпоселений в Сибири сектантов — «свидетелей Иеговы», «истинно-православных христиан», «адвентистов» и др.

Но в целом и при Брежневе «кнут» явно преобладал над «пряником». Собственно, «хлестать кнутом» начал еще Хрущев. «Дело» Краснопевцева — Обушенкова в 1957 г. в

МГУ, официально развязанная в октябре — ноябре 1958 г. пропагандистская кампания против поэта *Бориса Пастернака*, вся «вина» которого состояла в том, что 23 октября 1958 г. ему была присуждена Нобелевская премия за роман «Доктор Живаго» (в конце концов его заставили публично отказаться от премии, а вся эта грязная игра до срока свела поэта в могилу — 30 мая 1960 г. Б. Л. Пастернак умер), показывала явную преемственность политики Ленина и его наследников.

7 сентября 1961 г. на партийной конференции Ленинского района Москвы выступил начальник кафедры Военной академии им. Фрунзе генерал-майор *Петр Григоренко*, предостерегший от появления «нового культа личности» (Н. С. Хрущева). Генерала немедленно уволили, а затем упрятали в «психушку».

Однако при Хрущеве борьба с *инакомыслием* носила непоследовательный характер. Это, в частности, проявилось в том, что он дал санкцию главному редактору журнала «Новый мир» *А. Т. Твардовскому* на публикацию в ноябрьской книжке журнала за 1962 г. взрывоопасной повести *Александра Солженицына* «Один день Ивана Денисовича» — о рядовом советском «зэке из простых», выживающем в жутком сталинском ГУЛАГе. Повесть имела эффект разорвавшейся бомбы — журнальный вариант и отдельные издания повести прочитали миллионы людей, от студентов до простых «работяг».

В результате позднее, уже после снятия Хрущева, творение Солженицына стало очень серьезным препятствием на пути открытой реабилитации Сталина и сделало Солженицына откровенным оппонентом «брежневского застоя» (впоследствии писатель отразит это противостояние в романе «Бодался теленок с дубом»). «Дуб» же — брежневский режим — на свою голову ввяжется с «теленком» в затяжную скрытую борьбу, но с удивлением обнаружит: писатель вовсе не глупый и трусливый «теленок», а самый что ни на есть отважный *тореадор*, в одиночку начавший свою *корриду* против брежневского режима.

Были три новых момента в разгоравшемся в СССР после отставки Хрущева *диссидентском* (другое название — *правозащитном*) *движении.*

Во-первых, аналогичные бурления в еще большей степени наблюдались в Восточной Европе, особенно в Польше и Чехословакии.

Во-вторых, бурлила и Западная Европа с США, которые в 1967—1968 гг. охватила мощная волна студенческих выступлений (особенно в 1968 г. во Франции), что в сочетании с общим сдвигом интеллигенции *влево*, обеспечивало советским диссидентам активную поддержку в левых западных кругах.

В-третьих, в продолжавшейся и после отставки Хрущева тайной «игре» КГБ и ЦРУ диссиденты, а затем и евреи-«отказники» стали важной разменной монетой, о чем многие советские диссиденты часто не подозревали вплоть до того момента, когда их обменивали на кадровых шпионов или важных для Москвы политических деятелей (например, *Владимира Буковского* на лидера чилийских коммунистов *Луиса Корвалана* — народ в Москве моментально откликнулся на этот обмен частушкой: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»).

* * *

Диссидентство в СССР первоначально взошло на письмах против реабилитации Сталина, которые в 1965—1966 гг. потоком пошли в «инстанции». Власти решили пресечь эту волну и в те же годы организовали через КГБ СССР контракцию: в 1965 г. арестовали, а в 1966 г. публично судили двух до этого не слишком известных литераторов — участников войны — писателя *Андрея Синявского* и поэта-переводчика *Юлия Даниэля.* Формально им инкриминировалась публикация на «буржуазном Западе» своих «антисоветских произведений», да еще под псевдонимами.

Но на этот раз, как в случае с Борисом Пастернаком и его романом «Доктор Живаго» в 1958 г., дело не ограничилось публикацией писем в «Правде» и «Известиях» типа — «этот роман-пасквиль я не читал, но гневно осуждаю все, что в нем написано». По делу Синявского — Даниэля еще в конце 1965 г. было принято специальное решение Политбюро, операцию поручено было провести Отделу культуры ЦК КПСС и КГБ СССР с подключением к ней секретариата Союза писателей СССР. Масла в огонь подлила та самая первая после параллельной демонстрации «троцкистов» 7 ноября 1927 г. публичная манифестация 5 декабря (в день принятия «сталинской» и все еще действующей Конституции СССР 1936 г.) 1965 г. на Пушкинской площади в Москве кучки первых «легальных диссидентов» — акад. А. Д. Сахарова, Алика Гинзбурга, Вл. Буковского, Андрея Амальрика, Ларисы Богораз, Натальи Горбаневской, А. Есенина-Вольпина и др., развернувших плакаты и требовавших соблюдения хотя бы тех правовых положений, которые были зафиксированы еще в конституции 1936 г. К тому времени уже вовсю шла полемика либерального «Нового мира» с консервативным «Октябрем».

Перед началом процесса, который прошел в Москве 10—14 февраля 1966 г. с соблюдением всех процессуальных норм, власти через секретариат СП СССР решили расколоть ряды «подписантов» и перетянуть часть из них на свою сторону, что им (после заочной «проработки» литераторов в Институте мировой литературы, в Отделении литературы и языка АН СССР, в писательских союзах Москвы и Ленинграда) отчасти и удалось. В «Литературной газете» появилась погромная статья против «литературных власовцев» Синявского — Даниэля, которую подписали не только записные «подручные партии» типа Константина Симонова или автора сталинского гимна 1943 г. Сергея Михалкова, но вполне лояльные ранее к правозащитникам *Константин Федин* или поэтесса *Агния Барто*, которую на одной из встреч с литераторами публично оскорбил Хрущев.

К чести советских литераторов той поры — *как знак времени!* — джинна десталинизации в бутылку уже загнать было нельзя: большая группа творческой интеллигенции не испугалась и опубликовала контрписьмо в защиту Даниэля — Синявского. Среди этих «подписантов» оказались не менее громкие имена и, главное, хорошо известные за границей — писатели *Илья Эренбург, Виктор Шкловский* и *Юрий Казаков*, актер *Ростислав Плятт,* драматург *Александр Арбузов* и др. Это письмо, сразу попавшее на Запад, существенно смазало впечатление от всеобщего «одобрямса» советской интеллигенции судебной акции властей против двух литераторов. И хотя их, разумеется, осудили и отправили в мордовские лагеря, но желаемого эффекта по типу процессов 30-х гг. у Брежнева и К^{о} не получилось — все по той же причине, что и у Хрущева: не по «сенькам» оказалась «шапка».

Характерно, что «подписантов», защитников Синявского — Даниэля, не тронули, а одному из них — драматургу Арбузову — через 15 лет даже присудили Государственную премию СССР (1980 г.).

Но и процесс Синявского — Даниэля кое-чему научил брежневские власти. Они, например, с удивлением обнаружили, что «сталинская» конституция 1936 г., написанная Бухариным и Радеком, может служить отличным «щитом» для правозащитников, не позволяя прокурорам СССР припаять им антисоветскую деятельность. Поэтому 15 сентября 1966 г. Политбюро срочно одобряет три новые дополнительные «антидиссидентские» статьи в УК РСФСР: 191(1) — «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (до трех лет тюрьмы); 191(2) — за «надругательство над гербом или флагом СССР»; 191(3) — за организацию и участие в «групповых действиях, нарущающих общественный порядок».

Благодаря этим новым «юридическим нормам» властям сравнительно легко удается расправиться с диссидентами «второго ряда»: осудить ныне покойных Алика Гинзбурга и Юрия Галанского (февраль 1968 г.), «социал-христиан» в Ленинграде (апрель 1968 г.) и кучку «протестантов» на Красной площади против военного вторжения в Чехословакию (9—11 октября 1968 г.).

Но на крупных диссидентах — академике *Сахарове* и писателе *Солженицыне* — они споткнулись.

Поначалу возникли проблемы с Сахаровым, «отцом» советской водородной бомбы, трижды лауреатом Сталинской премии и Героем Социалистического Труда. Сахаров еще 24 декабря 1958 г. обратился к Н. С. Хрущеву с письмом, требуя не проводить испытание термоядерной бомбы в атмосфере. «Наш Никита Сергеевич», разумеется, проигнорировал эту просьбу-требование. Но и расправиться с академиком, как, скажем, с Синявским или Гинзбургом, ни Хрущев, ни Брежнев не осмелились, причем даже после того, как Сахаров, подобно Пастернаку с его романом «Доктор Живаго», опубликовал в июне 1968 г. за границей свой трактат «Размышления о прогрессе, сосуществовании и интеллектуальной свободе», да еще в 1975 г. получил (опять же как Пастернак в 1958 г.) Нобелевскую премию. Максимум, на что пошло брежневско-андроповское руководство — это отправить Сахарова с женой Еленой Боннэр в январе 1980 г. в административную ссылку в «закрытый» город Горький, куда был запрещен въезд иностранным журналистам.

Иное дело — *Солженицын*: этот не физик-атомщик, а «свихнувшийся писака» (П. Н. Демичев), «ведет антисоветскую работу» (Ю. В. Андропов) — с ним «дубы» из Политбюро, вначале (заседание секретариата ЦК КПСС 10 марта 1967 г.) действительно рассчитывали расправиться как с «теленком», быстро: чик-чик — и на шашлык[1].

И просчитались. Первоначальный сценарий расправы над Солженицыным, утвержденный на Секретариате ЦК 10 марта 1967 г., не отличался оригинальностью: за основу была взята *модель* травли Бориса Пастернака в октябре — ноябре 1958 г. Иными словами, партия по предложению председателя КГБ СССР «хрущевского комсомольца» *В. Е. Семичастного* поручила руководству Союза писателей СССР «навести порядок» и выгнать «клеветника» из этого союза («Он клевещет на все русское, на все наши кадры», — В. В. Гришин). Но, в отличие от Пастернака в начале 30-х гг., писавшего хвалебные стихи о Сталине, а позднее на всю жизнь травмированного расправой «зодчего коммунизма» над писателями Борисом Пильняком, Исааком Бабелем, Перецом Маркишем и другими и поэтому капитулировавшего (отказался от получения Нобелевской премии), Солженицын оказался для «партийных дубов» крепким орешком.

Боевой офицер-фронтовик, выживший, как и его литературный герой Иван Денисович, в ГУЛАГе, писатель не только не испугался, а сам перешел в наступление. «Литературные генералы» не успели еще взять под козырек и со всех ног броситься исполнять указание Секретариата ЦК, как Солженицын направил 16 мая 1967 г. «Открытое письмо» в президиум IV съезда советских писателей в Москве. В этом письме писатель не только не покаялся, а наоборот, открыто выступил против многолетней партийной цензуры и по сути предложил «генералам» объединиться с ним, фронтовым капитаном-писателем, против «дубов-маршалов» из Секретариата ЦК и Политбюро.

Случись подобное при Сталине до 1953 г. и даже при Хрущеве в 1958 г., с Солженицыным бы расправились за это «Открытое письмо» быстро и радикально.

---

[1] См.: Кремлевский самосуд. Сб. док. / Состав. А. В. Коротков и др. М., 1994, с. 40—41.

Но в том-то и была специфика ситуации вокруг *одного диссидента* в СССР, что брежневскому руководству после смещения Хрущева приходилось действовать уже *в другой обстановке* внутри и вне страны.

Во-первых, СССР оставался в жесткой конфронтации с США по всему миру, в частности, тайно оказывая поддержку военной техникой северовьетнамским коммунистам в их вооруженной борьбе с США в Индокитае. Попытка А. Н. Косыгина в феврале 1965 г. во время официального визита в Ханой, Пекин и Пхеньян примириться с китайскими коммунистами после демонстративного разрыва Хрущева с Китаем в 1958 г. (отозвал всех советских специалистов и прекратил всякое сотрудничество) и даже сенсационная встреча Косыгина с Мао Цзэдуном 11 февраля 1965 г. в Пекине на почве возобновления совместной военной помощи Северному Вьетнаму против американцев полного успеха не принесли.

Для китайского вождя эта помощь (речь шла о возобновлении транзита советского вооружения, главным образом зенитных ракет, воздушным и наземным путем через Китай в Северный Вьетнам) не была приоритетной проблемой. Он настаивал на более радикальной «дехрущевизации» и полной реабилитации Сталина. Конкретно Мао, собравший на встречу с Косыгиным 11 февраля весь «синклит» китайских коммунистических вождей, требовал публичной отмены решений антимаоистского февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, проведенного еще Хрущевым, на что советский премьер, имея четкие директивы Политбюро, не пошел. Ведь это бы означало реабилитацию Сталина и, по большому счету, отмену решений XX съезда о культе личности, что вызвало бы крайне негативную реакцию интеллигенции в СССР и странах европейского социалистического лагеря. А это, в свою очередь, еще больше подняло бы антисталинские акции Солженицына (напомним, что именно с 1965 г. он попал под «колпак» Семичастного). Эти опасения вновь прозвучали 18 июля 1967 г. на очередном заседании Секретариата ЦК при обсуждении проекта закрытого письма ЦК «О поведении и взглядах Солженицына» (в конце концов письмо решили не рассылать).

Но и с китайцами так и не договорились, и к 1969 г. дело дошло до локальной китайско-советской пограничной войны (события вокруг о-ва Даманский).

Во-вторых, брежневское руководство начинали волновать настроения интеллигенции в Польше и особенно в Чехословакии, где как раз в разгар начала антисолженицынской кампании назревала «пражская весна» 1968 г.[1]. «Дубы» в Кремле весьма насторожились, когда из донесений советских посольств и резидентур КГБ в Праге и Варшаве начали получать информацию о популярности идей конвергенции капитализма и социализма в результате научно-технического прогресса в мире, незадолго до этого выдвинутых профессором социологии *Уолтом Ростоу* из Техасского университета (г. Остин, США) и почти сразу же поддержанного акад. А. Д. Сахаровым в его «Размышлениях о прогрессе, сосуществовании и интеллектуальной свободе»[2].

И, наконец, *в третьих,* «дело Солженицына» по времени совпало с «делом» дочери Сталина — Светланы Аллилуевой, как назло именно в апреле 1967 г. сбежавшей через Индию и Швейцарию в США. Конечно, носителем государственных секретов типа изготовления в СССР водородной бомбы она не являлась, но сам факт побега на «империалистический Запад» дочери «вождя всех времен и народов» был крупным идеологическим *проколом* брежневской пропаганды: «дубы» еще колебались — не

---

[1] Подробней об этом см. в книге однокашника М. С. Горбачева по учебе на юрфаке МГУ и активиста «пражской весны» Зденека Млинаржа «Холодом веет от Кремля» (New York, 1988; московское переиздание 1992 г. — «Мороз ударил из Кремля»).

[2] По-русски книга вышла в июне 1968 г. в «самиздате» в Москве, по-английски — в том же году в Нью-Йорке и по-французски — в 1969 г. в Париже.

реабилитировать ли Сталина, вот и Мао просит о том же, а паршивая дочка возьми да и «проголосуй ногами» из первого царства «реального социализма».

В западной прессе поднялась вокруг этого побега невероятно шумная кампания. Она совпала по времени с публикацией в тех же газетах письма Солженицына на IV съезд писателей и, главное, еще одного писательского письма на тот же съезд (84 подписи!) в *поддержку писателя-диссидента* (и еще 15 индивидуальных писем также попали на Запад).

Надо ли говорить, что западные СМИ и особенно русскоязычные «радиоголоса»: «Свобода», Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкая волна» и др. — через барьеры многочисленных глушилок все-таки донесли до советского слушателя эту волну защиты Солженицына и скандал вокруг дочери Сталина.

Зашевелились и профессиональные антикоммунисты из ЮСИАЙ и аналитики в ЦРУ. Ведь это впервые после начала «холодной войны» в 1947 г. они получали в СССР и странах за «железным занавесом» ранее неизвестный им «человеческий материал» — *диссидентов* (правозащитников), не чета каким-то ранее защищаемым ими «лесным братьям» из Прибалтики или Западной Украины, и тем более, сомнительным лидерам из НТС (Народно-Трудовой Союз), возникшем при содействии фашистских оккупантов. Американские аналитики именно с 1967 г. начали пересматривать всю прежнюю стратегию пропаганды на СССР и европейские страны соцлагеря.

Если раньше это был лобовой призыв «сбросить» иго коммунизма (напомним, что и радио «Свобода» вначале называлось «Освобождение»), то теперь появилась возможность идейно поддержать внутри коммунистического мира «пятую колонну» — набирающее силу диссидентское движение, способное, по мнению этих аналитиков, *разложить* коммунистическую систему изнутри. Тем более, что за единичными фамилиями отдельных *легальных диссидентов* просматривалась, как, скажем, в России конца XIX — начала XX в. (до русско-японской войны 1904—1905 гг.), достаточно сильная поддержка *общественности* (письмо в защиту Синявского и Даниэля в 1966 г. подписало около двух десятков представителей творческой советской интеллигенции, а Солженицына в 1967 г. защищало уже в пять раз больше — около ста).

Не прошло мимо внимания Запада и то обстоятельство, что отдельные выдающиеся советские творческие деятели не только подписывали письма, но и предоставляли диссидентам «политическое убежище» у себя в квартирах или на дачах и даже материальную помощь (совсем как дореволюционные купцы или промышленники). Например, вскоре стало известным не только КГБ, что Солженицын скрывался на даче выдающихся музыкальных деятелей Советского Союза — гениального дирижера и виолончелиста *Мстислава Ростроповича* и его жены *Галины Вишневской*, прима-певицы Большого театра.

Словом, открывался новый, «третий», фронт в конфронтации двух лагерей — пропагандистско-идеологический. «Бои» на этом «фронте» после почти двух десятилетий *брежневского застоя* сыграют определяющую роль при идеологическом обрамлении *горбачевской перестройки* («общечеловеческие ценности», «права человека», «Европейский дом», «новое мышление» и т. п.).

В самом первом приближении, скорее интуитивно, чем осмысленно, все эти проблемы впервые встали перед верхушкой КПСС именно в 1967 г. в связи с «делом Солженицына» на уже упоминавшихся заседаниях Секретариата ЦК КПСС 10 марта и 18 июля. *Прямо скажем, «кремлевские дубы» оказались интеллектуально бессильны перед «теленком».* Никакого противоядия они солженицынским разоблачениям не придумали, и 18 июля вновь «спустили вопрос» на уровень Союза писателей СССР (предложение главного коммунистического идеолога Суслова). Но «литературные генералы» мыслительно были еще большие импотенты, чем их хозяева из Политбюро.

Поэтому секретариат «Совписа» ничего умного не придумал, как 22 сентября 1967 г. на заседании секретариата с участием «теленка» от Солженицына потребовал банального покаяния (помните — «разоружившиеся троцкисты» в 1928—1929 гг.). Разумеется, каяться Солженицын отказался, и его позднее, 4 ноября 1969 г. исключили из Союза писателей, но руками местной рязанской писательской организации. И на этот раз в его защиту выступила большая группа писателей — Г. Бакланов, Б. Окуджава, Б. Можаев, А. Арбузов, Е. Евтушенко, Лидия Чуковская и др. Они требовали вынести решение рязанских писателей на пленум «Совписа», но успеха не добились.

Отныне гениальный писатель становится изгоем в собственном Отечестве, теряет всякую надежду на публикации на Родине (Суслов лично отказывает ему в издании «Ракового корпуса» и «Августа четырнадцатого») и печатается только в «тамиздате» — на Западе, становясь, подобно своим предшественникам из 30-х гг. писателям Платонову или Булгакову, «внутренним эмигрантом». Масла в огонь противостояния «теленка» с «дубом» подливает присуждение Солженицыну 8 октября 1970 г. Нобелевской премии.

КОНТРАТАКА КОНСЕРВАТОРОВ

Между тем рядом с «буяном-теленком» в замшелом дубовом лесу литературы советского социалистического реализма после XX съезда вырос зеленый подлесок — т. н. «деревенская проза» писателей-«неподписантов»: «Плотницкие рассказы» Василия Белова, «Письма из Русского музея» и «Владимирские проселки» Владимира Солоухина, антиколхозные повести и рассказы Владимира Тендрякова, Бориса Можаева, Федора Абрамова и др. Эта проза трактовала не о «маяках», не о Павках Корчагиных, а о простых людях — плотниках, смотрителях музеев, деревенских старухах-вдовах, чьи мужья, а нередко и сыновья, сложили свои головушки на войне, и они коротали свои недолгие уже в этой жизни дни в холодных избах, без электричества и пенсий, кормясь исключительно со своих огородов да малой живности.

Страшным обвинением режиму служила сценка из вологодской деревенской действительности тех лет, описанная Владимиром Тендряковым: по весне, когда таял снег, почтальон обходил отдаленные деревни, и то в одной, то в другой избе находил… умерших одиноких старух, иногда пролежавших бездыханными не один зимний месяц.

И это был не «один день» зэка Ивана Денисовича, а тысячи судеб простых русских людей, которых погубил уже не Сталин, а равнодушие к их жизни его наследников — Хрущева и Брежнева.

Появившиеся в 60-х гг. переводы произведений *Франца Кафки* — «В исправительной колонии», «Приговор», «На строительстве китайской стены» и др. — расширяли солженицынский ГУЛАГ до абсурда всей жизни маленького человека в XX веке, неспособного в одиночку противостоять молоху бюрократически-государственной машины.

С проекцией тех же идей на советскую действительность трактовались городской интеллигенцией и студенчеством 60-х гг. переиздания романов и пьес *Михаила Булгакова* — «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Театральный роман», «Белая гвардия» и др.

Всему этому мощному, хотя внешне и не диссидентскому литературному потоку консерваторы интеллектуально не могли противопоставить ничего, кроме пропагандистской трескотни и новых репрессий. В качестве первой в серии пропагандистских кампаний было избрано празднование 50-летия Октябрьской революции, под которую были отпущены большие деньги на постановку кинофильмов,

телесериалов, выпуск книг и альбомов и т. п. (в 1970 г. точно так же будет отпраздновано 100-летие рождения Ленина).

Однако и празднование 50-летия не помогло. В добавление к «диссидентским» публикациям на Западе прибавились мемуары бывших «своих» — опальных маршала Жукова и Никиты Хрущева. На Политбюро 3 марта 1968 г. об отрывках из их мемуаров, каким-то образом провезенных через границу и появившихся в СМИ на Западе, специально и с возмущением говорил сам Брежнев.

Весь этот идеологический «разброд и шатания» явно беспокоил консерваторов. На том же Политбюро 3 марта 1968 г. состоялась острая дискуссия — что же делать с советской интеллигенцией дальше?

Явные «дубы» типа председателя Президиума Верховного Совета СССР *Николая Подгорного* предлагали не «миндальничать», ужесточить прием в союзы писателей СССР и союзных республик, а «смутьянов» лишить московской прописки и выслать из столицы (3 апреля 1967 г. в ЦК КПСС от имени КГБ, МВД и МГК была направлена записка «Об укреплении паспортного режима в гор. Москве и Московской области», в которой предлагалось «аннулировать прописку лиц» за их «антиобщественную деятельность», «клевету» и т. п.; в тот период власти побоялись нежелательного резонанса, и ход записке не дали). На этом заседании Политбюро неожиданно «либерально» выступил сам генсек Брежнев. Он признал серьезность проблемы, но отметил — «вопрос работы с интеллигенцией — это серьезный вопрос, и просто так административными мерами эти вопросы не решишь» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 308).

Но и Брежнев ничего нового, кроме все тех же административных мер, предложить не смог. Его идея упразднить ставшими рассадниками «диссидентства» старые советские творческие союзы и создать вместо них единый новый — *Академию литературы и искусства*, «сделать хороший отбор в эту академию», оказалась мертворожденной.

Характерно, однако, что даже самые замшелые «дубы» в Политбюро не заикались о ликвидации Солженицына или акад. Сахарова «в особом порядке», хотя «Лаборатория Х» (ядов) продолжала существовать на Лубенке до конца 1991 г., а «комсомолята» из КГБ моментально бы исполнили любой приказ «любой партии и любого правительства! (из горькой диссидентской «шутки» тех лет), лишь бы прорваться к вершинам власти.

В итоге и на этот раз «дубы» из Политбюро «пороха не выдумали» и ограничились созданием очередной комиссии Политбюро (Андропов, Шелепин, Демичев, Пельше) по «первоочередным вопросам идеологической работы».

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОСЛЕСТАЛИНСКОЙ СИСТЕМЫ — ТОРЖЕСТВО ДОГМАТИКОВ

Попытка подавить «пражскую весну» грубым военным вмешательством путем ввода 21 августа 1968 г. войск ОВД в Чехословакию, ареста партийно-государственного руководства и вывоза его на территорию СССР (первого секретаря КПЧ А. Дубчека, премьера Черника, спикера Смрковского и др.) *полностью провалилась.*

Войска столкнулись с такой мощной кампанией гражданского неповиновения рядовых чехов и словаков, подобного которому «кремлевские дубы» не встречали даже в Венгрии в октябре — ноябре 1956 г. Кроме того, сразу провалились их надежды расколоть партийно-государственное руководство «пражской весны» и привезти в Прагу на советском бронетранспортере «чешского Кадара» — никто из тогдашнего руководства Чехословакии роль генерала Власова сыграть не захотел (это, правда, ничему не научило «кремлевских дубов», и девять лет спустя, в Афганистане, они

продолжат эту тактику поддержки московских марионеток, что в конце концов снова приведет к вводу советских воск и затяжной войне «ограниченного военного контингента» с афганскими моджахедами, активно поддержанными США).

В последнем случае основная вина ложилась на советского посла в Праге *Степана Червоненко*, перед этим, в 1958 г., благополучно провалившим свою миссию посла СССР в Китае: бывший заведующий отделом загранкадров ЦК КПСС сообщал в Москву не то, что реально было в Китае или Чехословакии, а то, что хотели услышать от него «кремлевские небожители». В результате даже словацкий «Карл Радек» — Василь Биляк — в последний момент струсил и отказался возглавить «пятую колонну» Москвы. А тайных агентов НКВД типа «Володи» (Имре Надя в Венгрии в 1955—1956 гг.) среди лидеров КПЧ тогда не нашлось.

Что «братская помощь» здоровым силам в Чехословакии оказалась чистой авантюрой в политическом и военном плане, стало ясно через *два дня*, 23 августа, когда в Москве торжественно принимали президента Чехословакии ген. *Людвига Свободу*, а вслед за тем на экранах телевизоров в СССР замелькали лица вчерашних арестантов — Черника, Дубчека, Смрковского и других. Для тех, кто был искушен в тайнах «кремлевского двора» в СССР или анализировал их за рубежом, такой пассаж был равносилен «чуду на Висле» в августе 1920 г. Только «чудо на Влтаве» в августе 1968 г. свершилось не оружием, а пассивными методами гражданского неповиновения. Чего стоила только одна многотысячная демонстрация разгневанных словаков вокруг советского генерального консульства в Братиславе, во время которой, однако, не было эксцессов и не разбито ни одно окно.

Чехи нашли в себе мужество оставить свою маленькую, но хорошо вооруженную армию в казармах и, как и в марте 1939 г. при оккупации Чехии и Моравии гитлеровскими войсками, сохранить свои войска в местах постоянной дислокации. Наоборот, министр обороны СССР маршал Андрей Гречко не подготовил вторжение даже военно-пропагандистски: советские войска вошли по старым картам 1945 г., солдатам говорили, что идем выбивать немцев ФРГ из «братской славянской страны», дорожные указатели на словацком и чешских языках, но написанные, естественно, *латиницей,* политруки вначале выдавали за немецкие, уверяя, что Советская армия вновь вошла в Германию.

Вдобавок словаки и чехи за одну ночь поменяли или сорвали все указатели и названия улиц, и советские войска даже по картам 1945 г. тыкались, как слепые котята.

Не лучше подготовились и спецслужбы ОВД. В первые часы в пражском аэропорту высадили с советских самолетов (предварительно захватив все аэродромные службы) десант спецназа, но арестовали лишь верхушку — Дубчека, Черника и других. Основная масса функционеров — активистов «пражской весны» — не была интернирована и сумела скрыться. В результате танки и бронетранспортеры войск ОВД оказались предоставлены самим себе и, окруженные разъяренной толпой, не знали, что делать — стрелять было запрещено, а кого арестовывать еще — неизвестно.

Позором для советских оккупационных спецслужб стал скандал: чешские коммунисты провели на одном из заводов подпольный антимосковский партийный съезд, избрав новое руководство.

Все это очень напоминало ввод танков в Москву 19—21 августа 1991 г. при ГКЧП; как, впрочем, и события вокруг «Белого дома» в августе 1991 г. — «пражскую весну» в августе 1968 г. И не случайно 25 августа 1968 г., когда Свобода вместе с недавними «арестантами» вел в Москве многочасовые тяжелые переговоры с Брежневым, Косыгиным и Подгорным, на состоявшемся параллельно заседании Политбюро сторонник жестких мер Андропов с недоумением заметил: «Получается непонятно: кто же ввел войска — мы к ним или они к нам?» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 342).

Характерно, что на заседании Политбюро 25 августа председательствовал не Брежнев, а Косыгин, с самого начала чехословацкого кризиса занимавший умеренную позицию. Он же и сделал вводный доклад. Любопытна была его характеристика мнений лидеров братских компартий на провал военной акции ОВД 21 августа. По Косыгину, обрисовались две точки зрения — экстремистская (Живков, Ульбрихт, Гомулка) и умеренная (Янош Кадар). Экстремисты заявляли, что «война неизбежна, что нужно все душить, нужно сажать контрреволюцию» (Живков), «никто не поймет, зачем мы ввели войска…» (Гомулка). Умеренный Кадар предлагал оставить на прежних постах Дубчека и Черника, войска ОВД частично вывести, а частично «спрятать» на территории Чехословакии.

В конце концов точка зрения Кадара, поддержанная Косыгиным и Брежневым, взяла верх. В Чехословакии начался т. н. «процесс нормализации» во главе со Свободой, Дубчеком и Черником, затянувшийся на годы. Только с 1969 г., когда «словацкий Кадар», бывший «националист» *Густав Гусак* (1913—1991 гг.), отсидевший за это в 1951—1960 гг. в тюрьме, стал президентом Чехословакии, наконец, частично удалось «нормализовать» обстановку. Многие активисты «пражской весны» к тому времени сбежали за границу, Дубчека исключили из партии и отправили служить лесником в Словакию (в 1990 г. из партии исключат уже самого 77-летнего Гусака и, не выдержав позора, он умрет в 1991 г.). В конечном итоге «нормализация» была, как и в Венгрии после 1956 г., достигнута Гусаком за счет «гуляш-социализма»: значительную часть рабочих и служащих купили высокой зарплатой, кредитами на строительство коттеджей, на покупку автомашин, но при условии — *никакой политики.*

Кризис в Чехословакии в августе 1968 г. по своим международным последствиям далеко превзошел внутрипартийную грызню «пауков в банке».

Во-первых, он вызовет еще больший, чем в 1956 г. после венгерских событий, кризис в международном коммунистическом движении и постепенный переход лидеров компартий Западной Европы (особенно в Италии, Франции и Испании) на позицию *еврокоммунизма*, что в теоретическом плане означало лишь одно — после 1968 г. советская модель социализма больше не считалась в Европе единственно-образцовой[1].

Для «дубов» из Кремля это значило одно: отныне они находились не только в традиционном «капиталистическом окружении», но и в двойном кольце своих бывших соратников по Коминтерну — на Западе «еврокоммунистов», на Востоке — «маоцзедуновских ревизионистов».

Во-вторых, в геополитическом плане США и страны НАТО поняли: СССР боится «большой войны» из-за потери «сфер влияния» в Восточной Европе, хотя пока и сопротивляется выходу своих сателлитов (Чехословакии, Румынии) из военно-политического союза ОВД и *Комекона* — СЭВ. А это создавало для НАТО новые предпосылки для «размывания» европейского соцлагеря и его дальнейшей «югославизации», благо Тито активно поддержал «ревизионистов» и в Венгрии в 1956 г. (укрыл Имре Надя в своем посольстве в Будапеште), и в Чехословакии — осудил военную интервенцию ОВД.

В-третьих, «социализм с человеческим лицом» оказался в принципе неприемлем даже для постхрущевкого руководства СССР, фактически после чехословацкого кризиса признавших, *что сталинская модель социализма принципиально нереформируемая.* Вся эта брежневская конструкция очень напоминала модель царизма времен Николая I в канун Крымской войны 1853—1855 гг., такая обстановка объективно втягивала СССР в глобальный кризис «по всем азимутам», затянувшийся на долгие 16 лет.

БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ

---

[1] Подробней см.: Коммунизм — советский строй. Сб. статей. М., 2000; *Кара-Мурза С.* Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М., 2001.

Празднование 50-летия Великого Октября в 1967 г. было лишь началом борьбы с *инакомыслием* в СССР, которое после вторжения в Чехословакию приняло в самом конце 60-х гг. — первой половине 70-х гг. характер официальной массовой кампании. Особенно досталось философам, экономистам и историкам из институтов Академии наук СССР. Дело дошло до того, что даже некоторые в прошлом крупные партийные функционеры с «идеологического фронта» выступили против этого отката к сталинизму, символом которого стал новый заведующий отделом науки и вузов ЦК КПСС, фронтовой друг Брежнева *Сергей Трапезников.*

Вице-президент Президиума АН СССР акад. *А. М. Румянцев*, в недавнем прошлом главный редактор теоретического журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге, а с октября 1964 г. — газеты «Правда» (сменил хрущевского ставленника Сатюкова), в июле 1970 г. направил в ЦК обширное письмо против политики *погрома,* проводимой малообразованным и малокультурным «дубом» Трапезниковым. Это письмо, воскресавшее давние традиции споров «гимназистов» и «семинаристов» в большевистском ЦК 20-х гг., акцентировало внимание Политбюро и Секретариата ЦК на том, что идеологическая полемика с последствиями «пражской весны» подменяется в отделе науки и вузов «грубыми, неквалифицированными разносами», «прямым произволом» и т. д.

Разумеется, Трапезников откликнулся 24 июля 1970 г. собственной контрзапиской в ЦК, правда, больше напоминавшей донос из 1937 г. с требованием «оргвыводов» (конкретно — снятие Румянцева с поста вице-президента как «не обеспечившего» эффективного кураторства за общественными науками). Оба письма обсуждались на Секретариате ЦК и, кончено, большинство «дубов» поддержало Трапезникова. Румянцев был смещен[1].

Еще раньше, в феврале 1970 г., сместили главного редактора журнала «Новый мир» Александра Твардовского и разгромили его редакцию; вскоре автор поэмы «Василий Теркин» умер.

Продолжалась борьба «дубов» с Солженицыным, особенно после присуждения ему Нобелевской премии. И здесь в высшем руководстве нашлись свои «трапезниковы» и «румянцевы». Формальным поводом к обсуждению стал вопрос — пускать или не пускать писателя в Швецию для получения премии? Жесткий консерватор кандидат в члены Политбюро председатель КГБ СССР *Юрий Андропов* предлагал выпустить Солженицына за границу. И так как он там много чего «антисоветского наговорит», а то и станет «невозвращенцем», то можно будет без большого шума на Западе лишить его советского гражданства. Но «теленок» раскусил замысел «дубов» и за получением премии в Швецию не поехал. И тут вдруг роль Румянцева сыграл министр внутренних дел *Николай Щелоков,* тоже близкий к Брежневу человек. Суть его позиции по отношению к Солженицыну содержала одна фраза из его письма к генсеку: «*Надо не публично казнить врагов, а душить их в своих объятиях*» («Кремлевский самосуд», с. 172. — Выделено лично Брежневым. — *Авт.*)[2].

Щелокова поддержал Брежнев, против них обоих выступил Суслов и почти весь Секретариат ЦК. «Дело Солженицына» забуксовало в «инстанциях». «Разрубил» его и

---

[1] Академики АН СССР ответили на этот донос Трапезникова акцией корпоративной солидарности: на общем собрании Академии они несколько раз при тайном голосовании провалили избрание члена-корреспондента АН СССР Трапезникова (избран в 1976 г.) в академики, и он так и умер, не перейдя порога из членкоров в «действительные члены».

[2] Именно так поступит Ельцин, разрешивший Солженицыну в 1994 г. вернуться из эмиграции в «новую» Россию: дав писателю возможность проехать поездом через всю страну, построив Солженицыну в Троице-Лыкове на месте дачи Кагановича роскошные хоромины, он затем лишил его доступа к телевидению и печати, «задушив» его в «объятиях» коррумпированного режима.

на этот раз сам Солженицын — 5 сентября 1973 г. он направил на имя Брежнева «Открытое письмо вождям Советского Союза», которое, разумеется, вскоре было опубликовано на Западе. «Открытое письмо», подобно знаменитому «Не могу молчать!» Льва Толстого, предлагало альтернативу всей системе «брежневского застоя». Одновременно на Западе в 1973 г. вышел по-русски и почти на всех языках мира «Архипелаг ГУЛАГ», бесплатно лежавший на стеллажах почти всех крупных аэропортов мира.

На Западе снова поднялась мощная волна в защиту Солженицына. Попытки КГБ дискредитировать писателя как «литературного власовца», чуть ли не завербованного гестапо во время войны (издание заказных «мемуаров» первой жены писателя) успеха не имели. Не помогли и «письма трудящихся» против писателя, организованных КГБ в газетах и журналах. 7 января 1974 г. Политбюро в очередной раз занималось «теленком»: на этот раз решили его посадить «за злостную антисоветскую деятельность».

Но уже полным ходом шла подготовка к Хельсинкскому совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, упорные споры велись в Париже (там заседала одна из подготовительных комиссий по т. н. «третьей корзине») о «человеческом измерении» (будущих «правах человека»), в самом СССР возникли первые комитеты защиты «прав человека» (с 1970 г. комитет *Валерия Чалидзе*, куда вошли академики Андрей Сахаров и Игорь Шафаревич), появилась русская секция «Эмнести интернэшнл» и др. В этих условиях Политбюро через месяц пересмотрело свое «посадочное» решение и 11 февраля 1974 г. приняло другое — насильственно выдворить Солженицына из СССР и лишить его советского гражданства. На другой день был издан секретный указ Президиума Верховного Совета СССР «О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А. И.». В тот же день, 12 февраля 1974 г., агенты КГБ арестовали писателя, упрятали в Лефортовскую тюрьму и через сутки, ознакомив с указом, 13 февраля посадили в Шереметьево-2 в самолет и выслали за границу.

Советская жизнь «внутреннего эмигранта» прервалась на целых 20 лет.

Но высылка Солженицына по времени совпала с другим знаменательным явлением в интеллектуальной жизни СССР и стран Восточной Европы: идея «социализма с человеческим лицом» — лейтмотива «пражской весны» — постепенно уходит на задний план (она возродится вновь только на XIX партконференции в мае — июне 1988 г., когда Горбачев с Яковлевым неудачно попытаются расколоть КПСС на «меньшевиков» и «большевиков»). А вместо нее в правозащитном движении начинают преобладать идеи «буржуазной демократии»: соблюдения конституции, законов, юридических норм, международного законодательства и тех многочисленных конвенций ООН (например, декларации ЮНЕСКО 1948 г. о правах человека), которые СССР охотно подписывал, но не соблюдал.

Хельсинкское совещание 1975 г. и Заключительный акт 33 государств Европы, а также США и Канады, подписанный Брежневым и его сателлитами — лидерами восточноевропейских стран, содержал немало обязательств по «человеческому измерению», которые, конечно же, коммунистические лидеры и не думали исполнять. Но видимость консенсуса с Западом надо было соблюдать. И раз «сталинская» конституция 1936 г. не отвечает хельсинкскому «человеческому измерению», — сочиним новую, свою.

Так в 1977 г. появилась «брежневская конституция», в которой провозглашались построение в СССР *развитого социализма* и роль КПСС как *ядра политической системы* (пресловутая статья о «руководящей роли партии», которой не было даже в конституции 1936 г. у Сталина).

На практике это означало полное «огосударствление» КПСС и ее слияние с органами управления, начатое еще Сталиным на XIX съезде партии в 1952 г. Отныне только членство в партии давало любому человеку в СССР «руководящий пост», звание доцента, пост директора городской свалки и т. д. Но «брежневская» конституция отличалась от «сталинской» не только этим. Она декларировала «создание новой исторической общности — советского народа».

С формально-юридической стороны это как будто бы не противоречило хельсинкскому «человеческому измерению» — в конце концов и конституция США содержала понятие «американский народ» как для XVIII в. совершенно новую межнациональную «общность» из конгломерата иммигрантов разных национальностей и языков, которые в конце концов загнали «титульную нацию» — индейцев — в резервации. Но в случае с СССР ситуация была кардинально другой — здесь именно коренные «индейцы» (славяне и еще свыше 200 других наций и народностей) испокон веку населяли просторы Евразии, со времен Киевской Руси и до Брежнева. Крах иллюзий Ленина и первых большевиков относительно создания «новой общности» на основе «пролетарско-классовой» солидарности не только народов СССР, но и всего мира (первая конституция в 1924 г.), жесткая унитарная русификаторская политика Сталина, в течение 30 лет давившего не только «буржуазный национализм», но и национальные культуры и языки в целом (например, культура союзных республик или их языки в школах РСФСР не изучались, а их история упоминалась лишь в связи с экспансией Российской империи — война с Шамилем на Кавказе, завоевание Средней Азии и т. д.), постоянные перекройки союзно-республиканских границ и границ автономий «вождями» СССР (Абхазия то до 1931 г. входила в состав РСФСР, то была передана Сталиным в состав Грузии, Крым в 1954 г. был отдан Украине и пр.) — все это не укрепляло, а расшатывало «монолитное единство» народов СССР.

Конечно, русский язык, подобно английскому на пространстве бывшей Британской колониальной империи, играл в СССР роль языка межнационального общения — науки, техники, образования и т. д. Более того, национальные номенклатурные элиты стремились отдавать своих детей именно в русские школы, а затем, в университетах, на отделения русского языка и литературы. Да, в союзных республиках еще при Сталине были созданы собственные Академии наук, имелись национальные творческие союзы писателей и художников, журналистов и пр., по радио и телевидению велись передачи на национальных языках. Однако межнациональные разногласия полностью не исчезли и при Сталине, тем более что он, как мы отмечали выше, охотно использовал партийных «националов» в борьбе за власть в партии и государстве.

С хрущевской «десталинизацией» возникла проблема возвращения из ссылки «наказанных» (депортированных) народов, что обострило с 1957 г. межнациональную ситуацию на Северном Кавказе и в Крыму. В Прибалтике никогда не забывали пусть исторически и короткий, всего в 20 лет, но все же период межвоенной государственной независимости. Волна национально-освободительного движения в бывших колониях в Азии и Африке также оказывала воздействие на настроение советских национальных элит.

После XX съезда сводки КГБ из союзных и автономных республик все чаще и чаще фиксируют распространение националистических настроений. Так, в столице Казахстана в ночь с 6 на 7 ноября 1965 г. (не забудем — день праздника Октябрьской революции) были разбиты вывески на русском языке на здании Алма-Атинского обкома партии и других партийных и государственных учреждений. В том же году в Ташкенте были разбросаны листовки на узбекском языке от имени неведомой «Народной партии Средней Азии» с призывом подняться «на борьбу против русских захватчиков», «воодушевившись в этой борьбе примером народов Алжира, Кубы, Мали…».

Ставший с 1967 г. председателем КГБ *Юрий Андропов* в одной из своих первых аналитических записок в ЦК с тревогой сообщал, что «противник в своих расчетах расшатать социализм изнутри делает большую ставку на пропаганду национализма» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 294).

Но в своем раже во что бы то ни стало уже завтра внедрить «новую историческую общность» творцы «брежневской» конституции 1977 г. допустили один *прокол* — они вообще опустили упоминание о *государственных языках* в СССР. Фактически это означало, что для «общности» с 1977 г. признавался только один *государственный язык — русский*.

Это уже тогда вызвало протест даже в партруководстве «националов», особенно в Грузии и Армении, конституции которых с 1924 г. признавали равноправие двух языков — национального и русского.

Таким образом, брежневское руководство по-своему пыталось реагировать на новые реалии в мире и стране, стремясь закрепить свое господство в СССР и соцлагере не только вооруженной силой, но и конституционными мерами, что, безусловно, давало им определенные юридические козыри в идеологической конфронтации с Западом.

«Юридический подход» распространялся и на другие сферы, в частности на социальную. Здесь важной вехой стало принятие в 1971 г. нового КЗоТа — Кодекса законов о труде, значительно усилившего роль единого профсоюза — ВЦСПС — в защите трудовых прав и обязанностей рабочих и служащих. Отныне без санкции профсоюза администрация не могла уволить ни одного наемного работника. Новый КЗоТ не повысил производительности труда, но существенно упрочил положение работающих на государственных предприятиях и в учреждениях, которым уже не грозил сталинский произвол по указам 1940 г. — три года тюрьмы за 15 мин. опоздания на работу.

В том же ряду находились и другие социальные меры брежневской поры: увеличение дородового и послеродового отпуска для женщин с частичным сохранением зарплаты и гарантией места на работе по возвращении из отпуска, предоставление трехдневного отпуска за свой счет на аборт и др. В 1981 г. значительно увеличилась практика выделения горожанам знаменитых «шести соток».

Конечно, все эти, несомненно позитивные, социальные меры диктовались не столько заботой о народе, сколько стремлением сохранить *социальную стабильность в стране* — основу *брежневского застоя.*

Это проявлялось прежде всего в том, что «отдача» от этих социальных уступок была весьма малой — народ в благодарность за новый КЗоТ, «шесть соток» и т. д. производительность труда не повышал, а если и надрывался, то лишь на прополке собственного огорода, а отнюдь не у станка. Словом, процесс *отчуждения* власти от народа не только не уменьшался, а все возрастал: люди не верили не только Хрущеву, но и Брежневу. Иными словами, проблема — «как заставить людей работать?» — осталась и даже обострилась. Фактически с 1970 г. СССР начал жить за счет экспорта энергоносителей — нефти и газа. Только эти две отрасли в брежневскую эпоху переживали подъем — за десять лет добыча газа выросла в 8 раз, нефти — в 7 раз. Именно на нефтедоллары с 1973 г. (энергетический кризис на Западе) закупалось продовольствие, новое технологическое оборудование и т. д.

Монополия «трубы» (вывоз нефти и газа) стала смертельно опасной для экономики СССР: ее эффективность начинала полностью зависеть от мировых валютных цен за баррель нефти. В марте 2004 года в интервью на радио «Эхо Москвы» по случаю своего 73-летия это, наконец, признал и М. С. Горбачев. Оказывается, глубинная причина провала всей его перестройки в катастрофическом обвале с 1986 г. мировых цен на нефть до 6—8 долл. США за баррель.

Вместе с тем Брежнев и его команда пытались заигрывать с интеллигенцией после высылки в 1974 г. Солженицына заграницу, продолжая тактику «кнута» и «пряника».

«Пряничным» подарком Брежнева стало посещение им в 1981 г. выставки в музее им. Пушкина «Москва — Париж», на которой впервые в СССР в большом количестве были представлены абстрактные полотна художников двух стран. В том же русле шло и разрешение на постановку в 1981 г. в театре им. Ленинского комсомола первой в СССР рок-оперы «Юнона и Авось».

Одновременно после подписания в 1975 г. Хельсинкского «Заключительного акта» наметилась определенная перестройка в деятельности КГБ СССР в отношении отечественных диссидентов-правозащитников и, особенно, советских евреев, массово начавших требовать визы для отъезда в Израиль.

КГБ И «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

КГБ и особенно его ключевое управление ПГУ (Первое Главное управление — внешняя разведка; ныне самостоятельная служба СВР — Служба внешней разведки по типу американского ЦРУ) по-своему откликнулось на новое для послесталинского СССР явление — движение правозащитников-диссидентов и евреев-«отказников». Инициатором «перестройки» после XX съезда КПСС и обвальной «десталинизации» выступил новый начальник ПГУ (1956—1971 гг.) генерал А. М. Сахаровский, активно поддержанный новым главой КГБ (1967—1982 гг.) Ю. В. Андроповым.

При них произошел как бы частичный возврат к тактике ОГПУ и Коминтерна 20-х гг. в работе с «еврокоммунистической» интеллигенцией в Западной Европе (вербовка «агентов влияния», заказные оплаченные газетные статьи и т. д.).

Был использован и опыт ЦРУ: созданное еще при Хрущеве в 1962 г. АПН — Агентство печати «Новости» как якобы неправительственное и «частное» становится «крышей» ПГУ за границей.

Андропов санкционирует и новейшие «медицинские» методы — психотропные медикаменты, помещение диссидентов в «психушки» и т. п. К борьбе с диссидентами подключаются СМИ, особенно электронные (телевидение).

В результате достигаются отдельные, разовые успехи: накаченные психотропами отдельные диссиденты (Петр Якир, сын расстрелянного Сталиным известного командарма РККА, Звиад Гамсахурдия, будущий первый президент независимой Грузии, и др.) публично каются по телевизору на весь СССР за свою антисоветскую деятельность.

Следующие поступают тоньше: сочетая психотропное воздействие с внушением (этим занимается новое 5-е управление ПГУ по идеологии и диссидентам, при Горбачеве переименованный в управление «защиты конституционного строя») формируют «шизу», как «монархическую», так и «демократическую» (отсюда пошел термин демшиза).

Одному, скажем, внушают, что он — «внук» уцелевшего сына царя Николая II, и тот затем много лет в США носится с этим образом, рассылая письма потомкам Дома Романовых и их королевской родне в Европе, требуя вернуть ему «царево золото» за границей[1].

Другую (Валерию Новодворскую) в результате сделки с ЦРУ 5-е управление надолго «зарядит» на образ «бабушки русской контрреволюции», она даже создаст свою микроскопическую партию и целые 15 лет будет вещать по телевидению и радио «Эхо Москвы», требуя повесить всех «коммуняк», пока в декабре 2003 г. с треском не

---

[1] Подробней см.: *Сироткин В. Г.* Зарубежные клондайки России. М., 2003.

провалится наряду с другими «шизами» из СПС, на думских выборах по одномандатным округам.

На деле же Новодворская никакой активной диссидентской деятельностью не занималась (студенческий кружок возглавляла в 1969 г. совсем другая девушка: она «раскололась», покаялась и была отпущена), а была лишь техническим секретарем того кружка — перепечатка листовок, разноска и т. п.

Но ЦРУ крайне нуждалась, помимо «китов», в таких вот молодых диссидентах «из народа». Именно оно «вычислило» Леру в казанской психушке, подняло в западной печати «бучу» в 70-х гг. (к тому времени Новодворская провела в психушке уже несколько лет, но язык у нее был подвешен хорошо) и добилось ее освобождения как «узника совести».

ПГУ имело свой интерес: такая «диссидентка» без царя в голове стала для них настоящей находкой — несла любую ахинею не хуже Жириновского (а о его связях с «конторой» за последние 15 лет не писал разве что ленивый, и опровержению этих настойчивых слухов его официальный биограф С. Плеханов посвятил целую главу), дискредитируя идеи настоящей демократии много талантливее, чем штатные борзописцы — агенты ПГУ.

Правда, с провалом горбачевской перестройки и обрушением СССР и в результате развала Ельциным КГБ СССР на несколько отдельных «контор» СВР потеряло прежний контроль над «диссиденткой», но главной цели ПГУ вместе с ЦРУ все же добились: устами таких, как Новодворская, окончательно дискредитировали «ельцинскую демократию»[1].

Так что обе эти спецслужбы — ЦРУ и СВР — в декабре 2003 г. могли бы отпраздновать совместную победу над «демшизой»: окончательный крах вышедших из советского диссидентства «Яблока» и СПС и их уход с политической арены России.

Использование психотропных средств было тогда не единственным инструментом в андроповском КГБ.

Сегодня многие известные горбачевские «перестройщики» и ельцинские «демократы» очень не любят вспоминать т. н. «список Андропова» (по аналогии со «списком Шиндлера» из одноименного нашумевшего американского фильма), в котором с осени 1983 г. они неожиданно оказались.

История этого «списка» восходит к маю 1983 г., когда бывший председатель КГБ и новый генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов опубликовал в журнале «Коммунист» программную статью об учении Маркса и советской реальности, содержавшую вполне «ревизионистские мысли» о том, что «мы все еще плохо знаем страну, в которой живем».

В соответствии с партийными бюрократическими традициями, для изучения «страны, в которой живем», была создана комиссия во главе с двумя новыми молодыми секретарями ЦК КПСС — М. С. Горбачевым и Н. И. Рыжковым, которым было предложено привлечь для консультации «советских академиков» — Т. Заславскую, А. Антабетяна, Г. Арбатова и других.

Но и это не все: в соответствии с установкой Андропова на «шевеление мозгами», Горбачеву и Рыжкову впервые было предложено привлечь к этому шевелению и научную молодежь, в том числе — и из полудиссидентских кружков.

---

[1] О таких «совместных акциях» ЦРУ и КГБ довольно цинично написал перебежчик из ПГУ *Олег Гордиевский* в соавторстве с англичанином К. Эндрю (предисловие накропал другой «невозращенец» из КГБ *Олег Калугин*). См.: *Эндрю Кристофер*, *Гордиевский Олег*. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.

Так в «списке Андропова» оказались многие ныне хорошо известные имена: Анатолий Чубайс, Гавриил Попов, Юрий Афанасьев, Марк Масарский и еще около ста человек, тогда — преимущественно младшие научные сотрудники гуманитарного профиля или доценты вузов, главным образом из Москвы, Ленинграда и Новосибирска (Академгородок).

Всех свезли в подмосковный цековский пансионат «Сосны» в сентябре 1938 г., где под руководством «советских академиков» устроили десятидневную «тусовку», на которой каждый нес любую ахинею (я тоже попал в число «тусовщиков», приведенный туда моим однокашником по МГУ Юрием Афанасьевым).

Все эти бредни, а иногда и ценные предложения о реформах экономической и социальной структуры СССР записывались по секциям на магнитофоны или стенографировались (можно было также подать личные предложения, написанные от руки), но что затем стало с этим «шевелением мозгами» на самом «верху» — я не знаю.

Скорее всего, они осели где-то в секретариатах Горбачева и Рыжкова, но «список Андропова» не пропал: после 1985 г. он оказался у Горбачева, после 1992 г. — у Ельцина, а сегодня, по слухам, находится у Путина.

* * *

С советскими евреями дело обстояло сложнее. Сначала КГБ чинило их выезду всяческие препятствия: их исключали из партии, лишали вузовских и научных дипломов, степеней доцентов и профессоров (подтекст — образование и степени получали в СССР бесплатно, а теперь бежите в «землю обетованную» за наш счет!), прорабатывали на собраниях, мешали продавать даже кооперативные квартиры и т. д.

Тем евреям, что работали в системе НИИ ВПК, воздвигали дополнительный барьер — «носитель гостайны». Так появилось буйное племя «евреев-отказников».

На Западе, особенно, после Хельсинки-75, поднялась шумная кампания в СМИ о несоблюдении СССР «прав человека» (особенно права на «воссоединение семей»: в Израиль советские евреи ехали, как правило, якобы по приглашению родственников, хотя сами открыто хвастались — в голландском посольстве, через которое шло оформление виз, в консульском отделе лежали готовые бланки таких «приглашений» с печатями).

Все эти «еврейские штучки» позднее довольно откровенно описал питерский литератор Виктор Топоров («Двойное дно: признания скандалиста». М., 1999).

Поскольку массовый отъезд советских евреев в Израиль (никак не связанных с еврейской культурой и даже не умевших говорить на его государственном языке — иврите) по отмашке из-за океана, действительно, сильно попахивал идеологической акцией «спецов» из ЦРУ, спустя тридцать лет в России стали множится попытки объяснить эту акцию... пьянью русского мужика. «Водки русский народ жаждет больше, чем свободы и рыночной экономики, это теперь доказано стопроцентно», — вещал в «Литгазете» от 22 декабря 1999 г. другой питерский литератор Михаил Чулаки. — И далее безапелляционно: «Родину любят все, а пьяные особенно — на словах». Из этой вековой пьянки нынешний адвокат еврейских «отказников» делает теоретический вывод о традиционной юдофобии русских мужиков и баб: «провинциалы духа в нашей стране всегда отличались и отличаются тяжкой похмельной нелюбовью к Европе»[1].

---

[1] Цит. по: *Семанов С.* Русско-еврейские разборки. М., 2003, с. 249—250.

В США в 70-х гг. активно действовало местное «еврейское лобби». Под его давлением Конгресс принял поправку Джексона — Венника: пока не отпустите евреев, зерно вам продавать не будем. А. А. Громыко, министр иностранных дел СССР, напугался. В 1976 г. в «Известиях» появилась его статья, между строк которой можно было прочитать — готовы менять советских евреев на хлеб.

Сразу ослабли прежние запреты КГБ на выезд: перестали грозить лишением дипломов, публично прорабатывать и пр.

ЦРУ применило новую тактику: более или менее известным «отказникам», особенно, из числа ученых и вузовских профессоров, стали организовывать пресс-конференции иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве.

И сразу появилась своеобразная «игра»: выступление на такой пресс-конференции — вызов в КГБ — дилемма: или посадим, или мотай в свой поганый Израиль.

Но ПГУ попутно использовало «отказников» для разжигания антисемитских настроений — снова евреям послабление, за границу уезжают с «наворованным», а мы, русские, тут с этим маразматиком, «бормотухой пять звезд» Брежневым парься (Высоцкий даже песню на эту тему об отъезде в Израиль сочинил и спел).

В целом, однако, новой зубатовщины у КГБ, как до того, в начале XX в., у теоретика и практика «полицейского социализма» *С. В. Зубатова*, снова не получилось[1]. И главная причина такой неудачи на этот раз коренилась не в «правах человека», а в экономике, которая год от года в СССР стагнировала.

DÉTENTE

Чехословацкий кризис 1968 г. самым непосредственным образом повлиял на внешнюю политику СССР эпохи брежневского «застоя».

Продолжая на словах трубить бредовую хрущевскую идею о «мирном сосуществовании как специфической форме классовой борьбы» (советники Хрущева тайно списали ее у Бухарина из его «Программы мировой революции» 1928 г.), на деле брежневское руководство, выкрутив руки чехословацкому президенту Л. Свободе, оставшимся на своих местах премьеру Чернику и первому секретарю КПЧ Дубчеку на августовских переговорах в Москве и заставив их подписать 18 октября 1968 г. «Договор об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословакии», отныне гораздо более осмотрительно начало действовать на международной арене.

Следует признать, что к середине 70-х гг. советской дипломатии в направлении *разрядки международной напряженности (détente* — в западной терминологии) удалось достигнуть заметных успехов, что, в свою очередь, позволило сохранить относительную стабильность *соцлагеря* и, прежде всего, военно-политический и экономический контроль над сателлитами СССР в Восточной Европе.

СССР — США: DÉTENTE В ОТНОШЕНИЯХ ДВУХ СВЕРХДЕРЖАВ

Глобальные противоречия СССР и США по всему миру сохранились, но дипломатия *Андрея Громыко* освободилась от эмоциональных эскапад Хрущева и непродуманных заявлений его пресс-группы (главным образом его зятя А. Аджубея), и это не прошло мимо внимания американских дипломатов.

---

[1] Интересное сравнение двух «зубатовщин» начала и конца XX в. — генерала жандармерии Зубатова и генерала КГБ Филиппа Бобкова — см. в книге *Эдуарда Макаревича* «Политический сыск в России (офицеры и джентльмены)». М., 2002.

Первым важным показателем изменения позиции госдепартамента США стал поиск секретных контактов с посольством СССР в Вашингтоне с целью привлечь Москву к посредническим усилиям по окончанию войны в Индокитае, в которой увязли США. Не без участия МИД СССР США удалось установить в мае 1968 г. в Париже тайные контакты с представителями руководства Северного Вьетнама, что позволило сделать важный прорыв — начать 18 января 1969 г. в Париже официальные переговоры о мире в Индокитае.

Довольно сдержанная реакция США на военную интервенцию СССР и его союзников в Чехословакию 21 августа 1968 г. во многом объяснялась именно этим советским секретным посредничеством.

Посредническая миссия МИД СССР продолжалась весь период мирных переговоров (например, встреча госсекретаря Генри Киссинджера с министром иностранных дел А. А. Громыко в мае 1972 г. в Москве), вплоть до подписания 27 января 1973 г. в Париже «Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме». Более того, СССР преобразовал к февралю 1973 г. свою тайную посредническую миссию в официальное участие в Международной конференции по Вьетнаму (26 февраля — 2 марта), в которой, наряду с США и двумя Вьетнамами, Северным и Южным, участвовали Франция и Англия. И это при том, что весь период американо-вьетнамской войны СССР, на основе советско-вьетнамского соглашения 25 ноября 1968 г., продолжал оказывать «братскую помощь» оружием, нефтепродуктами, минеральными удобрениями и т. д. (только в 1970 г. — на 316 млн. руб., или 45% от общей помощи всем странам «мирового соцлагеря», причем половина этой помощи шла безвозмездно), а также посылкой военных (в 1970 г. — 300 чел.) и гражданских (600 чел.) специалистов[1].

В целом, конечно же, брежневские «дубы» здесь пороха не выдумали: они продолжали старую ленинскую стратегию езды на «двух конях» — Коминтерне и НКИД, но постепенно коминтерновский «конь» все больше и больше становился *пристяжным* (в отличие от эпохи Хрущева), а мидовский выходил в *коренники.*

Это особенно было заметно в американо-советских отношениях 70-х гг. Еще 24 ноября 1969 г. СССР и США, наконец, ратифицировали давно подписанный договор о нераспространении ядерного оружия. В том же месяце в Хельсинки начались переговоры делегаций СССР и США о сдерживании гонки стратегических вооружений, которые затем будут идти ряд лет попеременно в Хельсинки и Вене и завершатся 26 мая 1972 г. в Москве подписанием очень важной американо-советской конвенции по ПРО (противоракетной обороне), устанавливавшей паритет нацеленных ракет между СССР и США. Этот паритет определит баланс ядерных сил на целых тридцать лет и явится важным фактором стратегической стабильности в мире при разных правителях в США и СССР (России), и только в начале 2001 г. очередной президент США Буш-младший попытается его пересмотреть в пользу американцев.

Важным результатом советско-американских переговоров стало и одновременное подписание в Москве, Лондоне и Вашингтоне 10 апреля 1972 г. конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсинного оружия и об их уничтожении.

1973 год принес новые прорывы в американо-советском détent'e: 21 июня в Вашингтоне был подписан очень важный документ — «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений». Эти «принципы» легли в основу всех последующих переговоров двух держав по

---

[1] См. «Агрессия США в Юго-Восточной Азии», ч. 7. М., Генштаб МО СССР. М., 1977 (для служебного пользования); *Хазанов А. М.* Политика СССР в странах «третьего мира» // Советская внешняя политика в годы холодной войны. С. 435—437.

ядерному вооружению, вплоть до запрета уже в 1999 г. проводить подземные испытания этого оружия.

Все эти успехи на ниве сокращения стратегических вооружений двух государств в том же 1973 г. сопровождались заключением важных советско-американских двусторонних соглашений — о «мирном атоме», о сотрудничестве в области сельского хозяйства, об открытии в Москве и Вашингтоне торговых бюро и др.

С «барского стола» брежневской внешнеполитической разрядки кое-что перепадало и коммунистическим идеологам. Так, 23 октября 1968 г., несмотря на подавление советскими танками «пражской весны», Генеральная ассамблея ЮНЕСКО большинством голосов приняла резолюцию об официальном участии этой специализированной организации ООН в праздновании 100-летнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г.

Однако пиком успеха брежневской внешней политики стали *Хельсинки-75.*

ХЕЛЬСИНКСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ 1 АВГУСТА 1975 г.

Сама идея провести обсуждение спорных европейских проблем выросла из первой разрядки 1953—1955 гг. вскоре после смерти Сталина и впервые была выражена в ноте МИД СССР от 26 ноября 1953 г. трем державам — США, Англии и Франции — с предложением созвать совещание «четырех великих» для «скорейшего урегулирования назревших международных проблем в Европе».

29 ноября — 2 декабря 1954 г. та же идея стояла на Московской конференции восьми европейских социалистических стран, обсуждавших «меры по обеспечению мира и безопасности в Европе». В том же составе конференция собралась в следующем году в Варшаве в мае 1955 г., но Запад и Восток еще не были готовы к подлинному сотрудничеству в Европе, поэтому тогда все кончилось дальнейшим расколом Европы и оформлением в столице Польши 14 мая 1955 г. Варшавского Договора 8 соцстран (ОВД), противостоявших НАТО.

Тем не менее на совещании министров иностранных дел США, Англии, Франции и СССР 27 октября — 16 ноября 1955 г. в Женеве по инициативе советской делегации вновь были поставлены вопросы европейской безопасности, разоружения и германской проблемы. Но потребовалось еще 15 лет, прежде чем СССР на совещании министров иностранных дел стран — участниц ОВД в Будапеште 21—22 июня 1970 г. окончательно решился пойти на серьезное обсуждение европейских проблем с Западом.

Этому предшествовало решение германской проблемы в 1970—1972 гг. на путях признания существования двух германских государств — ФРГ и ГДР — и их одновременного приема в ООН, что автоматически означало дипломатическое признание ГДР всеми государствами — членами НАТО.

Непосредственная подготовка встречи глав 33 европейских государств, а также США и Канады, началась в январе 1973 г. и шла непрерывно два с половиной года. 30 июля главы собрались в Хельсинки и торжественно, под камеры всех крупных телекомпаний мира, подписали многостраничный *Заключительный Акт по безопасности и сотрудничеству в Европе*, подводивший, как казалось тогда очень многим, через 30 лет окончательную черту под итогами Второй мировой войны и утверждавший *статус-кво* на 1 августа 1975 г. Увы, этот статус-кво не просуществует и 15 лет, завершившись в 1989—1991 гг. объединением Германии и распадом не только европейского социалистического лагеря, но и самого СССР.

Но тогда, в августе 1975 г., казалось — конфронтация двух свехдержав закончилась миром, Европа окончательно поделена на «две зоны влияния», в ее центре официально признаны и сосуществуют два германских государства (это делало отныне легитимной и сооруженную по приказу Хрущева в 1961 г. Берлинскую стену, казалось, навеки разделившую Берлин на два чужих города), а за всем этим «хельсинкским процессом» будет наблюдать и разрешать текущие конфликты «европейская ООН» — ОБСЕ, ныне знакомая большинству телезрителей только разве что по латинским буквам OSCE на бортах белых джипов в «горячих точках» Европы — в Боснии и Герцеговине, Косово или Абхазии.

Конечно, хельсинкское соглашение отражало тот международный баланс сил, который к середине 70-х гг. сложился в Европе и мире, и носил черты отчетливого политического компромисса между СССР и США.

США в первой половине 70-х гг. окончательно увязли во вьетнамской войне, которая вызвала в стране мощное антивоенное движение, вплоть до неслыханного ранее отказа американских парней служить в армии. А за три месяца до совещания в Хельсинки, 30 апреля 1975 г., благодаря телевидению весь мир увидел кадры позорного бегства американцев и их южновьетнамских марионеток из Сайгона, прямо с крыши американского посольства снимаемых вертолетами США в тот самый момент, когда северовьетнамские танки советского производства пробивают ограду этого посольства.

За год до Хельсинки, в 1974 г., в последней колониальной империи Европы, Португалии, произошла «революция гвоздик», и ее бывшие африканские колонии Ангола и Мозамбик добились независимости.

Советская пропаганда поставила все эти три «революции»: в Южном Вьетнаме, Анголе и Мозамбике — в один ряд и сразу приплюсовала их (а заодно — Камбоджу и Лаос) к «странам социалистической ориентации», т. е. союзникам СССР.

У *Советского Союза* была своя выгода от Хельсинки-75. Заканчивался длительный 30-летний период конфронтации Запада и Востока по германскому вопросу — ключевой проблеме Европы. Хельсинкский Заключительный акт окончательно подтверждал декларацию четырех держав — победительниц гитлеровской Германии от 10 ноября 1972 г. о передаче общегерманского суверенитета двум немецким государствам — ФРГ и ГДР, отныне полноправным членам ООН.

С другой стороны, участники «хельсинкского процесса» как бы молчаливо подтверждали т. н. «доктрину Брежнева» — право СССР «наводить порядок» в своей «зоне ответственности» — Восточной и Балканской Европе по образцу Чехословакии в августе 1968 г. И уж, разумеется, никто ни в Хельсинки, ни позднее, вплоть до горбачевской перестройки, и не заикался о пакте Риббентропа — Молотова и аннексии Сталиным Прибалтики: этот пакт как бы молчаливо вошел в 1945 г. сначала в Ялтинско-Потсдамские, а в 1975 г. — в Хельсинкские соглашения.

Если исходить из геополитических интересов России вне ее деления на политические режимы, то Хельсинки-75 был вторым после Венского конгресса 1814—1815 гг. международным европейским соглашением, дипломатически закрепившим политические успехи Российского государства в победоносных войнах, его новые границы и «зоны влияния». Перефразируя хрестоматийное определение двух известных французских историков *Лависса* и *Рамбо* из классической «Истории XIX в.» о Наполеоне после подписания Люнневильского мира 1801 г. с Австрией и Амьенского 1802 г. — с Англией, по которым после десяти лет кровавых войн признавались, наконец, «естественные границы» Франции, а также окружающее их кольцо «дочерних республик» (наполеоновская ОВД. — *Авт.*) — «умри Бонапарт в это время, и не было бы пятен на Солнце», — про Брежнева после 1 августа 1975 г. можно было бы сказать то же самое.

Но, как известно, ни с тем (что неудивительно — Бонапарту в 1802 г. было всего 33 года), ни с другим (что менее странно — Брежневу в 1975 г. было уже почти 70 лет) ничего фатального со здоровьем в эти судьбоносные моменты не случилось.

Именно после Хельсинки-75 генсек ЦК КПСС получил в народе прозвище «бормотуха пять звезд» — за непонятное бормотание при выступлениях на публике и пять звезд Героя: одного Соцтруда (1961 г.) и четырех Героев Советского Союза, три из которых он получил именно после Хельсинкского совещания 1975 г. (1976, 1978 и 1981 гг.). Но ведь даже консультантов ЦК той поры, в частности, *Федора Бурлацкого*, много лет проработавшего рядом с Хрущевым, Андроповым и Горбачевым, в свое время страшно поразил тот факт, что после смещения Хрущева 14 октября 1964 г. выбор «дубов» из Политбюро пал на Брежнева: он «был совершенно не подготовлен к той роли, которая неожиданно выпала на его долю». Абсолютно все аппаратчики ЦК в тот момент были убеждены, что это «проходная», временная фигура. «Но если бы кто-нибудь тогда сказал, — вспоминает Бурлацкий, — что Брежнев продержится у руководства восемнадцать лет, ему рассмеялись бы в лицо; это казалось совершенно невероятным»[1].

Конечно, хельсинкский «саммит» инициировал и подготовил не Брежнев — здесь несомненная заслуга принадлежит «советскому Нессельроде» *А. А. Громыко* и его дипломатам, особенно участникам «хельсинкского процесса» на переговорах в январе 1973 — июле 1975 гг. Но в исторической перспективе Хельсинки-75 оказались не такими однозначными.

ХЕЛЬСИНКИ-75 — ДОЛЛАРОВАЯ «МИНА» ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Особенностью в оценке итогов Хельсинкского совещания было то обстоятельство, что каждая из сверхдержав расценивала Заключительный акт как свою победу, однако с совершенно разных геополитических позиций.

Для брежневских старцев главным было подтверждение полученных в результате Второй мировой войны территориальных приобретений в Восточной Европе. Старцам льстило и то обстоятельство, что их «империя зла» после 1 августа 1975 г. вновь подтвердила легитимный статус перед США и их союзниками по НАТО, и отныне у Кремля все было «как у больших»: свой военный блок ОВД, свой экономический союз СЭВ, свои военные базы в Европе и Азии, свой атомный подводный флот с баллистическими ракетами на борту, несшими боевое дежурство аж у берегов США. Правда, через 15 лет оказалось, что все это «как у больших» строилось по принципу традиционной российской военной «потемкинской деревни» — и труба пониже, и дым пожиже: прочными экономическими тылами эта военная мощь не была подкреплена.

У американцев был свой резон радоваться: в Заключительном хельсинкском акте ни слова не было сказано о том, что доллар США уже давно по своему золотому содержанию перестал играть роль полноценной мировой валюты, как это было определено еще в 1944 г. Бреттон-Вудскими соглашениями для послевоенной Европы, и превратился к 1975 г. в дополнительный финансовый инструмент сохранения военно-политической гегемонии США в НАТО и мире.

Первым за десять лет до Хельсинки попытался было поднять «бунт на корабле НАТО» против «липового доллара» генерал Шарль де Голль. В 1965 г., избранный президентом Франции на второй семилетний срок, он вознамерился освободить

---

[1] *Бурлацкий Ф.* Вожди и советники. М., 1990, с. 285—286.

Францию и еще пять стран «общего рынка» — ЕЭС (Европейского экономического сообщества) от долларовой гегемонии США в Западной Европе.

Была подготовлена операция «Меняльная контора»: вы, американцы, печатаете на долларовых банкнотах обязательство в любой момент и в любом количестве обменять эти «бумажки» на золото, так? Мы, французы, загружаем несколько десятков тонн этих «бумажек» в военно-транспортные самолеты типа «Геркулес», направляем их за океан и там, в вашем знаменитом Форт-Ноксе (хранилище золотовалютных резервов США) предъявляем к обмену на золото, грузим его в те же «Геркулесы» и летим во Францию.

Американцы сразу раскусили провокационный характер акции генерала — у них такой кучи «золота на обмен» давным-давно не было — и немедленно пригрозили по секретным каналам: «пошлете «Геркулесы» — собьем их над Атлантикой на подлете…» Де Голль самолетами и экипажами рисковать не стал, но в феврале 1966 г. преподнес США не менее горькую пилюлю — закрыл все американские базы на территории Франции и вывел свою страну из военной организации НАТО, оставив ее, правда, в политической. Это был страшный удар по военной инфраструктуре НАТО в Западной Европе. Американцам пришлось срочно перебрасывать военную технику и воинский контингент из Франции и рассредоточивать их в ФРГ и Италии, а саму штаб-квартиру НАТО в роскошном дворце Шайо в самом центре Парижа напротив Эйфелевой башни переводить в Брюссель.

Сусловские пропагандисты из АПН (ныне РИА «Новости») зашлись тогда в экстазе, едва не объявили Францию «страной, идущей по некапиталистическому пути», а в Кремле устроили де Голлю во время его визита в СССР летом 1966 г. такой прием (первого из западных лидеров свозили на Байконур и впервые открыли «ленинский балкон» в здании Моссовета на ул. Горького, чтобы де Голль, как Ленин, «толкнул» с него речь), по сравнению с которым, например, бледнеют все торжества по поводу визита папы Иоанна II на Украину летом 2001.

Однако главная задача всех антиамериканских демаршей генерала — свалить «липовый доллар» — тогда, в 60-х гг., не удалась. Наоборот, объединившись с антиголлистскими силами внутри Франции, США через ЦРУ активно поддержали «майскую революцию» студентов в 1968 г. и подорвали политический авторитет де Голля — в 1969 г. он сам досрочно ушел в отставку, а в ноябре 1970 г. умер.

Но США сами предприняли контрмеры: с 1971 г. они объявили о конце «золотого стандарта» в обмене бумажных долларовых банкнот, а в 1973 г. резко ограничили ввоз бумажных долларов в США, введя квоты. Но их опасения относительно того, что в Хельсинки-75 всплывет долларовая проблема, оказались напрасными. ЕЭС, хотя с 1 января 1973 г. и расширился за счет приема Англии и других европейских стран, свою валюту еще не создало, а «кремлевским дубам» на все эти финансовые игры «империалистов» было глубоко наплевать — в соцлагере доллар официально не обращался, и что они там, за «бугром», мудрят — это не наше дело.

Дипломаты Громыко из отдела прогнозирования МИД СССР и андроповские аналитики из КГБ СССР тоже мыслили в категориях «пушек» (ядерных ракет, ракетоносных субмарин и т. п.), а не «масла» (валюты). В итоге США и после Хельсинки-75 сохранили долларовый «насос» и в Западной Европе, и по всему миру. И только со 2 января 1992 г., когда гайдаровские младореформаторы отпустили цены и одновременно посадили Россию на долларовую иглу, стал ясен стратегический просчет Громыко — Андропова в 1975 г. в Хельсинки) с тех давних пор и по сей день грузовые авиалайнеры «Ил-76» еженедельно привозят 35 т. долларовых банкнот в каждом

самолете во Внуково-2, осуществляя прямо противоположную акцию, чем задумал де Голль в 1965 г.[1].

Мудрости у «кремлевских небожителей» трезво и объективно оценить баланс сил в мире и реальные возможности СССР после Хельсинки-75 не хватило. Наоборот, у них началось сталинское «*головокружение от успехов*».

«ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ»: РАКЕТЫ В ЕВРОПЕ И АФГАНСКАЯ АВАНТЮРА

Казалось бы, Хельсинкское совещание стало апогеем *détent'a* и полным торжеством провозглашаемой Брежневым на всех съездах КПСС и совещаниях коммунистических и рабочих партий *политики разрядки.*

На практике «старцы» в Политбюро расценили Хельсинкское совещание как якобы крупное геополитическое поражение США и возглавляемого ими блока НАТО, явившееся, в свою очередь, будто бы результатом военной катастрофы американцев в апреле 1975 г. в Южном Вьетнаме.

Воспользовавшись «геополитическим вакуумом» в Юго-Восточной Азии — военным поражением США и обострением пограничных споров Китая с объединенным Вьетнамом (дело дошло до локальной войны на вьетнамо-китайской границе в Северном Вьетнаме), СССР уже 12 мая 1975 г. заключил в Москве «Соглашение об оказании экономической помощи населению Южного Вьетнама», за что получил две военно-морские базы — Камрань и Дананг, куда немедленно направил эскадры военных кораблей из состава Тихоокеанского флота. Однако основной ареной возобновления военной конфронтации СССР и США, несмотря на компромиссное решение германской проблемы (два немецких государства — ФРГ и ГДР), вновь стала Европа.

Не успели высохнуть чернила на подписи Брежнева под Заключительным хельсинкским актом от 1 августа 1975 г., как осенью того же года он и секретарь ЦК по оборонным вопросам «ястреб» *Дмитрий Устинов* (с 1976 г. — министр обороны СССР), не посоветовавшись с другими членами Политбюро (а зачем — «бормотуха пять звезд» уже набрал вес и, как Хрущев, с «соратниками» перестал считаться) вдвоем приняли важнейшее военно-политическое решение: обновить, а фактически — полностью заменить размещенный в Восточной Европе парк советских ракет средней дальности действия (конкретно — РДС-4 и РДС-5 на РДС-20 или, по западной терминологии — на СС-20).

Даже далеко не оппозиционный Брежневу и очень осторожный «советский Нессельроде» Громыко, напугался. Ведь он хорошо понимал, что «ястреб» Устинов явно «подставляет» Брежнева, подсовывая ему «без серьезного обсуждения» такое важнейшее решение, по существу, торпедировавшее хельсинкские договоренности через несколько месяцев после подписания Акта[2]. Опасения Громыко разделял тогда и Андропов. И тем не менее Устинову, ставшему к тому времени министром обороны, с помощью Брежнева удалось протолкнуть в начале 1976 г. через Политбюро свою идею «ракетной модернизации» в Европе, что, разумеется, в значительной степени подорвало «хельсинкский процесс» и весь détente и втянуло СССР в новый виток гонки вооружений в условиях заметного ухудшения экономического положения страны.

В 1976—1977 гг. СССР якобы тайно (ракеты перевозили в спаренных пассажирских вагонах, для чего варварски вырезали всю их «начинку», после чего изуродованные

---

[1] Подробней см.: *Сироткин В. Г.* Европе нужны Хельсинки-2. Иначе «долларовая игла» ее погубит // Вестник аналитики, 2002, № 2(8), с. 90—97.

[2] См.: *Громыко Анатолий.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (воспоминания и размышления сына). М., 1997, с. 74.

внутри и снаружи, т. к. крышу снимали при погрузке и выгрузке, вагоны списывали на металлолом — таких вагонов уничтожили сотни) стал размещать в Восточной Европе СС-20. Конечно, разведка НАТО очень быстро это установила. Оно предприняло контрмеры: повело свою «модернизацию» (решение 12 декабря 1979 г.) — разместить в Западной Европе 108 ракет «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты «Томагавк»[1].

В общем, détente начала явно хромать, а вторжение 25 декабря того же 1979 г. советских войск в Афганистан сорвало «разрядку» окончательно.

* * *

Афганская авантюра 1979—1989 гг., унесшая жизни 14 453 офицеров и солдат советского «ограниченного контингента» и до миллиона афганцев, явила собой последнюю «коминтерновскую» попытку брежневского руководства (вспомним начало: «советизацию» Персии и Польши в 1920—1921 гг.), решить геополитические проблемы противостояния СССР — США с активным применением идеологии.

Характерное свидетельство неизменности «коминтерновского догматизма» тех лет, господствовавшего много десятилетий в Международном отделе ЦК КПСС, оставил нам бывший советский дипломат, в момент вторжения СССР в Афганистан — первый заместитель Громыко в МИД СССР *Георгий Корниенко.* Накануне вторжения он спросил у *Р. А. Ульяновского*, зам. руководителя этого отдела: «Неужели можно всерьез считать Афганистан созревшим для социализма?» — «Да», — ответил Ульяновский, затем почти десять лет идеологически «курировавший» эту авантюру. — Сейчас в мире нет такой страны (включая США? — *Авт.*), которая не созрела бы для социализма»[2].

Корниенко продолжает: «Наши партийные идеологи и международники в лице прежде всего М. А. Суслова и Б. Н. Пономарева (секретаря ЦК и заведующего международным отделом ЦК. — *Авт.*) сразу же стали рассматривать Афганистан как социалистическую — в близкой перспективе — страну. Подобным людям Афганистан виделся «второй Монголией», перепрыгивающей из феодализма в социализм» (*Корниенко Г. М.* Указ. соч., с. 190).

Возрожденная при Хрущеве «коминтерновская линия» КПСС — воссоздание с 1962 г. «Ленинской школы» — Института общественных наук при ЦК КПСС, открытие в Москве Университета дружбы народов им. Патриса Лулумбы и т. д. — дополнялась щедрыми валютными субсидиями, причем нередко откровенно террористическим группам в национально-освободительном движении на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, в азиатских странах. При «Ленинской школе» в Москве и Подмосковье были восстановлены секретные «лагеря Коминтерна», где готовили шифровальщиков, радистов и специально обученных боевиков-террористов.

Возродилась практика 20—30-х гг. помогать «друзьям СССР» (так шифровались в официальных документах компартии мира) через подставные фирмы, как правило созданные резидентурами КГБ за рубежом, переправлять большие валютные средства «друзьям». В Париже, например, был открыт целый «Банк дю Нор» («Северный банк»), и все вражеские разведки мира, а также «буржуазная» пресса знали: банк субсидирует французскую компартию.

Известный советский диссидент *Владимир Буковский*, по недомыслию организаторов «суда над КПСС» (Г. Бурбулис, С. Шахрай) в 1992 г. допущенный к архивам ЦК и Политбюро, ловко сканировал десятки таких документов за 1962—1984 гг. и опубликовал их в своей сенсационной книге «Московский процесс» (Париж — Москва, 1996),

---

[1] *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. М., 2001, с. 12.

[2] Цит. по: *Корниенко Г. М.* Холодная война: свидетельство ее участника. — М., 1995, с. 190.

которую в «демократической» России полностью замолчали: на книгу не появилось *ни одной рецензии.* Кстати, Буковский в своей книге задним числом «высек» многих «подручных партии», позднее, как флюгеры, сменивших политическую ориентацию и ставших «прорабами перестройки» и даже «ельцинскими демократами». В частности это касалось *Генриха Боровика*, в 60-х гг. заведующего бюро АПН в США: «Разрешить тов. Боровику Г. А. провести переговоры с американскими телекомпаниями о передаче программы по Вьетнаму на выгодных для нас пропагандистских и экономических условиях» (из документов «инстанции», 4 марта 1967 г. — *Буковский Вл.* Указ. соч., с. 33).

Брежневские «коминтерновцы», в частности тот же Ульяновский, изощрялись в теоретических марксистско-ленинских изысках, пытаясь изобразить очередного персидского Кучук-хана, только на этот раз — из Черной Африки, который даже не «перепрыгнул», как в Монголии, а просто «спрыгнул» с пальмы прямо на голову очередного белого посланца из Москвы с сумкой долларов, — как «идущего по социалистическому пути», возглавившего страну «социалистической ориентации» и уж, на худой конец, переплывающего кишащую крокодилами реку Конго в тропической Африке в «некапиталистическом направлении».

Нельзя, кроме идеологического догматизма новоявленных брежневских «коминтерновцев», сбрасывать со счетов и обыкновенный партийный бюрократизм: «контора» (Международный отдел ЦК) создана давно, деньги (и даже валюта) на ее функционирование отпущены, КГБ СССР к обслуживанию «друзей» подключен, молодых карьеристов, вышедших из комсомольского возраста, из КМО и ЦК ВЛКСМ трудоустраивать куда-то надо — «все, за работу, товарищи!»

Конечно, не все члены Политбюро и сотрудники аппарата ЦК были твердолобыми марксистско-ленинскими догматиками типа Суслова, Пономарева или Ульяновского. Все-таки в решении ввести советские войска в Афганистан преобладали традиционные, «царские», геополитические интересы и прежде всего — в случае с Кабулом — боязнь потерять давнего, еще со времен Ленина и короля Аманулы-хана (в 1926 г. заключил с СССР договор о нейтралитете и взаимном ненападении) спокойного южного соседа, много десятилетий и без всякого «перепрыгивания» в социализм сотрудничавшего с СССР не хуже Монголии. И не случайно последней каплей, переполнившей чашу выжидания Кремля (с апреля 1979 г. он отказывал афганским «коммунистам» в их просьбах срочно ввести советские войска), стали участившиеся осенью того же года тайные встречи Х. Амина с послом США в Кабуле.

Не забудем, что той же осенью крайне обострились американо-иранские отношения в результате победы в Иране фундаменталистской исламской революции во главе с имамом Хомейни. Американское посольство многие месяцы находилось в круглосуточной осаде «стражей исламской революции», и США первыми ввели вооруженные силы в этот регион — послали свои корабли в Персидский залив и заблокировали морские порты Ирана с юга. По свидетельству Корниенко, для «ястреба» Устинова такой военный демарш США за тысячи верст от их столицы давал СССР «моральное право»: а «почему мы должны бояться защитить свои позиции в соседнем нам Афганистане?» (*Корниенко Г. М.* Указ. соч., с. 193).

На «афганском поле» был и еще один опасный для СССР «игрок» — Китай. Китайцы не простили «кремлевским старцам», что те «умыкнули» в 1975 г. у них Вьетнам, да еще его руками разгромили в Камбодже режим Пол Пота — Иенга Сари, своей кровавой террористической практикой дискредитировавшего, по мнению Кремля, «святые идеи коммунизма».

Конечно, и на Брежнева оказывалось «коминтерновское» давление, в частности, по свидетельству академика Георгия Арбатова, его многолетним личным помощником А.

Александровым-Агентовым[1]. И все-таки для Брежнева, Громыко и Андропова — а именно они втроем 12 декабря 1979 г. принимали окончательное решение о сроках ввода советских войск в Афганистан — главным была геополитика.

«Правящие круги США, а также Китай, — говорил Брежнев на Пленуме ЦК КПСС 23 июня 1980 г., мотивируя перед обкомовской номенклатурой необходимость ввода войск, — не останавливались ни перед чем, в том числе и перед вооруженной агрессией, чтобы помешать афганцам строить новую жизнь. Вашингтон и Пекин подняли неслыханный шум. А все дело в том, что рухнули планы втянуть Афганистан в орбиту империалистической политики и создать угрозу нашей стране с юга». (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 391—392).

Однако свершившаяся в апреле 1978 г. в Кабуле «революция», защищать завоевания которой в декабре 1979 г. отправились советские войска, на деле оказалась банальным военным переворотом по типу латиноамериканских «пронунсиаменто»: группа младших офицеров осадила бывший королевский дворец и 27 апреля 1978 г. свергла правительство генерала Дауда. «Коммунистическая» партия — НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана) на поверку оказалась кучкой революционных авантюристов типа Якуб-заде (Якова Блюмкина) в «Красной Персии» в 1920—1921 гг. Вдобавок НДПА раскололась на две непримиримые фракции — «меньшевиков» из «Парчама» («Знамя») и «большевиков» из «Халька» («Народ»), между которыми сразу же началась борьба за власть «по-афгански»: «большевик» Амин вскоре убил «меньшевика» известного поэта Тараки, а Амина, в свою очередь, ликвидировал 27 декабря 1979 г. спецназ из Москвы. Но Амин еще до ввода советских войск и своей гибели, как стопроцентный «левак» типа Пол Пота в Камбодже, сумел так «наследить», что оттолкнул от «халькистов» основную массу населения — муллы ненавидели его за атеизм и сжигание «Корана» на кострах, за его «большевистскую» аграрную реформу: Амин пытался отнять землю у даудовских офицеров, мусульманского духовенства, земли мечетей и духовных исламских школ медресе и т. д.

Ситуация осложнялась старыми межэтническими противоречиями: ведь термин «афганцы» и сегодня — нечто вроде брежневской «новой исторической общности — советского народа». Сами себя жители Афганистана и тогда, и сегодня делили на пуштунов, хазарейцев, таджиков, узбеков и т. д., подобно тому, как в Грузии и сегодня — не грузины, а кахетинцы, имеретинцы, мингрелы, сваны и т. д.

В итоге «апрельскую революцию» в Афганистане вынуждены были защищать не те, кто заварил там кашу, а советские войска, в конце концов посадившие в кресло премьера свою марионетку — Бабрака Кармаля.

В Афганистане с СССР случилось то же самое, что и с США в Индокитае. Обоим сверхдержавам пришлось воевать против партизан. Пока те до 1981 г. воевали допотопным оружием типа дедовских дробовиков, еще куда ни шло — советские войска отбивались. Но как только США (подобно СССР во Вьетнаме) начали через Пакистан снабжать моджахедов современным оружием и особенно простейшими в использовании ракетами «стингер», советский «ограниченный контингент» начал нести ощутимые потери.

Еще в 1982 г., вскоре после избрания президентом Рейгана, СССР применил «вьетнамскую тактику» американцев — 18—19 июля в Москве состоялись секретные переговоры Громыко с госсекретарем *Александром Хейгом*: СССР запросил посредничества Америки по Афганистану. Громыко изложил новый геополитический (а не «коминтерновский») подход СССР — независимый неприсоединившийся

---

[1] *Арбатов Г. А.* Затянувшееся выздоровление (свидетельство современника). М., 1991, с. 224—225.

Афганистан при гарантиях невмешательства Пакистана и Ирана в его внутренние дела — тогда СССР немедленно выводит свои войска.

Вначале Рейган и его команда заколебались: а не решить ли афганскую проблему на путях, подобных Хельсинкскому совещанию 1975 г., но только применительно к Азии? Но затем передумали: в «империи зла» назревал с 1980 г. новый, еще более опасный, чем «пражская весна», польский кризис, где явно сложился ранее неведомый в Восточной Европе союз рабочих, («Солидарность»!) костела и интеллигенции.

Перспектива атаковать «империю зла» с двух сторон — силами афганских и польских «моджахедов», показалась соблазнительной, и Рейган от посредничества в афганских делах уклонился. Да и в самом СССР не один Устинов был «ястребом». Война явно затягивалась, но советским генералам на погоны тем не менее падали звезды. Целая плеяда «генералов-афганцев» (как позднее — в Чечне) выросла на этой войне. Некоторые после бурных событий 1991—1993 гг. будут востребованы в политику — станут министрами (Павел Грачев) или губернаторами (Всеволод Громов, Александр Лебедь).

Только при Горбачеве, да и то не сразу, а после четырех лет перестройки, войска будут наконец выведены, а марионетки СССР, как и сам Афганистан, брошены на произвол судьбы. Афганская угроза 1979 г. как угроза США и Китая преобразуется в угрозу исламского фундаментализма (талибы) бывшим советским республикам Средней Азии. Но это уже другая тема, и о ней речь пойдет ниже.

ПОЛЬСКАЯ «СОЛИДАРНОСТЬ» И НОВЫЙ КРИЗИС В СОЦЛАГЕРЕ

Начало 80-х гг. совпало с резким обострением международной обстановки и пропагандистской конфронтацией СССР и США в мире. Как повод для реванша за Вьетнам, США избрали факт вторжения советских войск в Афганистане. Причем в качестве главного содержательного момента американцы выдвинули в этой антисоветской пропаганде концепцию защиты *прав человека.*

Связано это было в первую очередь с личностью 39-го президента США в 1977—1981 гг. — лидера демократической партии и бывшего губернатора штата Джорджия *Джеймса (*Джимми) *Картера.* «Картер сделал права человека альфой и омегой своей внешней политики, — саркастически вспоминал бывший госсекретарь в 1973—1977 гг. республиканец профессор Гарвардского университета Генри Киссинджер, — и пропагандировал их столь интенсивно применительно к американским союзникам, что его призывы к праведности то и дело угрожали внутреннему единству в этих странах»[1].

В смысле «праведности» у Картера в XX в. был только один предшественник среди президентов США — *Вудро Вильсон*, «отец» межвоенной Лиги Наций. Но если у первого *праведника* была *нация* (и по его настоянию, как уже писалось выше, Австро-Венгерская, Османская и, частично, Российская империи были развалены на конгломераты мелких, как правило, мононациональных государств), то у второго — *права человека* вне зависимости от национальности, вероисповедания или социально-классового положения.

Картер на полную катушку раскрутил под флагом защиты прав человека мощную пропагандистски-дипломатическую кампанию против СССР в связи с его интервенцией в Афганистан:

— был заморожен финальный этап переговоров по ограничению стратегических вооружений — так называемое ОСВ-2, хотя Картер и Брежнев еще 18 июня 1979 г. в

---

[1] *Киссинджер Генри.* Дипломатия. М., 1997, с. 703.

Вене подписали его текст (но Сенат Конгресса США не успел его ратифицировать до афганской авантюры СССР, а после отказался ставить его на обсуждение);

— США и их союзники по НАТО объявили СССР экономическую блокаду, введя торговые санкции;

— мощной пропагандистской акцией, воскресавшей историю олимпийских спортивных игр 1936 г. в гитлеровской Германии, стал бойкот Московской Олимпиады летом 1980 г.

Первоначально эта Олимпиада задумывалась в Кремле не столько как спортивное мероприятие, сколько, прежде всего, как гигантское пропагандистское шоу и, совсем как у Гитлера в 1936 г., было призвано показать всему миру успехи «реального социализма» (у фюрера — «реального нацизма»). Бойкот Олимпиады США и странами НАТО существенно смазал эффект от всего мероприятия, хотя и поддержанного МОКом, — приехали в основном спортсмены из соцлагеря и развивающихся стран. Зато москвичам власти продемонстрировали способность в сжатые сроки создать «потемкинскую деревню» реального социализма в одном, отдельно взятом городе (вспомним сталинский «социализм в одной стране»), правда, всего на две недели.

Никогда больше, ни до ни после, Москва не была такой ухоженной и чистой, с пустынными улицами и очень малым количеством пассажиров в вагонах метро, где вдобавок остановки объявлялись по радиотрансляции на русском и английском языках. Прилавки магазинов были забиты продуктами, но ни одного провинциала-приезжего не было видно — столицу закрыли для «нежелательных советских» на две недели. Перед этим провели массовые облавы милиции на подозрительных (сегодня облавы называются «зачистками») — задержали 1262 человека, из них 254 уголовника, конфисковали почти тонну взрывчатки и 155 «стволов» огнестрельного оружия (до криминальных «разборок» было еще целых 12 лет, но оружием «братва» уже запасалась). Профессиональные воры-«домушники», хулиганы и т. п. затаились — грабежи во время Олимпиады сократились на 43%, хулиганство с мордобоем — на 34%. Даже московские автолюбители-«чайники» стали ездить по столице осторожней — число ДТП уменьшилось на 37%[1]. Московский обыватель благодушно ворчал: «Могут же все наладить, если захотят…»

Между тем по большому счету в Кремле было уже не до Московской Олимпиады — в Крыму на отдыхе в июле 1980 г. Брежнев пытал первого секретаря ЦК *Эдварда Герека* — а удержат ли польские коммунисты власть в стране? 25 августа 1980 г., несмотря на отпускной период, «кремлевские старцы» собрались на внеочередное заседание Политбюро. В повестке стоял только один вопрос — «К вопросу о положении в ПНР». Что «положение» там критическое и профсоюз «Солидарность» вот-вот свергнет Герека (с июля 1980 г. в связи с подъемом цен на продовольствие в Польше бастовало 600 тыс. рабочих, и лидеры профсоюза — бывшие члены ПОРП Яцек Куронь и Адам Михник, а также электромонтер из Гданьска Лех Валенса — уже сформулировали свои 21 условие «Коминтерна» — требований к властям), было очевидно всем.

Вопрос стоял по-другому: какими мерами удержать Польшу в соцлагере? Члены Политбюро обсудили предложение Суслова, Громыко, Андропова, Устинова и Черненко о «силовом решении» польской проблемы, т. е. о повторении чехословацкого варианта в августе 1968 г. (через три дня, 28 августа, это предложение было оформлено письменно в виде «Записки в ЦК КПСС»[2]. Первоначально Суслов и К° предлагали привести в боевую готовность и на территории Польши (советские военные базы), и в западных

---

[1] *Раззаков Ф.* Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917—1991 гг. М., 1997, с. 192.

[2] Записка неоднократно публиковалась сначала в США, затем в Польше. В России ее излагали Д. А. Волкогонов (1995 г.) и А. В. Шубин (2001 г.). Однако полный текст опубликовал только Валентин Оскоцкий в своей беседе с В. Ярузельским. См.: *Ярузельский В.* Уроки истории — не соль на раны. Рязань, 2000, с. 20.

военных округах (Прибалтийском, Белорусском и Прикарпатском) три танковые и одну мотострелковую дивизию. Заранее предлагалось призвать из запаса 100 тыс. военнослужащих и реквизировать в гражданских автохозяйствах до 15 тыс. машин. У авторов записки не было сомнений — в случае советского вторжения Войско польское (армия) встанет на сторону «Солидарности», и в этом случае оккупационную группировку надо увеличить еще на пять-семь дивизий.

Однако члены Политбюро еще не совсем и не все сразу впали в маразм: они понимали — вторжение в Польшу много опаснее вторжения в Афганистан, т. к. оно чревато риском третьей мировой войны. Поэтому окончательно ни до чего не договорились, а, как обычно, создали комиссию во главе с Сусловым (члены Громыко, Андропов, Устинов, Черненко и др.) и поручили ей «внимательно следить за складывающейся в ПНР обстановкой» (*Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 401).

Осторожность в принятии окончательного решения по Польше, в отличие от Афганистана, диктовалась, помимо прочего, еще и тем, что если «апрельская революция» 1978 г. в Кабуле была полной неожиданностью для Кремля, то «польский эксперимент» — укрепление польской экономики за счет западных валютных инвестиций — в 1970 г. был одобрен тем же Политбюро ЦК КПСС и все десять лет находился под пристальным контролем Москвы, хотя и не всегда последовательным. Поэтому и провал этого эксперимента к 1980 г. Кремль должен был делить поровну с Гереком и руководством ПОРП.

Надо отметить, что позднее, при анализе кризиса в Польше в 1980—1983 гг., эта сторона проблемы — первая (и неудачная) попытка брежневского руководства сразу после чехословацкого кризиса 1968 г. провести на «польской площадке» эксперимент смешанной, капиталистически-социалистической, экономики — осталась в стороне.

Кратко суть этого эксперимента состояла в следующем (важность его исторического анализа состоит в том, что в 1992—1999 гг. он повторится в России и некоторых других странах СНГ):

— Польша с 1970 г. широко открыла свои экономические границы на Запад;

— с этой целью были пересмотрены и смягчены таможенные правила, финансовые инструкции, да и сам «закон законов» — государственный план — был изменен, и страна перешла к «гибкому планированию»;

— под гарантии польского правительства в 1970—1972 гг. на Западе, прежде всего в ФРГ, стали брать большие валютные кредиты, закупать лицензии и новую технологию, полагая, что продукция польских заводов, основанных на этой технологии, даст прибыль (японский вариант 60-х гг.);

— нефтяной кризис 1973 г. больно ударил по этим амбициозным планам Герека и К^{о}; характерно, что и СССР не пришел на помощь Польше, хотя мог бы существенно ослабить кризис за счет поставок дешевой нефти и нефтепродуктов;

— руководство ПОРП, спасая себя в руководящих креслах, пошло на заведомую авантюру: оно безоглядно стало брать валютные кредиты на Западе и очень скоро набрало более 23 млрд. долларов (из них 14 млрд. — у 400 частных банков), причем к марту 1981 г. одни проценты по этим долгам (по 1,5 млрд. долл. в год) превысили ежегодную выручку от всего польского экспорта. Герек дал команду вывозить все — живых лягушек во Францию, польское сало и щетину, резиновые сапоги и т. п. Но на внутреннем рынке все товары исчезли с прилавков, даже за хлебом стояли очереди; на закупки продовольствия только в 1980 г. требовалось 9,5 млрд. долл., а их не было;

— в ответ с 1979 г. в Польше, как и в 1970 г., вновь поднялась волна рабочих забастовок; на этот раз они слились с недовольством интеллигенции, которая сумела объединиться в КОР — «Комитет защиты рабочих» во главе с Я. Куронем и А.

Михником; то, что никак не удавалось советским диссидентам, — союз пролетариев и интеллигенции — свершилось в Польше;

— руководство Польши и СССР оказались совершенно не готовыми и к новой тактике польских рабочих — физической оккупации заводов, фабрик, шахт, верфей.[1]

Однако главным отличием ситуации в Польше от «пражской весны» 1968 г. с середины 70-х гг. стало активное политическое вмешательство Запада в польский кризис. Дело в том, что еще в 1978 г. помощник президента Картера по вопросам национальной безопасности известный идеолог антикоммунизма *Збигнев Бжезинский,* поляк по происхождению, подготовил секретный доклад о политике США в Польше: «Соглашения (по финансово-экономическим вопросам. — *Авт.*) между США, их союзниками и Польшей должны быть направлены на укрепление зависимости Польши от Запада в области финансов, экономики, снабжения продуктами питания, — писал Бжезинский, — следует разжигать в поляках антисоветские и антирусские настроения. В этом созданном политиками, профсоюзными деятелями, СМИ и отвлекающими маневрами климате наши действия должны способствовать дестабилизации обстановки в Польше»[2].

Программа Бжезинского была одобрена Картером, и в 1978—1981 гг. США главным образом через американское профсоюзное объединение АФТ — КПП начали оказывать массивную «гуманитарную помощь» польской оппозиции, особенно «Солидарности», наиболее активно — с 1980 г., когда этот независимый профсоюз был, наконец, официально признан властями. Под прикрытием «новых технологий» в «Солидарность» стала поступать новая оргтехника — копировальные машины, ксероксы и даже целые компактные типографии. Фактическими рупорами «Солидарности» стали радиостанция «Свободная Европа» (вещание на польском языке) и польский эмигрантский культурный центр — издательство «Культура» с одноименным журналом. Очень скоро вся эта оппозиционная печать начала успешно конкурировать с официальными польскими СМИ. Но «Солидарность» не ограничилась полемикой в печати. Она начала реальную борьбу за власть, захватывая ее «снизу» — путем создания органов самоуправления на промышленных предприятиях и в учреждениях (рабочие советы избирают директоров: в 1989—1991 гг. Горбачев попробует внедрить такую практику «сверху», но Ельцин с 1992 г. от нее откажется — такая «рабочая демократия» после захвата власти в РСФСР ему больше нужна не была). Внешним проявлением этой «рабочей демократии» в Польше становится выдвижение в лидеры «Солидарности» простого и не слишком образованного «работяги» — *Леха Валенсы*, верующего католика (постоянно появлялся перед телекамерами с иконой-портретом папы римского — поляка Войтылы — на лацкане пиджака) и будущего президента Польши.

По подсказке Куроня и Михника «пан Лех» все чаще и чаще начал говорить о превращении «Солидарности» из профсоюза в польскую националистическую антирусскую партию. «Правительство ни на что не способно, — вещал он на митинге осенью 1980 г. — Следовательно, мы сами должны считать себя прежде всего не членами профсоюза, а — поляками» (цит. по: *Шубин А. В.* Указ. соч., с. 46).

Огромную роль в польском кризисе 1980—1983 гг. сыграла «третья сила» — польская католическая церковь (*костел* — в польской терминологии), опиравшаяся на осторожную, но очень авторитетную поддержку Ватикана в почти на 90% католической Польше. Собственно, влияние костела в общественной жизни страны начинает стремительно возрастать после визита папы Иоанна II в Польшу в начале июня 1979 г.

---

[1] Подробней см.: Solidarnost: о рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Frankfurt-am-Main, 1980; *Леонов Н. С.* Лихолетье. М., 1995.

[2] Необъявленная война против Польши. Подрывная деятельность западных спецслужб (по материалам польской печати). М., 1984, с. 63—64.

Визит превратился в невиданный ранее триумф католицизма во вчера еще, казалось бы, официально коммунистической атеистической стране. Сразу после визита папы римского его наместник в Польше примас кардинал *Глемп* превратился в третью влиятельную фигуру страны — после первого секретаря ПОРП и лидера «Солидарности».

Увы, как и в Афганистане, советские дипломаты в Варшаве и их хозяева в Кремле явно недооценили религиозный фактор (ислам — в Кабуле, католицизм — в Варшаве). Как стало известным совсем недавно из откровений известного «прораба перестройки», затем — восторженного сторонника Ельцина, а ныне — столь же непримиримого его оппонента философа *Александра Ципко*, с 2000 г. обозревателя «Литературной газеты», папа сразу после своего избрания искал неофициального контакта с Кремлем. Но не только контакта, даже обычного дипломатического протокола во время визита в Польшу в 1979 г. Москва не соблюла: послу СССР в Варшаве запретили встречать папу римского в аэропорту, хотя весь дипломатический корпус, включая послов других соцстран, там присутствовал (летом 2001 г. ситуация зеркально повторится: новому послу России в Киеве *Виктору Черномырдину* совсем другие люди в Кремле отсоветуют встречать того же папу в другом аэропорту, когда он прибыл с пасторским визитом на Украину).

Из-за такой явно недальновидной политики Кремля, пишет Ципко, в 1979 г. визит папы римского в Польшу «сразу приобрел антисоветский характер, что в конце концов привело и к появлению «Солидарности», и к поражению социализма на его (папы. — *Авт.*) родине. Сейчас же из-за нашего демарша с послом (Черномырдиным, не прибывшим встречать папу. — *Авт.*) и крикливости многих наших СМИ визит сразу же приобрел антирусский характер, снова подтолкнул Украину и Кучму к Западу»[1].

Явное отсутствие гибкости и тогда, и сейчас Кремль заменял традиционной сталинской установкой — «кадры решают все». В Афганистане в декабре 1979 г. ликвидировали Амина и посадили Кармаля, в Польше 6 сентября 1980 г. по указанию из Москвы пленум ПОРП сместил Э. Герека и избрал первым секретарем «мягкого большевика» *С. Каню* (*каня* по-польски *гриб. — Авт.*).

Нового лидера польских коммунистов немедленно вызвали «на ковер» в Москву. Накануне его визита в столицу СССР 29 октября 1980 г., состоялось бурное заседание Политбюро ЦК КПСС (отрывки из «рабочей записи» этого заседания впервые в 1998 г. опубликовал *Рудольф Пихоя*). «*Брежнев*: Может быть, действительно потребуется ввести военное положение. *Устинов*: Северная группа войск у нас подготовлена и находится в полной боевой готовности. *Громыко*: Нам нельзя терять Польшу. Советский Союз в борьбе с гитлеровцами, освобождая Польшу, положил 600 тысяч своих солдат и офицеров, и мы не можем допустить контрреволюцию…» (цит. по: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 403).

По-видимому, именно после этого Политбюро и по итогам состоявшихся в следующие дни переговоров Брежнева с Каней и другими членами польской делегации Устинову и Объединенному штабу войск Варшавского Договора была дана команда подготовить план военного вторжения в Польшу одновременно с трех сторон (схема сентября 1939 г.) — из СССР, ГДР и ЧССР (план этот впервые «озвучил» В. Ярузельский в беседе в публицистом В. Оскоцким в мае — августе 1999 г., а последний опубликовал титульный лист этого плана на немецком языке и схему вторжения. — *В. Ярузельский.* Указ. соч., с. 36—37). И хотя Каня оптимистически заверил Брежнева — «все хорошо, прекрасная маркиза», и ПОРП справится с кризисом собственными силами, в Москве ему не очень верили.

---

[1] *Ципко А.* Папу надо благодарить, а не ссориться с ним // Независимая газета, 5.07.2001. См. также: *Он же.* Россию пора доверить русским (критика национального нигилизма российских либералов). М., Алгоритм, 2003.

«Зараза» из Польши расползалась по другим странам восточноевропейского соцлагеря и даже проникла в СССР. Об этом свидетельствуют секретные постановления Секретариата ЦК КПСС от 4 октября и 22 декабря 1980 г. «О некоторых дополнительных мерах по контролю за распространением польской печати в СССР» (польские газеты и журналы стали не допускать в обычные киоски, оставив их только в киосках гостиниц «Интуриста»), а также от 28 ноября 1980 г. «О временном сокращении туристского обмена между СССР и ПНР».

Но еще больше волновали события в Польше лидеров Восточной Европы, особенно *Эрика Хоннекера* в ГДР. «Партайгеноссен» хорошо осознавали — не дай Бог Польша выйдет из договора ОВД, и «первому социалистическому немецкому отечеству» придет капут. И как только Каня, вопреки своим обещаниям в Кремле, 10 ноября 1980 г. официально зарегистрировал «Солидарность», Хоннекер 26 ноября немедленно послал Брежневу гневное письмо: «Мы против кровопролития. Это последнее средство. Но и это средство должно быть использовано» (цит. по: *Шубин А. В.* Указ. соч., с. 44).

Москва вынуждена была реагировать на тревожные сообщения от Хоннекера, Живкова, Гусака и Кадара: 5 деабря 1980 г. Брежнев собрал в Кремле очередной «хурал» лидеров «братских компартий» Восточной Европы по Польше, на который снова вызвали Каню. К тому времени последнему уже подкинули кое-что, кроме обещанных твердо танков. Еще 29 октября вызванный на Политбюро председатель Госплана СССР *Николай Байбаков*, «отрывая от себя», пообещал выделить Кане кредит в 430 млн. руб. на уплату процентов по внешним польским займам, дать зерна 500 тыс. тонн, дизельного топлива до 200 тыс. тонн, увеличить квоту СЭВ по хлопку. Сложнее с нефтью: дать Польше, значит — отнять у всех других, кроме Кубы, Монголии и Вьетнама, — плакался Байбаков, латая свой «братский тришкин кафтан». Но Политбюро тогда стукнуло кулаком по столу — найти и обеспечить, иначе Каню и других выгонит взашей «Солидарность» в союзе с костелом.

5 декабря 1980 г. на месте Байбакова в Кремле сидел уже Каня. И, надо сказать, досталось ему от «братьев» по первое число. Кане выкрутили руки, но именно на этом «братском форуме» в «своем кругу» он впервые пообещал: не надо «братской военной помощи» по типу августа 1968 г. в Чехословакии, т. к. Политбюро ПОРП уже создало «штаб, который готовит ряд мероприятий…». Среди них — «*и вопрос введения военного положения в Польше… также готовится арест активистов контрреволюции»* (цит. по: *Шубин А. В.* Указ. соч., с. 45).

Как мы увидим ниже, именно этот план введения военного положения при одновременном аресте и интернировании лидеров и активистов «Солидарности» (т. е. переход всей власти к генералам Войска Польского) с одобрения Кремля и был осуществлен ген. Ярузельским год спустя, 13 декабря 1981 г. Пока же Москва в очередной раз подкинула Кане деньжат (еще 4,5 млрд. руб. на погашение внешних долгов) да продолжила кадровое давление, завершившееся 11 февраля 1981 г. назначением ген. Ярузельского премьер-министром при сохранении поста министра обороны, который генерал занимал с 1968 г.

Новый премьер, с одной стороны, сразу же взялся за кардинальное решение финансово-экономических проблем Польши, не боясь новых забастовок «Солидарности» — вновь повысил цены на продовольствие, электроэнергию и уголь (в 1989—1990 гг. «Солидарность», придя к власти, будет делать то же самое). С другой — решительно начал перехватывать политическую инициативу у «Солидарности», что проявилось прежде всего в его резком, «солдатском» выступлении на IX чрезвычайном съезде ПОРП в июле 1981 г. в Варшаве.

Ярузельский выдвинул антитезу лозунгу лидеров «Солидарности» «Польская рабоче-католическая демократия здесь и сейчас — немедленно!». В своей речи на съезде партии

он заявил, что такая постановка вопроса — это призыв к *анархии* в Польше. Тезис «демократия — анархия» станет главным пропагандистским коньком Ярузельского и в период его пребывания первым секретарем ПОРП (1981—1989 гг.), и президентом Польши (июль 1989 — декабрь 1990 гг.), и много позднее, уже в отставке и под судом, о чем еще мы расскажем ниже.

Но генерал не побоялся заявить с трибуны съезда, что борьба идет отнюдь не за цены на мясо: «цена вопроса» во много раз выше. По сути, речь идет о судьбе Польши как независимого национального государства: «Здесь (в Польше. — *Авт.*) — при высшей степени военной концентрации — проходит основной участок границы, разделяющий две общественные системы. Именно здесь, в этом невралгическом узле, находится геостратегическое место Польши» (там же, с. 48).

Фактически Ярузельский достаточно прозрачно дал понять лидерам «Солидарности», что обратной стороной их «медали демократии» станет очередной раздел Польши между ГДР и СССР, если они в конце концов введут свои войска, а Запад, как и в Чехословакии в 1968 г., не станет реально вмешиваться, т. к. обе эти страны по Потсдаму 1945 г. и Хельсинки 1975 г. — «зона ответственности» СССР, в отличие от Афганистана — «ничейной территории».

Посланец КПСС член Политбюро и первый секретарь МГК *Виктор Гришин*, грозя «американским ревизионистам и германским реваншистам», подтвердил готовность КПСС и СССР оказывать и далее экономическую помощь Польше, но при условии «нормализации» положения в ней. При этом Гришин многозначительно заметил — «не в советских правилах бросать в беде своих друзей и союзников». Ярузельский и Гришин выступали по заранее согласованному с Москвой сценарию. Еще в начале апреля 1981 г. в Бресте на запасных путях местного железнодорожного вокзала в вагоне поезда поздним вечером и ночью (с 21 часа до 3 часов утра) состоялась «тайная вечеря» Андропова и Устинова с Каней и Ярузельским.

Внешне формат встречи — ночью, в вагоне, вдали от посторонних глаз — очень напоминал беседы Брежнева с Дубчеком и Черником в Чиерне-над-Тиссой в августе 1968 г. Но тогда за таким форматом вскоре последовала военная интервенция, а после «апрельского вагона» в Бресте этого не произошло. Почему?

Мы полагаем, что в 1981 г. Польшу от «братской военной помощи» спас… Афганистан, который уже в первые два года войны отрезвил «кремлевских старцев», даже такого догматика, как Суслов (не забудем, что именно он возглавлял комиссию Политбюро по Польше). *Э. Шеварднадзе* в своих мемуарах 1991 г. свидетельствует, что еще весной 1981 г. в кабинете Суслова в ЦК он случайно стал свидетелем телефонного разговора «серого кардинала» с кем-то очень влиятельным в Кремле: некто, сообщая об обострении обстановки в Польше, как некогда генерал Трепов у Николая II в 1905 г., требовал «патронов». Суслов дважды повторил: «Ни в коем случае не может быть и речи об использовании нами силы в Польше»[1]. Аналогичную реплику Суслова на заседании комиссии Политбюро по Польше донес до нас другой свидетель эпохи — тогдашний советский посол в США *Анатолий Добрынин:* «Пусть даже в Польше к власти придут социал-демократы, будем с ними работать, но войска не введем»[2].

Собственно, уже на встрече в «брестском вагоне» (какая все-таки ирония истории: в Брест-Литовске подписывали предшественники Брежнева «похабный» мир с кайзером в марте 1918 г., и там же Андропов и Устинов в апреле 1981 г. капитулировали перед Каней и Ярузельским!) решался только один вопрос — о срочном введении военного положения (по существу, о свершении *военного переворота*) силами Войска Польского,

---

[1] *Шеварднадзе Э*. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991, с. 205—206.

[2] *Добрынин А.*. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М., 1996, с. 522.

причем посланцы из Кремля привезли уже на подпись (?!) и *текст* соответствующего соглашения между Москвой и Варшавой, против которого Каня и Ярузельский в принципе не возражали. Но пока так сразу, в вагоне, его не подписали, полагая объявление чрезвычайного (военного) положения в Польше весной 1981 г. преждевременным (рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС 9 апреля 1981 г. — обсуждение итогов встречи. — Изложена у *Р. Г. Пихои.* Указ. соч., с. 406). Однако Андропов все же уловил разницу в подходах Кани и Ярузельского: последний был настроен более решительно, тогда как первый секретарь ПОРП колебался. Это заметил и Брежнев во время своих телефонных разговоров с Каней весной и при личной встрече на даче в Крыму в августе 1981 г.

В конце концов в Кремле решили — с Каней, как и ранее с Гереком, надо кончать. 18 октября 1981 г. пленум ЦК ПОРП сместил Каню и избрал на его место Ярузельского, который одновременно сохранил посты премьера и министра обороны, т. е. по польской традиции стал *полным диктатором* типа маршала Пилсудского (напомним, что в мае 1926 г. маршал ввел военное положение, расстрелял и разогнал парламент и ввел военный режим «санации» в Польше; тогда в СССР эти действия были заклеймены как «фашистский переворот»). Брежнев лично поздравил Ярузельского (он был с ним на «ты», хотя генерал всегда отвечал ему на «вы») и потребовал решительных действий, с чем диктатор полностью согласился. Польше срочно была оказана очередная финансово-экономическая помощь газом, нефтью и особенно мясом (выделили 30 тыс. тонн из госрезерва).

Окончательный отказ от планов прямой военной интервенции трех стран — СССР, ГДР и ЧССР в Польшу — произошел вскоре после избрания Ярузельского первым секретарем ПОРП на заседании Политбюро ЦК КПСС 29 октября 1981 г. Впервые опубликованная в 1998 г. Р. Пихоя по архиву Политбюро (Президента) «рабочая запись» этого заседания (*Пихоя Р. Г.* Указ. соч., с. 408—409) поразительна по своему содержанию: одни и те же люди, в 1956, 1968 и в декабре 1979 г. недрогнувшей рукой пославшие советские танки и самолеты на усмирение «бунтовщиков», сегодня говорили совсем другое.

Андропов: «Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии — наши войска в Польшу не вводить».

Устинов (недавний «ястреб», министр обороны): «Вообще надо сказать, что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска».

В последующие два месяца Политбюро еще не раз будет обсуждать положение в Польше и действия Ярузельского, но вопрос о вторжении войск ОВД больше не ставился. Более того, за три дня до военного переворота в Польше, 10 декабря 1981 г., председатель комиссии Политбюро «серый кардинал» Суслов на заседании того же Политбюро следующим образом подвел итоги обсуждения польского кризиса в Кремле: «Пусть сами польские товарищи определяют, какие действия им предпринимать. Толкать их на какие-то решительные действия нам не следует. Поляки заявляют прямо, что они против ввода войск. Если войска будут введены, это будет означать катастрофу. Я думаю, у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может» (*там же*, с. 411).

Само введение военного положения в ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. (о чем Ярузельский предварительно почему-то не проинформировал ни Брежнева, ни его «старцев»; ничего не знало о точной дате и ЦРУ, а, стало быть, и президент США Рейган) прошло внезапно и бескровно: за одну ночь сразу по всей стране было «интернировано» 6 тыс. 309 активистов «Солидарности», причем большинство ее лидеров взяли как кур — спящими в постелях. Никаких «запасных аэродромов», в отличие от чехов и словаков в августе 1968 г., Валенса, Куронь и Михник не

подготовили — ни тайных квартир, ни явок, ни паролей — *ничего.* Даже *Вл. Буковский*, автор детективной версии о *блефе* с вторжением советских войск в Польшу, в котором якобы участвовал и Ярузельский, обманувший всех — и СССР, и США (Буковский в момент ареста Адама Михника звонил ему из Лондона в Варшаву), отмечал «поразительный успех военного положения, введение которого прошло почти бескровно. Нужно сказать, что и лидеры «Солидарности» оказались не готовы к военному положению: угроза репрессий висела над ними слишком долго, к ней успели привыкнуть, перестали готовиться. За малым исключением, все их структуры оказались захвачены практически в первые несколько дней, а большинство лидеров арестовано» (*Вл. Буковский.* Указ. соч., с. 413).

БУКОВСКИЙ ПРОТИВ ЯРУЗЕЛЬСКОГО

Как уже отмечалось выше, книга известного диссидента «Московский процесс» вышла одновременно в Париже и в Москве в 1996 г. по-русски, и сразу же была переведена на несколько европейских языков, в том числе — и на польский.

Книга фактически представляла собой сборник неопубликованных документов с обширными комментариями автора из архива Политбюро (ныне — Архив Президента), которые Буковский умело сканировал якобы для подготовки своего выступления на судебном процессе над КПСС в 1992 г. Процесс, топорно подготовленный тогдашними ближайшими советниками Ельцина — *Г. Бурбулисом* и *С. Шахраем*, позорно провалился, а вот копии сверхсекретных партийных документов Буковский увез к себе в Лондон, там обработал и издал отдельной книгой. Досталось в ней не только бывшим брежневским лидерам КПСС и Горбачеву, но и «демократам» Ельцина, да заодно и Ярузельскому. Не пожалел в этой книге автор и самого себя: «Признаться, и я, старый дурень, — уж какой, скажите, тертый калач, — а и то поверил, что не конец еще. Нет, твердил я себе, костями грея казенный цемент, погоди — дай лишь гривой встряхнуть, да удила закусить — и па-а-йдет считать версты, пока не зарябит тебе в очи!» (*там же,* с. 231).

А оказалось, все по тому же Гоголю, — «вокруг одни свиные рыла». И Буковский выносит суровый приговор всем: «А чего же еще остается мне желать, подводя итог… своей жизни, кроме как харкнуть в морду всей той нечисти — и на Востоке ли, на Западе, — что лишила мою жизнь смысла, а мир — выздоровления? Любуйтесь теперь делом рук своих, радуйтесь тому, как ловко вы всех обдурили» (*там же*).

Однако никто из этой «нечисти» и тех, кто «ловко обдурил»: ни Горбачев с Рейганом, ни Ельцин с Бурбулисом — не подали на Буковского в суд за клевету. Сделал это только один *Войцех Ярузельский*, и его процесс в Варшаве против автора польского издания книги «Московский процесс» наделал в 1997—1998 гг. много шума. В России тогда о нем почти ничего не сообщалось, хотя в узких кругах московской интеллигенции негативная оценка Буковским и горбачевской «перестройки», и ельцинской «демократии» (еще до расстрела Белого дома 4 октября 1993 г.), в чем-то совпадающая с критикой другого диссидента, хотя и вернувшегося на родину в 1994 г. — *А. Солженицына,* — была известна.

* * *

Эту критику Буковский, предваряя книгу, изложил 13 апреля 1993 г. на последнем еще действующем московском «перестроечном» форуме — клубе «Свободное слово» при Институте философии РАН[1]. К этому выступлению и книге «Московский процесс», отражающих эволюцию взглядов бывших советских диссидентов, живущих за границей или вернувшихся на Родину, мы еще вернемся, а пока остановимся на судебно-публицистической полемике Ярузельского с Буковским как частном, но очень важном моменте различных оценок распада и европейской социалистической системы, и самого СССР, где польский кризис 1979—1989 гг. сыграл роль детонатора.

Поскольку именно я пригласил Буковского в феврале 1993 г. на этот форум и организовал весь его прием в Москве, стоит предварить его полемику с Ярузельским некоторыми личными впечатлениями от бесед с диссидентом в его коттедже в Кембридже, в университете которого я по обмену читал в январе — марте 1993 г. лекции о внешней политике и международных отношениях межвоенного периода.

До Кембриджа я знал Володю шапошно, встречаясь с ним на разного рода «демократических тусовках» во время его наездов в Москву в 1988—1992 гг. (хотя мы уже тогда перешли на «ты»). Еще во времена Горбачева меня поразил его фантастический проект снабдить советскую провинцию портативными радиоприемниками, оставшимися на военных складах НАТО чуть ли не со времен Второй мировой войны. И Буковский уговорил-таки руководителей НАТО где-то в 1989/90 гг. уступить эти аппараты за символическую цену, привез их к границам СССР, но они все были там арестованы как «шпионское оборудование» и, по-моему, лежат на складах таможни в Белоруссии по сию пору.

О польских событиях и роли Ярузельского (к тому времени в декабре 1991 г. выгнали его эпигона Горбачева) мы начали спорить уже в феврале 1993 г. в Кембридже, продолжили в апреле того же года в Москве, пока, наконец, в Париже я не купил в 1996 г. его книгу «Московский процесс», успев сообщить свое «особое мнение» автору по телефону. Вот как вкратце выглядит суть позиции Буковского и контраргументы Ярузельского с моими комментариями к взглядам обоих на польский кризис и военное положение в Польше в 1981—1983 гг.:

Буковский: По его мнению, Москве вовсе не требовалось немедленно вводить под прикрытием ОВД свои войска в Польшу, поскольку и без того в 1980—1981 гг. она и так была «вторым Афганистаном»: «Почти каждую неделю Брежнев говорил по телефону с Каней, а другие члены Политбюро опекали соответствующих их профилю польских коллег. Москва фактически взяла на себя все руководство ситуацией, до мельчайших деталей: почти как в Афганистан, в Польшу были посланы специальные советники и группы экспертов по всем вопросам, без согласования с которыми (или хотя бы с послом Аристовым) ничто не делалось. Даже экономическая программа ПОРП, принятая на съезде, сначала изучалась и разрабатывалась в Москве. Использовалось все, вплоть до малейших разногласий в руководстве «Солидарности», малейших их просчетов. Усиливалось присутствие КГБ в Польше.

Наконец, мощным фактором психологического воздействия на население была умышленно создаваемая угроза советского вторжения в Польшу, хотя никакого реального приготовления к этому варианту не делалось. Например, проводились военные маневры на польской территории, сознательно раздувавшиеся как демонстрация готовности «оказать интернациональную помощь». Однако с самого начала кризиса это был только блеф: от поляков требовали «решительных действий»,

---

[1] Встреча с Владимиром Буковским, 13 апреля 1993 г. (стенограмма) // Свободное слово. Интеллектуальная хроника десятилетия: 1985—1995. М., 1996, с. 163—182.

репрессивных мер и прямо введения военного положения, а «вариант вторжения даже не рассматривался» (*Буковский Вл.* Указ. соч., с. 392).

Комментарий: «Варианты вторжения», как мы показали выше, рассматривались (записка Суслова и др. в ЦК от 28 августа 1980 г.), и весьма детально, вплоть до составления схем вторжения (вариант ГДР) до 29 октября 1981 г., пока Ярузельский, став «диктатором», не заверил Москву, что он сам справится с «Солидарностью» (вариант вторжения предусматривался им лишь в одном случае — если войска НАТО вмешаются первыми).

Ярузельский: После его отставки с поста президента Польши в 1990 г. его пять лет тягала комиссия конституционного надзора польского сейма, которая собрала огромный документальный материал по обстоятельствам военного переворота 13 декабря 1981 г. и роли в нем Ярузельского. В частности, комиссия обратилась в ФРГ (архивы ГДР) и Чехию. «Такие документы были получены, — продолжал генерал, — и среди них эта вот схема (упоминалась выше. — *Авт.*), ставившая задачи частям Национальной народной армии ГДР, которые должны были войти в Польшу. Подобные документы передала польскому сейму и специальная Следственная комиссия чешского парламента. В них даже отмечалось, что в чехословацких дивизиях, которым надлежало осуществить вторжение, солдат, менее «благонадежных», заменили на вполне достойных политического доверия. Сами же дивизии были снабжены дубинками, водяными пушками, слезоточивыми газами и т. п. Готовность обеих армий к интервенции в Польшу сохранялась до половины 1982 года. Трудно предположить, что это могло происходить без ведома и против воли советского главнокомандования Варшавского договора, представители которого, вплоть до уровня дивизии, находились в этих армиях. Тем более что начальник Генерального штаба вооруженных сил Российской Федерации генерал Дубынин в интервью, опубликованном в № 26 от 1993 года журнала «Новое время», подтверждает, что такие приготовления велись и в советской армии». (*Ярузельский В.* Указ. соч., с. 21—22. См. также: *Jaruzelski W.* Stan wojenny. Dla czego? Warszawa, 1992).

Комментарий: Концепция «блефа»: никаких реальных планов вторжения в Польшу якобы не было — стала распространяться в Восточной Европе и в России (см., в частности, серию работ ветерана внешней разведки В. Павлова[1]) сразу после распада СССР и незадолго до появления книги Буковского, например, в одном из первых сборников статей и материалов такого рода — «Холодная война. Новые подходы, новые документы» (М., 1995).

Один из авторов этого сборника бывший «гэдеэровец» М. Крэмер за год до появления работы Буковского писал: шумиха относительно «вторжения» с ее демонстративными перемещениями войск у границ Польши в СССР, ГДР и Чехословакии «была рассчитана на то, чтобы запугать поляков. Однако сами по себе эти приготовления вовсе не означали того (так в тексте? — *Авт.*), что Политбюро когда-либо принимало окончательное решение о вторжении…» (там же, с. 133).

Буковский: «Вопрос о том, насколько реальна была угроза советского вторжения, — ключевой вопрос польского кризиса. От него зависело и поведение лидеров «Солидарности», и реакция поляков на введение военного положения, и поведение Запада. Продолжал он оставаться предметом острых дебатов и после крушения режима, в период «круглого стола» лидеров «Солидарности» с партийной верхушкой весной 1989 года, определившего нынешнее положение в Польше. Даже

---

[1] *Павлов В.* Руководители Польши глазами разведчика. Кризисные 1973—1984 годы. М., «Терра», 1998; *Он же.* Сезам, откройся! Тайные разведывательные операции. Из воспоминаний ветерана внешней разведки. М., «Терра», 1999 и др.

теперь, когда часть приведенных здесь протоколов политбюро уже опубликована в Польше, общественное мнение склоняется к тому, что Ярузельский был этаким героем, спасшим страну от ужасов советской оккупации и связанного с ней кровопролития, национального унижения, а то и потери государственности. Даже после того, как выяснилось, что Москва никакого вторжения не готовила, поляки по-прежнему склонны верить, что Ярузельский об этом не знал, а значит, все равно был героем, субъективно «спасавшим Польшу». Нужно ли говорить, что это типичная ложь самооправдания, оказавшаяся удобной большинству: и бывшим коммунистическим деятелям, и огромному числу поляков, так или иначе принявших военное положение как «меньшее зло», и даже бывшим лидерам «Солидарности» — для оправдания своего сговора с партийной верхушкой за «круглым столом». Так и живет в Варшаве «спаситель отечества», отец народа Войцех Ярузельский.

Не знаю, все ли документы политбюро были опубликованы в Польше, но те, что лежат передо мной, не оставляют ни малейших сомнений: и Москва никакого вторжения не готовила, и Ярузельский отлично об этом знал. Более того, не слишком доверяя польской армии, он сам к концу 1981 года неоднократно просил о вводе советских войск, но получил решительный отказ Кремля. И ввел военное положение, только убедившись, что «военной помощи» от Москвы не получит» (*Буковский Вл.* Указ. соч., с. 402—403).

Ярузельский: «Посмотрите мою книгу о военном положении (Stan wojenny. — *Авт.*). Правда, я написал ее в 1991 году, когда знал куда меньше, чем знаю сегодня. Но и в ней содержится много информации, которая проясняет суть дела. А она в том, что ситуация в Польше начала 80-х дошла до той последней черты, за которой национальная катастрофа уже неотвратима. Причем катастрофа, я бы сказал, многоплановая. Во-первых, в стране воцарилась анархия. Ни ЦК ПОРП и правительство, ни «Солидарность», ни Костел[1] — никто не владел ситуацией, выходившей из-под контроля. Назревала, надвигалась конфронтация, грозившая братоубийственным конфликтом. Получалось как в древнегреческой трагедии: все видят, что несчастье приближается неотступно, но не в состоянии его предотвратить. Во-вторых, населению угрожали голод, холод, темнота. Иссякли запасы энергии, не хватало топлива, не стало необходимых для жизни продуктов и товаров. Действительно, катастрофа. И не просто экономическая, но уже — учитывая, что была зима, — и биологическая. И тогда мы получаем своего рода советский ультиматум. Из него вытекает: если у нас положение не наладится, то с 1 января 1982 г. СССР резко сокращает поставки в Польшу нефти, газа, а также других видов сырья и разных товаров — одним словом, всего, что нужно не только для нормального жизнеобеспечения страны, но для элементарного выживания людей. Такая угроза своеобразной блокады над нами висела до тех пор, пока мы не ввели военное положение» (*Ярузельский В.* Указ. соч., с. 24—25).

Отвечает генерал и на обвинения в «меньшем зле» — военном положении: «Это был черный сценарий для всех. Потому я и говорю о военном положении как меньшем зле, благодаря которому удалось стабилизировать ситуацию. Дать людям хлеб и тепло, энергию и еще кое-что из того элементарного, что необходимо для жизни. А сверх этого — успокоить соседей, союзников, убедить их в том, что мы сами в

---

[1] Справедливость слов генерала — «Костел растерялся» — подтверждает А. С. Ципко, в те драматические дни — советский стажер в Польской академии наук. По просьбе председателя клуба католической интеллигенции А. Веловейского он привез в Москву просьбу Костела принять его представителя в январе 1981 г. в столице СССР председателем КГБ СССР Андроповым. Но его первый заместитель Ф. Д. Бобков ответил «общественному посреднику» Ципко: «Руководство СССР не пойдет на сотрудничество с польским католическим Костелом» («Независимая газета», 5.07.2001).

состоянии справиться со своими бедами. Но и меньшее зло все равно остается злом. Я никогда не скрываю этого. Как и того, что для меня оно — моя личная драма, хотя я и считал, и по сегодня считаю: не сделай мы такого шага, нам угрожало бы самое страшное — национальная катастрофа» (там же, с. 25).

Комментарий: Конечно, генерал и тогда, и сегодня, в отличие от Буковского и его друзей из «Солидарности», мыслил не эмоционально, а рационалистически. Более того — рационально-геостратегически. В отличие от биолога Буковского и уж тем более электромонтера Леха Валенсы он слишком хорошо знал историю Польши в ее отношениях с соседями. Он понимал, что Сталин не только идеологически, он геостратегически в 1945 г. навечно привязал Польшу к СССР (России), передав ей восточногерманские земли и обеспечив выход к Балтийскому морю не через узкую «кишку» — Данцигский коридор, как это сделали творцы Версальской системы 1919—1939 гг., — а «выделив» полноценное морское побережье с портами. А это уже не коммунизм — это геополитика, и польская Померания навсегда останется у Польши, пока геостратегически она дружит с СССР (так оно и случилось даже после того, как две Германии объединились в одну, но Померания осталась у Польши, а Калининградская область — у России).

Понимал генерал и другое. Тот «удручающий политический нажим и потенциальная угроза вмешательства», что тогда исходила от «кремлевских старцев», были продиктованы не столько их идеологическим маразмом, сколько доставшимся им от Сталина в 1945 г. и подтвержденным подписью Брежнева в Хельсинки в 1975 г. «антагонистически разделенной Европой, разделенного на военные блоки мира». Ведь по большому счету Ярузельский оказался гораздо более прозорливым крупным польским политическим деятелем, чем его оппоненты из «Солидарности», в конечном итоге проигравшие все — даже пост президента страны, на котором всего один срок сумел усидеть их ставленник Лех Валенса.

И спустя почти двадцать лет после тех драматических событий военного переворота генерал оказался более прав, чем полностью растерявшийся от глобальных изменений в мире бывший советский диссидент, способный разве что «харкнуть в морду всей этой нечисти — и на Востоке ли, на Западе, — что лишила мою жизнь смысла».

Ярузельского не лишила, и в беседе с публицистом В. Оскоцким он и в августе 1999 г. остался реалистом и прагматиком: «И если Польша с ее ключевым геостратегическим положением оказалась в состоянии хаоса, разложения, экономического инфаркта и сопутствующего им острого антисоветизма, то на пике всего этого, вместе взятого, советские лидеры не просто захотели бы ввести войска в Польшу, а в какой-то момент по логике того времени посчитали бы себя вынужденными предпринять эти действия. Вот почему мне кажется уместным такое допущение: будь я одним из советских маршалов и генералов, то, глядя на карту, думал бы и беспокоился, вероятно, так же, как они: развал в Польше угрожает европейской и мировой стабильности. Хороша или плоха эта стабильность — другой вопрос. Совершенно другой. Но, кстати, парадокс исторический: патологическая ситуация, разъявшая единый мир на два лагеря, выглядела стабильной, а возможная дестабилизация ее — катастрофической» (*там же*).

В той же очень интересной и содержательной беседе с Валентином Оскоцким в 1999 г. Ярузельский обратил внимание на еще один аспект польского кризиса, совершенно не отраженный в книге Буковского, хотя материалы об этом в архивах Политбюро, МИД и КГБ СССР есть, и их использовал, в частности, *А. В. Шубин* (указ.соч., с. 54—59) — позицию США и их партнеров по НАТО в Западной Европе.

Американцы, как, впрочем, и «старцы» в Кремле, не знали *точной даты* военного переворота, но составленным еще в начале 1980 г. его *точным планом* они располагали за полтора месяца до введения военного положения. Этот план, сообщает Ярузельский, им доставил один из участников его разработки полковник Генерального штаба Войска Польского, аккурат в ноябре 1981 г. перебежавший к американцам. Стало быть, сам план переворота им был известен в деталях заранее — и об аресте лидеров «Солидарности» они знали заранее. Так почему же не предупредили их своевременно, по существу, сдав свою клиентуру заклятому противнику?

Ярузельский не развивает эту тему подробно, но чувствуется из текста беседы — генерал знает гораздо больше, чем говорит. Отговорка у него самая что ни на есть «гуманная»: «не хочу обвинять, творить демонов из Брежнева, Суслова, Устинова, тем более что их нет в живых» (там же). Но он намекает — спецслужбы США и НАТО были заинтересованы в перевороте Ярузельского ничуть не менее, чем спецслужбы СССР, — никто из сверхдержав анархии в Польше не хотел, и «Солидарность» начала мешать не только Кремлю, но и Вашингтону.

Из этих полуоткровений Ярузельского нетрудно сделать вывод: как и по поводу Афганистана в июне 1982 г., так и по поводу Польши еще ранее между СССР и США и их союзниками в Европе наверняка имелся постоянный негласный контакт. И, по-видимому, спецслужбам в последний момент (причем, в случае США — за спиной самого президента Рейгана, но при участии госсекретаря Александра Хейга, которого, что-то узнав, Рейган в июне 1982 г. выгнал и заменил на более послушного Д. Шульца) удалось договориться временно не вмешиваться в дела Польши.

* * *

В тех глобальных изменениях в мире, что произошли на рубеже 80—90-х гг. прошлого века, «казус Ярузельского» в Польше в 1981—1983 гг. интересен не только как *историческое событие,* но и как урок компромиссного решения сложнейших геополитических проблем Европы по тогдашней «оси Восток — Запад».

То, что американцы (в отличие от 1863 г., когда Франция и Англия едва не объявили России «вторую крымскую войну», защищая польских инсургентов), как и «кремлевские старцы», молчаливо согласились на военный переворот генерала Ярузельского и обоюдно предоставили ему «свободу рук» для наведения порядка, свидетельствует — *дух Ялты 1945 г. сохранялся,* а партнерские контакты двух спецслужб — ЦРУ и КГБ — позволяли «решать вопросы».

И когда угроза новой войны в Европе (или борьба с международным терроризмом в Азии) становится реальностью, США и СССР (Россия), не колеблясь, бросают демшизу на произвол судьбы — «Солидарность» в Польше 13 декабря 1981 г. или «Яблоко» и СПС в России на думских выборах 7 декабря 2004 г. как марионеток, играющих лишь вспомогательную роль в мировой геополитике.

«ИМПЕРИЯ ЗЛА», или АМЕРИКАНСКИЙ КОВБОЙ НЕДОВОЛЕН

Военный переворот 13 декабря 1981 г., геополитически сохранивший Польшу в составе Варшавского Договора и, стало быть, выгодный Кремлю, вызвал резкое ухудшение отношений между США и СССР; инициатором ухудшения выступил *Рональд Рейган.*

Бывший помощник президента Рональда Рейгана по вопросам национальной безопасности известный американский историк *Ричард Пайпс* позднее вспоминал о

реакции главы США на переворот 13 декабря: «Президент был разъярен. Он сказал: «Мы должны крепко ударить и спасти «Солидарность»[1].

Амбиции у Рейгана тогда были глобальными: ни мало ни много, он собирался… отменить Ялтинско-Потсдамско-Хельсинкскую систему раздела «сфер влияния» в Европе, оторвав Польшу от «империи зла» — СССР.

Переворот Ярузельского и «предательство» его собственного госсекретаря А. Хейга сорвали эти амбиции, но не охладили голову ковбоя из культового американского кинофильма «Великолепная семерка».

В декабре 1981 г. Рейган объявил о введении экономических санкций: 17 декабря против Польши, 29 декабря — против СССР. С поляками резко сократили торговый обмен, но главный удар был нанесен по Советскому Союзу: сократили количество рейсов «Аэрофлота» в США, свернули работу советской закупочной комиссии (закупки зерна), запретили американским фирмам участвовать в поисках нефти на континентальном шельфе о. Сахалин и т. д. Особое внимание в этих санкциях уделялось бойкоту импортных поставок нефтегазового оборудования для газопровода Уренгой — Помары — Ужгород — Западная Европа, в частности поставкам 20 млн. импортных стальных труб большого диаметра.

Волевая акция Рейгана больно ударила по финансово-экономическим интересам более 60 американских фирм, сотрудничавших с СССР. Только «Катерпиллер трактор» потерял сразу 90 млн. долл., а «Дженерал электрик» еще больше — 175 млн. (*Швейцер П.* Указ. соч., с. 191). Но Рейгану этого показалось мало — он решил привлечь к экономической блокаде СССР союзников США по НАТО в Западной Европе, предложив им отказаться от советского газа в обмен на американский уголь для европейских ТЭЦ. Однако коса нашла на камень: западноевропейцы не горели желанием таскать каштаны для американского «ковбоя». В январе 1982 г. на встрече министров иностранных дел стран — участниц НАТО был как будто бы найден компромисс: западноевропейские фирмы продолжат выполнение своих обязательств по проекту «газ — трубы», но не станут перехватывать заказы, от которых отказались американцы. Однако на практике европейские фирмы обманули Рейгана. Пользуясь в слишком общих выражениях составленным коммюнике министров стран НАТО, они начали именно перехват заказов американских фирм.

Тогда Рейган перешел в открытую атаку на союзников по НАТО. 4—6 июня 1982 г. на саммите «семерки» в Версале под Парижем от потребовал прекратить финансирование проекта «газ — трубы». В ответ канцлер ФРГ Шмидт и президент Франции Миттеран демонстративно ушли с заключительного приема по случаю закрытия саммита, тем самым давая понять «ковбою», что он зарвался. В ответ на такой вызывающий демарш Рейган, вернувшись в США, решил наказать союзников. 18 июня 1982 г. по его предложению Совет национальной безопасности США принял президентскую рекомендацию о прекращении выделения субсидий и аннулировании американских лицензий по новой технологии для тех европейских фирм, которые продолжали работу с СССР по проекту «газ — трубы».

Но на этот раз возмутились не только Шмидт и Миттеран, но и верная союзница США премьер Великобритании Маргарет Тэтчер. Она прямо сказала «ковбою»: «Ваш закон для нас — не закон». В западноевропейской прессе появились антиамериканские статьи, где Рейгана прямо обвиняли в политике двойных стандартов: Брежнева он клеймит как «хозяина» Польши, а сам Рейган желает быть «хозяином» Западной Европы. В самой администрации Рейгана начались раздоры. Был отправлен в отставку

---

[1] Цит. по: *Швейцер П.* Победа. Сб. воспоминаний членов администрации Рейгана, 1981—1986 гг. Минск, 1995, с. 129.

госсекретарь Александр Хейг. Но и более покладистый новый госсекретарь Шульц понимал — продолжение «ковбойской атаки» по введению эмбарго против СССР любой ценой грозит серьезным кризисом в НАТО.

В итоге Рейган вынужден был капитулировать: на очередном саммите «семерки» в Европе 13 октября 1982 г. американцы объявили об отмене санкций в отношении европейских фирм, задействованных в проекте «газ — трубы». В обмен «ковбой» получил весьма туманное обещание европейцев не заключать впредь подобных масштабных экономических соглашений с СССР, но проект «газ — трубы» Рейган милостиво разрешил довести до конца (в реальности же американцы продолжали чинить помехи строительству газопровода и сумели задержать его ввод в действие на два года, до 1985 г.).

Но в целом это был крупный провал во внешней политике Рейгана, не только проигравшего свою первую схватку с СССР, но и столкнувшегося с твердой независимой политикой стран Европейского экономического сообщества (ЕЭС). По существу, с 1983 г. ЕЭС ведет отсчет своей позиции «третьей силы» в мировой политике, которая уже в 90-х гг. приведет к введению альтернативного доллару *экю* (затем — *евро*), а также обеспечит альтернативный источник получения энергоносителей (газа) из СССР (России), что существенно ослабит зависимость Западной Европы от нефтяных шейхов Востока и угля из США.

Более того, «газовая пуповина» из СССР (России) надолго свяжет геополитические интересы Запада и Востока Европы, ибо станет важнейшим фактором энергетической независимости ЕЭС — ЕС (до 30 % потребления всех энергоносителей), к тому же продаваемых СССР (РФ) на 20—25 % ниже уровня мировых цен на газ.

В целом, в геополитическом плане, военный переворот Ярузельского в Польше (что, впрочем, в 1981—1983 гг. стоило СССР финансовой помощи генералу по 3—4 млрд. долл. в год) и «аттанде», данное «ковбою» в те же годы, стали одним из последних ощутимых внешнеполитических успехов периода *застоя*. Однако воспользоваться им «старцы» из Кремля уже не успели — один за другим они стали отходить в мир иной.

СТАГНАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЦРУ

С началом 80-х гг. на «кремлевских старцев» нисходит как бы всеобщий мор: в декабре 1980 г. умирает Косыгин, в 1982 г. — сразу два столпа *застоя* — Суслов (январь) и Брежнев (ноябрь), в мае 1983 г. — Пельше, в 1984 г. — Андропов (февраль) и Устинов (декабрь), в марте 1985 г. — последний генсек «застоя» Черненко. Всем устраиваются торжественные государственные похороны, погребение на Красной площади у Кремлевской стены, в СССР непрерывной чередой идут траурные митинги и собрания. Такое впечатление, что главной задачей советских граждан теперь является участие в похоронных процессиях.

Между тем игра в «большую политику» и гонка вооружений с США и Китаем в первой половине 80-х гг. проходят в условиях экономической стагнации, полного паралича госторговли (граждане не покупают, а «достают»), воровства (пресловутые «несуны») и поголовного пьянства мужского населения. Андроповский выдвиженец член Политбюро *Виталий Воротников*, в 1983—1988 гг. председатель Совмина РСФСР, пишет в своих мемуарах «А было это так…» о последних годах *застоя*: «Многих, в том числе и нас, членов ЦК, руководителей ряда областей и министерств, поражали равнодушие и бездеятельность высших партийных и государственных структур,

молчаливо взиравших, как страна теряет темпы развития. Хотя чему было удивляться? Л. И. Брежнев был неработоспособен уже много лет»[1].

Но субъективный фактор — катастрофическое постарение брежневского руководства — наложился в 70-х — начале 80-х гг. XX в. на *качественные изменения* в глобальной мировой экономике. Именно в этот период заканчивается деятельность цикла *экстенсивного развития* экономики мира, начавшегося еще в XVIII в. и выражавшегося классической формулой тогдашних натурфилософов — «Человек — царь природы». К середине XX в., однако, выяснилось, что отдача природой своих ресурсов «царю» — угля, нефти, газа, цветных металлов и т. п. — не беспредельна и имеет свои «пределы роста» (именно так — «Пределы роста» — назывался знаменитый доклад ученых-экспертов Римского клуба в 1972 г., предсказавших кризис традиционной экстенсивно-сырьевой экономики[2]).

Первыми эти «пределы роста» почувствовали еще в 60-х гг. западные индустриально развитые страны, прежде всего страны ЕЭС и Япония. Исторически лишенные крупных запасов энергетического сырья и потерявшие прежний безоглядный контроль над сырьевыми ресурсами бывших колоний (Великобритания, Франция, Бельгия), они попытались было выйти из кризиса за счет урезания социальных программ и программ на образование, что вызвало массовые протесты трудящихся и «бунт» молодежи во Франции, ФРГ и даже в США. Ситуация с «пределами роста» еще более обострилась, когда страны-поставщики дешевой сырой нефти, объединившиеся в ОПЕК, резко повысили на нее цену, чем вызвали невиданный с 1929—1933 гг. энергетический кризис 1973—1975 гг. в Западной Европе и в США (нехватку бензина).

То, что СССР умело воспользовался этим кризисом и значительно увеличил приток нефтедолларов в свою экономику (подобное случилось и при В. В. Путине в 2000—2003 гг. в связи с общемировым ростом цен на нефть), общую ситуацию с прогрессирующим кризисом советского народного хозяйства не улучшило. Дело в том, что добыча нефти и газа в СССР становилась все более и более трудоемким делом: для газа нужны были стальные трубы большого диаметра, выпуск которых советская металлургия все никак не могла освоить, а за нефтью надо было добираться во все большие и большие глубины, технологии для которой (опять же все тех же труб) в СССР не хватало. Советские нефтяники и газовики все более и более зависели от импорта оборудования из тех же западных стран, с которыми ЦК КПСС находился в непримиримой идеологической «холодной войне», особенно на ее втором, «рейгановском этапе», в 1981—1986 гг.

Аналитики ЦРУ подметили эту тенденцию — «накладные расходы» на добычу нефти в СССР, основного источника валюты, неуклонно росли: в начале 70-х гг. они составляли всего 4,6 млрд. долл. в год, в 1976—1978 гг. — уже 6 млрд., а к началу 80-х гг. достигли 9 млрд. (*Швейцер П.* Указ. соч., с. 100). Вывозимая нефть становилась все более «золотой», ибо расширение ее добычи начинало перекрывать валютные поступления от ее продажи за рубеж, имея в виду, что часть нефти бесплатно надо было отдавать на «братскую помощь» Кубе, Вьетнаму, Польше и др.

Положение в промышленности СССР в целом усугублялось катастрофическим износом оборудования. Не только нефтегазовая — вся индустрия СССР трещала по швам. К 1980 г. каждая третья единица оборудования (станок, электромотор, котел и т. п.) уже исчерпала свой физический ресурс, переработав в два — три раза свой технологический срок. Особенно плохо обстояли дела в промышленности группы Б —

---

[1] *Воротников В. И.* А было это так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995, с. 14.

[2] Доклад неоднократно излагался в публикациях в СССР (РФ). Одну из наиболее подробных версий доклада см.: *Медоуз Д. Х. и др.* Пределы роста. М., 1991.

даже в Москве на ткацких фабриках в 80-х гг. стояли станки, вывезенные в порядке репараций из Германии в 1945—1947 гг. И это при том, что современная промышленная технология требовала 100-процентного обновления оборудования каждые 7—10 лет (в СССР теоретически этот норматив был определен Госпланом в 13 лет). Конечно, местные умельцы — «левши» латали станки и механизмы как умели, благо и дома на своих личных «Москвичах» и «Победах» они ездили по 20—25 лет с помощью дворового слесаря «дяди Васи» (плата в бутылках).

Но вечно так продолжаться не могло: к 1985 г. износ оборудования в тяжелой промышленности в целом достиг 42%, в том числе в топливной — 47%, в черной металлургии 45% и т. д. (*Шубин А. В.* Указ. соч., с. 116). И никакой «дядя Вася» с кусачками и разводным ключом не мог уже вдохнуть вторую жизнь в доменную или мартеновскую печь, если она дважды выработала свой технологический ресурс. Советские экономисты еще в 70-х гг. забили по этому поводу тревогу, а некоторые из них, отчаявшись достучаться до «кремлевских старцев», начали публиковать свои тревожные выкладки в «тамиздате».

Один из них — *Владимир Сокирко* — еще в 1984 г. в Париже опубликовал обширный трактат «Экономика 1990 года: что нас ждет?» И оказалось — ничего хорошего нас не ждет: «В 1985—1990 гг. прирост национального дохода станет меньше прироста населения, — писал автор, — и страна начнет нищать: не относительно других стран, а абсолютно, и не по отдельным группам населения, а в целом… это откроет эру социальных потрясений». И это был не апокалипсический публицистический прогноз диссидента-гуманитария *Андрея Амальрика* из его памфлета «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (1969 г.), а трезвый анализ хорошо эрудированного экономиста, чьи предсказания об «эре социальных потрясений», увы, сбылись почти на сто процентов.

Положение усугублялось тем, что СССР, несмотря на идеологическую «холодную войну», никогда, со времен прекращения Антантой в январе 1920 г. экономической блокады Советской России, не выходил (подобно Японии до середины XIX в.) из мирового экономико-технологического пространства. Другое дело, что он участвовал в нем другими методами, нежели Запад, — не через их «свободный рынок» государственно-частных компаний или крупных корпораций (как при Ельцине и Путине, скажем, «Газпром», «Лукойл» или РАО ЕЭС), а через государственные монопольные учреждения типа Внешторга, ГКЭС и всевозможных В/О, подобных, «Машиноимпорту» и др., ибо и в СССР всегда существовал свой *рынок*, только *бюрократический.*

В США довольно быстро зафиксировали этот порочный замкнутый круг советской экономики второй половины 70-х — начала 80-х гг., и ЦРУ вооружило Рейгана новой рекомендацией: «Советы, если они хотят увеличить или удержать на нынешнем уровне производство некоторых видов натурального сырья (нефти, газа. — *Авт.*), должны привлекать капитал и технологию с Запада» (цит. по: *Швейцер П.* Указ. соч., с. 182). Рейган, озлобленный на СССР и союзников по НАТО за свой провал в 1981 г. из-за Польши и продолжение реализации проекта «газ — трубы» в Западную Европу, отреагировал на доклад ЦРУ немедленно. В ноябре 1982 г. он подписывает Директиву № 66, в которой стратегической целью политики США ставится задача подрыва сырьевого комплекса СССР. Одновременно технологическая блокада Кремля увязывалась с подрывной деятельностью ЦРУ и других американских спецслужб в «соцлагере» — об этом гласила другая директива № 75 (январь 1983 г.), на что выделялась гигантская по тем временам сумма в 108 млн. долл. Позднее его помощник по национальной безопасности проф. Ричард Пайпс так формулировал суть обеих директив, в разработке которых он принимал непосредственное участие: «Нашей

следующей целью является уже не сосуществование с СССР, а изменение советской системы; в основе директивы (№ 75. — *Авт.*) лежала убежденность, что изменение советской системы с помощью внешнего нажима вполне в наших силах»[1].

8 марта 1983 г. Рейган идеологически обосновал эти экономические и политические репрессивные меры, обозвав публично СССР *империей зла* и добавив: «Я считаю, что коммунизм — это очередная скорбная, нелепая глава человеческой истории, чьи последние страницы дописываются уже сейчас»[2]. В исторической ретроспективе все эти идеологические изыски «калифорнийского ковбоя», во многом подсказанные его советниками (в частности, многолетним исследователем истории России и СССР проф. Р. Пайпсом), сильно напоминали эскапады Ленина — Троцкого против мирового империализма — их «империи зла». Самым же смешным в декларациях Рейгана было то, что он взял в союзники… Карла Маркса, и, подобно Троцкому в эмиграции, громил советскую послесталинскую экономику с позиций «марксизма»: «Мы видим, что в СССР политическая структура не соответствует экономической базе, что производительные силы общества сковываются политическими силами» (там же, с. 101). Если вырвать из контекста эту фразу, то и не поймешь — кто ее автор? Уж очень похоже на цитату из «Преданной революции» (1936 г.) Льва Троцкого…

Тем не менее на первых порах Рейгану удалось существенно помешать советскому импорту новых технологий (их объем сократился только из США с 32,7% — на 219 млн. долл. в 1975 г., до 5,4% — на 39 млн. в 1983 г., да еще на 200 млн. долл. технологий осело на таможнях стран ЕЭС, не пропущенных как запрещенный стратегический товар), а также сильно напугать «кремлевских старцев», не ожидавших после Хельсинки-75 от американцев такой прыти. Запретительные акции были дополнены грандиозным пропагандистским блефом Рейгана — 23 марта 1983 г. он объявил о начале программы СОИ — Стратегической оборонной инициативы (программа «звездных войн»), опрокидывающей весь прежний паритет США — СССР в гонке вооружений и выводящей всю стратегию обороны на новый, космический уровень, где выигрывал тот, у кого больше мощных компьютеров.

Понятен первоначальный испуг «старцев»: у них не то что с СОИ — с созданием не космической, а вполне земной ЦАСУ — Центральной автоматизированной системой управления гражданской экономикой ничего не получилось даже в 70-х гг. — СССР не обладал еще тогда необходимой компьютерной техникой.

Первоначально *Ю. В. Андропов*, сменивший умершего Брежнева в ноябре 1982 г. на посту генсека ЦК КПСС, пытался «умаслить» Рейгана рядом существенных внешнеполитических уступок. Вскоре после обнародования Директивы № 66 Андропов порекомендовал Ярузельскому смягчить режим военного положения в Польше (31 декабря 1982 г. этот режим был «приостановлен», а 22 июля 1983 г. отменен совсем). В ответ на Директиву № 75 Андропов объявил о готовности СССР демонтировать в Европе советские ракеты СС-20, оставив лишь паритетное французским и английским их число. Попытка решить проблему нового витка гонки вооружений (в СССР также началась ускоренная разработка «своих» СОИ) путем личной встречи Рейгана с Андроповым (июль 1983 г.) успеха не принесла — генсек от встречи с «ковбоем» уклонился.

К тому времени внешнеэкономической разведке КГБ СССР в США уже удалось выяснить, что весь этот проект с СОИ — не более чем пропагандистский блеф администрации Рейгана, сродни проекту председателя Коминтерна *Григория Зиновьева* в середине 20-х гг. по использованию «лучей Шамбалы» в Гималаях по «нейтрализации»

---

[1] Цит. по: *Широнин Вл.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996, с. 104.
[2] *Рейган Рональд.* Откровенно говоря (мемуары). М., 1989, с. 162.

мозгов мировой буржуазии (направили за счет Коминтерна в Гималаи специальную экспедицию во главе с великим и ученым-индологом *Николаем Рерихом*, прикомандировав к нему известного «перса» Якова Блюмкина)[1].

На практике у Рейгана не оказалось необходимых средств, чтобы за свой второй (и последний) президентский срок освоить качественно новое «оружие звездных войн». Не удалась ему и полная блокада ввоза в СССР новых технологий — они через третьи страны и подставные фирмы КГБ все равно доставлялись в СССР. В итоге, хотя и с большим трудом, но СССР к 1987 г. достроил и вторую очередь газопровода Уренгой — Западная Европа, что дало Кремлю дополнительные валютные средства.

Но и эта небольшая победа в традиционном противоборстве двух разведок — КГБ и ЦРУ — не изменила тяжелую экономическую и социальную ситуацию в СССР в целом. Новым осложняющим фактором этой ситуации становится неведомая при Сталине внутрипартийная борьба центральных и региональных элит в верхушке КПСС, внешне воскресавшая борьбу «гимназистов» и «семинаристов» во времена нэпа.

МОСКОВСКИЕ «ГИМНАЗИСТЫ» И РЕГИОНАЛЬНЫЕ «СЕМИНАРИСТЫ» 60—80-х гг.

«Брежневский застой» в определенном смысле можно сравнить с эпохой контрреформ в царствование Александра III (1881—1894): во всех сферах жизни империи ставка была сделана на *стабильность*.

Столичная (московская) и региональная (периферийная) бюрократия (партгосхозноменклатура), избавившись от постоянного смертельного страха сталинских репрессий и хрущевского «дерганья», постепенно внедрила этакратический тоталитарный *режим*, который с 1965 г. установился в СССР и во всех «братских» странах социализма.

В принципе по своей властной функции этот слой *номенклатуры* был характерен для всех промышленно-развитых стран мира, разве что на Западе чиновников-управленцев называли по-другому: *менеджерами* (США и Англия), P-DG (président-directeur général — ПДЖ — президент банка — генеральный директор компании — Франция).

В условиях кризиса традиционной экстенсивно-сырьевой экономики, роста социальной направленности и повышения уровня управляемости за счет усиления роли *центра* в некоторых странах «семерки» еще в 60-х гг. были сделаны попытки скопировать советскую партийно-государственную управленческую систему. В частности, в 1958—1968 гг. это попытался сделать президент Франции генерал *Шарль де Голль* путем превращения своей голлистской партии в правящую с обязательным членством в ней всех крупных чиновников в столице и на местах. То, что этот эксперимент в начале 70-х гг. продолжил преемник генерала *Жорж Помпиду*, а бывший лидер молодежного голлистского движения и мэр Парижа президент Франции в 1995—2002 гг. *Жак Ширак* до самого конца своей первой легислатуры демонстрировал свои кадровые симпатии в пользу голлистов, свидетельствует: не все западные лидеры видели в *брежневском застое*, подобно Рейгану, «империю зла» — иные были не прочь заимствовать в СССР политическую технологию управления государством[2].

Судя по интервью, публиковавшимся в 60-х гг. во французской экономической прессе с ПДЖ, посетившими СССР, их особенно привлекала относительная самостоятельность советских директоров предприятий, особенно крупных, слабая роль профсоюзов на них (во Франции уже давно, с послевоенной поры, существовали «комитеты предприятий»

---

[1] См.: *Шишкин О.* Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., ОЛМА-Пресс, 2000.

[2] См.: *Сироткин В. Г.* История Франции: Пятая Республика (учебное пособие). М., Высшая школа, 1989.

— арбитражные органы администрации и профсоюзов) и относительно низкие расходы на зарплату трудящимся. Наоборот, французский ПДЖ с удивлением взирал на заводские ясли — детские сады, заводские пионерлагеря и заводские дома отдыха и санатории, причем нередко последние — за тысячи километров от завода-гиганта, на побережье Черного моря. К чему вся эта, как говорят русские, «социалка», — думал он, — ведь она снижает рентабельность и прибыль?

Конечно, от иностранца, да еще, как правило, не владевшего русским языком, ускользала реальная суть положения и технология рычагов управления советского директора-менеджера. Да, он читал во французских и других специализированных экономических изданиях на Западе о либеральной реформе советской экономики Косыгина (на Западе ее чаще называли реформой Косыгина — Либермана, экономиста-хозяйственника из Харькова) в 1965—1966 гг. Да, он мог лично отметить: видел, что директор-хозяйственник в СССР стал гораздо более автономен в принятии решений, чем при Сталине и даже Хрущеве. Более того, западная пресса полна была тогда публикациями о *неонэпе*, т. е. о якобы стремлении послехрущевского руководства осуществить *экономическую конвергенцию* двух систем (об этой конвергенции много лет спустя, уже в «демократической» России, образно сказал мэр Москвы *Юрий Лужков* — «работать по-капиталистически, а расходовать по-социалистически»). Похожие публикации о неонэпе появились и в СССР (акад. Ю. А. Поляков, доктор исторических наук В. П. Дмитренко[1] и др.). Однако и зарубежные, и отечественные авторы явно стремились выдать желаемое за действительное.

Дело в том, что косыгинско-либермановские понятия «хозрасчет» и «прибыль» не имели ничего общего с их западными аналогами: в СССР прибыль шла не «снизу», а «сверху» — она устанавливалась министерствами и ведомствами для каждого предприятия, причем не по *качественным*, а по *количественным* показателям. Очень образно об этом принципиальном различии двух совершенно разных по своей сути *прибылях* сказал один из «прорабов перестройки» *Виталий Найшуль*: «Разница между социалистической прибылью и прибылью настоящей такая же, как между милостивым государем и государем»[2].

В реальности же никакой «конвергенции» и «работы по-капиталистически» не получилось, ибо освобожденные от страха сталинского расстрела или шелепинских проскрипций через КПК советские ПДЖ — директора — немедленно занялись *очковтирательством*: они «накручивали» количественные показатели «прибыли», т. е. попросту завышали цены на свою продукцию, качество которой по-прежнему оставалось низким. Поскольку ведомственно-отраслевой принцип, по которому со времен 30-х гг. развивалась советская экономика, поощрял отраслевой монополизм, потребителю некуда было деться: или покупать ту же устаревшую продукцию по новой завышенной цене, или оставаться ни с чем. В итоге реальными итогами косыгинско-либермановской «конвергенции» стали *рост инфляции* в СССР да еще образование *клана министерско-директорской отраслевой бюрократии,* которая начала диктовать свои «правила игры» даже высшей номенклатуре ЦК КПСС и Совмину СССР.

Воспользовавшись правом самим определять в рамках общих пятилеток, утвержденных съездом партии, распределение и географическое направление капиталовложений в рамках своей отрасли, руководители министерств приобрели определенную финансово-экономическую автономию и начали активно отстаивать свои корпоративные интересы, нередко не считаясь даже с собственным отраслевым

---

[1] См., напр.: *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924 гг. М., 1971.

[2] *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. Сб. статей. М., 1991, с. 58.

директорским корпусом[1]. Уже с 1969 г. «диктатура» отраслевых министерств стала вызывать недовольство «региональных баронов» (секретарей обкомов) и даже директоров местных крупных отраслевых предприятий, недовольных несправедливым, по их мнению, дележом министерского «финансового пирога». Кроме того, любой директор знал — его министр далеко, в Москве, а местный «министр» (первый секретарь обкома) — вот он, под боком.

Пока был жив и деятелен премьер Косыгин, он своих министров — членов его кабинета — особо в обиду не давал. Но недовольство «снизу» нарастало. С начала 70-х гг. оно выплеснулось на региональные отчетно-выборные партийные конференции и партхозактивы. Обкомовских представителей все чаще и чаще стали поддерживать директора местных отраслевых заводов, нередко критикуя собственных министров за скупое выделение ресурсов, «канцелярско-бюрократический стиль работы», за «зажим» средств на «социалку», особенно на жилье, что порождало в ряде регионов проблемы с привлечением рабочей силы и т. п. Критикуя, директора знали: их министру не так-то легко снять их с работы, ибо еще при Хрущеве установилось правило — назначение-снятие надо согласовывать с местным обкомом, а там еще как посмотрят.

Директоров активно поддерживали аграрии — директора совхозов и председатели колхозов, привычно жалуясь на отсутствие новой сельзозтехники, низкие закупочные цены на хлеб и высокие — на технику и т. д. (из справки Промышленного отдела ЦК КПСС. — *А. В. Шубин.* Указ. соч., с. 120).

Постепенно к концу 70-х гг. в регионах — областях РСФСР и в союзных республиках — возникло довольно мощное движение «партхозместничества», нередко окрашенное в национальные тона, которое много позднее, уже при горбачевской перестройке, сыграет роль «троянского коня» при развале СССР в 1991 г. Скрытая борьба между московскими «гимназистами» — отраслевиками и «семинаристами» — регионалами и националами (о которой тогда очень мало знали на Западе) длилась долго, целых 14 лет, пока не завершилась, как и следовало ожидать, победой «сталинистов» над «троцкистами».

К концу этой борьбы позиции Косыгина существенно ослабли, он все более и более отодвигался группой Брежнева в Политбюро в сторону. И как результат этой очередной борьбы «пауков в банке» 12 июля 1979 г. появилось постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы», которое теперь, с высоты более чем 30-летней исторической ретроспективы, можно считать первым гвоздем в гроб советской затратной экономики и всего коммунистического режима в СССР в целом.

Постановление свидетельствовало — «кремлевские старцы» в интересах собственного старческого спокойствия пошли на капитуляцию перед «региональными баронами — семинаристами» в ущерб московским «гимназистам» — отраслевикам. Более того, этим постановлением «старцы» фактически впервые в истории СССР легализовали официальную коррупцию: отныне, с 12 июля 1979 г., псевдоприбыль не перечислялась, как ранее, по реформе Косыгина — Либермана, с предприятий в министерства, а оставлялась у них на местах в размере до 40 %, причем 16—17 % этой «прибыли» шло в т. н. «фонды экономического стимулирования предприятий», т. е. в карманы директората. Конечно, вначале кое-что перепадало и «социалке» — шло на жилье, коммунальные расходы в рабочих поселках, сады-ясли и т. д.

Но лиха беда начало — директора стали брать заказы со стороны по так называемым хозрасчетным договорам (сегодня они превратились в долларовые контракты со студентами на прием в вузы, в т. н. отделы внебюджетных средств целых министерств и

---

[1] См.: *Пантин В., Лапкин В.* Что остановилось в эпоху застоя? // Погружение в трясину, с. 163.

т. д.) и особенно «накручивать» цены на свою продукцию при их по-прежнему низком качестве. Словом, именно тогда, а не в 1992 г., начался ныне хорошо известный «бизнес по-русски» (или «не обманешь — не продашь»).

Один из разработчиков постановления 1979 г., а затем рьяный «прораб перестройки» экономист *Дмитрий Валовой*, спустя двенадцать лет заклеймивший свое детище, в 1991 г. писал: «Раньше к дефициту, как правило, относились товары, для выпуска которых сырье и производственные мощности были ограничены. В условиях экономной экономики в разряд дефицитных попадают дешевые товары, которых испокон веку было полным-полно, — мармелад, леденцы, пастила, сушки, иголки, нитки, зубная паста и ряд другой мелочевки»[1]. Исчезли из продажи даже хлопчатобумажные мужские носки, позднее, уже при Горбачеве, стали пропадать спички, из-за «пропавших» сигарет начались настоящие мужские «табачные бунты» — словом, скрестить «ужа» (капитализм) и «ежа» (социализм) и на этот раз не удалось: *неонэп* не получился.

ВЫ ДЕЛАЕТЕ ВИД, ЧТО НАМ ПЛАТИТЕ, МЫ ДЕЛАЕМ ВИД, ЧТО РАБОТАЕМ

Эта горькая шутка-прибаутка брежневских времен четко отражала отношения простого гражданина СССР к его властям.

За минувшие после Великой Отечественной войны десятилетия, многократно обманутый властями «совок» (советский человек) — в сталинскую (1947 г.) и хрущевскую (1961 г.) денежные реформы, с выплатой по облигациям принудительных госзаймов, при низкой зарплате, постоянном дефиците — как некогда русский крестьянин, уже не верил никаким посулам и обещаниям властей (особенно местных), а по-прежнему *выживал.* Но в 60—80-х гг. это *выживание* приняло иные формы, нежели до революции и даже в годы нэпа. Тогда еще сохранялась *выживаемость* традиционного крестьянского міра — работа не только на земле от зари до зари большой сельской семьей, но и *отходничество* в осенне-зимнее время: артельная работа на стороне, мелкая торговля в близлежащих городах, пилка-колка дров в домах горожан, ломовой извоз и т. п.

В хрущевско-брежневские времена это *отходничество* приняло новые формы. Сначала молодежь поехала на целину, затем — на «стройки коммунизма» в Сибирь, а по мере усиления фактора денег — в стройотряды, которые в сельской местности успешно конкурировали с традиционными «шабашниками» из северокавказских автономий, из Молдавии и с Западной Украины. Уже тогда, в 70-х гг., появились стройотрядовские «ловчилы». Помню, как в конце 70-х гг. один из секретарей ЦК ВЛКСМ (а я тогда работал в той «системе», заведуя кафедрой истории в ВКШ при ЦК ВЛКСМ) срочно вылетел в Восточную Сибирь — там вдруг обнаружился липовый «комсомольско-молодежный стройотряд», набранный из местных «бичей» и подозрительных личностей, которые не столько строили, сколько грабили местное население отдаленных сибирских деревень.

Однако по-прежнему кормильцами для очень многих селян и горожан оставались родимые приусадебные участки и пресловутые «шесть соток». Доля продуктов из «личных хозяйств» (так в официальной статистике именовался этот «частный сектор») в брежневские времена, по сравнению со сталинскими, значительно выросла. Уже в 1979 г. «шесть соток», занимавшие всего менее трех процентов сельхозземель в деревне и в

---

[1] *Валовой Д.* Экономика абсурдов и пародоксов. М., 1991, с. 249.

пригородах, давали «совку» почти 60% картофеля, 30% овощей, 30% молока, почти 30% мяса и 33% яиц[1].

И эти успехи были особенно впечатляющими на фоне все большей деградации официального колхозно-совхозного сельского хозяйства, где к 1980 г. одни убытки составили более 500 млн. руб., которые, как и в царские времена, брежневское руководство неоднократно списывало. Старый сталинский вопрос — *как заставить людей работать?* — к концу брежневской эпохи зазвучал еще громче. Несть числа постановлениям ЦК и Совмина СССР по сельскому хозяйству, в 1978 г. на его подъем был брошен новый молодой и энергичный *Михаил Горбачев*, но снова оказался прав мудрый историк *Сергей Соловьев*: «*Указами нравы не исправишь*».

Хотя русский мужик всегда был двужильным, но через полвека после зверской сталинской коллективизации «укатали сивку крутые горки». И в самом деле, как долго можно трудиться в полную силу в две «смены» — 8 часов на работе и еще 10 часов — на «шести сотках»? Еще в начале 80-х гг. московские социологи провели выборочный анонимный опрос колхозников в Западной Сибири и на Алтае и установили: в 1982 г. до 80% из них признались, что работают на «государевой барщине» не в полную силу, экономя их для своих приусадебных участков[2].

Но «шесть соток» и дефицит хороших товаров породили в СССР уже в 60-х гг. такое явление, как *теневая экономика.* О ней в годы горбачевской перестройки было написано очень много (см., в частности, два сборника статей 1991 г. — «Теневая экономика» и «Погружение в трясину»), но даже «прорабы перестройки» из экономистов (В. Найшуль, Т. Корягина, В. Селюнин и др.) никак не ожидали, что после развала СССР именно бывшая «теневая» будет *основной экономикой* России и других стран СНГ, став финансово-экономической основой коррупции и мафии в этих странах.

«ТЕНЕВАЯ» И «ОСНОВНАЯ» МЕНЯЮТСЯ МЕСТАМИ

Сегодня только ленивый не говорит и не пишет о «красной мафии» (термин, введенный следователем по особо важным делам *Александром Гуровым*) в РФ и СНГ. Существуют целые издательства, например, московские «Детектив-пресс», «Совершенно секретно» и др., специализирующиеся почти исключительно на печатании книг о «русской мафии»[3]. Не менее велик поток подобных книг и на Западе (в качестве типичного примера можно указать на книгу французской журналистки *Вирджинии Куллудон* «Мафия в Советском Союзе», вышедшей в Париже еще в 1991 г.[4], причем именно в мафиозности социально-экономической жизни СНГ западные «спецы по России» нашли тот волшебный ключ, которым отныне они открывают все двери к некогда «таинственной славянской душе».

Но при этом и в отечественной, и особенно в зарубежной литературе о «русской мафии» основное внимание обращается на громкие имена коррупционеров или «паханов» уголовного мира, и почти полностью игнорируются глубинные объективные причины устойчивости этого позорного явления. Причем на Западе объяснение мафиозности российского общества, особенно во времена правления Ельцина, достаточно примитивное: все развитие России — СССР исторически происходило «не

---

[1] *Шубкин В.* Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые. Сб. статей. М., 1988, с. 123.

[2] *Заславская Т. И., Рывкина Р. В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. М., 1991, с. 41.

[3] В качестве примера можно указать на серию книг, выпущенных «Детектив-пресс» в 1999—2001 гг., среди которых «Мракобесие» Валерия Стрелецкого, «Криминальная Москва» Эдуарда Хруцкого, «Паханы» Алексея Тарабарина и др. Самой сенсационной в этой серии стала вышедшая в 2001 книга американского журналиста Пола Хлебникова «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России».

[4] *Coulloudon Virginie.* La mafia en Union sovietique. Paris, Lattus, 1991.

так», как на Западе, вот вам и результат. Между тем сам этот подход к коррупции и мафии как к уродливому, но единичному явлению «перерождения» отдельных членов партии, их «разложения» и т. п. восходит еще к партийным чисткам времен Ленина и нэпа.

Этот подход был усилен во время кратковременного правления *Ю. В. Андропова,* ставшего после смерти Брежнева генеральным секретарем ЦК КПСС (1982—1984 гг.), но копившего материал на партийно-государственных коррупционеров с 1967 г. — года своего назначения председателем КГБ СССР. По существу именно Андропов задал идеологическую установку на освещение темы «мафия» (хотя в его время такой термин официально не употреблялся) в печати, т. к. по его личной инициативе Секретариат ЦК КПСС еще 23 ноября 1983 г. принял специальное постановление «О публикации в советской печати сообщения о результатах рассмотрения Верховным судом РСФСР уголовного дела на крупных взяточников из числа работников торга «Гастроном» Главного управления торговли Мосгорисполкома» (напомним, что речь шла о процессе над начальником Мосгорторга Трегубовым, директором гастронома «Елисеевский» Соколовым, директорами рыбных магазинов сети «Океан» и еще 25 ответработниками московской торговли — некоторые из них были приговорены к расстрелу).

Секретариат ЦК обязал три газеты: «Известия», «Московскую правду» и «Вечернюю Москву» — «по согласованию с КГБ СССР» опубликовать материалы суда над этими взяточниками. Характерно, что в этих газетных публикациях полностью были опущены материалы о подкупе подсудимыми через Мосгорторг чиновников Минторга СССР, Госснаба и даже высоких чинов МВД СССР. Эти данные стали достоянием гласности лишь двенадцать лет спустя благодаря публикациям известного российского «разгребателя грязи» генерала-следователя *А. Гурова*[1].

В постановлении Секретариата ЦК 1983 г. и во всех последующих газетных публикациях как о деле «торговцев», так и по другим более громким делам о «мафиози» тех времен — бывшего министра внутренних дел Щелокове, его заме зяте Брежнева Чурбанове, секретаре Краснодарского обкома Медунове, по «узбекскому хлопковому делу» и о первом секретаре ЦК узбекской компартии Рашидове (с провозглашением Узбекистаном своей независимости после 1992 г. был полностью реабилитирован) и др. — самым тщательным образом обходился главный вопрос: а почему, собственно, стала возможна столь масштабная коррупция в самых высших эшелонах партийно-государственной власти в СССР? Тем более что в последние месяцы жизни Брежнева и его имя стало упоминаться на московских кухнях среди «мафиози» в связи с арестом в январе 1982 г. артиста цирка *Бориса Бурятского*, «цыгана», по слухам, любовника дочери «бормотухи пять звезд» Галины. Тогда вся Москва шепталась — у «цыгана» обнаружили кучу бриллиантов на огромную сумму, якобы принадлежащих Галине Леонидовне. Масла в огонь подлило тогда официальное известие о последовавшем вскоре после ареста «цыгана» самоубийстве первого заместителя председателя КГБ СССР ген. *С. К. Цвигуна*, якобы подписавшего ордер на арест дочери Брежнева, но получившего за это «аттанде» от человека № 2 в партии — самого Андропова[2].

Мы еще выскажем свои соображения о «мафии в России». А пока же поставим перед отечественными и зарубежными «спецами» по русской мафии несколько вопросов, основываясь на материалах (июль 2001 г.) социологического исследования «теневой экономики» в России, проведенного учеными президентской Академии государственной службы (бывшей АОН при ЦК КПСС):

---

[1] См.: *Гуров А.* Красная мафия. М., 1995, с. 60.

[2] Подробнее обо всей этой запутанной истории см.: *Соловьев В., Клепикова Е.* Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. СПб., 1995, с. 248—250.

— К какой категории «теневых дельцов» следует отнести около *25 млн. граждан* крупных городов нынешней России, расходующих ежегодно до *700 млн. наличных долларов США* по статье «уход за детьми или престарелыми родственниками»? Из каких источников они берут эту валюту, имея в виду, что вся антитеррористическая акция в Чечне ежегодно обходится вдвое дешевле — всего в 350 млн. долл.?

— К какой категории «мафиози»: наркодельцов, поставщиков живых человеческих органов для трансплантации, торговцев «живым товаром» (проститутками «на вывоз») и т. д. — следует отнести городских родителей тех 4—5 млн. абитуриентов, которые ежегодно ломятся в вузы России, если эти несчастные мамы и папы тратят только на репетиторов (без учета взяток руководству вузов[1] более *2 млрд. долл. США*, имея в виду, что одновременно весь торгово-пассажирский оборот такого гиганта, как «Аэрофлот», составляет вдвое меньше — всего *один* млрд. долл.?;

— И, наконец, кто они, эти 10—15 млн. квартиро- и дачевладельцев, что по статье «ремонт квартир и сантехники» ежегодно тратят *14,5 млрд. долл. США*, если даже такой нефтегигант, как «ЛУКОЙЛ», выручает меньше — всего около 12 млрд. долл. в год?[2]

Выходит, практически весь XX век, начиная с Ленина, через Андропова и до Путина — длящейся борьбы властей СССР (России) с коррупцией и «мафией», мы и в начале XXI века пришли к тому, что рядом с официальным, утверждаемым ежегодно Госдумой РФ, бюджетом в 20—30 млрд. долл., «крутится» вдвое больший «бюджет» на 50—60 млрд. долл., не облагаемый никакими налогами и перераспределяемый по принципу «из рук в руки». Причем «крутится» не на отечественные «деревянные» рубли, а на заграничные американские «баксы», которые за двенадцать лет правления «демократов» и «либералов» настолько вошли в повседневную жизнь, что даже нищие старухи у церквей в ответ на подаяние в рублях шипят — «что, долларов уже у тебя нет, касатик?».

Этот феномен российской экономики — та самая реальная основа мафии — все еще не получил объективной научной оценки даже в трудах самых честных отечественных «разгребателей грязи» (скажем, в работах «Центра теневой экономики» при РГГУ известного диссидента *Льва Тимофеева*), и мы ниже попытаемся дать свое видение этого мирового явления, сравнив его с аналогичными феноменами режимов «папы Дока» (Дювалье) на о. Гаити в Латинской Америке, Мобуту в Заире (Конго) в Африке, Маркоса на Фил ю с 30-летним «семейным капитализмом» клана Сухарто в Индонс

Попутно отметим лишь один факт: вряд ли «андроповская» установка из 1983 г. об «отдельных взяточниках» позволит через сенсационные газетные разоблачения отдельных чиновников, «авторитетов» и «паханов» вскрыть глубинные причины мафиозности российского бытия. Тем более что после неудачной попытки Горбачева кардинально реформировать в 1985—1991 гг. советский режим и советскую экономику «сверху», его преемники — «туркменбаши» СНГ — сознательно посадили на «долларовую иглу» свои якобы независимые страны, тем самым вырыв себе политическую могилу в виде всеобъемлющей «теневой» (альтернативной), но гораздо более реальной, чем официальная, экономики.

И все их попытки через подручных политтехнологов изобразить ситуацию так, что они имеют дело лишь с отдельными «мафиози» и «паханами» выглядят несерьезно: нельзя же, в самом деле, относить к «мафиози», скажем, до половины населения России

---

[1] К вступительным экзаменам в августе 2001 в Казахстане уровень таких взяток достиг такого угрожающего уровня, что Назарбаев официально включил представителей местных спецслужб в состав приемных комиссий (из сообщения НТВ, утренний выпуск 4.VIII 2001 г.).

[2] Данные социологов РАГС даются в изложении «Независимой газеты» от 20.07.2001, № 131.

и до его трети — на Украине, в Молдавии и даже в Казахстане, когда люди хотят жить здесь и сейчас, давно разуверившись в «мудрости» своих ново-старых вождей, вышедших в большинстве своем из номенклатуры КПСС.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Россия продолжила свой «дурной сон» повторяемости: она встретила конец XX века так же, как и вошла его начало — ВЕЛИКОЙ СМУТОЙ.

И весь XX век лучшие отечественные и зарубежные умы спорили о причинах этой повторяемости. Спор не окончен — он продолжается и в начале XXI века.

Некоторые аналитики из числа современных философов заглубляются на тысячелетия назад, ища корни этой повторяемости в «идеальном государстве» древнегреческого философа Платона, или, как минимум, в «Философии истории» немецкого философа XIX в. Гегеля, духовного гуру Карла Маркса[1].

Но критики классического марксизма обратили внимание, что для его апологетов государство — это машина (В. И. Ленин, 1918 г.), а человек для этих апологетов — всего лишь «винтик» (И. В. Сталин, 1945 г.). В Российской империи эта концепция «винтика» наложилась на традиционную православную дворянско-помещичью традицию рассматривать народ как «братьев наших меньших», которых должна вести к «зияющим высотам коммунизма/капитализма» узкая группа просвещенных интеллигентов.

На этот порок «страшно далеких от народа» интеллигентов в своей полемике с К. Марксом еще в XIX в. обратил внимание известный теоретик анархизма Михаил Бакунин, один из создателей I пролетарского Интернационала: «Особенно страшен деспотизм интеллигенции и потому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющие настроение народа, чем сам народ» (М. Бакунин. Из кн. «Государство и анархия», 1875).

А почти через полвека первые лидеры большевизма в Советской России подтвердили прогноз великого анархиста о «деспотизме интеллигенции». Наставляя первого большевистского наркома юстиции Д. И. Курского на создание «пролетарской законности», Ленин вещал: «Революционная целесообразность выше формального демократизма».

Его ближайший соратник в те годы Троцкий указал и на главный объект приложения усилий этой «революционной целесообразности»: «Революция означает окончательный разрыв с азиатчиной, с семнадцатым веком, со Святой Русью, с иконами и тараканами» (Лев Троцкий. Из кн. «Литература и революция», 1923).

Впрочем, ничего еретического с точки зрения ортодоксального марксизма в этих заявлениях Ленина и Троцкого тогда не было. Писал же сам Карл Маркс в 1852 г., обращаясь к пролетариям Европы: «Мы говорим рабочим: вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 8. 2-е изд., с. 430).

Справедливости ради следует сказать, что лучшие умы России уже в начале XX в. предсказывали крах всех этих большевистских экспериментов с «коммунистической машиной» и «винтиками» из «братьев наших меньших». Вот только два примера.

Академик *Иван Павлов*, великий физиолог, лауреат Нобелевской премии 1904 г.: «В борьбе между трудом и капиталом государство должно стать на охрану рабочего... Что

---

[1] См.: *Балашов Л. Е.* Критика марксизма и коммунизма. М., 1997; *Он же.* Либерализм и свобода. М., 1999.

сделали из этого мы? Мы загнали эту идею до диктатуры пролетариата. Мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока еще является грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на первый план. И все это, конечно, обречено на гибель, как слепое отрицание действительности» (Из лекции «О русском уме», Петроград, весна 1918 г.).

Другой образованный и честный российский интеллигент Николай Бердяев, религиозный философ и кандидат на Нобелевскую премию 1948 г., не побоялся четыре года спустя повторить прямо в лицо павловскую идею о гибели большевизма первому чекисту Советской России: «Либеральная Россия, Россия правового строя на нашем этапе есть и будет утопией... Русская идеология всегда была тоталитарной и мифотворческой... Коммунизм, каким вы его представляете, есть, в сущности, новая религия, религия коллектива, со свойственной всякой религии фанатизмом и ложью» (Из протокола допроса Бердяева в ГПУ лично Дзержинским в 1922 г. перед высылкой на «философском пароходе» из Советской России).

Поэтому из многочисленных объяснений краха «мировой социалистической системы», возникшей после Второй мировой войны, и самого СССР как ее лидера, выделим лишь одно — концепцию утопизма Ленина и первых большевиков, вознамерившихся в неграмотной крестьянской «лапотной» Российской империи создать плацдарм для мировой пролетарской революции, «выковать» из русского православного мужика нового человека, вооруженным путем сотворить «пролетарские Соединенные Штаты Мира», и именно под эту интеллигентскую химеру создавших Коминтерн и СССР.

Эта концепция легла в основу обобщающего труда «Утопия у власти» двух бывших советских историков-эмигрантов Александра Некрича и Михаила Геллера, чей капитальный трактат с подзаголовком «История Советского Союза с 1917 г. до наших дней» (три зарубежных издания) впервые появился в 1982 г. в Лондоне на русском языке (затем последовали переводы на многие иностранные языки).

Судя по тому, что в 1996 г. эта «Утопия» в трех томах (том третий — «Седьмой секретарь: блеск и нищета Михаила Горбачева» М. Я. Геллера, опубликованный впервые в Лондоне в 1991 г.[1]) была переиздана в Москве, да еще с грифом Министерства образования РФ — «Рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов вузов»[2], ельцинские искатели «национальной идеи» для нового постсоветского российского режима вознамерились заменить диссидентской концепцией истории СССР сталинский «Краткий курс» истории ВКП(б).

Впрочем, сама идея была подхвачена еще «прорабами перестройки», в частности, философом Михаилом Капустиным[3], в 1988—1990 гг. «телевизионной звездой», сценаристом телефильма о «мягком» большевике Н. И. Бухарине и пропагандистом прогорбачевской утопии об «общечеловеческих ценностях» (телефильм «Будет ли коммунизм?»).

В 1997 г. «Утопия» была продублирована еще одной диссидентской версией коллектива авторов из РГГУ и других исследовательских учреждений Москвы и зарубежья в двух томах на деньги «Фонда Форда» — «Советское общество»[4].

---

[1] А. М. Некрич приветствовал дополнение «Утопии» «Седьмым секретарем», но непосредственного участия в его написании не принимал — в 1993 г. он умер в США в возрасте 73 лет.

[2] *Геллер М., Некрич А.* История России, 1917—1995, т. 1—3. М, 1996.

[3] *Капустин Михаил.* Конец утопии? (Прошлое и будущее социализма). М., «Новости», 1990.

[4] Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю. Н. Афанасьева, т. 1—2. М., 1997. Среди авторов — М. Я. Геллер и А. М. Некрич: оба опубликованы посмертно.

Соглашаясь с Ю. Н. Афанасьевым, что со времени горбачевской перестройки «наша история воссоздается заново за счет появившейся возможности непредвзято смотреть на факты», нельзя, однако, не отметить, что «другая Россия» (в эмиграции) давным-давно опубликовала эти «факты», и у А. М. Некрича с М. Я. Геллером не было больших затруднений в их поисках: им, как и авторам двухтомника «Советское общество» (РГГУ), достаточно было их только систематизировать и обобщить.

Более того, и сама концепция большевистской утопии — отнюдь не изобретение Некрича — Геллера и их эпигонов в СССР (Мих. Капустин, Лев Овруцкий, Лев Балашов и др.).

Самым первым критиком ленинской утопии о возможности «прыжка» России в социализм еще в 1885 г. (статья «Наши разногласия») выступил Г. В. Плеханов. Именно он тогда пророчески предсказал, что без высокого уровня развития экономики и высокого уровня общеевропейской культуры (причем всего населения, а не только дворянства и «чеховской» интеллигенции) «совершившаяся [социалистическая] революция [в России] может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перуанской империй, т. е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке».

Плеханов задолго до революции 1917 г. высмеял ленинскую конструкцию РСДРП как группы революционеров-заговорщиков, тесной кучкой идущих по горному обрыву: в рядах такой «кучки», по Плеханову, «очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов — в ней остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя (в другой статье — «идеал персидского шаха». — *Авт.*), да Центральный журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой» (*Плеханов Г. В.* Сочинения, т. XIII, с. 92).

А поскольку Ленин с упорством религиозного фанатика продолжал толкать свой «бронепоезд мировой революции» на магистральный, как ему казалось, путь развития человечества (но на поверку оказавшийся тупиком), Плеханов в 1917 г. уже открыто назвал его «Апрельские тезисы» откровенным бредом, а ленинскую идею о немедленной социалистической революции в России как прологе революции мировой недвусмысленно охарактеризовал как «крайне вредную УТОПИЮ»[1].

Поэтому, анализируя эксперимент большевиков в России и мире, важно понять изначальные дефекты их конструкции «нового мира», их эволюцию от доктринеров мировой пролетарской революции к национал-большевизму (сталинизму), последующие попытки реформировать сталинские устои тоталитарного строя (Н. С. Хрущев, А. Н. Косыгин, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев) и их крах, и, наконец (при Б. Н. Ельцине), окончательный возврат к плехановскому «обновленному царскому деспотизму», но уже на антикоммунистической подкладке.

А между тем даже сегодня, когда свободно ведутся научные дискуссии о феномене сталинизма, суть его ускользает от исследователей и затмевается победой в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. над фашизмом.

Остается в тени тот важнейший факт, что в 1929—1933 гг. Сталин кардинально изменил матрицу социально-экономического развития СССР, путем варварской насильственной коллективизации разрушив тысячелетний крестьянский міръ — основу и дореволюционной, и «нэповской» Руси.

Успеху «второй октябрьской революции» по Сталину в деревне и промышленности (жесткому этатизму) способствовал мировой экономический кризис 1929—1933 гг., который привел к усилению роли государства во всех странах мира и к отказу от

---

[1] Эти идеи о «социалистической утопии» в России Г. В. Плеханов подробно развил в своем «Политическом завещании» 1918 г., ставшем известным только в конце 90-х гг. прошлого века.

прежней концепции А. Смита и Д. Рикардо XVIII — начала XX в. о «государстве — ночном стороже».

Этатизм в 30-х гг. внедрялся не только тоталитарными режимами — Сталиным, Муссолини, Гитлером, Франко, но и режимами «западной демократии» — в США («Новый курс» Ф.-Д. Рузвельта), во Франции (Народный фронт) и другими.

Но было и одно очень существенное различие между этатизмом западным («буржуазным», по большевистской терминологии) и сталинским («социалистическим»). Западный этатизм существа «буржуазной» экономики — стоимостной оценки собственности с XI в., рентабельности, прибыли и т. п. — не изменил: поменялись лишь формы управления экономикой и социальной жизни.

Иное дело в СССР: Сталин упразднил даже «плохонький и уродливый буржуазный строй — нэп» (Н. А. Бердяев), вновь перейдя на «пайковую систему» (карточки до 1934 г.) времен Гражданской войны.

Но насильственная коллективизация была гораздо глубже «раскулачивания»: на смену самообеспечивающемуся и жившему в гармонии с ПРИРОДОЙ крестьянскому міру (пахотному мужику) пришел подневольный колхозник, статус которого больше всего напоминал крепостного дворового. Да, он работал, но из-под палки, через пень-колоду, иждивенчески надеясь — Хозяин (Сталин) пусть и через «паек», но обязан его минимально накормить.

На первых порах такая мобилизационная этатистская экономика, сочетавшая в 1929—1936 гг. несомненный энтузиазм «строек социализма» (Днепрогэс, Магнитка, Горьковский автомобильный и Сталинградский тракторный заводы и др.) с ГУЛАГом (Беломоро-Балтийский канал, канал Москва — Волга и др.), приносила Державе зримые успехи.

Во всяком случае, заложенные в первые пятилетки индустриальные основы позволили СССР, начиная с 1943 г., на равных в военной технике (танки, самолеты, пушки) вести войну с германским вермахтом.

Однако мир после разгрома фашизма во Второй мировой войне начал меняться. Сталин не понял этих изменений. Отвергнув «исторический компромисс», предложенный ему в 1943 г. в Тегеране Рузвельтом (послевоенный финансово-экономический союз США и СССР), Сталин вернулся с 1947 г. к концепции «осажденной крепости» и гонке вооружений. Но при этом, кроме атомного оружия, он проморгал генетику, кибернетику, ЭВМ и целый ряд новейших открытий в послевоенной ИТР.

Зато вместо дореволюционной сословности после Великой Отечественной войны Сталин учредил «советскую сословность», которая вплоть до распада СССР в 1991 г. оставалась альфой и омегой советского общества.

* * *

Все русские реформаторы, начиная с Петра I, за модель своих преобразований брали Запад («западнизм» — по новейшему определению философа А. А. Зиновьева). Помните, у Пушкина в «Полтавской битве», царь «за учителей своих [шведов] заздравный кубок поднимает». Но при этом никто из них — от Петра Великого до Владимира Путина — не ломали *византийский чин Руси, оставляя неразделенными власть и собственность* — основу демократической государственности на Западе.

Иными словами, у кого власть (а в реальности с Петра I и до Путина она всегда была у *бюрократии*) — у того и собственность. Игнорируя это важнейшее условие «западнизма», все управители России (СССР) попадали в одну и ту же западню: они становились заложниками чиновничества (коррупции), хотя и не всегда осознавали это.

Более того, некоторые российские реформаторы (например, П. А. Столыпин) даже пытались подвести под этот субъективизм теоретическую базу. «В тех странах, где еще не выработано определенных установлении (правовых норм. — *авт.*), — говорил Столыпин в царской Думе в начале XX в., — центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях (т. е. законах! — *Авт.*), а в людях».

Политический антипод Столыпина В. И. Ленин в годы нэпа толкует о тончайшем слое старой партийной гвардии, на котором держится все единство партии и СССР.

80 лет спустя президент Путин перенимает эту эстафету, утверждая: «В стране тяжелейший кадровый голод; голод на всех уровнях и во всех структурах власти...» (из Послания Федеральному Собранию 16 мая 2003 г.).

И в то же время Столыпин жалуется — «не могу найти 50 толковых губернаторов», Ленин плачется — «нужда в честных [управленцах] отчаянная», а Путин восклицает: в стране «голод на современных управленцев, эффективных людей».

Господа хорошие — реформаторы! Так вы создайте условия для возникновения «толковых губернаторов» и «управленцев» (а не чиновников по «табели о рангах») — разделите власть и собственность, а последнюю оцените по ее реальной стоимости, а не «с потолка», по Чубайсу! И тогда появится настоящая рентабельность, прибыль и сам «цивилизованный рынок», наконец. Боятся! Ведь такая действительно кардинальная экономическая реформа ставит под угрозу существования всю гигантскую армию российского чиновничества — тю-тю его «откат» и взятки (33 млрд. долл. только в 2003 г., по данным российских СМИ), элегантно названные В. В. Путиным в его Послании Федеральному Собранию в том же году «административной рентой». Тем более что идет она не в «деревянных», а в полноценных USD.

Ладно, не получается «выучиться на Западе». Мы ведь ни то, ни се — мы «Азиопа», по проф. П. Н. Милюкову. Пойдем на выучку к Востоку — в Китай и Японию, чьи экономические успехи сегодня очевидны. Послушаем мнение кадрового военного разведчика-синолога из ГРУ Минобороны РФ Андрея Девятова (псевдоним), тридцать лет проработавшего в Китае, который сравнивает РФ и КНР на пороге XXI в.[1].

В Китае, как и в России XVIII—XXI вв., реально управляет бюрократия, причем гораздо дольше — вот уже не одну тысячу лет. У китайской бюрократии много столетий существует свой «кодекс чести» — конфуцианство. С позиций христианской морали этот «кодекс» — варварство, «китайщина» и «азиатчина». Но китайская бюрократия, пишет А. Девятов, «это иерархия, социальный центризм. В обществе [Китая] царит не закон (?! — *Авт.*), регулирующий столкновение потребностей индивидов, не целесообразность, исходящая из идеалов всех (вспомним у Ленина — «революционная целесообразность выше формального демократизма»), а взятка (!!! — *Авт.*) — средство сопряжения личных интересов подчиненных с личными интересами начальников, в то, что принято называть государственным интересом» (там же, с. 218).

Казалось бы — «идеал персидского шаха», по Плеханову, голубая мечта российского «крапивного семени» — чиновников (в Японии, чья государственность формировалась под сильным китайским влиянием, и сегодня для взяток существует специальный «взяточный» конверт, похожий на наш конверт для авиапочты). Но на поверку все совсем не так, кроме общего названия «бакшиш» (взятка).

Во-первых, пять тысяч лет в Китае в чиновники берут не по анкете, блату и не по звонку, а только по строгому конкурсу («экзамену на чин»), причем конкурс на высшие должности раньше проводил лично богдыхан (император).

У нас же «богдыхан» до таких мелочей, как личное экзаменование кандидата в министры, никогда не опускался — «не царское это дело», а лишь подписывал указ о

---

[1] *Девятов Андрей*. Китай и Россия в двадцать первом веке. М., Алгоритм, 2002.

назначении; саму персону подбирали ему «ближние бояре» (чиновники). Они же — «бояре» — весь XIX в. блокировали этот китайский опыт «экзамена на чин», а наиболее настырным «визирям» — М. М. Сперанскому в 1811 году — делали укорот путем организации компромата (на Сперанского сфабриковали «бумаги» как на «шпиона Наполеона», и царь Александр I вынужден был сослать его на десять лет за Урал).

Но если бы «китайский проект» Сперанского прошел, уже в наши времена Хрущев или Ельцин провалились бы на самом первом этапе — устном и письменном (диктант) экзамене по родному (китайскому / русскому) языку.

Во-вторых, далеко не всегда выдержавший конкурс чиновник попадал в свою родную провинцию и тем более в Пекин (Москву): как правило, его отправляли в китайскую «тьмутаракань» (например, на Тибет).

В-третьих, до сих пор существуют жесткие сроки ротации: как правило, «кормление» не может длиться более пяти лет (а не как у нас — в Ярославле «царь Федор» Лощенков — первый секретарь обкома КПСС, «кормился» в области 26 лет, на три года больше, чем царь Николай II на всей Российской империи).

Да разве наш чиновник готов на такую мобильность? Куда он возьмет с собой «прихватизированную» казенную дачу, подаренную «по случаю» спонсорами яхту на подмосковном водохранилище (в тибетские Гималаи?), все «списанные» из гаража Управления делами Президента иномарки? Нет уж — такая бюрократическая «китайщина» нам не подходит, их бакшиш — не наш «откат», и мы пойдем своим путем...

Словом, ни Запад, ни Восток нашему обладателю «административной ренты» не подходят. Но не очень боится он и президентских угроз — «считаю, бюрократию надо не убеждать уменьшать свои аппетиты, а директивно ограничивать» (из «Послания» 16. 05. 2003 г.).

Самое же поразительное — и сами критики ельцинских и путинских чиновников ничего радикального, кроме ругательных эпитетов («интеллектуальные кретины», «безнравственные карьеристы и хапуги» — Л. Л. Зиновьев), не предлагают, что воскрешает в памяти русскую литературу критического реализма XIX в. о царских чиновниках.

В самом начале XXI в. усилился «накат» на ценности западной демократии (о восточной — «китайщине», кроме специалистов-синологов, никто не говорит), подтверждающий прогноз Н. А. Бердяева из 1922 г. о том, что «либеральная Россия, Россия правового строя... есть и будет утопией». Заодно достается и «народу», который, по А. И. Солженицыну, «должен учиться на ошибках, а у нас в 80-е (перестройка. — *Авт.*) произошло то же самое, что и в 1917-м. Ну как можно биться головой об одно и то же!».

Неверие в то, что народ так и «не выучится на своих ошибках», порождает тоску по сильной руке, но не Сталина, а «русского Бонапарта» с его «управляемой демократией» (не альтернативные парламентские выборы, а плебисциты, определяющие таинственную «волю народа»).

Скептицизм относительно «народной демократии» еще в конце 70-х гг. прошлого века публично высказывал еще один корифей российской науки генетик Николай Тимофеев-Ресовский (гранинский «Зубр»): «Вы представляете, что у нас будет, если вдруг демократия появится?... Народные массы..., им будет дана возможность на самоуправление. Ведь это же будет засилье самых подонков демагогических! Это черт знает что! Хуже сталинского режима. Прикончат какие бы то ни было разумные способы хозяйствования, разграбят все, что можно, а потом распродадут Россию по частям. В колонию превратят» (из интервью 1979 г.).

Через 23 года казавшийся парадоксальным прогноз великого генетика («разграбят все... распродадут Россию..., в колонию превратят») неожиданно подтвердился: на думских выборах 7 декабря 2003 г. «распродаватели России по частям» из либерального СПС и демократического «Яблока» потерпели сокрушительное поражение и в очередную Думу не прошли.

Однако не оправдался прогноз великого писателя относительно того, что народ на своих ошибках учится: почти 50% электората в декабре 2003 г. либо «проголосовали ногами», либо «против всех» и показали неверие половины нынешнего народа в «потемкинскую деревню» ельцинской демократии, по правилам которой играл В. В. Путин в первый срок своей президентской легислатуры.

Похоже, оставив «Единую Россию» в Думе как фракцию президентского большинства, в сфере исполнительной власти Путин во второй срок своего президентства окончательно встанет на бонапартистский путь управляемой демократии, ядро которой (как исстари велось на Руси при царях[1]) образуют либеральные бюрократы.

И в этом — его «ответ Керзону»: ни тоталитарный сталинизм, ни полукриминальный «ельцинизм», а свой евразийский путь России в XXI в. к дальнейшей модернизации.

---

[1] См., напр.: *Степанов В. П.* Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., РОССПЭН, 1998. Николай Христианович Бунге, из обрусевших немцев-лютеран, профессор политэкономии, затем ректор императорского киевского университета им. Св. Владимира, в 1881—1886 гг. министр финансов при Александре III.